

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Дервянко Алексей Викторович

**РОКСОЛАНСКАЯ ПРОБЛЕМА
В РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ**

07.00.06 – археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Медведев А.П.

Воронеж – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	с. 3
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РОКСОЛАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ....	с. 16
1.1. Дореволюционный период (XVIII в. – 1917 г.).....	с. 16
1.2. Советский период (20-е – конец 80-х годов XX в.).....	с. 24
1.3. Современный период (рубеж 1980-90-х годов – начало XXI в.)...	с. 41
ГЛАВА 2. РОКСОЛАНЫ ПО ДАННЫМ АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ И ЭПИГРАФИКИ.....	с. 64
2.1. Этноним «роксоланы».....	с. 64
2.2. Опыт составления роксоланской хроники.....	с. 67
2.3. География упоминаний роксолан у античных авторов.....	с. 76
2.4. Хозяйственно-культурный тип.....	с. 85
2.5. Социальный строй роксоланского общества.....	с. 87
ГЛАВА 3. САРМАТСКИЕ СЕВЕРООРИЕНТИРОВАННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ II В. ДО Н. Э. - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II В. Н. Э.....	с. 97
3.1. Погребальные памятники II - I вв. до н. э.....	с. 97
3.1.1. Североориентированные погребения в Подонье.....	с. 98
3.1.2. Североориентированные погребения в Поднепровье.....	с. 123
3.1.3. Североориентированные погребения в Крыму.....	с. 136
3.2. Погребальные памятники I - перв. пол. II в. н. э.....	с. 146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	с.174
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	с. 180
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	с. 221
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ТАБЛИЦЫ И ГРАФИКИ.....	с. 223
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	с. 277

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В древней истории южнорусских степей ведущую роль на протяжении почти восьми столетий играли племена сарматов. Этноним «сарматы», скорее всего, изначально относился к отдельному народу, но к рубежу эр, стал уже собирательным. Земли, занимаемые сарматами, в античных литературных источниках именовались Сарматией. Принято считать, что первыми греческими авторами, знавшими Сарматию уже в начале III в. до н. э. были Теофраст и Антигон Каристский. Однако, в самое последнее время приведены серьезные доводы, что при переводе их текстов была допущена ошибка¹. Скорее всего, новый хороним «Сарматия» утвердился ближе к рубежу н. э. в трудах Марка Агриппы и Помпония Мелы². Со времен греческого географа Клавдия Птолемея (II в. н. э.) Сарматию стали делить на две части: Европейскую и Азиатскую, границей между ними служила река Танаис (Дон). Как известно, в римское время этноним «сарматы» стал весьма широким по своему содержанию такого же уровня как «скифы», «германцы», «славяне»³. Среди сарматов античные авторы выделяли сираков, аорсов, язигов, роксолан, алан и др.

Настоящая работа посвящена истории и археологии одного из сарматских народов – роксолан. Сейчас их можно изучать не только по свидетельствам античной литературной традиции, но и в свете данных археологии. Поэтому, в последние десятилетия роксоланскую проблему, как правило, занимались археологи.

Появление роксолан на исторической арене связано с событиями Диофантовой войны конца II в. до н. э. в Крыму. Тогда они явились на помощь

¹ Тохтасьев С.Р. SAUROMATAE – SARMATAE – SYRMATAE // ХС. 2004. Вып. 14. С. 292.

² Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарии. М., 2011. С. 31; Деркач В.Е. К вопросу первого упоминания понятия "Сарматия" в античных письменных источниках // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] М., 2017. С. 115-118. // https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/10888/uid140489_report.pdf

³ Скрипкин А.С. Сарматский феномен // Сарматы и Восток. Волгоград, 2010. С. 133.

скифскому царю Палаку, но союзники потерпели поражение от Диофанта, полководца понтийского царя Митридата VI. Последующие греческие и римские авторы связывали роксолан со степями Северного Причерноморья. В годы наивысшего могущества роксоланские дружины оказывали существенное воздействие на политику своих соседей, в том числе Римской империи, чем, в первую очередь, и объясняется интерес к ним со стороны античных историков и географов. История сохранила имена некоторые роксоланских «царей» (Тасий, Распараган).

Спустя тысячу лет после ухода с исторической арены и, соответственно, исчезновения интересующего нас этнонима из аутентичных письменных источников, «роксоланами» в Европе стали называть выходцев с территории современной Украины, некогда носившей название Европейской Сарматии. Европейские писатели в XIV-XVIII вв. иногда именовали территорию Северо-Западного Причерноморья Роксоланией, искусственно произведенной от древнего этнонима «роксоланы». В российской историографии со времен М.В. Ломоносова активно постулировалась мысль о том, что роксоланы являлись непосредственными предками русского народа.

Чтобы избежать подобных историко-этнографических анахронизмов необходимо провести комплексное исследование о роксоланах как реальном древнем народе, оставившем след не только в античной традиции, но и в археологии.

Степень разработанности.

Изучение истории и культуры роксолан в основном проводилось на базе двух источников – письменных и археологических. Интерес к роксоланской проблематике в отечественной историографии появился еще в XVIII в. и породил целое направление – «роксоланизм» как противовес «норманизму»¹. С середины XX в. к ее решению помимо традиционных античных письменных источников стали привлекать данные археологии.

¹ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 136-137.

Родоначальником археологического поиска древностей роксолан был Константин Федорович Смирнов¹. Им впервые высказана точка зрения о принадлежности роксоланам сарматских погребений в квадратных ямах со своеобразным положением погребенного по диагонали могилы. На основе данных археологии основным местом формирования роксолан он считал Нижнее Поволжье, оттуда они во II в. до н. э. передвинулись в район между Доном и Днепром, возглавив движение сарматских племен в Европу. Указывая на богатство погребального инвентаря диагональных погребений и их особое место в могильниках, К.Ф. Смирнов полагал, что роксоланы занимали руководящее положение среди раннесарматского населения Нижнего Поволжья. Опираясь на датировку этих захоронений, ученый предположил, что хронологический диапазон истории роксолан охватывает время с III в. до н. э. по III в. н. э. Несколько позже автор изменил свои взгляды. В последних работах он подчеркивал, что диагональный обряд зародился не в Поволжье, а в Приуралье, и именно там археологам следует искать прародину роксолан. Изначально гипотеза К.Ф. Смирнова нашла широкую поддержку среди ряда советских археологов².

Однако по мере накопления нового массового археологического материала стало очевидно, что «диагональные» погребения первых веков н. э. не могут считаться исключительно роксоланскими. По «месту и времени» они могли быть оставлены и другими сарматскими этносами. Первым подверг критике построения К.Ф. Смирнова В.П. Шилов³. Усомнился в них и Б.Н. Граков⁴.

¹ Смирнов К.Ф. О погребениях роксолан // ВДИ. 1948. № 1. С. 213-219; Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 93-94; Смирнов К.Ф. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское // МИА. 1959. № 60. С. 319.

² Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 224; Максимов Е.К. Сарматские диагональные погребения Восточной Европы // Археологический сборник. Саратов, 1966. С. 98-115; Толстов С.П. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сырдарьи // СА. 1962. № 4. С. 139 и др.

³ Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. Вып. 60. С. 454-456.

⁴ Граков Б.Н. Рец. на Виноградов В.Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа // СА. 1964. № 4. С. 239.

Опираясь на нарративные источники, Д.А. Мачинский выступили с развернутой критикой гипотезы К.Ф. Смирнова. Он считал, что появление роксолан в Восточной Европе произошло не ранее II в. до н. э., а значит, и их археологические следы целесообразно искать среди самых ранних сарматских погребений Доно-Днепровского междуречья, где впервые упоминается этот народ¹.

Специальное исследование «диагональных» погребений в контексте роксоланской проблемы выполнила И.П. Засецкая². Проведя анализ почти двух сотен погребальных комплексов ранне- и среднесарматских культур на степной территории от Урала до Дуная, она поставила под вопрос возможность рассмотрения признаков «положение по диагонали» в квадратной яме в качестве этнического маркера роксолан. Ей высказано предположение, что этот обычай мог отражать не этническую специфику, а социальный статус или религиозные представления в сарматском обществе. Под давлением критики, в конце концов, и сам автор роксоланской гипотезы, К.Ф. Смирнов признал ее несостоятельность³. Таким образом, первая попытка связать с роксоланами конкретный тип сарматских погребений не имела успеха.

Интенсивные и планомерные археологические исследования, проводимые в 70-80 годы XX века на территориях Нижнего Поволжья, Подонья, Украины и Молдавии, дали новые массовые археологические источники, в том числе и для разработки роксоланской проблемы в ином русле. Именно накопление археологического материала по Степному Причерноморью, где впервые античные авторы локализуют роксолан, послужило более надежной основой для изучения этнической истории сарматов на Юге Восточной Европы.

К концу XX в. археологами обоснованно были выделены локальные группы ранне- и среднесарматской культур, соотнесенные с рядом известных

¹ Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э. – I в. н. э. // АСГЭ. 1974. № 16. С. 122-125.

² Засецкая И.П. «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // АСГЭ. 1974. № 16. С. 121.

³ Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 121.

по письменным источникам племенных образований Сарматии: аланами¹ сираками², язигами³, сарматами-гиппофагами⁴, периербидами⁵ и др. Стало очевидно, что «сарматская» этничность не всегда находила отражение в археологических признаках «первого» порядка, таких, как тип погребального сооружения (катакомбы, «диагональные» в квадратных ямах и т.п.). Иногда ее можно было уловить лишь по «микропризнакам», таким, как, ориентировка погребенных, специфика мясной заупокойной пищи и т. п.

В конечном итоге этот подход позволил археологам выделить из огромного массива памятников сарматской культуры древности роксолан. Первый шаг в этом направлении сделал ростовский археолог В.П. Глебов, обративший внимание на своеобразную группу впускных раннесарматских захоронений с ориентировкой умершего в северный полукруг, в то время как для синхронных погребений доно-волжских степей было более характерно укладывание умершего головой на юг. Однако, он не рискнул дать этой группе этническое определение⁶. В 1990-е годы украинский археолог А.В. Симоненко, изучая раннесарматские памятники Степной Украины, также обратил внимание на то, что

¹ Раев Б.А. Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I-III веков н. э. на Нижнем Дону: автореф. дис.... канд. ист. наук. Л., 1979. С. 13-16; Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series. 278. Oxford, 1986. P. 58-63; Раев Б.А., Яценко С.А. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе (Тезисы) // Скифия и Боспор (матер. конф. пам. ак. М.И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993. С. 111-126; Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I-II вв. н. э. // ПАВ. 1993. № 3. С. 60-69; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. С. 214-218; Скрипкин А.С. О времени появления алан в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // Сарматы и Восток. Волгоград, 2010. С. 236-300.

² Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. 338 с.

³ Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. 224 с.; Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // ДД. 1998. Вып. 8. 304 с.; Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 110-112; Вдовченков Е.В. Сарматская миграция в Среднее Подунавье (по материалам археологии и античной традиции): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Воронеж, 2005. С. 12-17.

⁴ Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990. С. 188-194.

⁵ Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 235-236.

⁶ Глебов В.П. Сарматские погребения с северной ориентировкой III - I вв. до н. э. на Нижнем Дону // Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе. Донецк, 1989. С. 23-25.

на этой территории со II в. до н. э. наблюдается доминирование североориентированных захоронений. На основании картографирования погребений с таким признаком украинский исследователь предложил идентифицировать их с погребениями роксолан античных авторов, в первую очередь, Страбона¹. Таким образом, именно А.В. Симоненко была предложена весьма плодотворная гипотеза о роксоланской этнической принадлежности вполне определенной группы раннесарматских памятников Степного Причерноморья, отличающихся северной ориентацией погребенных. При этом исследователь не ставил перед собой цель дать им целостную характеристику отдельно от остальных сарматских погребений Северного Причерноморья. На наш взгляд, именно такая работа необходима для дальнейшей разработки роксоланской проблемы путем изучения особенностей погребального обряда и материальной культуры выделенной этнической группы.

Новые идеи в разработку проблемы поздних роксолан попытался внести одесский археолог А.Н. Дзиговский. Он предположил, что роксоланами по праву «места и времени» также могли быть оставлены могильники середины II – первой половины III в. н. э. в междуречье Прута и Днестра (Старые Куконешты I и II, Петрешты и др.), а также в степях Буджака (Васильевка, Холмское и др.)². По его мнению, эти памятники принадлежали одной, этнически близкой группе населения. Но вопрос – какой? Например, квадратные ровики впервые зафиксированы в сарматских могильниках на р. Воронеж, который вряд ли можно считать прародиной роксолан³. Прямоугольные в плане могильные ямы и ямы с заплечиками также имеют очень широкий ареал распро-

¹ Симоненко О.В. Роксолани (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. 1991. № 4. С. 17–28; Симоненко А.В. Некоторые особенности культурно-исторического развития сарматов Таврии // Античная цивилизация и варварский мир (материалы III археологического семинара). Ч. I. Краснодар, 1992. С. 25-26; Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 25-29, 112-114.

² Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003. С. 151.

³ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 52-53.

странения. Поэтому принадлежность роксоланам некоторых позднесарматских погребений с северной ориентировкой в Северо-Западном Причерноморье возможна, но другие, указанные А.Н. Дзиговским археологические признаки далеко не обязательны.

Таким образом, в изучении роксоланской проблемы по данным археологии в последние десятилетия наметились определенные положительные сдвиги. Однако до сих пор она не была объектом всестороннего историко-археологического исследования. В диссертации мы провели проверку гипотезы А.В. Симоненко о роксоланских погребениях на более широком археологическом материале, включая помимо Северного Причерноморья, археологические памятники в бассейне Дона и в Крыму.

В нашем понимании, роксоланская проблема имеет два аспекта:

1. Археологический – поиск сарматских памятников, которые могли принадлежать роксоланам.

2. Исторический – происхождение роксолан, степень их близости другим сарматам, изучение основных этапов их истории по пути миграции на запад, их хозяйственный уклад, типы кочевания, социально-политический строй.

Объектом исследования является свод письменных и археологических источников (погребальных комплексов), по праву «места и времени» сопоставимых с роксоланами

Предмет исследования – этнополитическая история роксолан на протяжении всего периода их проживания в Восточной Европе.

Хронологические рамки определяются временем пребывания роксолан на юго-востоке Европы в пределах II в. до н. э. – середины II в. н. э. Нижний хронологический рубеж – первое упоминание роксолан в херсонесском декрете в честь Диофанта и в «Географии» Страбона в связи с событиями в Крыму в конце II в. до н. э.; верхний – свидетельство «Географического руководства» Клавдия Птолемея (завершено к 160 г. н. э.) о роксоланах еще на побережье Меотиды. По современной археологической периодизации это время

соответствует завершающему этапу раннесарматской (II – I вв. до н. э.) и всей среднесарматской (I – середина II в. н. э.) культурам¹. Последующая история роксолан, после их миграции на Дунай (вторая половина II – IV вв. н. э.), выходит за рамки нашего исследования.

Географические рамки прежде всего охватывают те районы, где по свидетельствам античных авторов, эпиграфики и археологии можно локализовать роксолан и их археологические памятники. Это степные и лесостепные пространства от бассейна Дона на востоке (включая левобережье) до Нижнего Дуная на западе.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – изучение истории и культуры роксолан в Восточной Европе в контексте сравнительного анализа нарративных античных источников и данных современной археологии. Для достижения этой цели необходимо решить ряд конкретных исследовательских **задач**:

- 1) изучить историю исследования роксоланской проблемы;
- 2) проанализировать круг нарративных и эпиграфических источников о роксоланах;
- 3) составить сводку археологических памятников (погребений), которые могли быть оставлены роксоланами;
- 4) выполнить анализ погребального обряда и сопровождающего инвентаря сарматских впускных погребений с северной ориентировкой;
- 5) на широком археологическом материале верифицировать гипотезу о принадлежности роксоланам североориентированных сарматских погребений II в. до н. э. – II в. н. э.
- 6) на основе их картографирования создать археологическую карту погребальных памятников, оставленных роксоланами.

¹ Скрипкин А.С. Сарматы. Волгоград, 2017. С. 93-100.

7) предложить историческую интерпретацию результатов сопоставительного анализа свидетельств античной традиции и данных современной археологии о роксоланах.

Методология исследования. Методологической основой диссертационного исследования являются принципы научной объективности и историзма. Принцип объективности ставит в качестве исследовательского приоритета всесторонний учет и анализ всей совокупности данных о роксоланах и оставленных ими археологических следах. Принцип историзма заключается в рассмотрении событий и явлений прошлого в развитии, динамике, с учетом конкретно-исторических условий.

Методы исследования избраны в соответствии с поставленными целями и задачами. При работе над диссертацией использованы как общенаучные, так и частные методы современной исторической и археологической науки: дескриптивный, типологический, сравнительный, статистический, планиграфический, картографический и др. После получения результатов применен метод комплексного сопоставительного анализа данных различных групп источников – письменных и археологических¹. В настоящее время он существенно усовершенствован и апробирован на материалах скифской и сарматской археологии. При этом исследователи сформулировали ряд непереносимых условий, выполнение которых необходимо для продуктивного сопоставления данных различных категорий источников по этногенезу и этнической истории того или иного народа².

В исследованиях по этнокультурной истории по данным археологии, важно найти такой признак (признаки), который существенно отличал бы одну локальную группу археологических памятников от другой. В нашем случае,

¹ Артамонов М.П. Киммерийцы и скифы. Ленинград, 1974. 156 с.; Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62. С. 151-226 и др.

² Клейн Л.С. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу // СЭ. 1988. № 15. С. 13-23; Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992. С. 26-72; Медведев А.П. Исследования по археологии лесостепной Скифии. Воронеж, 2004. С. 62.

таким признаком может служить ориентация погребенных, на что впервые обратил внимание А.В. Симоненко. Как известно, у разных народов, древних и современных, она обусловлена религиозными, мировоззренческими и иными представлениями о смерти как о переходе умерших в мир иной¹. Придав телу определенное направление, ему указывали путь в потустороннее или сакральное (Иерусалим, Мекка и т.п.) пространство. Если этот признак устойчивый, его вполне можно использовать для археологической идентификации определенной группы сарматов.

Источниковая база исследования. Включает две большие группы источников. Первая из них – это данные античной традиции и эпиграфики, ранее являвшиеся приоритетными при изучении роксолан. Это свидетельства о роксоланах в сочинениях Страбона, Плиния Старшего, Корнелия Тацита, Клавдия Птолемея, Певтингеровых Таблиц и др. Эпиграфические источники немногочисленны: херсонесский декрет в честь Диофанта, элогий в честь римского полководца Элия Плавтия Сильвана и две надписи на надгробиях в честь царя роксолан Публия Элия Распарагана.

Самые ранние античные свидетельства о роксоланах относятся к концу II в. до н. э. – херсонесский декрет в честь Диофанта и один из пассажей в «Географии» Страбона (VII. III. 17). Последнее достоверное упоминание интересующего нас этнонима в античной исторической традиции у Юлия Капитолина – одного из авторов «Писателей истории Августов». Оно скорее уже относится к роксоланам на Дунае. У Аммиана Марцеллина и в раннесредневековой «Космографии» Анонима Равеннского также можно встретить имя «роксоланы», но к этому времени оно явно являлось уже анахронизмом.

Вторая группа – археологические источники. Поскольку роксоланы были кочевниками, то их древности, прежде всего, следует искать в степных

¹ Тишкин А.А., Дашковский П.К. Ориентация и положение погребенных людей в курганах скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. № 3. С. 77.

курганах. В отличие от древних литературных текстов материалы археологических раскопок являются источниками новой, постоянно пополняемой информации. На наш взгляд, именно изучение археологических данных послужило своеобразным «движителем» в исследовании роксоланской проблемы.

При написании диссертации были собраны, систематизированы и проанализированы материалы всех доступных нам археологических памятников ранне- и среднесарматских культур от Нижнего Дона до Дуная, которые могли быть оставлены роксоланами – всего 241 археологический комплекс. Большая часть из них в той или иной степени опубликована и доступна исследователям. В диссертации использованы также архивные источники – отчеты об археологических раскопках, хранящиеся в Институте археологии РАН, Археологическом музее Воронежского государственного университета, Археологическом музее Воронежского государственного педагогического университета и др.

Научная новизна исследования. До настоящего времени роксоланская проблема в археологии сводилась лишь к выделению среди сарматских памятников их древностей. Мы попытались осветить и другие ее аспекты. Впервые осуществлено целенаправленное историографическое исследование проблемы роксолан в работах историков и археологов; изучено содержание свидетельств античной традиции о роксоланах; собраны, систематизированы и проанализированы сарматские впускные североориентированные погребения на Юге Восточной Европы, которые могли быть оставлены роксоланами; уточнена их хронология; составлены археологические карты и карты миграций роксолан II в. до н. э. – II в. н. э. Прослежена динамика распространения этих памятников во времени и пространстве (Дон, Поднепровье, Крым, Днестро-Дунайское междуречье). Установлено, что в костюме номадов, оставивших указанные погребения, заметно более широкое использование фибул, а в составе сопровождающего инвентаря – налицо не свойственная остальным сарматам традиция оставлять копья.

На этой основе проведена верификация гипотезы о принадлежности роксоланам ранне- и среднесарматских погребений с северной ориентацией,

намечены перспективы дальнейшего изучения. Предложена реконструкция истории роксолан на Юге Восточной Европы II в. до н. э. – II в. н. э.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Установлено, что истоки роксолан по данным археологии следует искать в раннесарматских древностях II в. до н. э. к востоку от Танаиса-Дона.

2. Анализ данных античной традиции показал, что роксоланы утверждают свое господство в Северном Причерноморье во II в. до н. э. и занимают эту территорию, как минимум, до середины II в. н. э.

3. Проверка на массовом археологическом материале гипотезы А.В. Симоненко показала, что она выдержала испытание временем. С роксоланами правомерно соотносить сарматские впускные захоронения, отличающиеся северной ориентировкой погребенных.

4. Набор сопровождающего их инвентаря в целом тех же типов, что и у других племен – носителей ранне- и среднесарматских культурных традиций. Однако, в костюме роксолан с самого начала заметно более широкое использование фибул, а в погребениях – налицо не свойственная остальным сарматам традиция оставлять копья.

5. Роксоланской знати, скорее всего, принадлежали богатые сарматские захоронения, такие как Ногайчинский курган, Чугуно-Крепинка, Пороги, Весняное, Михайловка.

6. По свидетельствам античной традиции и данным археологии прослеживается постепенное продвижение роксолан с востока на запад, сначала в степи Северного Причерноморья, а затем в Подунавье ближе к римскому лимесу.

Степень достоверности исследования. Оно базируется на комплексе проверяемых свидетельств письменных и археологических источников, большинство из которых, в том числе, ранее не использованные другими исследователями, приведены в тексте и Приложении к диссертации. Результаты исследования получены с помощью современных методов анализа нарративных

и археологических источников. Они не противоречат основным положениям и принципам отечественной сарматологии.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы историками, археологами и этнологами для написания обобщающих трудов по истории и археологии Сарматии, по этно-политической истории Юго-Восточной Европы рубежа тысячелетий, при составлении лекционных курсов в вузах по археологии и древней истории Северного Причерноморья, а также в научно-просветительской и музейной работе.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на кафедре археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета (2018 г.). Основные положения отражены в докладах на международных, межвузовских и региональных конференциях в г. Воронеж (2013-2017 гг.), г. Ростов-на-Дону (2013 г.), г. Саратов (2014 г.), г. Курск (2014 г.), г. Белгород (2017 г.).

По теме диссертационного исследования автором издано 11 публикаций общим объемом 4,1 п.л., в том числе три статьи общим объемом 1,8 п.л. в изданиях, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованный ВАК.

Структура. Работа состоит из введения, трех глав основной части, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений, приложения, включающего табличный, графический и иллюстративный материал (70 рисунков).

Глава 1. История изучения роксоланской проблемы

В настоящее время изучать историю роксолан, не учитывая специфики развития российского и украинского сарматоведения, не представляется возможным. Поэтому в этой главе внимание будет сосредоточено на исследовании роксоланской проблемы в контексте развития отечественной, а на последнем этапе и украинской сарматской археологии. В историографии темы можно выделить определённые этапы, связанные как с накоплением источниковой базы, так и с развитием научной мысли¹. На наш взгляд, логично будет рассмотреть изучение интересующей нас проблемы по трем хронологическим периодам:

- 1) дореволюционный (XVIII в. – 1917 г.);
- 2) советский (20-е – конец 80-х годов XX в.);
- 3) современный (рубеж 1980-90-х годов – начало XXI в.).

1.1. Дореволюционный период (XVIII в. – 1917 г.)

Интерес к древним обитателям южнорусских степей – роксоланам – уходит своими корнями в эпоху позднего средневековья. Ряд европейских ученых (М. Меховский (1457-1503), В. Пиркхмайер (1470-1530), Ф. Меланхтон (1497-1560), Ц. Бароний (1538-1607) и др.) упоминали, а некоторые из них даже пытались проследить судьбу и осмыслить роль этого древнего народа в истории Восточной Европы. Взгляды первых европейских исследователей довольно подробно рассмотрел А.С. Мыльников, что освобождает нас от их освещения². Укажем лишь, что их интерес основывался главным образом на созвучии этнонима «роксоланы» античной эпохи с политонимом «Русь», который все активнее проникал в европейскую науку Раннего Нового времени.

¹ Клейн Л.С. История российской археологии. Учения, школы и личности. Том 1. СПб.: Евразия, 2014. 694 с.; Клейн Л.С. История российской археологии. Учения, школы и личности. Том 2. СПб.: Евразия, 2014. 628 с.

² по: Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII в. СПб, 1999. С. 45-56.

В среде европейских ученых в XV – XVII вв. к историческим роксоланам, как, впрочем, и к сарматам, наметились два основных подхода:

1) Этногенеалогический подход. Роксоланы рассматривались как непосредственные предки их современников – русских. Например, польский историк и географ Матвей Меховский (1457-1503), отождествляя хоронимы «Роксолания» и «Руссия», полагал происхождение последнего от названия древнего сарматского народа роксолан¹. Его младший современник, германский гуманист Филипп Меланхтон (1497-1560) утверждал идею тождества русских *«по языку и обычаю с древними роксоланами»*².

2) Историко-географический подход. Роксоланы воспринимались иным, отличным от русского населения XV-XVII вв., этносом, лишь в римскую эпоху господствовавшим на юге Восточной Европы. Так, в частности, германский географ Мартин Цайлер (1589-1661) исключал прямое этническое родство и тождество роксолан и восточных славян (русских), но при этом допускал возможность переноса древнего этнонима на население той же самой территории последующей эпохи³.

Стоит оговориться, что изначально второй подход разделяло малое количество европейских ученых, в то время как большинство тяготело к первому генеалогическому пониманию роксолан как древних «русских».

Развитые в Западной и Центральной Европе идеи о тождестве роксолан и русских были перенесены в XVIII в. и в нарождающуюся российскую историографию⁴. Один из первых российских академиков немецкого происхождения Г.З. Байер (1694-1738), излагая труды итальянского географа раннего средневековья Гвидо Равенского, пояснял, что в его картографическом описании под роксоланами нужно понимать русских. От «роксолан» он производил

¹ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М-Л., 1936. С. 94.

² по: Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII в. СПб, 1999. С. 83.

³ Там же. С. 50.

⁴ Соколов С.В. О чем спорили Миллер и Ломоносов: первые шаги скандинавской концепции происхождения варяжской Руси // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 124-125.

современный ему хороним «Россия», хотя впоследствии отказался от этого¹. В близкой Байеру манере высказывался Г.-Ф. Миллер (1705-1783). По его мнению, «роксоланы», – предки осетин, – «народ, который не токмо жил в России, но от которого по большей части производится начало российского имени»². Но, как это ни парадоксально, самих исторических роксолан Миллер считал германцами³. Таким образом, идея о том, что название «Русь» производно от «роксолан» была запущена в наш научный оборот учеными немецкого происхождения.

Против их взглядов активно выступил Василий Никитич Татищев (1686-1750). Вступив в острую полемику с Г.З. Байером, он возводил появление названия «Россия» лишь к XVI в., а распространение этого политонима связывал с ростом территории государства («россеяние»). В этой связи историку нужно было объяснить отношение названия «Россия» к устоявшейся к этому времени европейской теории о роксоланах. Он писал: «*Роксания или Роксолания також по подобию известного издревле в Сармации народа роксоланов <...> нам присвоили и от того Россия настоящее хотят произвести. Но сие имянование от рассеяния, а не от роксоланов всем знаемо*»⁴. Таким образом, историк ясно разграничивал древних роксолан и современный хороним «Россия».

Значительное внимание этому вопросу в своих работах уделил и М.В. Ломоносов. Как известно, в противовес немецким академикам он искал истоки русской государственности в местных традициях. В попытке прояснить историческое происхождение и этимологическое значение термина «Русь», ученый обратился к топониму «роксоланы». Особое внимание он обратил на упоминаемое в «Гетике» Иордана племя «росомонов» (Гетика, 129)⁵. По мнению

¹ по: Акашев Ю.Д. История народа Рос. От ариев до варягов. М., 2013. С. 214.

² Миллер Г.Ф. О народах издревле в России обитавших. СПб, 1773. С. 110.

³ Там же.

⁴ Татищев В. Н. История Российская. М.-Л., 1962. Т. I. С. 286-288.

⁵ Вопрос о росомонах в исторических построения М.В. Ломоносова и его последователей недавно подробно рассмотрен И.В. Зиньковской. См.: Зиньковская И.В. Королевство Эрманариха. Воронеж, 2016. С. 207-208.

первого русского академика, именно эти племена сыграли ключевую роль в становлении древнерусского государственного образования, так как были предками славян. Иордановых «росомонов» М.В. Ломоносов считал прямыми потомками упоминаемых античными авторами роксолан¹. Впоследствии подобной гипотезы придерживались и другие отечественные историки дореволюционной эпохи. В частности, Д.И. Иловайский (1832-1920) в своем учебнике писал: «Никакого сомнения в том, что Рось, или Русь, или Роксаланы – это одно и то же название, один и тот же народ»².

Такой предельно упрощенный подход к роксоланской проблеме породил в отечественной историографии XIX в. целое направление – «роксоланизм», который развивался как противовес официальному «норманизму». По словам В.О. Ключевского, когда «норманист или роксоланист начнут уверять, что только та или другая теория освещает верным светом начало русской национальности, я перестану понимать того и другого, то есть стану совершенно равнодушен к обоим»³.

Стоит заметить, что и для европейской науки XVI-XVIII вв. была свойственна тенденция поиска своих исторических корней в этимологии древних этносов по принципу созвучия с древними народами, имевшими яркую, «престижную» историю, нашедшую отражение в античной литературной традиции. В связи с этим в Швеции получил распространение готицизм – теория, согласно которой шведы являлись потомками воинственных готов эпохи переселения⁴; в Польше – сарматизм – совершенно искусственная идеология польской шляхты, стремившейся даже по происхождению отделить себя от польского народа. Шляхтичи гордо именовали себя потомками воинственных

¹ Ломоносов М.В. Записки по русской истории. М., 2003. С. 61-64.

² Иловайский Д.И. Начало Руси. М., 2004. С. 89.

³ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 136-137; Трехбратов Б.А. Наброски В.О. Ключевского по варяжскому вопросу // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 4 (42). С. 102-103.

⁴ Толстикова А.В. «Шведскость» как «готскость»: шведский готицизм XV – XVII вв. // Шведы: Сущность и метаморфозы идентичности. М., 2008. С. 59-76.

сарматов, подчинивших местное население¹. Как видим, подобные искания корней предков среди «героических» народов, попавших в поле зрения античных авторов, оказались характерными и для отечественной науки. Созвучие же двух разновременных этнонимов – «роксоланы» и «Русь» через искусственно придуманный в XVIII в. «промежуточный» этноним «россолане» – порождало далекие от исторической реальности измышления первых отечественных историков.

В XIX в. после включения Новороссии в состав Российской империи русские ученые приступили к изучению древней географии юга России на основе свидетельств античных авторов. В их трудах sporadически упоминались и роксоланы. Результаты историко-географических изысканий XIX в. подвел в своем известном труде профессор Ю.А. Кулаковский (1855-1919). Он попытался реконструировать карту Европейской Сарматии Клавдия Птолемея, согласно которой роксоланы совместно с язигами занимали доно-днепровское междуречье². Ф.А. Браун (1862-1942), исследуя историю готов, также анализировал и этногеографию Северного Причерноморья. Им была сделана попытка локализации сарматских объединений, упоминающихся в античных источниках. По его представлениям, роксоланы являлись самой многочисленной сарматской народностью и во времена Страбона занимали земли в междуречье Дона и Днепра. Он полагал, что уже к 70-м годам I в. н. э. они распространили свое влияние вплоть до низовий Дуная. Ф.А. Браун писал, что вплоть до готского вторжения в середине III в. н. э. роксоланы являлись главной политической силой на пространстве от Днепра на востоке до нижнего течения Дуная на западе³.

Принципиально важное значение для исследования интересующей нас проблемы имел выход в свет трех выпусков Свода известий древних писателей

¹ Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002. С. 46-47.

² Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 318.

³ Браун Ф. Разыскания в области готско-славянских отношений. Готы и их соседи до V века. Первый период: готы на Висле. Санкт-Петербург, 1899. С. 93-95.

о Скифии и Кавказе под руководством и редакцией академика Василия Васильевича Латышева. Он содержал свидетельства античных источников по древней истории Скифии и Кавказа¹. Оригинальный текст сопровождался публикацией переводов. Коллективом исследователей под руководством В.В. Латышева была проделана кропотливая работа, первая и, к сожалению, последняя в российской историографии. После этого, в отечественном антиковедении никто больше не предпринимал попыток комплексной публикации всех имеющихся письменных источников по истории и этнографии северопричерноморских номадов, хотя такая задача ставилась неоднократно. Другим ценным изданием В.В. Латышева является Корпус древних надписей из Северного Причерноморья (*IO SPE - Inscriptiones Antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*)².

Рассматривая историю изучения роксолан, уместно напомнить, что в конце XIX в. российский лингвист и этнограф В.Ф. Миллер на основе ранее высказанной идеи немецкого филолога и историка К. Мюленхоффа обосновал точку зрения об ираноязычии сарматов, а значит, и роксолан³. Она доминирует в отечественной и зарубежной историографии до сих пор.

Собственно, временем начала сарматской археологии в нашей стране можно считать последнюю треть XIX в. Так, в 1864 г. был раскопан и частично разграблен ныне широко известный в ученом мире курган Хохлач, содержащий сарматское погребение царского ранга⁴. Во второй половине XIX в. – начале XX в. древности сарматского круга начали периодически открывать в

¹ Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. Санкт-Петербург, 1890. 949 с.; Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том II. Латинские писатели. Выпуск 1-й. Санкт-Петербург, 1904. 272 с.; Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том II. Латинские писатели. Выпуск 2-й. Санкт-Петербург, 1906. 273-454 с. Переиздание: Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 1-4; 1948. № 1-4; 1949. № 1-4.

² Latyshev V. *Inscriptiones Antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum continens* / edidit V. Latyshev. Petropoli, MCMXVI. 598 s.

³ Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992. 715 с.

⁴ Засецкая И.П. Сокровище кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб, 2011. 328 с.

Молдавии, на Украине, на Дону, в Поволжье, в Приуралье и на Северном Кавказе¹. Из наиболее интересных для нашей темы открытий стоит отметить археологические раскопки на территории лесостепной Украины в конце XIX в. под руководством Н.Е. Бранденбурга (1839-1903), в ходе которых был изучен ряд ярких сарматских погребений². Справедливости ради стоит заметить, что тогда определить их этнокультурную принадлежность ученый не смог. Но уже в работах Д.Я. Самоквасова (1843-1911) поставлен вопрос о выделении сарматского периода в археологии Юга России³. В 1895 г. А.А. Спицын (1858-1931) провёл раскопки на р. Иловле, исследовав курганы у с. Норка, Новая Норка, Гуселки, Машевка и у ст. Лебяжье, содержащие и сарматские погребения. В самом начале XX в. он отнёс комплексы из раскопок у с. Гусельщикова и ст. Гниловской Области Войска Донского, а также у сл. Владимировка и с. Мастюгино Воронежской губернии к IV–III вв. до н. э. и предложил считать их сарматскими, как впоследствии оказалось, ошибочно. Но он верно отметил, что в первые века нашей эры в степях между Танаисом и Борисфеном Тацит и Страбон знали сарматское объединение роксолан⁴.

Вершиной достижений отечественного дореволюционного сарматоведения считается деятельность выдающегося российского ученого Михаила Ивановича Ростовцева (1870-1952)⁵. Его труды были первым удачным опытом соединения античных литературных свидетельств с имевшимся археологическим материалом. М.И. Ростовцев считал, что сарматы являются пришлым

¹ Берлизов Н.Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена южной России в VII в. до н. э. – V в. н. э. Краснодар, 2011. С. 14-16.

² Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга 1888–1902 гг. Работы в губерниях: Киевской, Полтавской, Харьковской, Каменец-Подольской, Екатеринославской, Таврической, Черниговской, Могилёвской, Новгородской, Смоленской и Области Войска Донского. 2, VIII. СПб., 1908. С. 5-7, 42-43, 77-79, 162-166.

³ Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М., 1908. С. 174-186.

⁴ Спицын А.А. Историко-археологические изыскания. I. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. 1909. Новая серия. Ч. XIX. Январь. С. 67–69.

⁵ Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Общий очерк. Петроград, 1918. 176 с.; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. 624 с.

народом и их культура сложилась не в Европейской части России¹. К сожалению, в дальнейшем это справедливое утверждение было забыто, а на первый план вышла идея автохтонного происхождения сарматов, якобы являвшихся потомками савроматов Геродота². Справедливости ради стоит сказать, что сейчас больше говорят о новой сарматской волне, наложившейся на остатки уцелевших потомков савроматов, составивших их субстрат³. М.И. Ростовцев полагал, что роксоланы, как и другие сарматские племена (язиги, сираки, аорсы), появились в степях Северного Причерноморья не ранее II в. до н. э.⁴ Историк обратил внимание на то, что с появлением алан прежние сарматские союзы двигались на запад, при этом часть из них вошла в состав аланов. М.И. Ростовцев писал и о том, что сарматы в глазах античных авторов от Страбона до Аммиана представляли собой племя конных дружинников⁵. Для роксоланских конников, следуя за текстом Страбона (География. VII. 3. 17), он предположил наличие защитного вооружения: кожаных панцирей и кожаных шлемов, а также плетеных щитов⁶. Однако Михаил Иванович не рискнул проводить параллели между роксоланами и известными ему немногочисленными сарматскими памятниками Северного Причерноморья.

Таким образом, в начальный период изучения роксолан оно сводилось в лучшем случае к пересказу античной литературной традиции без привлечения археологического материала, хотя, как мы видим, подобные призывы со стороны ученых на рубеже XIX-XX вв. уже звучали. Археологический материал по сарматской культуре не был тогда еще накоплен в достаточной мере, и на имевшейся источниковой базе невозможно было вести речь о выделении

¹ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. С. 580–581.

² Граков Б.Н. Γυναικοκρατορμενοι (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3. С. 114.

³ Медведев А.П. Очерк этнографии сарматов // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2009. № 2 С. 4.

⁴ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Общий очерк. Петроград, 1918. С.93.

⁵ Там же. С. 93-94.

⁶ Там же. С. 94.

внутри массива сарматских памятников отдельных племен, в частности, роксоланских древностей.

1.2. Советский период (20-е – конец 80-х годов XX в.)

После Октябрьской революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны можно вести речь о наступлении нового этапа в отечественной исторической науке, в том числе, и в изучении рассматриваемой проблемы. Но справедливости ради, надо отметить, что это произошло далеко не сразу. В 20-е годы XX в. идет реструктуризация научных сообществ, создается новая методологическая основа на базе марксистско-ленинской материалистической концепции истории, которая становится господствующей в отечественной науке с 30-х до конца 1980-х годов.

В 1920-1930-х годах раскопки сарматских памятников велись в основном в междуречье Дона и Волги (П.С. Рыков, П.Д. Рау и др.). На первых порах известная по письменным источникам территория расселения роксолан выпала за рамки исследовательского поиска фактически до середины XX в. За исключением периодически проводимых незначительных раскопок сарматских памятников под руководством М.Я. Миллера (раскопки в Днепропетровской области)¹, И.Ф. Луцкевича (раскопки двух сарматских памятников в нынешней Луганской области)², М. Я. Рудинского (раскопки в Полтавской области)³ археологические работы по изучению сарматских древностей в Северном Причерноморье в это время систематически не ведутся. Но именно в этот период была заложена научная база для дальнейшего изучения сарматской куль-

¹ Симоненко А.В. Особенности раннесарматской культуры Северного Причерноморья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара. 2000. С. 158–164.

² Луцкевич І.Н. Сарматські кургани в с. Нещеретове, Ворошиловградської області // Археологія. К., 1952. Т. VII. С. 136-142.

³ Рудинський М.Я. Кантемирівські могили римської доби // Зап. ВУАК. Київ, 1931. Вып. 1. С. 127-156. Рудинський М.Я. Досліди на Полтавщині // Коротке звітання ВУАК за 1926 рік. Київ, 1927. С. 144-145.

туры. Накопление археологического материала со временем дало толчок к разработке его классификации, хронологии и новым интерпретациям, что проявилось в работах первых советских сарматологов П.С. Рыкова, П.Д. Рау и Б.Н. Гракова.

П.С. Рыков в результате археологических исследований у г. Покровска смог выделить группу сарматских памятников, датированную им совокупно I – III вв. н. э.¹ Раскопки и изучение Сусловского курганного могильника позволило ему разбить открытые погребения на два хронологических горизонта: I – II и III – IV вв. н. э. На основе выявленных разнотипных погребальных сооружений ученый высказал предположение, что материалы названного могильника были оставлены представителями разных сарматских объединений: алан и аорсов². Ученик П.С. Рыкова П.Д. Рау существенно скорректировал выводы учителя и разделил все известные к тому моменту времени сарматские древности более обоснованно на две ступени: Stufe A (I – II вв. н. э.) и Stufe B (III – IV вв. н. э.)³. Таким образом, в результате полевых археологических исследований и последующего анализа вещевого материала в 20-30-е годы XX в. стали вырисовываться основные этапы периодизации сарматской археологической культуры.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны вышла в свет статья Бориса Николаевича Гракова «ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: пережитки матриархата у сарматов», которая сразу стала определенной вехой в развитии отечественной сарматологии⁴. В ней он не только подвел итоги предшествующих исследований истории и культуры сарматов, но и изложил четкую четырехчленную периодизацию сарматской археологической культуры, ставшую

¹ Рыков П.С. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. // УЗ СГУ. Вып.1. Саратов, 1925. С. 18-19.

² Рыков П.С. Суловский курганный могильник // УЗ СГУ. Т. IV. Вып. 3. Саратов, 1925. С. 23-25.

³ Rau P.D. Die Gräber der Frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiets. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitzen. Pokrowsk, 1929. S. 5.

⁴ Граков Б.Н. Γυναικοκρατούμενοι (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3. С. 100-121.

впоследствии основной при изучении савромато-сарматских памятников. Следует напомнить, что Б.Н. Граков придерживался автохтонной концепции истории и культуры сарматов и, в противовес М.И. Ростовцеву, выводил одну сарматскую культуру из другой.

После ряда уточнений со стороны К.Ф. Смирнова хронология сарматской культуры приобрела следующий вид: савроматская или блюменфельдская культура (VI – IV вв. до н. э.), раннесарматская или прохоровская культура (III – II вв. до н. э.), среднесарматская или суловская культура (I в. до н. э. – I в. н. э.) и позднесарматская или шиповская культура (II – IV вв. н. э.)¹. Несмотря на то, что данная периодизация сейчас существенно видоизменена (об этом ниже), все же это был крупный успех советской науки, во многом определивший дальнейшее развитие сарматологии.

Кроме археологии, важные исследования тогда проводились в области лингвистики. В 1949 г. В.И. Абаев выпустил фундаментальное монографическое исследование по истории осетинского языка, где привел новые аргументы в пользу ираноязычия сарматов². Он предположил этимологию этнонима «роксоланы» из иранского «roxs-alan», что в переводе буквально означает «светлые аланы». «Roxs» происходит от древнеиранского «rauxšna», то есть «светлый», а «alan» от «aryana», что означает «арийский, ариец». Эта этимология позднее была скорректирована лингвистом О.Н. Трубачевым, который выводил этноним роксолан из индоарийского «ruksa», что в переводе также означает «светлый»³. Но по сути дела, и эта этимология не влияет на понимание этнонима «роксоланы». В свете лингвистических исследований, они были одним из подразделений сарматских племен, из которых вышли аланы.

¹ Смирнов К.Ф. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры // СА. 1953. Вып. XVII. С. 136-138.

² Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949. С. 156.

³ Трубачев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 27.

Говоря о начале нового периода в сарматологии, следует отметить, что в послевоенное время оставались сторонники миграционной концепции, согласно которой сарматы явились в южнорусские степи с востока. В исследовании античной традиции о роксоланах среди советских историков середины XX в. необходимо остановиться на работах А.М. Ременникова. В основном его интересовал поздний период истории сарматов и проблемы их взаимоотношений с Римской империей. На основе анализа письменных источников, ученый полагал, что передовые отряды роксолан закрепились на восточных границах Дакии уже к середине I в. до н. э. Восстание роксолан при Адриане и заключение мира между римлянами и этим воинственным кочевым народом А.М. Ременников отнес к 118 г. н. э.¹ Автор высказал мысль о том, что роксоланы в IV в. н. э. переселились в Среднее Подунавье, где ранее уже обитали язиги. При этом он считал, что полного смешения двух племенных групп не произошло, а их развитие и взаимодействие привело к тому, что их названия в письменных источниках стали иными. По его мнению, логично было видеть в «сарматах-свободных» (сарматы-ардараганты) – бывших роксолан, подчинивших «сарматов-рабов» (сарматы-лимиганты) – бывших язигов².

Однако определяющую роль в развитии сарматской археологии и изучении интересующей нас проблемы с середины XX в. стали играть ученые-сарматологи и, прежде всего, Константин Федорович Смирнов (рис. 1, а). Через пару лет после защиты кандидатской диссертации вышла в свет его статья «О погребениях роксолан»³. В ней он не только поставил указанный в названии вопрос, но и попытался среди множества сарматских погребений выделить захоронения роксолан. Исходя из античной традиции, ученый пришел к заключению, что, начиная со II в. до н. э., роксоланы заняли главенствующее поло-

¹ Ременников А.М. К истории сарматских племен на Среднем Дунае в IV в. н. э. // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Казань, 1957. Вып. 12. С. 391.

² Там же. С. 399-402.

³ Смирнов К.Ф. О погребениях роксолан // ВДИ. 1948. № 1. С. 213-219.

жение среди сарматов в степях Северного Причерноморья. При этом в качестве исходной их территории он рассматривал степные пространства Поволжья¹. Как погребения роксолан он предложил рассматривать так называемые «диагональные» погребения сарматского времени (тогда им было учтено 38 захоронений). Таким образом, Константин Федорович впервые попытался выделить археологические следы роксолан и связать с ними конкретные типы сарматских погребальных сооружений I в. до н. э. – II в. н. э.

По К.Ф. Смирнову, для роксолан был характерен следующий погребальный обряд: квадратные могильные ямы с длиной сторон 1,80-2 м, глубиной от 0,5 м до 2 м. Внутри могилы располагался деревянный склеп из плах или досок, дно могилы устилалось подстилкой (кошма, трава, кора, желтый песок, иногда доски). Покойника помещали на мягкое возвышенное ложе, часто подгибая ноги. Руки нередко спадали с этого возвышения и раскидывались в стороны, а кости ног, лишенные связок, также распадались по сторонам, приобретая так называемые позы: «танцующую» или «атакующую». Господствующая ориентировка костяков – в южном секторе; в единичных случаях – в северо-западном направлении. Умершего укладывали по диагонали относительно могилы, отсюда и характерное название данного типа погребений – «диагональные». Над могилой устраивали перекрытие, чаще всего из пары досок. На площади курганной насыпи возводили ритуальные костры, которые впоследствии засыпали вместе с могилой.

Картографируя такие погребения, исследователь выделяет две области их распространения: основная – поволжско-уральская и западная – территория левобережной Украины, совпадавшая с местом самой ранней локализации роксолан в античных источниках. Он допускал возможным считать эти погребения оставленными роксоланами². «Диагональные» погребения в Поволжье автор датировал I в. до н. э. – II в. н. э.³, а на Украине соответственно

¹ Смирнов К.Ф. О погребениях роксолан // ВДИ. 1948. № 1. С. 214.

² Там же. С. 218.

³ Там же. С. 214.

II в. до н. э. – I в. н. э.¹, то есть, по тогдашней периодизации в целом временем среднесарматской археологической культуры. Наиболее раннее погребение с территории Украины в к. 11 у д. Вороной Днепропетровской области он отнес ко II в. до н. э., остальные же известные ему древности он считал среднесарматскими. Однако нижняя граница «диагональных» погребений Украины – II в. до н. э. – не нашла подтверждения в последующих исследованиях. В 80-х годах киевский археолог С.В. Полин доказал, что погребение у д. Вороной является еще более ранним и еще принадлежит к кругу скифских древностей Украины².

В 1952 г. на конференции Института истории материальной культуры АН СССР К.Ф. Смирновым был представлен доклад, где им не только подводились достижения отечественной сарматологии, но и ставились актуальные задачи. Он обращал внимание ученых на археологический поиск свидетельств пребывания сарматов в Крыму и к западу от Дона: *«Самым слабым местом в советском сарматоведении является изучение сарматов и их культуры в основных районах Европейской Сарматии Птолемея, т. е. в Северном Причерноморье, между Доном и Днестром»*³. Отметим, что, прежде всего, речь шла о территориях, которые, согласно античным авторам, в последние века до н. э. – первые столетия н. э. занимали роксоланы. Таким образом, постановка проблемы изучения древностей сарматской культуры на территории Украины и Молдавии определяла ближайшие задачи для советских археологов, одной из которых была необходимость равномерного изучения сарматской культуры на всем огромном ареале ее распространения.

В 1953 г. М.И. Вязьмитина попыталась осмыслить изучение сарматской эпохи на территории Украины. Она вынуждена была констатировать, что оно

¹ Смирнов К.Ф. О погребениях роксолан // ВДИ. 1948. № 1. С. 217.

² Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. С. 133.

³ Смирнов К.Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // ВССА. – 1954. С. 209; Смирнов К.Ф. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры // СА. 1953. Вып. XVII. С. 142.

только начинается¹. В качестве ближайшей задачи изучения сарматской культуры автор видел перспективу выделения из общей массы сарматских памятников локальных групп и приурочение их к отдельным сарматским племенам. Вслед за К.Ф. Смирновым, исследовательница допускала возможность считать «диагональные» погребения в широких квадратных ямах в среднем течении Северского Донца и в долине реки Молочной оставленными роксоланами². Данное положение базировалось на разработках К.Ф. Смирнова по «диагональным» погребениям Поволжья.

В советской науке идеи К.Ф. Смирнова об этнической атрибуции «диагональных» погребений исключительно как роксоланских вначале были восприняты большинством ученых и получили широкую поддержку. Идею К.Ф. Смирнова поддержал его ученик В.Б. Виноградов³. Автор считал, что «диагональные» захоронения на Кавказе и в Поволжье принадлежат единому этносу, и, вслед за К.Ф. Смирновым, видел в нем роксолан. С.П. Толстов отнес к роксоланам более ранние катакомбные «диагональные» погребения Тагискенского могильника в низовьях Сыр-Дарьи и на этом основании постулировал идею о том, что роксоланы пришли в Поволжье с Востока⁴.

Во многом выводы К.Ф. Смирнова повторил и саратовский археолог Е.К. Максимов, который тоже доказывал, что «диагональный» обряд в среде сарматов принадлежал исключительно роксоланам⁵. Правда, к числу роксоланских захоронений им был отнесен также ряд погребений в больших квадратных ямах с положением умершего не только по диагонали, но и параллельно стенке. К сожалению, отсутствие конкретных статистических данных

¹ Вязьмитіна М. І. Вивчення сарматів на території Української ССР // Археологія. Київ, 1953. Т. VIII. С. 57.

² Там же. С. 61.

³ Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 224.

⁴ Толстов С.П. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сырдарьи // СА. 1962. № 4. С. 139.

⁵ Максимов Е.К. Сарматские диагональные погребения Восточной Европы // Археологический сборник. Саратов, 1966. С. 98-115.

и иллюстративных таблиц не позволяет читателю судить о исходном материале, легшем в основу последнего исследования.

Однако предложенная К.Ф. Смирновым и воспринятая рядом его сторонников гипотеза о принадлежности роксоланам «диагональных» погребений не выдержала испытания временем и вступила в противоречие с новыми археологическими данными. С увеличением объема полевых работ и накоплением нового массового сарматского материала стало очевидно, что «диагональные» погребения первых веков н. э. не могут считаться исключительно роксоланскими – по месту и времени они могли быть оставлены и другими сарматскими этносами. Некоторые советские археологи выступили с критикой гипотезы К.Ф. Смирнова.

Первым против отнесения «диагональных погребений» исключительно к роксоланам выступил ленинградский исследователь В.П. Шилов¹. Он отмечал, что предположение о принадлежности диагональных захоронений роксоланам вступает в явное противоречие с постоянно увеличивающимся новым археологическим материалом. В отличие от выводов К.Ф. Смирнова он считал, что эти погребения следует связывать с более низкими социальными слоями сарматского общества. При этом полностью отказаться от этнической нагрузки «диагональных» захоронений он не сумел. В.П. Шилов допускал, что «диагональное» положение костяков в могилах следует рассматривать как признак какой-то этнической группы, занимавшей более скромное положение в сарматском обществе, нежели роксоланы².

Специальное исследование археологического аспекта роксоланской проблемы провела И.П. Засецкая, которая весьма критически отнеслась к идее К.Ф. Смирнова³. Проанализировав почти две сотни «диагональных» погребений сарматской археологической культуры на огромной степной территории

¹ Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. Вып. 60. С. 454-456.

² Там же. С. 456.

³ Засецкая И.П. «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // АСГЭ. 1974. № 16. С. 105-121.

от Урала до Дуная, она поставила под вопрос возможность рассмотрения таких захоронений в качестве этнического маркера отдельно взятых сарматских племен. В то же время Ирина Петровна не исключала, что какая-то часть памятников может «по праву места и времени» принадлежать аорсам¹. Ей было сделано осторожное предположение, что этот обычай, скорее всего, отражал социальные явления или религиозные представления сарматского общества². Позднее ее идею поддержали другие исследователи, которые усматривали в «диагональных» погребениях в больших квадратных могилах специфику мировоззрения сарматов как древнего ираноязычного народа или отражение социальных различий в сарматском обществе³. Отметим также наблюдение И.П. Засецкой об отсутствии в Нижнем Поволжье катакомб, аналогичных тагискенским, и на различия в вещевом комплексе⁴, что не позволяет говорить о связи двух культур в духе гипотезы С.П. Толстова.

Немалое значение для изучения роксоланской проблемы имели исследования Д.А. Мачинского. Опираясь преимущественно на нарративные источники, он считал, что появление роксолан в Восточной Европе состоялось не ранее II в. до н. э. Их он рассматривал как новое этнополитическое образование, не имевшее никакого отношения к ранним сарматам. По мнению исследователя, они являлись выходцами из массагето-среднеазиатской среды и выступали передовой аланской группой, продвинувшейся из закаспийских степей на запад в Европу⁵. Основанием для этого он считал тот факт, что Страбон в своей «Географии» ни разу не назвал роксолан сарматским племенем⁶.

¹ Засецкая И.П. «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // АСГЭ. 1974. № 16. С. 121. С. 117-119.

² Там же. С. 119-121.

³ Мошкова М.Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника // МИА. № 153. Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972. С. 71; Кокуркина О.В. Символизм ранних сарматских диагональных погребений // РА. 2011. № 2. С. 71 и др.

⁴ Засецкая И.П. «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // АСГЭ. 1974. № 16. С. 121.

⁵ Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э. – I в. н. э. // АСГЭ. 1974. № 16. С. 122-124, 127.

⁶ Там же. С. 128.

Однако абсолютизировать обособление роксолан от сарматов, на наш взгляд, не стоит. Так, римский историк Тацит прямо указывает на их этническую принадлежность – «Roxolani, Sarmatica gens» (История. I. 79. 1-4). Да и в работах остальных древних авторов роксоланы упоминаются в тесной взаимосвязи с другими сарматскими племенами. Д.А. Мачинский обратил внимание на то, что роксоланы в трудах античных писателей чаще связывались с междуречьем Дона и Днепра, где их господство продолжалось со II в. до н. э. по I в. н. э. После таких размышлений, исследователь приходит к выводу, что археологические следы роксолан целесообразно искать среди памятников доно-днепровского междуречья, датирующихся не ранее II в. до н. э., а не связывать роксолан с сарматскими древностями Поволжья, как это сделал ранее К.Ф. Смирнов¹. Таким образом, Д.А. Мачинский более четко обозначил территориальные и хронологические рамки для поиска археологических следов роксолан.

В конце концов, и сам автор роксоланской гипотезы, К.Ф. Смирнов признал ее несостоятельность в том виде, как это было опубликовано в его первой статье. Он существенно пересмотрел свою точку зрения и отказался от идеи принадлежности роксоланам «диагональных» сарматских погребений. Он признал, что эта черта в погребальном обряде сарматов не является специфическим этническим признаком и потому не может быть связана с определенным этносом². В то же время, К.Ф. Смирнов допускал связь «диагональных» погребений с особой социальной группой, занимавшей привилегированное положение (господствующая военная аристократия)³. О наличии развитой социальной иерархии у сарматов, и, в частности, у роксолан, позднее писал и А.М. Хазанов. Он утверждал, что военная аристократия роксолан формировала их элитные войска – конницу катафрактариев⁴.

¹ Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э. – I в. н. э. // АСГЭ. 1974. № 16. С. 122-125.

² Смирнов К.Ф. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское // МИА. 1959. № 60. С. 319.

³ Там же.

⁴ Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 85.

С 60-х годов К.Ф. Смирнов вносит некоторые дополнения в свои этнокультурные построения. Он приходит к заключению, что прохоровская культура складывается в начале IV в. до н. э. в степях Южного Приуралья. Ее носителями могли быть верхние аорсы, а также ранние роксоланы. При этом ведущая роль в сложении прохоровской культуры принадлежала местным приуральским племенам, но при значительном влиянии более восточных элементов (мигранты с территории нынешнего Казахстана). Здесь ученый отмечает, что прямоугольные могилы и «диагональные» погребения, позднее получившие распространение у роксолан, раньше всего появились в V в. до н. э. у савроматов бассейна р. Илек и саков (апасиаков) Нижней Сырдарьи. На этом основании он еще раз подчеркнул, что роксоланы как племенное объединение вышли из среды сарматских племен, живших в бассейне р. Еруслан (Поволжье). Именно отсюда они во II – I вв. до н. э. переселились в степи между Доном и Днепром, возглавив здесь племенной союз с центром в Северном Приазовье. При этом автор подчеркивает, что роксоланы происходили не из, собственно, савроматских племен, а из той группы, которая сформировалась севернее аорсов в результате смешения прежних савроматских и пришлых с востока родственных племен¹.

Со временем К.Ф. Смирнов признал, что следы роксолан следует, прежде всего, искать в Северном Причерноморье, где они обычно упоминались в трудах их современников – греков и римлян. Так, рисуя этническую карту Азиатской Сарматии IV в. до н. э. – II в. н. э., К.Ф. Смирнов уже не рискнул помещать роксолан на этой восточной территории. Сарматские погребения прохоровской и суловской культур между Нижним Доном, Каспийским морем и дельтой Волги он связывал с племенами аорского союза², сарматские курганы по Илеку в Приуралье он считал оставленными верхними аорсами³, а

¹ Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 286-290.

² Смирнов К.Ф. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э. – II в. н. э. (историко-археологический очерк) // СА. 1974. № 3. С. 39.

³ Там же.

с сираками предложил увязывать курганные сарматские погребения в Прикубанье¹, что также нашло отражение в работах В.Б. Виноградова², Ю.М. Десятчиков³ и И.С. Каменецкого⁴. Вновь особое внимание исследователь уделил сарматской группе памятников Саратовского Заволжья (бассейн р. Еруслан), которые считал родиной сарматских групп, вошедших впоследствии в состав союза северопричерноморских сарматов под руководством роксолан⁵.

Практически все вышеуказанные идеи отразились и в изданной уже посмертно монографии К.Ф. Смирнова «Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии»⁶. В этой и других работах родиной роксолан К.Ф. Смирнов считал дахо-массагетскую среду Южного Приуралья и Приаралья. Отсюда, по его мнению, и вышли кочевники, которые античными авторами назывались сарматами. К этому времени, благодаря изучению массовых раннесарматских памятников прохоровской культуры стало очевидно, что сарматы мигрировали с Востока в западном направлении⁷.

В роксоланах и аорсах К.Ф. Смирнов видел главных виновников падения скифского владычества в Европе⁸. Ученый отнес роксолан совместно с язигами и аорсами ко второй миграционной волне (после сирматов) на террито-

¹ Смирнов К.Ф. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э. – II в. н. э. (историко-археологический очерк) // СА. 1974. № 3. С. 41.

² Виноградов В.Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1965. № 1. С. 108-121; Виноградов В.Б. Локализация Ахардея и сиракский союз племен (по письменным источникам) // СА. 1966. № 4. С. 38-50; Виноградов В.Б. Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III в. до н. э. – I в. н. э. // СА. 1968. № 1. С. 48-55.

³ Десятчиков Ю.М. Сарматы на Таманском полуострове // СА. 1973. № 4. С. 69-80; Десятчиков Ю.М. Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977. С. 45-48 и др.

⁴ Каменецкий И.С. Население Нижнего Дона в I-III вв. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: М., 1965. 20 с.

⁵ Смирнов К.Ф. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э. – II в. н. э. (историко-археологический очерк) // СА. 1974. № 3. С. 43.

⁶ Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 121.

⁷ Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской культуры). М., 1974. С. 10-46.

⁸ Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 9.

рию северопричерноморских степей, которая окончательно погубила Скифию¹. С этими событиями он связывал сообщение Полиена о сарматской царице Амаге, которую считал царицей роксолан². Однако Скифия по данным письменных и археологических источников погибла лишь в начале III в. до н. э., скорее всего, в результате сарматского нашествия. А роксоланы появляются в таврических степях только во II в. до н. э., то есть фактически спустя столетие после угасания Скифии. Поэтому, они вряд ли могли являться непосредственными участниками тех событий, которые происходили в Северном Причерноморье в III в. до н. э.

Нужно признать, что выводы К.Ф. Смирнова о важной роли роксолан в гибели Скифии не нашли подтверждения в письменных и новых археологических источниках. Ко времени появления роксолан к западу от Дона во II в. до н. э. Скифия как могущественное государственное образование уже перестала существовать. А роксоланы вместе с язигами заняли опустевшие степи.

Следует отметить, что параллельно с деятельностью К.Ф. Смирнова румынский археолог С. Моринц, изучавший сарматские памятники в Подунавье (Фокшаны и др.), предположил принадлежность роксоланам захоронений с меловой посыпкой дна³. Но эта идея также не нашла археологического подтверждения. Мы знаем, что подобный обряд был характерен практически для всех периодов сарматской культуры, и идентифицировать его только с роксоланами вряд ли правомерно. Румынский ученый Г. Бикир считал возможным отождествлять с роксоланами все памятники сарматского времени в низовьях Дуная, что позднее было подвергнуто справедливой критике со стороны Э.А. Рикмана⁴. Необходима более обоснованная аргументация в пользу сопоставления с роксоланами ряда памятников Дунайского левобережья.

¹ Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 118.

² Там же. С. 72.

³ Моринц С. Некоторые вопросы истории сарматского населения в Молдове и Мунтении в связи с фокшанским погребением // *Dacia*. 1959. 3. С. 465.

⁴ Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975. С. 11.

Большую помощь в развитии советской сарматологии в 50-70-е годы оказали великие стройки социализма¹. В связи с сооружением крупных гидроэлектростанций, сопутствующих им водохранилищ и каналов, с начала 50-х годов XX в. разворачиваются масштабные охранные исследования археологических памятников, активно продолжавшиеся и в 60-80-е годы прошлого столетия. Со временем объектами исследований становятся не только восточные территории расселения савромато-сарматских племен, но также проводятся раскопки памятников сарматского времени на Нижнем Дону (К.Ф. Смирнов, В.П. Шилов, В.Е. Максименко, М.Г. Мошкова и др.), в Приазовье (М.И. Вязьмитина и др.), в левобережном и правобережном степном и лесостепном Поднепровье (В.И. Костенко, Е.В. Махно, Г.Т. Ковпаненко, Е.Ф. Покровская и др.), Пруто-Днестровском междуречье (М.М. Фокеев, Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, В.А. Дергачев и др.), в Молдавии (В.И. Гросу, Э.А. Рикман, Г.Б. Федоров и др.), в Румынии (Г.Бикир и др.). Были выявлены многочисленные впускные сарматские захоронения в курганы предшествующих эпох на степных и лесостепных пространствах от Волги и до Дуная (раскопки под руководством С.Н. Братченко, В.В. Отрощенко, И.Ф. Ковалевой, А.В. Гудковой, С.М. Агульникова, Е.В. Черненко, Д.Я. Телегина и др.).

Результатом проводимой работы явилось колоссальное расширение источниковой базы сарматской археологии. Это в дальнейшем обусловило возможность углубленного исследования сарматских памятников различных регионов, уточнение особенностей развития и хронологии отдельных локальных культур, создание типологических схем для сопутствующего погребального инвентаря и многое другое.

¹ Смирнов К.Ф. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское // МИА. 1959. № 60. С. 206-322; Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. Вып. 60. С. 323-523; Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. № 78. С. 169-272; Мошкова М.Г. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. 1960. № 78. С. 293-307 и др.

В 60-70-е годы археологи уделяют большое внимание классификации вещевого материала. Появляются работы по отдельным категориям сопровождающего инвентаря сарматских погребений. Так, А.М. Хазанов разработал типологию сарматского оружия¹. Им также была предложена классификация сарматских зеркал, используемая в сарматской археологии до сих пор². Первый анализ римских импортов проведен в работах В.В. Кропоткина³. Находки римской металлической посуды в сарматских памятниках на Нижнем Дону также изучались Д.Б. Шеловым⁴. А.К. Амброз разработал и опубликовал свод фибул, в том числе, тех типов, которые являются важнейшими хроноиндикаторами в сарматских погребениях⁵. Е.М. Алексеева провела фундаментальное исследование по античным бусам, массово встречающимся и в сарматских погребениях⁶. Эти и многие другие работы создали основу для разработок новой типологии находок из сарматских погребений, для построения более обоснованных хронологических шкал по памятникам сарматской культуры и ее отдельным локальным вариантам.

С 70-х годов XX в. идет формирование и становление региональных школ в сарматской археологии. Именно тогда появляется нынешняя плеяда археологов-сарматоведов в Поволжье, Нижнем, Среднем и Верхнем Подонье, в Приуралье, на Северном Кавказе, Украине и в Молдавии, которые весьма активно стали исследовать сарматские древности на местах, что выльется впоследствии в ряд значимых публикаций сарматских памятников (см. глава 1.3.). Сарматская археология поднимается на новый уровень, среди исследований

¹ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. 171 с.

² Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 3. С. 58-71.

³ Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.) // САИ. 1970. Вып. Д1-27. 280 с.

⁴ Шелов Д.Б. Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе // СА. 1983. № 4. С. 57-69.

⁵ Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. // САИ. 1966. Вып. Д1-30. 112 с.

⁶ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975. Вып. Г1-12. 121 с. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12. 108 с. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1-12. 108 с.

начинают преобладать локальные (по географическому принципу). Последнее обстоятельство рано или поздно вынуждало сарматологов заниматься вопросом о конкретной этнокультурной принадлежности той или иной группы памятников.

Параллельно с этими исследованиями усиливается интерес к этнической истории сарматов. Появляются попытки локализовать конкретные сарматские племена, связав с ними уже известные могильники, оставленные носителями различных сарматских археологических культур. При этом основное внимание уделяется типам погребальных сооружений и особенностям погребального обряда, которые можно соотнести с конкретными сарматскими племенами античной традиции.

В 60-е годы прошлого столетия М.П. Абрамова опубликовала статью о раннесарматских памятниках Украины. Она первая обратила внимание на отсутствие в Северном Причерноморье сарматских древностей, датируемых IV–III вв. до н. э. Проанализировав весь имевшийся археологический материал Северного Причерноморья, она пришла к выводу, что наиболее ранние сарматские погребения в Северном Причерноморье следует относить ко II в. до н. э.¹ Также она обратила внимание на то, что самые ранние захоронения в правобережье Днепра появляются только в I в. н. э.² Накопившийся к сегодняшнему дню материал в целом подтверждает правоту ее суждений.

В.И. Гущиной было прослежено влияние сарматского ритуала в Крыму на некоторых захоронениях II – I вв. до н. э. в некрополе Неаполя Скифского³. Она полагала, что в первые века нашей эры значение и роль сарматского субстрата в Крыму существенно усиливается. При этом этнический состав Крыма на рубеже эр был настолько смешанным, что сказать, какие погребения относятся к какой конкретной этнической группе, затруднительно⁴.

¹ Абрамова М.П. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э. – I в. н. э. // СА. 1961. № 1. С. 93.

² Там же. С. 109.

³ Гущина И.В. О сарматах в юго-западном Крыму // СА. 1967. № 1. С. 40.

⁴ Там же. С. 50-51.

Значимым событием в сарматологии 70 – начала 80-х годов явилась публикация В.И. Костенко монографий по сарматским могильникам междуречья Дона и Днепра¹. В них он систематизировал старый и ввел в научный оборот новый материал по сарматской археологии Украины (прежде всего, результаты раскопок сарматских курганов в междуречье Орели и Самары). На территории Поднепровья В.И. Костенко выделил несколько хронологических групп сарматских памятников. Самые ранние памятники он датировал III – II вв. до н. э. и связывал с появлением на берегах Днепра язигов и роксолан². Важно здесь отметить, что им впервые было обращено внимание на преобладание во всех хронологических группах памятников Северного Причерноморья погребений с ориентацией скелетов в северном полуокружении³, тогда как повсеместно преобладание северной ориентировки распространяется в сарматском мире лишь с середины II в. н. э. И в этом отношении северопричерноморские сарматские памятники явно обладали культурной спецификой, которая требовала объяснения. Но его В.И. Костенко сделать не успел.

Важное значение имела публикация монографии Э.А. Рикмана, где впервые была предпринята попытка осмысления всего накопленного массива сарматских памятников Дунай-Днестровского междуречья. Он пришел к заключению, что роксоланы во II – III вв. н. э. кочевали в степях между Днестром и Нижним Дунаем⁴. Автор указывал, что в Поднепровье известны сарматские памятники I в. до н. э. – начала V в. н. э. и считал, что эти древности оставлены роксоланами и аланами⁵, однако дополнительных аргументов в пользу соотнесения с тем или иным племенем конкретных памятников он не привел. Также

¹ Костенко В.И. Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н. э. - середины III в. н. э. Днепропетровск, 1983. 104 с.; Костенко В.И. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н. э.- IV в. н. э. Днепропетровск, 1986. 74 с.

² Костенко В.И. Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н. э. - середины III в. н. э. Днепропетровск, 1983. С. 70-75.

³ Костенко В.И. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н. э.- IV в. н. э. Днепропетровск, 1986. С. 63.

⁴ Рикман Э.А. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975. С. 28.

⁵ Там же. С. 30-39.

Э.А. Рикманом впервые был поставлен вопрос о процессе оседания на землю сарматов Пруто-Днестровского междуречья. Он полагал, что позднесарматские грунтовые могильники II – III вв. н. э. принадлежат уже оседлому населению¹. На основе подобных рассуждений кишиневский археолог В.А. Дергачев также утверждал, что грунтовые могильники Старые Куконешты I и II принадлежали сарматам, ведущим оседлый образ жизни². Им указывалось, что рядом с грунтовыми могильниками сарматов находятся поселения. Однако дальнейшие исследования этих поселений выявляли их иную этнокультурную принадлежность (черняховской культуре конца III – IV вв.).

Украинские археологи Ю.Н. Малеев и И.С. Пиоро выделили локальную группу памятников Северного Прикарпатья (Буряковка, Островец, Киселев, Ленковцы), объединив ее в среднеднестровский лесостепной район. По их представлениям, могильники указанного района принадлежали роксоланам II в. н. э. Главным аргументом в пользу такого сопоставления являлось наличие в могильнике «диагональных» погребений, которые были ранее идентифицированы К.Ф. Смирновым как роксоланские³. Но при этом авторы не обратили внимания на различный погребальный обряд. По типам могильных ям здесь можно выделить не только широкие квадратные могилы с «диагональным» трупоположением, которые авторы и приняли за собственно роксоланские, но также подбои и простые прямоугольные грунтовые ямы.

1.3. Современный период (рубеж 1980-90-х годов – начало XXI в.)

С конца 1980-х годов наступает новый этап в изучении истории и культуры сарматов. Предшествующее десятилетие ознаменовалось невиданным размахом археологических работ, в тех районах Сарматии, которые ранее

¹ Рикман Э.А. Памятники сарматов и племен черняховской культуры: Археол. карта МССР. Кишинев, 1975. № 13/16. С. 13-31; Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975. С. 40-41.

² Дергачев В.А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976). Кишинев, 1982. С. 133.

³ Малеев Ю.М., Пиоро И.С. Сарматське поховання в с. Буряківкана Тернопольщині // Археологія. 1973. № 12. С. 75-76.

практически представляли «белые пятна». В начале этого этапа в полный голос о себе заявляет новое поколение сарматологов: А.С. Скрипкин, В.Е. Максименко, Б.А. Раев, А.П. Медведев, А.В. Симоненко, И.И. Марченко и др. Появление новых многочисленных материалов, поиски новых подходов к их осмыслению вызвали у этого поколения исследователей иные, отличные от предшественников взгляды на хронологию и этническую принадлежность различных сарматских культур и их локальных вариантов. Возникла насущная потребность постоянного их обсуждения. С этого времени начинают регулярно проводиться конференции, на которых затрагиваются актуальные проблемы истории сарматов и сарматской археологии: «Античная цивилизация и варварский мир»¹ (рук. Б.А. Раев), «Международные отношения в бассейне Черного моря»² (рук. В.П. Копылов), но, особенно, специальная конференция сарматологов «Проблемы сарматской археологии и истории»³ (рук. М.Г. Мошкова, а затем Л.Т. Яблонский).

В конце 1980-х годов с опровержением почти общепринятой теории сарматского завоевания Скифии выступил киевский археолог С.В. Полин. По его мнению, первыми сарматами на территории Северного Причерноморья были язиги и роксоланы, занявшие опустевшие, уже покинутые скифами вследствие ухудшения природно-климатических условий степи⁴. Эта версия получила поддержку в среде украинских исследователей уже в постсоветский период. Среди последних следует назвать имя А.В. Симоненко⁵. В своих работах украинские археологи стали развивать мысль о мирном занятии роксоланами и

¹ Античная цивилизация и варварский мир в Подонье - Приазовье. Тезисы докладов к семинару. Отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск, 1987. 66 с. и следующие.

² Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов / Под ред. В.Н. Копылова. Ростов-на-Дону, 1986. 176 с. и следующие.

³ Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов междунар. конф. 14-16 сент. 1994г. / Под ред. А.С. Скрипкина. Волгоград, 1994. 86 с. и следующие.

⁴ Полін С.В. Про сарматське завоювання Північного Причерномор'я // Археологія. 1984. Вип. 45. С. 33-34.

⁵ Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. Киев, 1991. С. 82.

язигами северопричерноморских степей¹. Большинство сарматологов не приняло эти гипотезы и подвергло их аргументированной критике (Ю.Г. Виноградов², И.В. Бруяко³, А.П. Медведев⁴ и др.). Многие специалисты продолжают придерживаться традиционной концепции гибели Скифии в начале III в. до н. э. под ударами сарматских и иных варварских племен⁵. На наш взгляд, она наиболее соответствует имеющимся данным археологии и письменных источников.

В результате разработок А.С. Скрипкина, А.П. Медведева, А.В. Симоненко и др. существенно скорректирована периодизация сарматской культурно-исторической общности. Прежде всего, был сдвинут хронологический рубеж между ранне- и среднесарматскими культурами (омоложение до рубежа эр), что не могло не повлиять и на изучение этнокультурной истории Сарматии⁶. Исследователи стали выделять в раннесарматской культуре заключительный этап II – I вв. до н. э., поэтому время среднесарматской культуры существенно сократилось до I – первой половины II вв. н. э.

¹ Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. С. 124-146; Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989. С. 24.

² Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I (2) 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 104–124; Виноградов Ю.Г. Разгром сарматами Великой Скифии: следы ведут в Тавриду // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999. С. 59-62.

³ Бруяко И.В. Демография и экономика населения Северо-Западного Причерноморья во второй половине VII - начале III вв. до н. э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. СПб., 1993. С. 6; Бруяко И.В. О событиях III в. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье (четыре концепции кризиса) // ВДИ. 1999. № 3. С. 76-91.

⁴ Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М., 1999. С. 148-152.

⁵ Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. 1997. № 3. С. 93-103; Донские древности. Вып. 5. Сарматы и Скифия. Сб. науч. тр. III межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов, 1997. С. 6-86 и др.

⁶ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1991. С. 101-178; Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990. 220 с.; Полин С.В., Симоненко А.В. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1990. С. 73-93; Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV межд. конф. «Проблемы сарматской археологии». Самара, 2000. Вып. 1. 168 с.; Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград, 2006. Вып. I. 140 с. и др.

На рубеже XX-XXI вв. увидела свет серия монографий, посвященных археологическим памятникам сарматов в различных регионах. К их числу относятся труды В.Е. Максименко о сарматах Нижнего Подонья¹, А.С. Скрипкина о памятниках Нижнего Поволжья², позднее Азиатской Сарматии³, А.П. Медведева о сарматской культуре на Среднем и Верхнем Дону⁴, В.И. Гросу о памятниках Пруто-Днестровского междуречья⁵, А.В. Симоненко о сарматах Степной Украины⁶, И.И. Марченко о сарматских древностях Прикубанья⁷, И.В. Сергацкова о сарматских курганах на Иловле⁸, В.И. Клепикова о ранне-сарматских памятниках IV – III вв. до н. э. в Нижнем Поволжье⁹ и др.

В последние десятилетия продолжают типологические разработки сарматского материала. Особенно интересными представляются результаты исследований вещевого комплекса Азиатской Сарматии¹⁰. Многочисленные работы посвящены изучению военного дела сарматов¹¹, хотя сохраняет свое

¹ Максименко В.Е. Сарматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. 224 с.; Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // ДД. Азов, 1998. Вып. 8. 304 с.

² Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. 149 с.

³ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов. 1990. 299 с.

⁴ Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990. 220 с.; Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. 252 с.

⁵ Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1990. 204 с.

⁶ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. 142 с.

⁷ Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. 338 с.

⁸ Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. 396 с.

⁹ Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н. э. Волгоград, 2002. 216 с.

¹⁰ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов. 1990. С. 29-101.

¹¹ Ждановский А.М. Классификация наконечников стрел из курганных погребений Среднего Прикубанья сарматского времени // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Краснодар, 1988. С. 54-68; Глебов В.П. О новых типах наконечников стрел среднесарматской культуры Нижнего Подонья // Третья кубанская археологическая конференция. Тез. докл. межд. археол. конф. Краснодар-Анапа, 2001. С. 21-23. Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. 328 с.; Нефёдкин А.К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб., 2011. 304 с. и др.

значение исследование А.М. Хазанова, о чем свидетельствует его переиздание¹. Римский импорт в различных регионах Сарматии детально проанализирован в трудах Б.А. Раева², И.И. Марченко³, А.В. Симоненко⁴. В.И. Мордвинцевой исследованы наборы сарматских фаларов и украшения в так называемом «золото-бирюзовом» стиле⁵. Дробную типологию бронзовых котлов сарматского времени разработал С.В. Демиденко⁶. Его исследование наглядно показало преемственность в развитии этой категории погребального инвентаря, что явилось важным аргументом в пользу сторонников генетической преемственности раннесарматских памятников IV – III и соответственно II – I вв. до н. э. Различным типам фибул из сарматских погребений от Дуная до Урала посвящена фундаментальная работа В.В. Кропотова⁷. Здесь нет возможности перечислить многочисленные разработки археологического материала в статьях других исследователей.

Еще одним направлением современного сарматоведения является изучение этнокультурной истории отдельных сарматских племен, известных нам на основе свидетельств античных авторов – сираков, язигов, роксолан, алан, сарматов-гиппофагов и др. При этом ученые отказались от идеи выделения из общего массива памятников отдельных этнических групп только на основании

¹ Хазанов А.М. Избранные научные труды. Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008. С. 13-17.

² Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series 278. Oxford, 1986. P. 58-63.

³ Marčenko I. I., Limberis N. Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmäler des Kubangebietes (Archäologie in Eurasien. Bd. 25). Mainz, 2008. 133 S.; Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 4. Краснодар, 2004. С. 221-242; Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. Бронзовые ковши и патеры из сарматских и меотских памятников Прикубанья // Liber Archaeologicae. Краснодар, Ростов-на-Дону, 2006. С. 51-77.

⁴ Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011. 288 с.

⁵ Mordvinceva V. Sarmatische Phalaren. Rahden/Westf., 2001. 98 s. Мордвинцева В. И. Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003. 206 с.

⁶ Демиденко С.В. Типология литых котлов сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // Древности Евразии. М., 1997. С. 120-159.

⁷ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. 384 с.

тех или иных форм могильных сооружений, как это делалось в предшествующее время. Теперь учитываются сведения письменной традиции (место, время) и археологические данные (совокупность всего погребального обряда, включающего в себя могильные конструкции, положение умершего, набор сопровождающего инвентаря и пр.). В современном сарматоведении укоренилась мысль, что под сарматами и сарматскими племенами II в. до н. э. (роксоланы, язиги и др.) скрываются различные этнополитические образования nomadov¹.

В.Е. Максименко выделил группу сарматских погребений на Нижнем Дону и соотнес ее с яксаматами и язигами². В Верхнем Подонье А.П. Медведевым были археологически идентифицированы сарматы-гиппофаги Клавдия Птолемея, оставившие своеобразные курганные могильники на р. Воронеж³. И.В. Сергацков связал курганы на Иловле с сарматами-периербидами того же Клавдия Птолемея⁴. В обобщающей работе И.И. Марченко получила серьезную археологическую аргументацию локализация сираков на Кубани, с которыми он связывает сарматские памятники IV – I вв. до н. э.⁵ На Нижнем Дону группу сиракских памятников по сходству погребального обряда с прикубанским недавно вычленил В.П. Глебов⁶. В степном Прикубанье Н.Ф. Шевченко были локализованы аорсы⁷. Некоторые исследователи считают возможным

¹ Максименко В.Е. Савроматы ли сирматы // НАВ. Волгоград, 2009. Вып. 10. С. 152; Мордвинцева В.И. О появлении хоронима Сарматия в Северном Причерноморье // БФ. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Мат. межд. науч. конф. СПб, 2013. С. 522-526 и др.

² Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // ДД. Азов, 1998. Вып. 8. С. 169-170, 174.

³ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 57-63.

⁴ Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 235-237.

⁵ Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. С. 330.

⁶ Глебов В.П. Ранние сарматы южных районов Ростовской области: культурно-этническая принадлежность и контакты // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000. С. 166-168.

⁷ Шевченко Н.Ф. Сираки и аорсы в степном Прикубанье // РА. 2003. № 1. С. 44-59.

связывать с аорсами все прохоровские памятники Азиатской Сарматии¹. Было предложено часть сарматских погребений I – II вв. н. э. на территории Украины также отождествлять с аорсами². Сарматские памятники Алфёльда в Венгрии интерпретировались как язигские древности³. Проведенные параллели в культуре сарматов Паннонии и сарматов Северного Причерноморья II – I вв. до н. э. позволили выделить из массива памятников раннесарматского времени на Украине язигские артефакты⁴. Была попытка археологического обоснования миграции в середине I в. н. э. части сарматского населения (язигов) на территорию Венгерской низменности⁵.

Все большее внимание современные сарматологи уделяют аланской проблематике. Б.А. Раевым было впервые высказано предположение о принадлежности аланам богатых сарматских комплексов типа Дачи, Хохлач, Высочино на Нижнем Дону, «Соколовой» могилы на Буге и других «княжеских» погребений. Он считал, что возникновение среднесарматской культуры связано со значительными этническими перемещениями в степной зоне, которые были обусловлены переселением ранней группы алан из глубин Азии в Поволжье и Подонье⁶. А.С. Скрипкин также связывал носителей среднесарматской

¹ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов. 1990. С. 214; Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // ДД. Азов, 1998. Вып. 8. С. 176.

² Симоненко А.В. Фарзой и Инисмей — аорсы или аланы? // ВДИ. 1992. № 3. С. 148-162.

³ Симоненко А.В. Общее и особенное в сарматской культуре Алфёльда и Северо-Западного Причерноморья // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского Археологического Общества. Одесса, 1993. С. 109-111; Иштванович Э., Кульчар В. Проблема «первого поколения» в изучении сарматов Карпатского бассейна // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Вып. 2. Самара, 2000. С. 205-209 и др.

⁴ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 112. Симоненко А.В. Общее и особенное в сарматской культуре Алфёльда и Северо-Западного Причерноморья // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского Археологического Общества. Одесса, 1993. С. 109-111.

⁵ Вдовченков Е.В. Сарматская миграция в Среднее Подунавье (по материалам археологии и античной традиции): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Воронеж, 2005. С. 12-17.

⁶ Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series 278. Oxford, 1986. P. 58-63.

археологической культуры с аланами, известия о которых в письменных источниках фиксируются с I в. н. э.¹ Специфика сарматской культуры этого времени объясняется приливом в европейские степи новой волны кочевников с востока или юго-востока.

Еще более сложным вопросом в сарматской археологии является проблема происхождения алан. Большинство исследователей считают алан ираноязычным народом сарматского или же восточноскифского происхождения². В то же время часть исследователей не относят алан к собственно сарматским племенам. По их мнению, формирование алан в единый этнос происходило на периферии Сарматии за счет местных и восточных компонентов³. Следует отметить, что М.Б. Щукин, вслед за А.О. Наглером и Л.А. Чипировой⁴ придерживался социальной интерпретации этнонима «аланы» у античных авторов⁵. Он считал их не этносом, а обособленной элитной дружинной группировкой ираноязычных номадов.

Не обошли исследователи стороной и проблему роксолан. На рубеже 80-90-х годов ростовский археолог В.П. Глебов выделил в Нижнем Подонье локальную группу сарматских памятников, особенностью которых была ориентировка умершего в северном полукруге. По остальным нормам погребальной

¹ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов. 1990. С. 214-222.

² Абрамова М.П. Некоторые особенности взаимоотношения ираноязычных кочевников и оседлых племен Предкавказья // РА. 1992. № 2. С. 116-133; Гаглойти Ю.С. К вопросу о первом упоминании алан на Кавказе // Аланы: история и культура. Alanica. Вып. III. Владикавказ, 1995. С. 48-57; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов. 1990. С. 216-223 и др.

³ Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские компоненты в культуре кочевников Сарматии рубежа I-II вв. н. э. // ПАВ. 1993. Вып.3. С. 60-72; Раев Б.А., Яценко С.А. О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе (Тезисы) // Скифия и Боспор (матер. конф. пам. ак. М.И. Ростовцева) Новочеркасск, 1993. С. 111-125; Туаллагов А.А. Сарматы и аланы в IV в. до н. э. – I в. н. э. Владикавказ, 2001. С. 214-215 и др.

⁴ Наглер А.О. Чипирова Л.А. К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 87-91.

⁵ Щукин М.Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир (материалы III археологического семинара). Часть I. Новочеркасск, 1992. С. 119-121; Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб, 1994. С. 208-210.

обрядности они не отличались от синхронных им погребений Сарматии с южной ориентировкой. К тому времени археологу было известно почти два десятка подобных погребений (Арпачин, к. 40, п. 10; Балабинский-I, к. 35, п. 2; Валовый-I, к. 40, п. 3; Высочино-V, к. 24, п. 5 и др.). Автор предположил их обособленный статус, но не рискнул связать эти памятники с каким-либо известным из письменных источников сарматским племенем¹.

В начале 90-х годов к подобной группе памятников с северной ориентировкой на территории Украины обратился А.В. Симоненко (рис. 1, б). Отталкиваясь от работы В.П. Глебова, он предложил считать североориентированные сарматские погребения собственно роксоланскими. Впервые эта гипотеза была обозначена в его статье «Роксолани (пошук археологічних відповістей)»². Им анализируются 22 погребения II – I вв. до н. э. на территории левобережной Украины (Балки, к. 26, п. 1; Васильевка, к. 1, п. 4; Виноградное, к. 31, п. 1; Владимировка, к. 1, п. 8 и др.). Эта группа была выделена по совокупности следующих археологических признаков: впускные захоронения в курганы предшествующих эпох, северная ориентировка умерших (главный отличительный признак группы), преимущественно подпрямоугольная форма могильной ямы, размещение напутственной пищи в головах, характерные хроноиндикаторы – так называемые «неапольские» фибулы, мечи и кинжалы с серповидным навершием, железные втульчатые наконечники стрел, позднеэллинистические типы бус, зеркала Хазанов IV и др. Автор подчеркивает, что по месту и времени эти древности хорошо соотносятся со сведениями Страбона о локализации роксолан³. А.В. Симоненко признает близость выделяемой им группы погребений на Украине с нижнедонскими, которые ранее выделил

¹ Глебов В.П. Сарматские погребения с северной ориентировкой III-I вв. до н. э. на Нижнем Дону // Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе. Донецк, 1989. С. 23-25.

² Симоненко О.В. Роксолани (пошук археологічних відповістей) // Археологія. 1991. № 4. С. 17-28.

³ Там же. С. 25.

В.П. Глебов. По мнению исследователя, эти две группы были оставлены одноэтническим, родственным населением – роксоланами¹. Точка зрения А.В. Симоненко о памятниках роксолан принята сейчас практически всеми исследователями. В дальнейшем это положение получило развитие в других работах украинского ученого.

На основании картографирования памятников с указанными признаками киевский археолог попытался обозначить ранний ареал обитания роксолан II – I вв. до н. э., опираясь на указания античных авторов, прежде всего, Страбона. Его границы он определял так: Орель-Самарское междуречье на севере, бассейн Северского Донца на северо-востоке, Задонье на востоке и река Днепр на западе². При этом он оговорился, что граница роксоланских кочевий в Задонье требует детализации на основе подробного изучения археологического материала.

В книге «Сарматы Таврии» А.В. Симоненко вновь обратился к роксоланской проблеме. Он констатировал отсутствие на территории Украины сарматских древностей III в. до н. э.³ Для II – I вв. до н. э. он считал возможным выделить два локальных варианта сарматской археологической культуры, отличающихся друг от друга, прежде всего, ориентировкой погребенных. По праву «места и времени» один из выделенных вариантов он соотнес с язигами, другой – с роксоланами⁴. Также автор отметил, что свойственный роксоланам ритуальный обряд продолжает сохраняться в степном Причерноморье как минимум до середины I в. н. э. (Новогригорьевка, к. 1, п. 17; Черноморское, к. 1, п. 7 и др.). На основании этого археолог допускал, что подобные памятники

¹ Симоненко О.В. Роксоланы (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. 1991. № 4. С. 26, 27. Рис. 4.

² Симоненко А.В. Некоторые особенности культурно-исторического развития сарматов Таврии // Античная цивилизация и варварский мир (материалы III-го археологического семинара). Ч. I. Краснодар, 1992. С. 25.

³ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 104-107; Полин С.В., Симоненко А.В. «Раннесарматские» памятники Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1990. С. 74-93.

⁴ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 21-23, 104-112.

среднесарматского времени также были оставлены потомками роксолан, которые сохранили за собой свои кочевья и свою самобытность¹. По мнению А.В. Симоненко, восточные же номады (язиги) прошли северо-восточнее мест кочевания роксолан.

Все эти положения нашли отражение в докторской диссертации исследователя². На основании датировки самых поздних сарматских североориентированных погребений А.В. Симоненко пришел к выводу, что история роксолан заканчивается с наступлением позднесарматского времени, когда этот народ был вытеснен со своей исконной территории новыми восточными кочевниками аланами-танаитами.

В более поздней статье А.В. Симоненко указал, что ему известно в Северном Причерноморье около 30 погребений роксолан II – I вв. до н. э.³ Здесь он существенно поднял датировку роксоланских погребений. Он признал, что в Северном Причерноморье со II в. до н. э. до середины II в. н. э. бытовала единая сарматская культура. Ее археологической спецификой явилось доминирование типа памятников с указанными признаками погребений роксолан. Некоторые изменения формы вещей в этот хронологический период отражают лишь общие тенденции в культуре и моде сарматов позднего предримского и раннего римского времени. При этом собственно сарматские бытовые предметы (лепная керамика, прясла, ножи и пр.) практически не изменялись⁴.

Нужно отметить, что в историографии до сих пор не получило объяснения появление северной ориентировки у роксолан. А.В. Симоненко отмечает два обстоятельства, которые могут пролить свет на данный вопрос: во-первых,

¹ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 113-114.

² Симоненко А.В. Сарматы Северного Причерноморья. Хронология, периодизация и этнополитическая история: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1999. (<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3554309>).

³ Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 135.

⁴ Там же. С. 156-157.

возможное участие кочевников Южной Сибири, Алтая и Монголии в сложении раннесарматского прохоровского культурного комплекса; во-вторых, преобладание в погребальном обряде этих культур ориентации в северном секторе¹.

Идеи А.В. Симоненко сразу же попытался развить киевский археолог А.В. Комар². Обратив внимание на ориентировку умерших и сопровождавший инвентарь, он предложил считать роксоланскими памятники среднесарматского времени в правобережном Поднепровье на реках Рось и Тясмин. При этом к роксоланским захоронениям он отнес не только впускные погребения с северной ориентировкой, но и основные погребения в курганах у хут. Яблуннов, а также из Калантаевского грунтового могильника, материалы из разрушенных погребений и даже случайные находки. На наш взгляд, отождествлять разнотипные погребальные сооружения и тем более отдельные находки с конкретным сарматским этносом неправомерно. Скорее всего, разнообразные типы захоронений как раз указывают на различные группы сарматов, проникших в лесостепеное Поднепровье и оставивших свои следы в бассейнах рек Рось и Тясмин. Попутно заметим, что А.В. Комар высказал отрицательное мнение о южной гипотезе происхождения Руси, в которой, как известно, важное место занимали роксоланы³.

Предложенная А.В. Симоненко гипотеза нашла поддержку среди сарматологов. В.П. Глебов еще раз обратил внимание на наличие среди нижнедонских раннесарматских комплексов погребений с северной ориентацией и согласился часть из них относить к роксоланам еще на Дону. На его взгляд, ими могли быть «фибульные» захоронения сарматов с северной ориентировкой

¹ Золото, конь и человек: сб. ст. к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев, 2012. С. 56.

² Комар О.В. Роксолани: історія та проблематика // Академія: гуманітарний альманах. 1994. № 1. С. 32-49.

³ Комар О.В. Сармати Поросся та "південна" гіпотеза походження Русі // Vita Antiqua. 1999. №1. С. 81-88.

типа погребений из могильников Ают I и Аксай I¹. При этом, само по себе распространение фибул на Дону может свидетельствовать как раз о влиянии западносарматских племен (роксолан), у которых застежки позднелатенских типов рано стали неотъемлемой составляющей частью одежды.

Аналогичные памятники II – I вв. до н. э. в Подонье и в Крыму стали интерпретироваться авторами как роксоланские. Так, А.П. Медведев впускные раннесарматские североориентированные погребения Среднего Подонья отнес к роксоланам². Скорее всего, к данному кругу погребений принадлежит грунтовое захоронение с мегарской чашей у с. Белогорье Воронежской области³. Р.С. Берестнев в своем диссертационном исследовании о сарматах междуречья Хопра и Волги с роксоланами связывает пару раннесарматских погребений в Прихоперье⁴. Недавно В.В. Кропотовым были опубликованы два идентичных по погребальному обряду раннесарматских погребения в Крыму (Астанино, к. 3, п. 1; Астанино, к. 23, п. 1), которые, как полагает исследователь, также принадлежали роксоланам⁵.

Правда, не все исследователи приняли предложенную А.В. Симоненко гипотезу. Нашлись и те, кто скептически отнеслись к выводам В.П. Глебова и А.В. Симоненко. Но при этом своей интерпретации раннесарматских североориентированных погребений ими предложено не было⁶.

Нам представляется весьма справедливым замечание одного из основных исследователей нижнедонских памятников сарматского времени

¹ Глебов В.П. Раннесарматское погребение из могильника Аюта I. О времени бытования «воинских» фибул у сарматов Волго-Донского региона // ИАИАИАНД в 2006 г. Азов, 2008. Вып. 23. С. 134-135 и др.

² Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 20.

³ Березуцкий В.Д., Кравец В.В., Кравец А.В. Раннесарматское погребение с мегарской чашей на Среднем Дону // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 2. С. 26-29.

⁴ Берестнев Р.С. Сарматы в междуречье Хопра и Волги: Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Воронеж, 2017. С. 186-188.

⁵ Кропотов В.В. Сарматские погребения близ с. Астанино в Восточном Крыму // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. 2015. № 2 (32). С. 18-24.

⁶ Сергацков И.В., Шинкарь О.А. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 165-178.

В.Е. Максименко о том, что Дон являлся зоной, где сталкивались интересы различных племенных группировок: роксолан и аорсов, вышедших отсюда язигов-яксаматов и, вероятно, сираков. Поэтому не исключено, что в низовьях Дона могли быть археологические следы всех перечисленных племен¹. Проанализировав все известные ему памятники левобережного и правобережного Подонья, он пришел к выводу, что роксоланами в Нижнем Подонье оставлены некоторые сарматские памятники I в. до н. э. – I в. н. э.², в частности, в выделенных им зонах А, Б1 и Б2 в Правобережье Дона³. Но на наш взгляд, указанные группы памятников вряд ли могли принадлежать одному этническому массиву. Так, зона А представляет собой смешение впускных погребений и захоронений под индивидуальными насыпями, зона Б1 – только захоронения под индивидуальными насыпями, а в зоне Б2 все погребения являются впускными. Различаются и формы могильной ямы: зона А – квадратные и прямоугольные, зона Б1 – подбои, зона Б2 – узкие ямы и подбои. Отличаются группы по вещевому набору. Бросается в глаза и асинхронность данных групп погребений. В то же время В. Е. Максименко допускал, что наиболее богатые и выразительные нижнедонские курганы (Хохлач, Садовый и др.) могли принадлежать роксоланской знати⁴. При этом автор обосновывает это ссылкой на устаревшую гипотезу К.Ф. Смирнова о «диагональных» погребениях как захоронениях роксолан⁵.

Одесский археолог Александр Николаевич Дзиговский посвятил монографию этнокультурной истории сарматов Северо-Западного Причерноморья. Естественно, он не мог обойти и роксоланскую проблему. По его мнению, роксоланы не были первыми сарматскими мигрантами на западе – ими, скорее

¹ Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // ДД. Азов, 1998. Вып. 8. С. 163-165, 176-177.

² Там же. С. 175-176.

³ Там же. С. 141-143.

⁴ Там же. С. 176.

⁵ Смирнов К.Ф. О погребениях роксолан // ВДИ. 1948. № 1. С. 213-219.

всего, являлись сираки¹. Попутно отметим, что в последнее время все большее количество ученых относит роксолан и язигов ко второй миграционной волне сарматов².

Анализируя данные Страбона, А.Н. Дзиговский пришел к выводу о возникновении во II – середине I в. до н. э. скифо-роксолано-бастарнского союза³. Причем роксоланы выступали активными его участниками – они помогали скифам в войне против Херсонеса. Сама эта идея союза между роксоланами и бастарнами восходит к построениям Д.А. Мачинского, пытавшегося именно таким образом объяснить известный пассаж в «Географии» Страбона, где греческий географ причисляет роксолан к бастарнам. О наличии подобного союза писал в свое время и М.Б. Щукин⁴. Из последних работ с исследованием возможного роксолано-бастарнского союза следует назвать диссертационное исследование С.В. Воронятова.⁵

Принимая в целом построения А.В. Симоненко, А.Н. Дзиговский отождествил с роксоланами не только среднесарматские, но и более поздние древности середины II – середины III в. н. э. в междуречье Среднего Прута и Днестра (могильники Старые Куконешты I, Старые Куконешты II, Петрешты, Новые Бедражи и др.) и в степях Буджака (могильники Васильевка, Алияга, Холмское и др.)⁶. На его взгляд, с археологической точки зрения, данные памятники, несомненно, принадлежали одной этнически близкой группе населения. Подобное предположение еще в конце 1980-х годов сформулировал

¹ Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003. С. 48-54.

² Скрипкин А.С. Проблемы этнической истории Нижнего Дона в IV в. до н. э. и некоторые вопросы ранней истории сарматов // НАВ. Волгоград, 2009. Вып. 10. С. 172-182; Виноградов Ю.А. О двух волнах сарматских миграций в причерноморских степях доримского времени // ХС. Севастополь, 2004. Вып. XIII. С. 21-25.

³ Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003. С. 63.

⁴ Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб, 1994. С. 153.

⁵ Воронятов С.В. Сарматский и южно-балтийский импульс в постзарубинецких древностях горизонта Рахны-Почеп (втор. пол. I - нач. II в. н. э.) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. СПб., 2018. С. 85-94.

⁶ Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003. С. 151.

М.М. Фокеев, но при этом не рискнул определить их этническую принадлежность¹. Действительно, эти памятники объединяет погребальный обряд: основные насыпи, наличие круглых, квадратных и прямоугольных ровиков вокруг захоронений, прямоугольные в плане могильные ямы и ямы с заплечиками, ориентировка погребенных в северном полукруге, положение умершего вытянуто на спине, форма лепной керамической посуды.

А.Н. Дзиговский первым обратил внимание на связь погребального обряда сарматов Пруто-Днестровского междуречья с населением Верхнего Подонья, которая могла возникнуть в результате миграции населения из Верхнего Подонья через Днепр на территорию Буджака². По мнению автора, именно с этим движением связано возникновение ровиков на сарматских могильниках Буджака. Подобную точку зрения поддерживает А.В. Симоненко³. Однако нам представляется справедливым замечание А.П. Медведева о преждевременных выводах этих исследователей на основе только лишь указанной особенности сопоставляемых памятников⁴. Он обратил внимание на то, что квадратные ровики в сарматских могильниках датируются еще I в. н. э. К тому же вряд ли правомерно выводить роксолан с Верхнего Дона на основе указанного признака и сходстве некоторых типов лепной керамики. Прямоугольные в плане могильные ямы и ямы с заплечиками имеют очень широкий ареал распространения. Поэтому принадлежность роксоланам некоторых позднесарматских погребений с северной ориентировкой в Северо-Западном Причерноморье возможна, но другие указанные А.Н. Дзиговским археологические признаки далеко не обязательны.

¹ Фокеев М.М. Памятники первых веков н. э. в Буджакской степи // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н. э. Киев, 1987. С. 20.

² Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003. С. 151.

³ Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 158.

⁴ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 53.

Также А.Н. Дзиговский выдвинул предположение, согласно которому основная часть роксолан в середине III в. н. э. покинула дунайские степи и откочевала в Нижнее Подонье, а часть отправилась на Средний Дунай, в Паннонию, где уже давно находились родственные им сарматские племена язигов¹. Напомним, что с конца III в. н. э. этноним «роксоланы» перестает упоминаться в письменных источниках о Северном Причерноморье. Скорее всего, это связано с появлением новых кочевников на Юге Восточной Европы, подчинивших в том числе и часть роксолан. А.Н. Дзиговский поддержал точку зрения Э.А. Рикмана об оседании сарматов на земли Днестро-Дунайского междуречья. По его мнению, об этом мог бы свидетельствовать ряд грунтовых погребений II-III вв. н. э., оставленных, наиболее бедной, осевшей частью роксолан².

Иного мнения по этому вопросу придерживается М.М. Фокеев, который полагал, что для доказательства процесса сентентаризации сарматов Дунай-Днестровского междуречья нет ни каких археологических оснований³. При сравнительном анализе керамики с селищ и из сарматских погребений им было отмечено различие керамической посуды. Подобное может быть только при условии, что памятники оставлены разными группами населения. Грунтовые могильники же возникают у кочевников при стабилизации их жизни, и являются одной из предпосылок для перехода к оседанию, но не причиной оседания. При этом ученый не исключает вероятности принадлежности сарматам некоторых стойбищ в степи Буджака, но подобные стоянки в Северо-Западном Причерноморье так и не были выявлены. По его мнению, сосуществование курганного и бескурганного обряда у сарматов Буджака II – III вв. н. э. объяс-

¹ Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003. С. 175-176.

² Там же. С. 160-162.

³ Фокеев М.М. Памятники первых веков н. э. в Буджакской степи // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н. э. Киев, 1987. С. 21-24.

няется социальными различиями погребенных: знати принадлежали курганные погребения, грунтовые же оставлены рядовым населением¹. В то же время известна и иная точка зрения, согласно которой все грунтовые погребения в древности имели небольшие курганные насыпи, которые были уничтожены в результате распашки земель².

А.В. Симоненко было выдвинуто предположение о вхождении роксолан в состав державы Фарзоя и Инисмея, которые возглавляли аорсский союз племен³. Молдавский археолог В.И. Гросу также предположил, что главенствующую роль в сарматском племенном союзе, руководимым Фарзоем, играли роксоланы⁴. Однако другие исследователи считали, что Фарзой и Инисмей были аланами, сумевшими подчинить западные сарматские племена⁵. Противником идеи соотношения роксолан и сарматов Фарзоя и Инисмея выступил известный историк-антиковед Ю.Г. Виноградов. При этом он исходил из враждебности этих двух племенных группировок, что нашло отражение в известном элгии Плавтия Сильвана⁶. Да и длительное сохранение роксоланских погребений в Северном Причерноморье как бы подтверждает независимость роксолан от орды Фарзоя и его приемника.

¹ Фокеев М.М. Памятники первых веков н. э. в Буджакской степи // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н. э. Киев, 1987. С. 21.

² Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 149; Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I – IV вв. н. э. Киев, 1984. С. 89.

³ Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. Киев, 1991. С. 86. Симоненко А.В. Фарзой и Инисмей — аорсы или аланы? // ВДИ. 1992. № 3. С. 162. Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 164. Симоненко А.В. Фарзой и Инисмей – величайшие цари Аорсии // Древний мир. 2001. № 1. С. 12.

⁴ Гросу В.И. Новые данные о царстве Фарзоя и Инисмея // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы. Кишинев, 1992. С. 146.

⁵ Скрипкин А.С. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1. С. 165; Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003. С. 87-102.

⁶ Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 166.

Недавно А.В. Симоненко, проанализировав вооружение сарматов Северного Причерноморья, пришел к выводу об отсутствии у роксолан катафрактариев как особого рода войск¹. Эта точка зрения не была поддержана специалистами². Реальность существования подобного воинского соединения у ираноязычных номадов подтверждают изображения таких воинов на колонне Траяна, арке Галерия, стеле из Танаиса и др., а также прямые свидетельства античных авторов (Тацит. История. I. 79. 1-4). Правда, в Северо-Западном Причерноморье захоронений катафрактариев обнаружить пока не удалось, может быть, по той причине, что их хоронили без пластинчатых доспехов.

На фоне общего развития сарматологии весьма неожиданными выглядят взгляды Н.Н. Лысенко на проблему роксолан. Без каких-либо оснований он усмотрел в ранних роксоланах виновников гибели населения скифоидных лесостепных городищ (Колокомакское на Ворскле, Семилукское на Верхнем Дону)³. Позднее близкой точки зрения придерживается С.Р. Тохтасьев. По его мнению, роксоланы заселили земли на севере Скифии между Танаисом и Борисфеном между 235 и 200 гг. до н. э.⁴ Но и это мнение явно противоречит имеющимся археологическим и историческим фактам. Мы не отрицаем гипотезы, что Лесостепная Скифия погибает к началу III в. до н. э. в ходе вторжения, прежде всего, сарматских племен⁵. Но говорить о появлении именно роксолан в Восточной Европе можно не ранее конца II в. до н. э.⁶ Получается, что гибель лесостепных скифоидных городищ состоялась как минимум за 100 лет до выхода роксолан на арену истории Юга Восточной Европы⁷. К тому же и в

¹ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 245-250.

² Перевалов С.М. Сарматоведение между историей и археологией // ВДИ. 2007. № 3. С. 152; Нефёдкин А.К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб., 2011. 304 с. и др.

³ Лысенко Н.Н. Военно-политическая история аланов. СПб., 2007. С. 326.

⁴ Тохтасьев С.Р. SAUROMATAE – SARMATAE – SYRMATAE // ХС. 2004. Вып. 14. С. 300.

⁵ Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М., 1999. С. 148-152 и др.

⁶ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 112-114.

⁷ Деревянко А.В. Роксоланы и проблема гибели скифской державы // Новик. 2014. Вып. 19. С. 27-30.

лесостепи собственно «роксоланского» следа – сарматских памятников ранее II в. до н. э. – нет¹. Единичные же погребения раннесарматской культуры могут в лучшем случае свидетельствовать об эпизодическом проникновении сарматов в лесостепь. Как показали исследования сарматской культуры в лесостепном Подонье А.П. Медведева, освоение и утверждение сарматов в лесостепи начинается только с начала н. э.² Таким образом, мнение о заселении роксоланами северной окраины Скифии в III в. до н. э., формирование здесь основной территории их кочевий и их участия в уничтожении городищ скифского времени не находят подтверждения в археологических источниках.

Отметим, что Н.Н. Лысенко также безосновательно попытался доказать роксоланскую этническую принадлежность упоминаемого Полибием в декрете 179 г. до н. э. царя Европейских сарматов Гатала³. Версия об идентификации Гатала как царя роксолан не получила в научной среде поддержки. Ряд ученых полагает, что Гатал возглавлял известных по античным письменным источникам сираков, которых идентифицируют с сарматскими памятниками Нижней Кубани⁴.

Н.Н. Лысенко, сопоставляя данные Страбона и Тацита об упоминаемых ими «роксоланах», сделал вывод, что этим этнонимом у античных авторов называются два абсолютно разных племенных образования. По его мнению, роксоланы Тацита – это и есть истинные сарматские роксоланы, в то время как роксоланы Страбона – это бастарнское племя, известное Клавдию Птоlemeю

¹ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 20-25.

² Берестнев Р.С., Медведев А.П. Сарматские памятники в лесостепном междуречье Дона и Волги (опыт районирования) // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. 2015. № 2 (32). С. 9-10.

³ Лысенко Н.Н. Роксоланы царя Гатала и ревксиналы царя Тасия (к вопросу о военно-политических союзах сарматских племен во II в. до н. э.) // Древности Кубани. – Краснодар. 2003. Вып. 19. // annals.xlegio.ru/sarmat/roks_rev.rar.htm.

⁴ Полин С.В. Гатал — царь сарматский // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. памяти Б.Н. Гракова. Запорожье, 1989. С. 122; Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб, 1994. С. 138-139. Марченко И.И. Царь Гатал и Прикубанье // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1994. С. 52–67; Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. С. 124-126; Молев Е.А. Локализация царства Гатала: историография вопроса и новые аргументы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 2 (1). С. 216-219.

как «ревканалы»¹. Однако сам Птолемей не считал последних бастарнами. Позднее, опираясь на лингвистику, С.Р. Тохтасьев пытался разграничить роксолан (в оригинале - «ревксиналов») херсонесского декрета и роксолан Страбона. По его мнению, «Ῥευξινάλωες» и «Ῥωξολανοί» - это абсолютно разные племена. При этом автор весьма произвольно сближает этнонимы «Ῥευξινάλωες» и «Ῥακαλάνοι», сводя их к единой праформе². Укажем также, что осетинский исследователь Туаллагов А.А. считает, что «Ῥευξινάλωες» являлись отдельным племенным образованием, входившим в состав роксолан³.

В постсоветское время большинство ученых отказались от некогда популярной у российских историков теории о происхождении России и русов от роксолан, показав искусственность и ошибочность построений М.В. Ломоносова, Д.И. Иловайского и пр. Известный российский лингвист О.Н. Трубачев рассмотрел возможность происхождения слова «Русь» от этнонима «роксоланы» и пришел к выводу, что «Русь» отсюда объяснить нельзя. Он доказывает, что в историческом развитии русского языка не могло произойти инверсии звука «о» на «у», поэтому с лингвистической точки зрения связать два этнонима невозможно⁴. Большое внимание разбору средневековых этимологий происхождения «Руси» уделил А.С. Мыльников⁵. Он подробно проанализировал практически все известные версии восточноевропейских и германских авторов. Им также подвергнута справедливой критике искусственная связь по-

¹ Лысенко Н. Н. Роксоланы царя Гатала и ревксиналы царя Тасия // annals.xlegio.ru/sarmat/roks_rev.rar.htm.

² Тохтасьев С.Р. SAUROMATAE – SARMATAE – SYRMATAE // ХС. 2004. Вып. 14. С. 294.

³ Туаллагов А.А. К вопросу об аланском этногенезе осетин // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докл. межрег. научн. конф. Ставрополь, 2001. С. 73.

⁴ Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка: Этимологический словарь. М., 1999. С. 123.

⁵ Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII в. СПб, 1999. 400 с.

литонима «Руси» и этнонима «роксоланы». Недавно И.В. Зиньковская рассмотрела эту проблему на источниковом уровне¹. Она обратила внимание специалистов на то, что росомоны и роксоланы – это разные племенные объединения, которые Иордан в своем труде ни разу не смешивает.

Подведем итоги историографического анализа интересующей нас проблемы. В дореволюционный период ее изучение сводилось в лучшем случае к использованию античной традиции без привлечения археологического материала, хотя подобные призывы со стороны археологов на рубеже XIX-XX вв. время от времени уже звучали. Основное внимание в работах российских историков уделялось интерпретации формального созвучия этнонимов «Русь» и «роксоланы». На этом основании многие дореволюционные историки видели в роксоланах предков Руси и именно с ними связывали этногенез русского народа.

В 20-80-е годы XX в. советскими археологами была проделана огромная работа по изучению сарматской проблематики южнорусских степей:

- создана научная периодизация савромато-сарматских древностей;
- разработана типология массового археологического материала;
- накоплена обширная археологическая база, заложившая основы будущих фундаментальных исследований в сарматской археологии, в том числе и роксоланской проблемы;

- в конце этого этапа происходит формирование региональных школ сарматской археологии, появляются исследователи-сарматологи на местах (в Приуралье, в Поволжье, на Кавказе, в Прикубанье, в Нижнем и Верхнем Подонье, на Украине, в Молдавии).

Что касается собственно этнической атрибуции сарматских памятников, то впервые для изучения этнической принадлежности стал использоваться

¹ Зиньковская И.В. Росомоны Иордана в свете германской эпической традиции и этимологии // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2008. № 2. С. 29.

массовый археологический материал. Однако первая попытка связать с роксоланами конкретный тип погребений, предложенная К.Ф. Смирновым, оказалась не перспективной. Выявлять этническую принадлежность памятников только по типу могил оказалось невозможно. Для этого необходимо, по крайней мере, анализировать погребение в комплексе: погребальное сооружение, обряд и сопровождающий инвентарь. Полученные же результаты анализа археологических источников следует сопоставлять с данными античной традиции, в первую очередь, сведениями о конкретной локализации роксолан в тот или иной период их истории. Тем не менее, многочисленные археологические открытия и исследования 1950-1980-х годов объективно создали возможность разработки новой археологической концепции роксолан.

На современном этапе развития российского и украинского сарматоведения исследователями активно изучаются локальные варианты сарматской культуры и на этой надежной основе разрабатываются вопросы об их этнической принадлежности. Недавно А.В. Симоненко были предложены более надежные археологические критерии для решения проблемы роксолан. Его работы получили признание специалистов. Это направление поиска роксолан мы считаем наиболее перспективным и будем ему следовать в нашем диссертационном исследовании¹. Развитие археологической науки, быстрый рост числа публикаций по сарматской археологии значительно расширяют наши возможности для изучения заявленной темы. В то же время, как показал наш историографический обзор, до сих пор в российской и украинской науке нет монографического исследования, посвященного роксоланской проблеме в целом на основе комплексного анализа нарративных, эпиграфических и археологических источников. Именно эту цель и поставил перед собой автор диссертационного исследования.

¹ Деревянко А.В. Проблема роксоланов в археологических исследованиях второй половины XX - начала XXI века // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 1. С. 61-64; Деревянко А.В. Роксоланская проблема в исследованиях российских и украинских археологов второй половины XX – начала XXI в. // Археология евразийской степи-лесостепи: сб. науч. тр. Воронеж, 2016. С. 96-102.

Глава 2. Роксоланы по данным античной традиции и эпиграфики

В этой главе будет проанализировано содержание всех, известных нам, свидетельств о роксоланах греко-римских авторов, а также в эпиграфике. Для этой цели нами составлен Свод данных античной традиции о роксоланах, приведенный в приложении (табл. 1-3). При анализе источников использовался классический перевод латинских и греческих текстов из известного свода В.В. Латышева¹. В ряде случаев мы сопоставляли его перевод с новейшими изданиями и переводами текстов. Так, к примеру, текст элогия в честь наместника Мезии Тиберия Плавтия Сильвана Элиана приведен в переводе Ю.Г. Виноградова². Начнем с этнонима.

2.1. Этноним «роксоланы»

Наиболее часто встречаемая форма написания этнонима по-гречески «Ῥοξολανοί», по-латински «Roxolani», или «Rhoxolani» (Табл. 1). Как уже указывалось в предшествующей главе, первую известную нам его этимологию предложил В.И. Абаев³. Она сводилась к транскрипции «rox-s-alan»: «rox-s» от древнеиранского «rauxšna», то есть «светлый», «alan» - «аланы» от иран. «aryana», что означает «арийский, ариец». Эти выводы в целом были приняты исследователями⁴. Коррекция этимологии «Roxolani» у О.Н. Трубачева с привлечением индоарийского «ruksa», что в переводе также означает «светлый»⁵, по сути дела не вносит ничего нового. Отсюда можно полагать, что этноним «роксоланы» являлся самоназванием ираноязычного народа, что в дословном

¹ Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 4. С. 169-292. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 2. С. 213-314. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 2. С. 271-356. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 3. С. 203-308.

² Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 162-164.

³ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949. С. 156.

⁴ Трубачев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 27.

⁵ Там же.

переводе на русский язык звучит как «светлые аланы (арийцы)». Но вторая половина этнонима явно указывает на связь роксолан с более известными в античной и раннесредневековой традиции аланами. При этом отметим, что этноним «роксоланы» (конец II в. до н. э.) появляется в источниках, как минимум, на полтора века ранее выхода алан на арену истории (не ранее 36 г. н. э.).

Традиционно, роксоланы рассматриваются в качестве одного из сарматских племен¹. Правда, некоторую путаницу в этническую принадлежность роксолан вводит греческий географ Страбон, который относил роксолан к германцам и скифам одновременно. При первом упоминании этнонима «роксоланы» Страбон определяет их *«последними из известных скифов»* (География. II. V. 7). Здесь стоит напомнить, что термин «скифы» к началу II в. до н. э. стал собирательным обозначением различных кочевых племен, что позже прямо подчеркнет Плиний Старший: *«название «скифы» постоянно переходит на сарматов и германцев»* (Естественная история. IV. 81). Распространяя употребление этнонима «скифы» на ряд новых племен, античные авторы отдавали дань устоявшейся традиции и понимали, что имеют дело с неким общим кочевническим миром. В Скифии и скифах римского времени следует видеть не этнографическое, а географическое понятие, в рамках которого античная историография объединяла весь мир северопричерноморских варваров². Таким образом, «скифы» для Страбона – это собирательное обозначение кочевых ираноязычных племен степей Юго-Восточной Европы.

Крайне запутанным выглядит другой пассаж, в котором Страбон отождествляет роксолан с бастарнами: *«бастарны также, быть может, германская народность и делятся на несколько племен. ...а самые северные, обитающие на равнинах между Танаисом и Борисфеном называются роксоланами»* (География. VII. III. 17). Это свидетельство Страбона породило давние споры

¹ Смирнов К.Ф. О погребениях роксолан // ВДИ. 1948. № 1. С. 213-217; Симоненко О.В. Роксолани (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. 1991. № 4. С. 17-19 и др.

² Граков Б.Н. Термин Σκύθαι и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК. М.-Л., 1947. Вып. XVI. С. 79.

в научной литературе относительно реальности отнесения роксолан к сарматам¹. Все же, большинство ученых-сарматологов традиционно относят их к сарматам, а в тексте «Географии» усматривают указание на существование военного союза между роксоланами и бастарнами² или простую «обмолвку» античного географа³. Вполне вероятно, что в этом отрывке все же следует признать неудачное соединение этнографического экскурса о бастарнах и фрагмента общегеографической конструкции, определяющей северные пределы ойкумены (где греческий географ локализует роксолан), в результате чего и возникла подобного рода путаница, породившая разнообразные теории.

Первым из греко-латинских авторов, кто вполне определенно считал роксолан сарматским народом (*Rhoxolani, Sarmatica gens*), был римский историк Тацит. Клавдий Птолемей делит все сарматские племена на «многочисленные» и «менее значительные». К первым, в том числе, он относит и роксолан (Ш. 5. 7-8). На Певтингеровой карте прямо указано «*Roxulani. Sarmate*», что уже не должно вызывать вопросов об этнической принадлежности роксолан, по крайней мере, римской эпохи.

Таким образом, роксоланы – это вполне определенная ираноязычная сарматская этническая группа, такого же таксономического уровня, что и язиги, сираки, аорсы. По практически единодушному мнению современных ученых, этноним «сарматы» быстро стал очень широким, близким по своему содержанию таким этническим названиям как «скифы», «германцы», «славяне», а народы, включаемые античными авторами в число сарматских, могли в достаточной мере отличаться друг от друга, иметь свои самоназвания и свою

¹ Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э. – I в. н. э. // АСГЭ. 1974. № 16. С. 128; Щукин М.Б. Проблема бастарнов и этнического определения поянешты-лукашевской и зарубинецкой культур // ПАВ. Вып. 6. 1993. С. 91.

² Воронятов С.В. Сарматский и южно-балтийский импульс в постзарубинецких древностях горизонта Рахны-Почеп (втор. пол. I - нач. II в. н. э.): Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. СПб., 2018. С. 85-86.

³ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 109; Тохтасьев С.Р. SAUROMATAE – SARMATAE – SYRMATAE // ХС. 2004. Вып. 14. С. 302.

историческую судьбу¹. Среди сарматов имелись многочисленные независимые этносы. Такими нам представляются роксоланы в свете античной литературной традиции.

2.2. Опыт составления роксоланской хроники

Основой научной истории любого народа является хронология. Применительно к роксоланам материалы для разработки их хронологии нашли весьма слабое отражение в литературных источниках (табл. 4). Выход роксолан на историческую арену впервые зафиксирован в связи с событиями Диофантовой войны в Крыму в самом конце II в. до н. э. Об участии роксолан в войне скифов против Понтийской державы Митридата Великого сообщают два независимых источника – декрет в честь Диофанта (рис. 2, а, б) и свидетельство греческого географа Страбона (География. VII. III. 17).

В херсонесском декрете в честь Диофанта, полководца Митридата VI Евпатора, наименование интересующего нас народа записано в форме Ῥευξιναλῶς («ревксиналы»). Такая искаженная форма этнонима в декрете могла быть вызвана как ошибкой резчика², так и тем обстоятельством, что роксоланы только что попали в поле зрения понтийских греков и имя их еще было не на слуху. В XX и XXI столетиях это обстоятельство породило среди ученых различные суждения об этнической принадлежности союзников скифов из этого декрета и их соотношении с более поздними роксоланами³. В «Географии» Страбона, упомянувшего те же самые события в Крыму, интересующий нас этноним впервые фиксируется в классической транскрипции Ῥωξολανοί («роксоланы»).

¹ Скрипкин А.С. Сарматский феномен // Сарматы и Восток. Волгоград, 2000. С. 133.

² Полин С.В., Симоненко А.В. Скифия и сарматы // ДД. Азов, 1997. Вып. 5. С. 94.

³ Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э. – I в. н. э. // АСГЭ. 1974. № 16. С. 128.

Итак, исходя из имеющихся сведений в указанных источниках, роксоланы уже в конце II в. до н. э. выступают в качестве активного союзника поздних скифов, которые ведут войну против Херсонеса и понтийской армии под руководством Диофанта (так называемые «Диофантовы войны»). На основе анализа сведений Страбона и археологического материала, А.Н. Дзиговский приходит к выводу, что в степях в это время складывается сильный бастарно-скифо-роксоланский военный союз¹. О возможности существования военного союза между роксоланами и бастарнами писали М.Б. Щукин² и С.В. Воронятов³. Но ни в тексте «Географии» Страбона, ни в других письменных источниках прямых указаний на наличие подобного объединения нет. К тому же, нет никаких сообщений об участии в Диофантовых войнах бастарнов. Взаимовстречаемость же вещей разных культур могла быть результатами торговых связей этносов и модой на определенные категории инвентаря (например, распространение в сарматских погребениях некоторых фибул позднезарубинецкого типа). Скорее всего, в данном конкретном случае роксоланы выступали в качестве наемников на стороне крымских скифов.

Диофантову войну современные исследователи датируют концом II в. до н. э., несколько расходясь в конкретных датах: одни называют 110-107 гг. до н. э.⁴, другие – 114-111 гг. до н. э.⁵ В первый год войны (114 или 110 г. до н. э.) роксоланское войско под предводительством Тасия совместно со скифским под руководством Палака (рис. 2, в) в Крыму у г. Калос Лимен потерпело сокрушительное поражение от армии Диофанта (рис. 3). От полученного удара

¹ Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003. С. 163

² Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб, 1994. С. 153.

³ Воронятов С.В. Сарматский и южно-балтийский импульс в постзарубинецких древностях горизонта Рахны-Почеп (втор. пол. I - нач. II в. н. э.): Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. СПб., 2018. С. 85-86.

⁴ Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 70-74; Молев Е.А. Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995. С. 43-44.

⁵ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 137.

скифы так и не смогли оправиться и проиграли войну. После неудачного похода в Крым роксоланы выпадают из поля зрения практически на полтора столетия.

Следующее их появление на арене истории связано с бурными событиями на юге Восточной Европы в середине I в. н. э. В это время здесь в южно-русских степях появляются аланы¹. Агрессивная политика новых завоевателей вызвала череду миграций на запад, что коснулось и роксолан.

Сведения о роксоланах в этот период можно почерпнуть из элогия в честь выдающего римского государственного деятеля Тита Плавтия Сильвана Элиана, бывшего при Нероне в 56-66 гг. наместником римской провинции Мезии. За свои удачные военные действия в Мезии и на Понте Сильван был вознагражден *ornamenta triumphalia* – высшей наградой древнеримских полководцев в эпоху империи². Сочиненный во второй половине I в. н. э. по смерти Плавтия Сильвана элогий содержит информацию по истории и этногеографии Северного Причерноморья 60-х гг. н. э. и является ценным источником для реконструкции событий в регионе³.

Из элогия видно, что между 60 и 64 гг. в Северо-Западном Причерноморье происходят какие-то военные столкновения⁴. После отправки квартировавшегося в Мезии римского войска в Армению на границе Империи вспыхнуло движение сарматов. В последнее время многие исследователи сходятся во мнении, что под сарматами здесь следует понимать орду кочевников, возглавляемых Фарзоем⁵, доминантным этносом которой были, скорее всего,

¹ Скрипкин А.С. Сарматы и Восток: избранные труды. Саратов, 2010. С. 236-300; Туаллагов А.А. Ранние аланы. Владикавказ, 2014. С. 234-364.

² Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае в I-IV вв. н. э. М., 2000. С. 63.

³ Воронятов С.В. Сарматский и южно-балтийский импульс в постзарубинецких древностях горизонта Рахны-Почеп (втор. пол. I - нач. II в. н. э.): Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. СПб., 2018. С. 82-83.

⁴ Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб, 1994. С. 217; Зубар В.М. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. 1988. Вып. 63. С. 20.

⁵ Щукин М.Б. На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования) // Кочевники евразийских степей и античный мир: проблемы контактов. Новочеркасск. 1989. С. 45.

пришедшие с востока аланы¹. Правда, стоит заметить, что некоторые ученые склонны видеть в сарматах Фарзоя прибывших из-за Дона аорсов², бывших мощной военно-политической силой Азиатской Сарматии в предшествующее время.

Против новых восточных пришельцев под руководством Рима складывается военная коалиция, в состав которой вошли даки, бастарны и роксоланы. Как следует из элогия, союзники под руководством полководца Плавтия Сильвана совершили восточный поход и смогли разбить сарматскую орду, тем самым, казалось бы, восстановив равновесие в степи³. По окончании военной акции родственники царей союзных варваров, которые ранее оказались в плену или в заложниках у сарматов, были освобождены. В частности, царю роксолан были возвращены его сыновья.

Таким образом, надо полагать, что с появлением в середине I в. н. э. в Северном Причерноморье сарматской группы Фарзоя между новыми пришельцами и старыми насельниками – роксоланами – происходят военные столкновения. О подобной модели развития отношений между двумя кочевыми племенными группировками сарматов писал Ю.Г. Виноградов⁴. Роксо-

¹ Карышковский П.О. Новая монета царя Фарзоя // Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. Днепропетровск, 1980. С. 121; Скрипкин А.С. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1. С. 165; Яценко С.А. Об этносе - противнике Плавтия Сильвана в Северо-Западном Причерноморье около 62 г. н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Ростов-на-Дону, 2001. С. 115-117; Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003. С. 87-102.

² Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев, 1991. С. 86; Симоненко А.В. Фарзой и Инисмей — аорсы или аланы? // ВДИ. 1992. № 3. С. 162; Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 166.

³ Воронятов С.В. Сарматский и южно-балтийский импульс в постзарубинецких древностях горизонта Рахны-Почеп (втор. пол. I - нач. II в. н. э.): Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. СПб., 2018. С. 88-94.

⁴ Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 166.

ланы, вероятно, потерпели поражение и, равно как бастарны и даки, были вынуждены искать помощи со стороны. После этого и состоялся военный поход союзников на восток в составе армии Плавтия Сильвана.

По завершении боевых действий ближайшие родственники правителей римских союзников оказались теперь в числе заложников у Плавтия Сильвана. Известно, что варварские государства и античный мир широко практиковали такую форму мирного договора¹. Главной его целью являлось сохранение лояльности варварских племен. Учитывая дальнейшие события, произошедшие в отношениях между Римом и роксоланами, последние вряд ли предоставили своих сородичей в числе заложников.

Итак, мы видим, что состоявшийся между 60 и 64 гг. совместный успешный поход войск Римской империи, даков, бастарнов и роксолан против сарматов на время дезориентировал кочевое объединение Фарзоя, но впоследствии им была восстановлена власть в Северном Причерноморье².

Политика самих же роксолан по отношению к Римской империи после похода резко меняется. Воспользовавшись отсутствием войск в приграничной провинции Мезии, в 67 и зимой 68/69 гг. н. э. они совершили нападения на римские владения (Тацит. История. I. 79. 1-4). Первый поход был успешным, и роксоланы спустя год решили повторить свою акцию. Анализ свидетельства Тацита показывает, что совершенное ими вторжение в провинцию Мезия отражает природу войн кочевников³. Роксоланы, как и многие другие кочевые племена, не стремились к покорению чужих земель. Главной целью их набегов была добыча, которую они старались захватывать неожиданно, когда противник был отвлечен другими внутренними или внешними делами. Увлечшись грабежом, они в момент второго похода зимой 68/69 гг. оказались застигну-

¹ Крадин Н.Н. Империя хунну. М., 2002. С. 47.

² Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб, 1994. С. 214-218; Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003. С. 93-94.

³ Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002. С. 356-357.

тыми врасплох и не смогли эффективно сражаться. Как результат, роксоланские конные воины потерпели сокрушительное поражение. За победу над роксоланами легат Мезии Марк Апоний был награжден триумфальной статуей, а легаты легионов – консульскими украшениями. Согласно сообщению Иосифа Флавия (Иудейская война. VII. 89-95), сарматы (к сожалению, Флавий не уточняет их племенную принадлежность) в январе 70 г. разбили армию нового легата Мезии Фонтя Агриппы, который погиб во время боя. Провинцию же они подвергли новому разграблению. Поэтому император Веспасиан послал в Мезию Рубрия Галла, который в том же году одержал победу над ними, а напавших, оставшихся в живых, изгнал. После этого гарнизоны на Дунае были усилены. Нельзя исключать и того, что нападения 70 г. происходили при участии роксолан.

До начала II в. н. э. мы снова не имеем у античных авторов никаких конкретных сведений по истории роксолан. Очередное их упоминание приходится на время правления императора Адриана (117-138 гг.). Согласно сообщению историка Спартиана (Адриан. 6. 6-8), в начале II в. н. э. римлянам удалось отбить набег язигов с венгерской низменности. Но вскоре последние совместно с роксоланами производят вторжение в римскую провинцию Мезия. Поэтому император Адриан, не теряя времени, отправился с войском в эту дунайскую провинцию. Он вступил в переговоры с представителем роксолан, который назван в тексте источника царем (*rege Roxolanorum*). Этого роксоланского царя не без основания соотносят с царем роксолан Распараганом, надгробная плита которого была обнаружена в римском г. Пола¹. Адриан, желая избежать открытого военного конфликта, повысил царю роксолан денежные выплаты. Данное событие обычно относят к 117-118 гг.² В этот период

¹ Алемань А. Аланы в древних и средневековых источниках. М., 2003. С. 119-120.

² Ременников А.М. К истории сарматских племен на Среднем Дунае в IV в. н. э. // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Казань, 1957. Вып. 12. С. 391; Перевалов С.М. Рец. на А.Р. Birley. Hadrian: the restless emperor. London – New York, 1999 // ВДИ. 2003. № 3. С. 234.

практика денежных выплат со стороны Римской империи за лояльность племенной знати становится обычным явлением¹. При Адриане империя переходит к стратегической обороне. Подобная дистанционная экзоэксплуатация характерна для кочевого мира в целом². Императоры платят варварам деньгами и подарками, а последние не нарушают границ государства.

Нам представляется, что на положении роксолан сильно отразились события Маркоманских войн 167-180 гг. Так, один из писателей истории Августов (*Scriptores Historiae Augustae*) Юлий Капитолин в биографии Марка Аврелия сообщает о заговоре, составленном варварами против Римской империи. Среди «заговорщиков» он называет и роксолан (22. 1-2). Для римлян эта война была успешной, но завершить ее победоносно Марку Аврелию помешали внутренние смуты. Сначала в 175 г. в Сирии случилось восстание главнокомандующего армией Авидия Кассия, который на востоке провозгласил себя новым императором, и Марку Аврелию пришлось срочно завершить I Маркоманскую войну, бросив силы на подавления мятежа на востоке. Это сразу ослабило римский дунайский лимес и привело в движение варварский мир во главе с маркоманами. Во II Маркоманской войне 177-180 гг. роксоланы уже не упоминаются, хотя Юлий Капитолин сообщает об участии в войне каких-то сарматов. Скорее всего, здесь под сарматами (как и в первом случае) имеются в виду язиги. В этой связи необходимо подчеркнуть, что ни современник событий Дион Кассий (Римская история. LXXI. 3-21; 33 (4)), ни римский историк IV века Флавий Евтропий (Краткая история от основания города. VIII. 12. 2-13. 2), в чьих трудах освещены Маркоманские войны, ничего не сообщают об участии роксолан в них. Все это заставляет скептически относиться к сведениям Юлия Капитолина о роксоланах как активных участниках Маркоманских войн. Вероятно, в случае с участниками I Маркоманской

¹ Нефёдкин А.К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб., 2011. С. 29.

² Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975. С. 161.

войны, где упомянуты и роксоланы, мы имеем дело с простым перечислением варварских племен, обитавших у границ империи, а не только с реальными участниками военных акций, особенно, 177-180 гг.

По окончании II Маркоманской войны в 180 г. язиги, выступавшие против империи, вынуждены были прислать в Рим посольство с предложением о мире. Уже больной Марк Аврелий, будучи снисходительным к ним, освободил язигов от многих наложенных на них ограничений, в том числе разрешил возобновить им контакты с роксоланами (Кассий Дион. Римская история. LXXI. 19. 2). И если язиги выступали активными участниками двух Маркоманских войн¹, то роксоланы, по-видимому, сохраняли в это время нейтралитет. По крайней мере, об их участии в событиях и I, и II Маркоманских войн достоверных свидетельств не имеется.

Последнее упоминание в нарративных источниках о роксоланах связано с событиями третьей четверти III в. н. э., произошедшими в Мезии. В 260 г. при поддержке жителей названной провинции римский полководец Регалиан был провозглашен правителем. Но римские провинциалы, боясь кары со стороны законного императора Галлиена (253-268 гг.), решили избавиться от самозванца. Чтобы избежать конфликта с императором, узурпатор был умерщвлен. Известно, что низложение Регалиана состоялось при активном участии роксолан (Капитолин. Тридцать тиранов. 10. 2). Надо думать, что провинциалы для противодействия мятежникам искали военную силу, которую нашли в лице соседних номадов – роксолан. И в качестве наемников роксоланы совместно с римлянами подавили движение Регалиана. Отсюда, можно полагать, что роксоланы со времен Траяна и Адриана и до 260 г. находились вблизи римской границы в Нижнем Подунавье, на границах провинции Мезия.

К 274 г. относится триумф Аврелиана, в котором согласно сведениям Флавия Вописка Сиракузского по Риму были проведены пленные роксоланы

¹ Ременников А.М. К истории сарматских племен на Среднем Дунае в IV в. н. э. // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Казань, 1957. Вып. 12. С. 392.

(Божественный Аврелиан. 33. 4). Но надо помнить, что факт участия роксолан в триумфе этого императора является весьма спорным. Безоговорочно доверять этому сообщению автора нельзя, так как при описании триумфа он называет слишком большое число племен, чьи вожди были проведены по улицам Вечного города¹. Скорее всего, здесь представлен список соседних империи варварских народов, известных составителю биографии Аврелиана.

Таким образом, хронологический диапазон известной по достоверным литературным источникам внешнеполитической активности роксолан охватывает временной промежуток со 110 г. до н. э. до 260 г. н. э. (может быть, и 274 г.). Данных об участии роксолан в каких-либо более поздних событиях мы не знаем. Видимо, к концу III в. н. э. они сходят с политической арены или входят в состав какого-то иного кочевого объединения.

Правда, стоит здесь оговориться, что в науке устойчиво утвердилось мнение об отождествлении поздних роксолан с сарматами-ардарагантами на территории Среднего Подунавья². Допускается, что к началу IV в. н. э. роксоланы уже переселились в Паннонию, где ранее кочевали язиги. Вполне возможно, что исчезновение в IV в. н. э. названий «роксоланы» и «язиги» из письменных источников на фоне ставшего обычным использования названия сарматы связано с тем, что после прихода роксолан в земли язигов произошло становление нового единого союза на базе этих двух этнических элементов³. Взаимодействие двух народов могло привести в итоге к их этнической ассимиляции и интеграции. В данной работе мы не рассматриваем этот вопрос, поскольку он находится за хронологическими рамками указанной темы, тем более, что он совсем недавно был освещен в статье А.П. Медведева⁴. Отметим

¹ Алемань А. Аланы в древних и средневековых источниках. М., 2003. С. 53.

² Ременников А.М. К истории сарматских племен на Среднем Дунае в IV в. н. э. // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Казань, 1957. Вып. 12. С. 399-402 и др.

³ Туаллагов А.А. Поздние сарматы на границах Рима // Известия СОИГСИ. 2009. № 3 (42). С. 86-87.

⁴ Медведев А.П. Еще раз о сарматах-лимигантах. Взгляд из Сарматии (к дискуссии с юбилеем) // Раннеславянский мир. 2017. Вып. 19. С. 121-127.

лишь, что к тому времени, как в 370-е гг. в Паннонию вторглись гунны, упоминания об ардарагантах и лимигантах уже исчезли из письменных источников. Можно предполагать, что эти народы оказались поглощенными более сильными объединениями.

2.3. География упоминаний роксолан у античных авторов

Наибольшее количество упоминаний в античной традиции роксолан связано с их географической локализацией. Это неудивительно, ведь древние авторы старались отразить этногеографические реалии ойкумены, причем чаще всего, с прагматической целью – потенциального врага надо знать в лицо. Особенно это характерно для авторов римской эпохи.

Первым в этом ряду следует еще раз назвать греческого географа рубежа эр Страбона и его «Географию», в которой он описал Северное Причерноморье. Сам Страбон, несмотря на то, что объехал почти весь мир – от Армении до Сардинии и от Черного моря до Эфиопских гор на Верхнем Ниле¹, – в Северном Причерноморье не был и с сарматскими племенами лично никогда не сталкивался (География. VII. II. 4). Источниками для описания северопричерноморских варваров в «Географии» ему служили сочинения предшественников позднеэллинистического времени. Среди них в качестве основных исследователи называют Эратосфена Киренского (ок. 272 - 192 гг. до н. э.) и Посидония Апамейского (ок. 130 - 51 гг. до н. э.)². Поэтому представленная в

¹ Стратановский Г.А. Страбон и его география // Страбон. География: в 17 кн. М., 2004. С. 7.

² Ростовцев М.И. Страбон как источник для истории Боспора // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 21 Харьков, 1914. С. 375; Грацианская Л.И. Страбон и источники его «Географии» (к истории вопроса) // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. М., 2009. С. 86-89; Алемань А. Аланы в древних и средневековых источниках. М., 2003. С.156;

«Географии» картина расселения племен в Северном Причерноморье отражает впечатления эллинистических авторов об этнической ситуации в междуречье Дона и Днепра, скорее всего конца II – I вв. до н. э.¹ (Рис. 4).

Согласно «Географии», роксоланы занимали равнинные земли между Танаисом (Доном) и Борисфеном (Днепром) (II. V. 7; VII. III. 17). На западе с ними граничат урги, царские сарматы и язиги, обитавшие в междуречье Борисфена и Истра (Днестра) (VII. III. 17). На северо-западе от кочевий роксолан греческий автор помещает бастарнов (VII. III. 17). Указать северные пределы кочевания роксолан, равно как и их северных соседей, автор не мог в силу нехватки информации (II. V. 7; VII. III. 17). С востока земли роксоланов ограничивала река Танаис, а на юго-востоке, в районе Меотиды – савроматы (сарматы) (II. V. 7). Таким образом, во II – I вв. до н. э. роксоланы занимали обширные степные пространства Доно-Днепровского междуречья, судя по всему являясь здесь единовластными владыками.

Иную географическую ситуацию для I в. н. э. дает Плиний Старший в «Естественной истории». Его произведение представляет собой грандиозный труд, состоящий из 37 книг и является исчерпывающей энциклопедией всего того, что знал античный мир во времена его расцвета. Во многом работа Плиния является компиляторским сочинением – в большинстве своем она состоит из фрагментов произведений более ранних греческих и римских авторов. Книги III – VI посвящены географическому описанию мира. Основным источником по этногеографии Северного Причерноморья для римского энциклопедиста послужила карта мира Марка Випсания Агриппы (начало I в. н. э.), вы-

¹ Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э. – I в. н. э. // АСГЭ. 1974. № 16. С. 124-126.

полненная по обычным для античной географической литературы канонам картографического жанра¹. Помимо нее Плиний использовал актуальные свидетельства наместников Мезии Тита Флавия Сабина и Тиберия Плавтия Сильвана, хорошо знавших ситуацию и события в Восточной Европе².

Плиний перечисляет находящиеся к северу от Истра (Дуная) племена (рис. 5). По его описанию, за Истром сразу живут даки. На северо-западе от даков, в Паннонии, обитают язиги-сарматы. На восток от даков он помещает сарматские племена, среди которых аорсы, которых он называет «амаксобии» (букв. «живущие в повозках»), далее упоминаются скифы рабского происхождения («трогодиты») и аланы. К северу от алан Плиний локализует роксолан (IV. XII. 80). Перечисленные сарматские племена занимали земли между Истром и Тирасом. В междуречье Тиры и Борисфена он размещает племена тирагетов, асиаков и кробиггов (IV. XII. 82). В Крыму – скифов-сардов и сираков (IV. XII. 83).

К востоку от Днепра информацию Плиния нельзя считать актуальной (IV. XII. 88). Здесь им представляется перечень племен, восходящий своими корнями еще к IV книге «Истории» Геродота: авхеты, гелоны, тиссагеты, будины, базилиды (царские скифы), агафирсы и др. Таким образом, в тексте Плиний соединяет разновременные источники и включает в один перечень сведения о народах различного происхождения и хронологии. При реконструкции карты Северного Причерноморья мы имеем дело как с явными анахронизмами, восходящими к греческим источникам V – IV вв. до н. э. (скифы, савроматы, трогодиты), так и с современными автору этнонимами: даки, аорсы, язиги, аланы, роксоланы, бастарны и др.

¹ Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 35-41; Рис. 2. Рис. 3. Алемань А. Аланы в древних и средневековых источниках. М., 2003. С. 47.

² Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 10; Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб, 1994. С. 210; Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М., 2011. С. 146-152.

Но в целом, Плиниева этнокарта Восточной Европы (за исключением явных анахронизмов) воспроизводит ситуацию времени, близком жизни и творчеству великого римского энциклопедиста. Сведения Плиния отражают происходившие передвижения номадов в северопричерноморских степях в середине I в. н. э. Сопоставление этнокарт Страбона и Плиния фиксирует те изменения, которые происходили в сарматской среде в это время: появление алан, переселение язигов на Средний Дунай (язиги-метанасты), откочевка аорсов на запад в Северное Причерноморье, сираков – в Тавриду, а самих роксолан – в Северо-Западное Причерноморье. При этом, вероятно, роксоланам удалось сохранить за собой и кочевья в Таврике. Таким образом, мы можем засвидетельствовать, что в середине I в. н. э. происходит смещение различных сарматских группировок, в том числе роксолан, на запад.

Сведения о роксоланах содержатся в трактате древнегреческого географа Клавдия Птолемея «Географическое руководство», составленном около 160 г. Его грандиозный труд представляет собой собрание знаний о географии всего известного античным народам мира¹. Птолемей первым из древних авторов разделил Сарматию на Европейскую и Азиатскую (III. 5. 1), положив границей между ними р. Танаис – Дон (рис. 6)². Сама его карта носит сложный и противоречивый характер. Зачастую Птолемей дает сведения о современных ему народах и народах, уже давно сошедших с исторической арены³. Наиболее подробный анализ исходных материалов, которыми пользовался Птолемей, недавно дал П.В. Шувалов⁴. Историк подметил, что по Европейской Сарматии

¹ Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 219-304.

² Медведев А.П. К вопросу об идентификации реки Танаис по данным Птолемея // Историческая география Черноземного центра России. Воронеж. 1989. С. 149-156. Медведев А.П. Река Танаис в системе историко-археологических реалий скифского времени // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск. 1993. С.129-137.

³ Щеглов Д.А. Древнейшие греческие описания Скифии в интерпретации эллинистической географии // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования 2003 г. М., 2005. С. 291.

⁴ Шувалов П.В. Три карты Европейской Сарматии Клавдия Птолемея (Three maps of the European Sarmatia of Claudius Ptolemaeus) // SP. 2013. № 4. С. 75-89.

греческий географ практически не имел сведений о соотношении народов с реками. В результате этого реконструируемая по тексту карта Восточной Европы явно имеет зоны «слабой связанности» названий между собой. Саму карту П.В. Шувалов считает возможным разделить на две зоны: балтийскую и причерноморскую. За ними стоят три разных карты: карта народов вдоль пути рядом или вдоль Вистулы и побережья Венедского залива, карта народов юга Сарматии от Дакии и Карпат до Рипейских гор и карта «горы-реки-поселения» от Вистулы до Меотиды. Соединенные Птолемеем различные сведения наложили отпечаток на его фундаментальную работу.

Применительно к югу Восточной Европы, «Географическое руководство» отражало этническую номенклатуру I – начала II вв. н. э.¹

По информации античного географа, роксоланы («*Ρωξολανοί*») были одним из многочисленных сарматских племен в Европейской Сарматии (Ш. 5. 7). При этом, в отличие от сведений Страбона, роксоланы не являлись единственным господствующим кочевым народом Доно-Днепровского междуречья². На ряду с язигами, они кочевали по побережью Меотиды (Ш. 5. 7; Ш. 5. 10). На западе их земли ограничивали владения бастарнов и хунов, выше (севернее) которых располагались певкины и венеды. На северо-востоке их соседями было племя осилов, которое находилось в излучине Дона и граничило с обитавшими в устье Танаиса офлонами и танаитами. Вглубь страны на север от роксолан располагались гамаксобии («живущие в повозке»), отождествляемые с аорсами³, и скифы-аланы (здесь возможно речь идет об аланах⁴). А

¹ Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 57; Пьянков И.В. Восточный Туркестан в свете античных источников // Восточный Туркестан в Древности и Раннем Средневековье. М., 1988. С. 199; Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 60. Скрипкин А.С. Проблемы этнической истории Нижнего Дона в IV в. до н. э. и некоторые вопросы ранней истории сарматов // НАВ. Волгоград, 2009. Вып. 10. С. 180 и др.

² Удальцов А.Д. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. // СЭ. 1946. № 2. С. 46-47.

³ Шилов В.П. Аорсы (историко-археологический очерк) // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 84.

⁴ Скрипкин А.С. О времени появления алан в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // Сарматы и Восток. Волгоград, 2010. С. 236-300.

между роксоланами и гамаксобиями на карте Птолемея расположено загадочное племя «*Ρακαλάνοι*» – ракаланов или ревкаланов (Ш. 5. 10). Кроме географической локализации этого племени, Птолемей не приводит никаких дополнительных сведений. Мы можем лишь предположить, что упоминаемые Клавдием Птолемеем *Ρακαλάνοι* – это один из искаженных вариантов названия роксолан, восходящий к архаической форме из декрета в честь Диофанта. Таким образом, и этот более поздний автор локализует основные кочевья роксолан к западу от Дона и к востоку от Днепра.

Топоним «роксоланы» зафиксирован на римской карте *Tabula Peutingeriana* (TP) – Певтингеровы таблицы (рис. 7). Эта латиноязычная карта мира составлена на закате античной эпохи, хотя, возможно, имела более ранние прототипы первых веков н. э. Она дошла до нас в поздней копии XII – XIII вв., восходящей своими корнями к оригиналу III – IV вв. По заключению А.В. Подосинова, Певтингерова карта была составлена в начале III в. н. э., а последние правки в нее вносились вплоть до V в. н. э.¹ В целом, TP приводят весьма скудную информацию по этногеографии Восточной Европы, так как она представляла римский итинерарий. Ее авторов интересовали, прежде всего, земли, входившие в Римскую империю.

Роксоланы размещены на Певтингеровой карте между реками Гипанис (Южный Буг) и Нусак (Днепр) в среднем их течении, что близко географической локализации Плиния Старшего (рис. 3). Часть междуречья Днестра и Южного Буга именуется как «*Sors Desertus*», которую А.В. Подосинов предлагает отождествлять с «Пустыней гетов» ранних античных авторов². К югу от роксолан до Понта племенные группировки также отсутствуют. В междуречье Дона и Днепра вообще не указано никаких племен – составитель TP показывает пустоту этой обширной территории. По течению Северского Донца указаны *Serdelae* – из других источников название такого племени неизвестно. В

¹ Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 295.

² Там же. С. 288.

среднем течении Танаиса располагаются загадочные Tanasis и Galatie. Если первых еще как-то можно связать с названием Танаиса, то вторые вызывают фантастические ассоциации только с галатами и провинцией Галатия в Малой Азии.

Такова этническая картина Северного Причерноморья по Певтингеровым таблицам. Стоит заметить, что на карте размещены и другие сарматские племена. Так, в частности, к северу от Кавказа мы находим алан (Alani), а на северо-восточном побережье Черного моря по соседству с амазонками – Arsoae, скорее всего, аорсы Страбона¹. Важно подчеркнуть, что на всей северопричерноморской степи здесь упомянуты только роксоланы.

Сообщаемая Тацитом, историками SHA, Дионом Кассием активность роксолан на границе Римской империи может указывать на то, что это племя, как минимум, с 70-х годов I в. н. э. кочевало в непосредственной близости от римского лимеса. Дион Кассий писал: «...он (*Марк Аврелий*) разрешил им (*язигам*) сообщаться с роксоланами через Дакию столь часто, как позволит правитель этой провинции» (Римская история. 3. 4. 2). Язиги в 174 г. н. э. (дата заключения договора) находились на территории Паннонии. Исходя из того, что между язигами и роксоланами была только римская провинция Дакия, то роксоланы, скорее всего, находились либо в степях Буджака, либо севернее, в среднем течении Днепра и Южного Буга, что соотносится со сведениями в *Tabula Peutingeriana*.

Автор IV в. н. э. Аммиан Марцеллин локализует роксолан на побережье Меотиды (XXII. 8. 31). Ученые давно обратили внимание на то, что перечень списка племен в XXII книге римского историка носит анахронический характер и отражает этногеографическую ситуацию предшествующего исторического периода². В частности, последовательность перечисления племен у ве-

¹ Алемань А. Аланы в древних и средневековых источниках. М., 2003. С. 55-56.

² Зиньковская И.В. Королевство Эрманариха: источники и историография. Воронеж, 2010. С. 19-20.

ликого римского историка оказалась во многом близка списку Клавдия Птолемя¹. В полном согласии с более ранней античной географической традицией (но не современной ему реальностью!) он локализует роксолан совместно с язигами западнее и севернее Меотиды (XXII. 8. 31). Весьма существенно то, что в XXXI книге, где дается характеристика современной автору геополитической ситуации конца IV в., этноним «роксоланы» отсутствует². В то время, историк отмечает, что среди сарматов главенствующее положение заняли аланы, распространившие на остальных свое имя (XXXI. 2. 13; 16-17). Таким образом, Аммиан, хотя и упоминает роксолан, но в той части труда и в том этногеографическом контексте, какого уже давно не было в его время.

Еще один анахронизм мы встречаем в труде готского историка VI в. н. э. Иордана. Он писал: *«Эту Готию (Дакию), ... тогда ограничивали с востока ароксоланы, с запада язиги, с севера сарматы и бастерны, с юга – река Данубий. Язиги же от ароксолан отделяются только рекой Алутой»* (Гетика. 74-75). По мнению специалистов, описываемая этническая ситуация могла иметь место где-то в середине III в. н. э., к началу заселения готами Северного Причерноморья³. При этом нет сомнения, что под «ароксоланами» следует понимать тот же этноним «роксолан», только искаженный. С рекой Алутой уверенно отождествляется левый приток Нижнего Дуная - р. Олт, по которой до 70-х годов III в. проходила восточная граница римской провинции Дакия. Следовательно, кочевья роксолан к середине III в. н. э. еще располагались к востоку от р. Олт. Укажем, что это свидетельство из труда Иордана перекликается со сведениями Диона Кассия, у которого Дакия также занимала территорию между кочевьями роксолан и язигов (Римская история. LXXI. 19. 2).

¹ Алемань А. Аланы в древних и средневековых источниках. М., 2003. С. 70.

² Зиньковская И.В. Королевство Эрманариха: источники и историография. Воронеж, 2010. С. 21-23.

³ Скржинская Е.Ч. Иордан и его «Getica» // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб., 2000. С. 24.

Последнее упоминание роксолан, которое также следует признать анахронизмом, содержит латиноязычная «Космография» Анонима из Равенны, датируемая приблизительно 700 г. н. э. Это характерный памятник переходной эпохи от античности к средневековью. Труд сочетает в себе ставшие давно хрестоматийными для римских географов этнонимы (скифы, сарматы, амазонки) и сравнительно новые реалии, ставшие известными в период Великого переселения народов (склавины, карпы, готы и т.д.). В качестве своего источника для описания восточноевропейской территории автор «Космографии» называет некоего Сардония, о котором мы не имеем никаких сведений¹. В Восточной Европе среди прочих Равеннский Аноним называет роксолан, которых локализует в бассейне р. Вислы (Рис. 8). По его представлениям, земля к северу за ними не заселена вплоть до Скандинавии. Как нам представляется, эта традиция северной локализации роксолан берет начало еще со времен греческого географа Страбона, который отмечал, *«и области за страной роксоланов необитаемы вследствие холода»* (II. V. 7). Таким образом, Равеннат продолжал следовать античной традиции, поместив роксолан на крайние северные пределы античной ойкумены.

Таким образом, мы можем говорить, что роксоланы появляются на этнографической карте Восточной Европы не ранее конца II в. до н. э. Основная их территория – степи Северного Причерноморья в междуречье Дона и Днепра. В I в. н. э. роксоланы переправились через Борисфен Днепр, а к началу второй половины I в. н. э. уже достигли дунайских провинций империи. Таким образом мы имеем возможность проследить постепенную миграцию роксолан от берегов реки Дон до левобережья Дуная (Рис. 9, 10). Именно в этих степных районах среди погребальных памятников сарматской культуры следует искать археологические следы роксолан.

¹ Подосинов А.В. . Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 33-34.

2.4. Хозяйственно-культурный тип

Теперь рассмотрим данные об укладе жизни и хозяйства роксолан, в той мере, как они нашли отражение в античной литературной традиции. Страбон описывает этот народ как типичных кочевников. Он дает яркую характеристику их повседневного быта: *«Что касается кочевников, то их войлочные палатки прикрепляются к кибиткам, в которых они живут. Вокруг палаток пасется скот, молоком, сыром и мясом которого они питаются. Они следуют за пастбищами, всегда по очереди выбирая богатые травой места, зимой на болотах около Меотиды, а летом на равнинах»* (География. VII. 3. 17). Аналогичный образ жизни применительно ко всем сарматам описывает Помпоний Мела: *«Сарматы не живут в городах и даже не имеют постоянных мест жительства; они вечно живут лагерем, перевозя свое имущество и богатства туда, куда их привлекают лучшие пастбища...»* (III. 4. 33). Римский историк Тацит также писал о них, что сарматы *«живут на повозке и коне»* (Германия. 46).

Таким образом, можно констатировать, что хозяйственно-культурный тип роксолан представляется в виде кочевого скотоводства, причем, на второй стадии кочевания по С.А. Плетневой¹. Для него характерны периодические сезонные перекочевки. Летом номады вместе со своими стадами поднимались вверх по течению рек в поисках хорошей травы и водопоев. Зимой же номады спускались на юг, к побережью Меотиды, в низовья тех же рек, богатых камышом и другой высокой растительностью выше снежного покрова. Здесь, скорее всего, и располагались их зимники. Таким образом, роксоланам мог быть свойственен широко распространенный меридиональный тип кочевания².

Жилище роксолан, как и большинства номадов, представляло вид войлочных палаток, прикрепленных к кибиткам. Такие подвижные формы жилья

¹ Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV - XIII века. Воронеж, 2003. С. 13-16.

² Балабанова М.А. Хозяйственно-культурный уклад и образ жизни сарматских племен по данным античных письменных источников // Вестник ВолгГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 1. С. 6-7.

существовали у различных кочевых народов. Отметим, что номады жили в степи в юртах и кибитках – крытых войлоком повозках, чей тип известен, в частности, по глиняным моделькам (игрушкам) I в. до н. э. – II в. н. э., часто находимым на Боспоре (рис. 11, а-в).

Логично предположить, что, как и у других сарматских племен, в стаде роксолан преобладал мелкий рогатый скот, прежде всего, овцы¹. У того же Страбона имеется замечание относительно наличия домашних животных (скота) у роксолан (География. VII. III. 17) и у сарматов, для которых при описании домашнего скота он уточняет видовой состав стада: овцы, отличающиеся большими размерами, безрогие (комолые) или со спиленными рогами коровы, а также лошади, которые малорослы, но ретивы (География. VII. XVII. 3). Такая характеристика породы лошадей вполне объяснима – их полудикие табуны паслись в степи на подножном корме. Но у таких лошадей было замечательное качество – исключительная выносливость. Отправляясь в далекий поход, сарматы всегда имели заводных коней, что позволяло им проходить в день до 200 км². Известно, что мальчиков в среде кочевников с детства обучали верховой езде. Римский историк Тацит отнес сарматов к народам, *«проводящим всю жизнь на повозке или на коне»* (Германия. 46). Конь был не только средством передвижения, но и настоящим боевым соратником воина-сармата, что подтверждает все тот же Тацит на примере набега роксолан: *«вся доблесть сарматов лежит как бы не в них самих»*, т.е. в их конях (История. I. 79. 1). Сарматы разводили лошадей как для верховой езды, так и для получения кобыльего молока. Знает Страбон и типичный для номадов пищевой рацион: молоко, сыр и мясо скота, которого кочевники разводят (География. VII. III. 17).

¹ Медведев А.П. Очерк этнографии сарматов // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2009. № 2. С. 6.

² Там же.

Описанный греком образ жизни роксолан соответствует типичному укладу жизни кочевых скотоводов. Этот хозяйственно-культурный тип предполагает разведение лошадей, мелкого и крупного рогатого скота, мясную и молочную пищу в качестве основы питания, отсутствие долговременных поселений, жизнь в перевозимых шатрах или кибитках, возможность масштабных и стремительных перемещений на большие расстояния¹. Подчеркнем, что подобный образ жизни был характерен для многих кочевых племен южнорусских степей от раннего железного века до Нового времени². Таким образом, роксоланы, как и остальные сарматские племена³, являлись яркими представителями кочевого степного мира.

2.5. Социальный строй роксоланского общества

Из сведений античных авторов можно почерпнуть определенную информацию о социальной стратификации у роксолан⁴. Относительно начального этапа истории роксолан существует мнение, согласно которому все сарматские племена представляли собой народ-войско⁵. Для ранних роксолан это находит подтверждение в свидетельстве Страбона, называющего их варварской народностью, а выставленный ими военный контингент – толпой легковооруженных людей (География. VII. III. 17). Эта краткая характеристика

¹ Этнография / Под. ред. Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. М., 1982. С. 17-21; Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992. С. 44-76 и др.

² Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV - XIII века. Воронеж, 2003. С. 7-18; Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002. С. 83-173.

³ Балабанова М.А. Хозяйственно-культурный уклад и образ жизни сарматских племен по данным античных письменных источников // Вестник ВолгГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 1. С. 11; Медведев А.П. Очерк этнографии сарматов // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2009. № 2. С. 5-7.

⁴ Деревянко А.В. К изучению социальной структуры и власти роксоланов // Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия: Материалы Восьмой региональной научной конференции. Воронеж, 2014. С. 299-304.

⁵ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 244-246; Медведев А.П. Очерк этнографии сарматов // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2009. № 2. С. 13.

вполне вписывается в общую схему развития кочевых социумов, когда номады находятся на так называемой «первой стадии» кочевания, когда каждый свободный член племени является воином¹.

Греческий географ сообщает, что в Тавриде *«роксоланы появились под предводительством Тасия»* (География. VII. III. 17). Видимо, Тасий был верховным вождем роксоланского племени. Можно предположить, что его власть основывалась на выборном принципе, базирующемся на военном предводительстве, что характерно для древних обществ². Мы можем констатировать, что уже в конце II в. до н. э. во главе роксоланского общества находился верховный вождь, который мог выставить несколько десятков тысяч воинов. Последнее свидетельство указывает на степень его могущества. В его руках была сосредоточена немалая военная власть.

С середины I в. н. э. в источниках встречается упоминание латинской титулатуры «царь» («гех») роксолан: первый раз – это 60-е гг. н.э. в элогии Плавтия Сильвана, второй раз – у Спартиана (SHA) при описании правления Адриана, и еще дважды – на надгробных плитах из г. Полы. Сообщение Спартиана и надгробные плиты связаны с именем одного и того же царя – Распарагана (может быть иран. – «царь, врагов убивающий»³). Уже в его имени вычленяется титул: «гај» - царь⁴. При этом, если Распараган являлся роксоланским царем, то его сын подобной титулатуры уже не унаследовал. Для этого мог быть ряд причин, но основной нам кажется факт отсутствия у роксолан института наследственной власти. Как ранее Тасий, так и Распараган, стали во главе племени, скорее всего, благодаря своим выдающимся военным заслугам.

¹ Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV - XIII века. Воронеж, 2003. С. 7-18.

² Орехова Н.А. Социально-политический статус скифского общества Северного Причерноморья в контексте политогенеза кочевых социумов Евразии: Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Волгоград, 2003. С. 122-123.

³ Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка: Этимологический словарь. М., 1999. С.187.

⁴ Там же.

Но при этом, сам термин «*rex*» римляне употребляли вплоть до падения империи для обозначения постоянных вождей варварских народов¹. Таким образом, роксолан возглавлял вождь, которого в первую очередь ценили за его воинские заслуги и доблесть.

Следующую социальную ступень за вождем-рексом занимала привилегированная группа конных воинов. Ещё Страбон обратил внимание на то, что лишь малая часть воинов-роксолан имела защитный кожаный доспех (География. VII. III. 17). Вероятно, здесь уже идет речь о выделившейся из основной массы рядовых общинников дружине вождя, прообразу будущей кочевнической знати².

Более детальные сведения об этой группе роксоланского воинства содержатся у Тацита (История. I. 79. 1-4). Римский историк, повествуя о роксоланском набеге на Мезию, сообщает, что в нем принимали участие только катафрактары, состоявшие из вождей (*principes*) и знати (*nobilissimi*). Надо полагать, что к этому времени в среде роксолан выделилась социальная прослойка, возвысившаяся над остальными членами племени. Эти люди в сочинении римского историка обозначена как *principes* и *nobilissimi*, что может быть переведено с латыни как «первейшие» и «знать» («благородные»). Не исключено, что термин *principes* может обозначать приближенных людей к роксоланскому царю, его родственников. Вторую группу могли составлять особо отличившиеся воины. По замечанию С.А. Яценко, «благородными» в сарматском обществе могли называть свободных мужчин-воинов³.

Примечательно, что сами используемые Тацитом термины *principes* и *nobilissimi* сходны с тем социальным делением, о котором по прошествии девяти столетий применительно к аланам свидетельствовал патриарх Николай⁴.

¹ Ермолова И.Е. Общественный строй гуннов последней четверти IV - начала V в. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1984. С. 234.

² Медведев А.П. Очерк этнографии сарматов // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2009. № 2. С. 11.

³ Яценко С.А. Особенности общественного развития сармато-аланов и их восприятия в других культурах // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Т. 6. М., 2002. С. 94.

⁴ Алемань А. Аланы в древних и средневековых источниках. М., 2003. С. 63.

В этой связи весьма интересным представляется замечание того же Тацита о том, что в военных советах у сарматов имеет значение не только голос вождя (Анналы. XII. 17). Скорее всего, именно этой привилегированной части племени принадлежала ключевая роль в определении военной деятельности роксолан. Также, вполне вероятно, они могли принимать решения в распределении захваченных трофеев, что являлось одной из важных привилегий их положения в племени¹.

Именно из этой социальной группы роксолан формировались отряды катафрактариев, составлявшие элиту роксоланского войска. По свидетельству Тацита, вооружение роксоланского катафрактария составляли пластинчатый железный панцирь, пики (длинные копья-контосы) и длинные мечи, которые предназначались для нанесения рубящего удара с коня. Тацит специально подчеркивает, что роксоланы в целях обороны не использовали щиты. Отсутствие щитов в бою должны были компенсировать железные доспехи всадника².

В этой связи отдельно стоит остановиться на проблеме собственно самих катафрактариев и их роли в сарматском войске. Источники по этой проблеме не богаты и хорошо известны специалистам. О тяжелой коннице у сарматов, кроме Тацита, свидетельствуют греческие авторы Арриан и Гесиодор. Некоторые сведения о катафрактариях можно почерпнуть не только из письменных, но и из иконографических источников. Конники в защитных доспехах, которые можно связать с сарматским миром, изображены на сосуде из богатого сарматского погребения I в. до н. э. в Косике, на Орлатской пластине, а с парфянами - на граффити из Дура-Европос и др. (рис. 11, г, д). Всадники в панцирных доспехах часто встречаются на надгробных плитах из некрополей античных городов Северного Причерноморья. Например, прекрасный образец тяжелого вооружения боспорской знати дает плита с рельефом танаисского

¹ Орехова Н.А. Социально-политический статус скифского общества Северного Причерноморья в контексте политогенеза кочевых социумов Евразии: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Волгоград, 2003. С. 122-123.

² Перевалов С.М. Сарматоведение между историей и археологией // ВДИ. 2007. № 3. С. 154.

пресбевта Трифона (рис. 11, е). Вероятно, интересующий нас тип воинов изображен на рельефах знаменитой колонны Траяна (рис. 12, 13).

Сарматской тяжеловооруженной коннице посвящена обширная литература¹. Еще А.М. Хазановым были выделены главные особенности вооружения катафрактариев, отличающие их от остальной конницы²:

- 1) наличие тяжелого защитного доспеха у всадника;
- 2) основное наступательное оружие – длинное копьё, пика, которая могла достигать 3-4 м в длину; длинные мечи, использовавшиеся как вспомогательное оружие;
- 3) доспех имел также и боевой конь наездника.

Здесь следует сразу сказать о том, что защитные доспехи были известны и ранее у скифов, что неоднократно засвидетельствовано археологически³. Но сама тактика ведения боевых действий, способ атаки сарматской конницы явился новшеством в мировом военном искусстве.

Еще со времен А.М. Хазанова укоренилось мнение об особом типе атаки специализированного отряда сарматских катафрактариев⁴. Его было эффективно использовать только как целое подразделение при атаке в сомкнутом строю. Отряд тяжелой конницы, набравший скорость, с выставленными вперед пиками, представлял серьезную опасность для обороняющегося противника. Удар такой силы мог навести панику в рядах противника и во многом предопределить исход сражения. Остальные же элементы наступательного вооружения (длинный рубящий меч или кинжал) являлись для воина вспомогательным оружием и применялись редко и почти исключительно в одиночных схватках.

¹ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. 170 с.; Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. 328 с.; Нефёдкин А.К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб., 2011. 304 с. и др.

² Хазанов А.М. Катафрактарии и их роль в истории военного искусства // ВДИ. 1968. № 1. С. 184; Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 72–73.

³ Черненко Е.В. Панцири скифського часу // Археологія. Киев, 1965. Т. XVIII. С. 77-104; Черненко Е.В. Военное дело скифов. Николаев. 1997. С. 18.

⁴ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 86.

Наиболее ярко способ нападения катафрактариев был описан у Гелиодора: *«Когда наступает время битвы, то, ослабив поводья и горяча коня боевым криком, катафрактарий мчится на противника, подобный какому-то железному человеку или движущейся кованой статуе. Острие копья сильно выдается вперед, само копьё прикреплено ремнем к шее коня; нижний его конец при помощи петли держится на крупе коня; в схватках копьё не поддается, но, помогая руке всадника, всего лишь направляющей удар, само напрягается и твердо упирается, нанося сильное ранение, и в своем стремительном натиске колет, кого ни попало, одним ударом часто пронзая двух»* (Эфиопика. IX, 15).

Одним из аргументов для подтверждения наличия у сарматов катафрактариев называют особую «сарматскую посадку» - хват пики двумя руками, с поворотом корпуса всадника вправо. Она зафиксирована на некоторых иконографических источниках¹. Но не все склонны видеть в сарматской посадке реалии того времени. Еще В.А. Горончаровский и В.П. Никоноров, проанализировав подобные изображения, высказали сомнения в их достоверности. Они предположили, что дело в самой специфике источника – *«на этих памятниках персонажи имеют явно героизированный облик, художники, очевидно, стремились создать парадные портреты своих заказчиков»*². Наиболее весомые аргументы против возможности именно такого использования пики всадником, который, как известно, не имел жестких стремян, приводит А.В. Симоненко. В «сарматской посадке» он не без основания усматривает известный художественный прием «сдвига на зрителя», который в полной мере проявляется в изображении сидящего «по-дамски» всадника на одной из пантикапейских фресок³.

¹ Перевалов С.М. Сарматский контос и сарматская посадка // РА. 1999. № 4. С. 65–76 и др.

² Горончаровский В.А., Никоноров В.П. Илуратский катафрактарий (из истории античной тяжелой кавалерии) // ВДИ. 1987. № 1. С. 210.

³ Симоненко А.В. Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // ВДИ. 2002. № 1. С. 107–122; Симоненко А.В. Тридцать пять лет спустя: послесловие-комментарий // Хазанов А.М. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. 2-ое изд., испр. и доп. СПб., 2008. С. 279.

В то же время, важным фактом, способным подтвердить наличие катафрактариев у сарматов, является эволюция изменения формы седла¹. Для сарматского времени было характерно седло с глубоким ленчиком и высокими луками. Даже без стремян оно повысило крепость, надежность и комфортность посадки всадника, обеспечивало ему достаточную устойчивость при отдаче копья при ударе. Появление этого типа седла ученые относят к рубежу эр, в первую очередь, на востоке у кочевников сюнну-усуньского круга, а в последующем оно было заимствовано и сарматами. С появлением такого усовершенствованного седла удар со скачущего коня стал несложным и эффективным².

Недостатками такого седла без стремян можно указать ограниченную подвижность самих воинов и вызванную этим слабую маневренность. Отдельный катафрактарий всегда был уязвим и становился легкой добычей, особенно если его удавалось сбросить с лошади. Этот пример нам и приводит Тацит, подчеркивая беспомощность закованных в пластинчатый доспех роксолан в пешем бою. Тяжелые доспехи просто не давали им возможности подняться и, таким образом, превращали воинов в легкую добычу врага.

Тем не менее, все приведенные выше свидетельства, на наш взгляд, позволяют утверждать о наличии в составе сарматского войска конных катафрактариев. При этом, основную часть войска все же составляли легковооруженные всадники³. Подобных выводов придерживаются и другие исследователи в области военной сарматской археологии⁴. Но некоторые сарматологи отрицают мнение А.М. Хазанова о том, что катафрактарии могли составлять отдельный род войск. Допускается, что они могли представлять собой отряд, состоящий из наиболее привилегированных членов рода – племени во главе с

¹ Симоненко А.В. Седло сарматского времени // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Межд. Нижневолжская арх. конф., Тез. докл. Волгоград, 2004. С. 223-226. Рис. 1.

² Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 226.

³ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 88-89.

⁴ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 244-253; Белоусов В.В. Вооружение и военное дело сарматов Подонья I – IV вв. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Воронеж, 2010. С. 117-133 и др.

вождем. Но при этом сражались они вместе с остальными своими соплеменниками, не образуя отдельного ударного отряда¹. Таким образом, в историографии сформировалось мнение, согласно которому сарматская панцирная конница существовала, но состояла она из знатных и зажиточных кочевников, которым были доступны защитные доспехи, и не составляла целостной боевой единицы. Этому полностью соответствует образ роксоланских катафрактариев в описании Тацита.

Подводя итог, отмечаем что у роксолан были катафрактарии (рис. 14). Отряды тяжеловооруженных конных воинов формировались из среды роксоланской элиты - вождей, их родственников и приближенных (*principes* и *potibilissimi*). Они являлись профессиональными воинами-дружинниками, составлявшими социальную верхушку роксоланского общества. Подобные отряды появляются между I в. до н. э. и I в. н. э. Основное же войско роксолан составляли рядовые кочевники, что, в общем, было свойственно для всех кочевников раннего железного века и средневековья.

Скот и другое имущество, скорее всего, всегда находились в частной собственности скотовода. В литературе неоднократно высказывалась мысль о том, что важнейшие черты хозяйства, социальной организации, быта, менталитета кочевников степей были детерминированы специфической экологией аридных зон и в своей основе мало изменились от древности до рубежа нового времени².

Логично предположить, что по аналогии с другими, лучше известными кочевыми образованиями³, нижнюю социальную ступень роксоланского общества могли занимать обедневшие скотоводы или военнопленные-рабы, хотя прямых указаний на это в нарративных источниках нет. Ни один из авторов

¹ Нефёдкин А.К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб., 2011. С. 81.

² Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975. С. 74-76, 164-165; Крадин Н.Н. Империя хунну. М., 2002. С. 160-161 и др.

³ Крадин Н.Н. Империя хунну. М., 2002. С. 166-171; С. 179; Медведев А.П. Очерк этнографии сарматов // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2009. № 2. С. 13.

ничего не сообщает нам о роли женщин у роксолан, хотя, та же античная традиция с завидной регулярностью сообщает о женоуправляемости сарматов, о высоком социальном положении женщин в сарматском обществе и т.п.¹ В отличие от более ранних скифов и савроматов, на основе анализа письменных источников в роксоланском обществе невозможно выделить какую-либо группу, выполнявшую жреческие функции.

Подводя итог, можно сказать, что литературные и эпиграфические источники дают нам ценные исторические (Страбон, Тацит, Писатели истории Августов, Дион Кассий), этнографические (Страбон, Тацит) и географические (Страбон, Плиний, Клавдий Птолемей, Певтингеровы таблицы) сведения о роксоланах. Как правило, когда в тексте встречается этноним «роксоланы», то в нем идет речь либо о географической ситуации в Северном Причерноморье (Плиний, Клавдий Птолемей, Аммиан Марцеллин), либо о военно-политических акциях Римской империи против варваров (Тацит, Спартиан, Вописк). И только два античных писателя, Страбон и Тацит, дополняют эти свидетельства этнографическими данными о самих роксоланах как племени, отмечая особенности их вооружения и кочевой образ жизни. В поздних сообщениях Аммиана Марцеллина, Иордана и Равенского Анонима этноним «роксоланы» являлся уже анахронизмом – ко времени написания этих трудов роксоланы уже сошли с исторической арены, но продолжали еще жить в литературной традиции.

Анализ сведений о роксоланах в античной литературной традиции и отчасти эпиграфике позволяет сделать следующие выводы:

1) *Ρευξίναλῶς*, *Ρακαλάνοι*, *Ρωξολανοί*, *Roxolani*, *Rhoxolani*, *Roxulani*, *Aroxolani* – это зафиксированный разными авторами и в разное время этноним роксолан, который, скорее всего, был их самоназванием.

¹ Богаченко Т.В. Амазонки. Античная традиция о воинственных женщинах. Ростов-на-Дону, 2011. С. 3-34.

2) Роксоланы в Восточной Европе появляются не позже конца II в. до н.э. Хронологические рамки истории роксолан на территории Восточной Европы: конец II в. до н. э. – конец III в. н. э. С миграцией готов с севера и алан-танаитов с востока (Северного Кавказа) история роксолан как самостоятельного народа заканчивается к концу III в. н. э. Вероятно, часть этого племени мигрировала на Средний Дунай, в Паннонию, где они стали известны под другим именем «сарматы-ардараганты». Оставшаяся в Причерноморье часть роксолан влилась в состав кочевых объединений алан-танаитов и так называемых «европейских аланов».

3) Роксоланы занимали определенную географическую нишу: от низовий Дона до нижнего Дуная. Но с течением времени, под давлением более могущественных племен с востока роксоланы вынуждены были продвигаться из Доно-Днепровского междуречья на запад, к Дунаю.

4) Роксоланы в сочинениях античных авторов предстают перед нами типичными воинственными кочевниками с характерным культурно-хозяйственным укладом. На юге Восточной Европы они не менее трех столетий оставались влиятельным фактором военно-политической истории и по этой причине оставили значительный след в античной традиции.

5) В роксоланском обществе к середине I в. н. э. сложилась определенная социальная иерархическая структура: царь/вождь (*rex, princeps*) – знатные кочевники (*nobilissimi*) – рядовые кочевники. Из роксоланской элиты формировалась тяжелая ударная конница катафрактариев

6) На основе анализа сведений античных авторов уточнены границы ареалов, где в разное время обитали роксоланы. В свою очередь это является надежной основой для поиска именно в этих районах археологических следов роксолан.

Глава 3. Сарматские североориентированные погребения Восточной Европы II в. до н. э. – первой половины II в. н. э.

Как мы выяснили в 1 главе, наиболее перспективным индикатором для выявления археологических памятников роксолан могут быть сарматские погребения с рядом характерных признаков, прежде всего, с северной ориентировкой погребенных. Это направление разработки роксоланской проблемы для степного Поднепровья было предложено А.В. Симоненко в 1990-е годы¹. С тех пор эмпирический материал увеличился многократно, и сейчас его можно подвергнуть системному анализу для верификации гипотезы, выдвинутой украинским исследователем. В этой главе анализируется весьма представительная выборка сарматских захоронений с указанными признаками – 241 комплекс (табл. 5, 6).

3.1 Погребальные памятники II – I вв. до н. э.

Нами выявлено и изучено 84 раннесарматских захоронения, отвечающих выше указанным критериям (рис. 15, табл. 5). Они представлены исключительно ингумациями. Сарматские погребения II – I вв. до н. э. с северной ориентировкой распределяются по трем основным территориальным зонам: Подонье, Поднепровье, Крым (рис. 16). Исходя из географических ориентиров, полученных при анализе письменных источников во 2 главе, археологические следы роксолан перспективнее всего искать в Северном Причерноморье, прежде всего в Днепро-Донском междуречье.

¹ Симоненко О.В. Роксоланы (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. 1991. № 4. С. 17-28; Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 21-23, 104-112.

3.1.1 Североориентированные погребения в Подонье

На Дону известно 46 раннесарматских погребений с северной ориентировкой. Они составляют около 9,5 % от всех известных раннесарматских комплексов региона¹. Из них 5 открыто на Среднем, 13 – в районе излучины Дона, ближе к его среднему течению (бассейн Иловли), 25 – в устье р. Дон, 3 – в бассейне Северского Донца. В правобережье Дона учтено 18 погребений, в левобережной части – 28. Все нижнедонские захоронения находятся в степной зоне и лишь немногочисленные среднедонские в лесостепи.

Погребальные сооружения и особенности погребального обряда

Подавляющее большинство североориентированных погребений – 44 из 46 учтенных – являются впускными в курганы предшествующих эпох, что в общем характерно для раннесарматской культуры². Два погребения (Монастырка и Белогорье) – грунтовые, оба расположены на Среднем Дону. Такой тип бескурганых погребений был крайне редким, но все же встречался среди захоронений II – I вв. до н. э. и в Северном Причерноморье³. Размеры курганов, в которые впущены интересующие нас погребения, можно определить как средние (d – до 40 м; h – до 1,5 м).

По числу погребений в донских курганах (табл. 9) мы получили следующую статистику: в одном кургане по одному захоронению (19 случаев), что составляет почти 50 % от всей выборки. По этому показателю они практически не отличаются от обычных раннесарматских с господствующей южной ориентировкой (52 % всех донских раннесарматских погребений)⁴. Такая же картина наблюдается и в Поднепровье⁵.

¹ Глебов В.П. Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II – I вв. до н. э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов-на-Дону, 2011. С. 35.

² Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. С. 171.

³ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 22.

⁴ Глебов В.П. Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II – I вв. до н. э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов-на-Дону, 2011. С. 34.

⁵ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 21-22.

Парой североориентированных погребений представлены всего лишь несколько курганов: к. 8 мог. Сасовка (Средний Дон), к. 10 мог. Тары II, к. 34 мог. Авиловский II, к. 10 мог. Барановка (парное и индивидуальное), парное погребение к. 6 мог. Писаревка I (последние памятники расположены в бассейне Иловли), к. 22 мог. Ливенцовский (Нижний Дон). Лишь курган 30/6 мог. у хут. Попов содержал три североориентированных захоронения. Здесь стоит напомнить, что для сарматов к востоку от Дона была характерна традиция сооружать в насыпях более ранних эпох целые родовые кладбища¹. Как видно, этот обычай не получил распространения у западных носителей раннесарматской культуры. Таким образом, интересующие нас погребения представлены практически только индивидуальными впускными захоронениями, разбросанными на обширных пространствах Подонья. Нигде они не образуют отдельных могильников.

Рассмотрим вопрос о соотношении погребений с разной ориентировкой в одном кургане. Наибольшее количество могил раннесарматского времени (до 6), в которых покоились умершие как с северной, так и южной ориентировкой было зафиксировано в к. 10 мог. Барановка I, а также в к. 30 у хут. Попова. Но, несмотря на то, что погребения с различной ориентацией умерших находились в одном и том же кургане, говорить об их особой взаимосвязи нет оснований. Скорее, наоборот. Так, в частности, в кургане у хут. Попова (3 североориентированных погребения) погр. № 12 с северной ориентировкой перерезало и разрушило погребение женщины (п. 10) и ребенка (п. 11) с южной ориентировкой. Что касается сарматских североориентированных погребений 2 и 5, то они были совершены в противоположной поле кургана и, скорее всего, также не имели непосредственного отношения к захоронениям сарматов с южной ориентировкой того же хронологического горизонта.

¹ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1991. С. 184.

Достаточно сложно утверждать о какой-либо устойчивой связи североориентированных костяков с южноориентированными и в других известных нам случаях. Четыре раннесарматских погребения из кургана у Северо-Западного, расположенные по кругу, отражают хорошо известную традицию восточных сарматов¹. Единственное из пяти впускное североориентированное захоронение № 7 в кургане оказалось детским. Из 5 раннесарматских погребений в к. 1 у пос. Донской два (№ 21 и № 31), судя по инвентарю, принадлежавшие воинам, были ориентированы в северный полукруг. Такая же ситуация наблюдается и в Барановке, где в двух случаях умершие (также воины) были уложены головой в северный полукруг.

По три раннесарматских погребения совершено в к. 25 у Койсуга и к. 20 у Алитуба (по 1 с северной ориентировкой). Стоит отметить, что Койсугский могильник представлен группой курганов, содержащих сарматские захоронения преимущественно с южной ориентировкой. В этом случае уместно вести речь о родовом кладбище, в которое оказался погребен и индивид с противоположной ориентировкой. Близок к нему и могильник Ливенцовский VII, где также выявлена серия впускных раннесарматских погребений, в том числе с северной ориентировкой. Так, в к. 22 находилось два североориентированных захоронения, в к. 31 – по одному северо- и южноориентированному, а в к. 17 – лишь одно с северной ориентировкой.

В некоторых случаях в североориентированных погребениях встречены дополнительные конструкции при входе в могильную яму. Однажды (Валовый-40/3) вход в могилу был перекрыт наклонно поставленными обломками известняка. Иногда фиксировались остатки перекрытия из деревянных плашек (Никитин-I-3/5; Барановка-I-10/9, Сасовка-8/2). Во всех погребениях, совершенных в подбоях (8 случаев), от входной шахты в могилу вела ступенька высотой 15-30 см.

¹ Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н. э. Волгоград, 2002. С. 105-106.

Могильные ямы в североориентированных погребениях представлены несколькими типами (рис. 18-24; табл. 11):

1. Узкие прямоугольные и подпрямоугольные могилы с закругленными углами – 19 (рис. 18, 1, 2; рис. 19). Это наиболее распространенный тип могил среди ранне- и среднесарматских погребений¹. В погребениях с северной ориентировкой они также составляет большинство.

2. Подбои – 8 (рис. 18, 3, 4; рис. 23). Захоронение в подбойной камере было достаточно широко распространено в прохоровской культуре². Аналогичные типы подбоев зафиксированы, в том числе, в курганах у эпонимного памятника у д. Прохоровки³. Не являются редкостью они и среди сарматских погребений II – I вв. до н. э.: на Нижнем Дону этот тип составляет 27 % всех погребений⁴, в Поволжье они преобладают⁵. Однако в раннесарматских памятниках с северной ориентировкой в Подонье подбои составляют 1/6 от общего числа учтенных погребений.

3. Катакомбы – 2 (рис. 18, 5; рис. 24). Этот тип погребальных сооружений является редкими для раннесарматской культуры. Катакомбные погребения известны у сираков II – I вв. до н. э. в Прикубанье⁶, на Ставрополье⁷, в Нижнем Подонье катакомбы II – I вв. до н. э. немногочисленны⁸, и лишь одна

¹ Скрипкин А.С. Сарматы. Волгоград, 2017. С. 91, 102, 166.

² Там же.

³ Яблонский Л.Т., Мещеряков Т.В. Раскопки курганов раннесарматского времени у деревни Прохоровка (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 219. 2015. С. 66-72.

⁴ Глебов В.П. Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II – I вв. до н. э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов-на-Дону, 2011. С. 35.

⁵ Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 межд. конф. «Проблема сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 99.

⁶ Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. С. 95. Рис. 118.

⁷ Мирошина Т.В. Сарматские погребения Александровского района Ставропольского края // КСИА АН СССР. 1985. Вып. 184. С. 85-100.

⁸ Глебов В.П. Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II – I вв. до н. э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов-на-Дону, 2011. С. 35. Рис. 7.

раннесарматская катакомба открыта у с. Дуровка на Среднем Дону¹. По заключению А.С. Скрипкина, катакомба как тип погребального сооружения сарматов в прохоровской археологической культуре исчезает к концу II в. до н. э.²

Два раза североориентированные погребения совершены в овальной, один раз – в треугольной (рис. 20, 5) формах ямы. В четырнадцати случаях проследить тип могилы не удавалось из-за совершения погребения в насыпи выше материка (рис. 22).

Размеры погребальных сооружений – чаще всего длиной от 1,6 до 2,2 м и шириной от 0,6 до 1,5 м. Из этой серии выбивается лишь яма в погребении Писаревка-II-6/1 (6/2), где пара умерших лежала продольно, за счет чего яма приобрела большую длину – до 5,5 м при обычной ширине.

Глубина залегания костяков в насыпях различная (табл. 10), начиная от 0,3 м. Наиболее глубоко погребена умершая из Алитуба-3/20 – 3,2 м; костяк одного из ливенцовских погребений лежал на глубине в 3,1 м.

В 23-х захоронениях (50 %) были отмечены некоторые дополнительные элементы погребального обряда (табл. 12).

13 раз умершие были уложены в деревянное гробовище-колоду. В п. 3 Сторожевого кургана исследователям удалось установить размеры гроба: 209х67 см³. В бóльших гробовищах совершены захоронения из Барановки и Писаревки (рис. 21, 1, 2). Для погребальной практики сарматского населения использование подобных гробов не является редкостью⁴. Обычай погребения в деревянной колоде был широко распространен у номадов гунно-сарматского

¹ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 19.

² Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1991. С. 38.

³ Романовская М.В. Сторожевой курган // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа. М., 1986. С. 111.

⁴ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. С. 172.

времени, в частности, в Южной Сибири, а также у хунну в Восточной Азии¹. Поэтому исследователи допускают, что захоронения в гробовищах в раннесарматской погребальной практике отражали одну из центральноазиатских составляющих генезиса прохоровской культуры².

Иногда в погребении использовалась подстилка (ткань, камышовый настил и др.), от которой остаются следы черного и светлого тлена, изредка органический тлен находился поверх костей. В таких случаях, вероятно, археологами фиксировались остатки покрывала (Авилковский-II-32/9). Подобные обычаи также хорошо известны на поволжских памятниках прохоровского времени³.

К следам огненного ритуала можно отнести остатки золы в п. 20 к. 3 мог. Алитуб и п. 3 к. 1 мог. Холодный. Огонь, символизировавший очищение, широко применялся предшественниками сарматов – савроматами⁴, и был известен в погребальной практике ранних сарматов в Приуралье и Поволжье⁵. Из специфических особенностей обряда отметим находки в могилах реальгара. По нашим наблюдениям кусочки реальгара были обнаружены исключительно в женских погребениях. Использование в ритуальных целях мела, символизировавшего очищение, – одна из хорошо известных особенностей погребальной практики сарматской археологической культуры⁶. Но в донских североориентированных погребениях она встречается весьма редко – всего 4 случая. Следы минеральной краски были зафиксированы только однажды в женском погребении Балабинский-35/2.

¹ Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. 1992. С. 211, 260.

² Золото, конь и человек: сб. ст. к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев, 2012. С. 199.

³ Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. САИ. 1963. Д1-10. С. 22.

⁴ Мошкова М.Г. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972. С. 74.

⁵ Смирнов К.Ф. Сарматы-огнепоклонники // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 155-159; Богородцев А.В. Культ огня в ритуальном обряде сармат // Историко-археологические изыскания: сб. тр. мол. ученых. Вып. 3. Самара, 1999. С. 60-70.

⁶ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. С. 172.

Остатки тризны прослежены в 24 погребениях интересующего нас типа. Сопутствующая пища чаще всего представлена костями овцы, что полностью соответствует погребальной практике ранних сарматов. Дважды встречены кости лошади, по одному разу – кости крупного рогатого скота и даже сви́ньи (?), а также рыбная чешуя. Известно, что сарматы крайне редко клали рыб в могилы усопших¹. Напутственную пищу чаще укладывали в ногах погребенного (13 случаев), около его головы (9), реже – рядом с кистями рук (2). Как правило, загробную пищу сопровождали железный нож и какой-либо глиняный сосуд, располагавшиеся в могиле в непосредственной близости от мяса.

Положение умерших (рис. 19-24, табл. 13).

В могильной яме в большинстве случаев погребен один человек. Парные погребения (рис. 21, 1-2) отмечены всего в двух случаях: Барановка-I-10/9 и Писаревка-II-6/1 (6/2). В Барановке-I-10/9 захоронения мужчины и женщины находились в глубоком подбое (рис. 21, 1). При этом погребение Писаревка-II-6/1 (6/2) совершено в узкой длинной яме, сориентированной по линии С–Ю: в северной части ямы находилось одно погребение, в южной – другое (рис. 22, 2). В обоих случаях в могилах покоились мужчина и женщина, помещенные в деревянные колоды.

Погребенных с северной ориентацией укладывали вытянуто, на спине. При этом наблюдается различное положение конечностей (табл. 13; граф. 8-11). Руки могли быть положены на таз (нижнюю часть живота): укладывалась одна (рис. 20, 4; рис. 23, 1) или две руки (рис. 19, 2; рис. 20, 3; рис. 22, 5). Иногда руки сгибались в локте (рис. 22, 4; рис. 24, 1), еще реже кисти находились на груди умершего (Арпачин-40/10). В положении нижних конечностей также были отмечены различные варианты: ноги либо сводились в коленях (рис. 19, 3, 4), либо были раскинуты в сторону (рис. 21, 2; рис. 22, 4), в единичных случаях перекрещивались в голени (рис. 24, 2).

¹ Купцов Е.А., Крюкова Е.А. Кости рыб в сарматских погребениях VI в. до н. э. - IV в. н. э. // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Оренбург, 2016. С. 133-134. Табл. 1.

Сопутствующий инвентарь (табл.14, 15).

Представлен оружием (мечи, наконечники стрел и дротика), орудиями труда (ножи, шилья, оселок), деталями одежды (фибулы, пряжки), предметами туалета (зеркала), украшениями (серьги, бусы, кольца, подвески, браслеты и перстни), глиняной посудой разных видов и пр.

Вооружение

Мечи – 11 экз.

1) С серповидным навершием и прямым перекрестьем - 7 экз. (рис. 25, 1-6). Это широко распространенное оружие у ранних сарматов IV – I вв. до н. э.¹ Длина мечей невелика, достигает 45 см. Основное их функциональное назначение – для ближнего боя. В случаях Писаревских погребений навершие кинжала не сохранилось, и тип восстанавливается предположительно. Экземпляры из Барановки-I-10/9, Королей-4/1 и Писаревки-II-6/2 были украшены золотыми обкладками².

2) Длинные мечи с рукоятью-штырем представлены двумя видами. В раннесарматское время такой тип мечей был весьма редким, широкое распространение они получают уже на поздних этапах развития сарматской археологической культуры³.

а) Фрагментированный длинный меч с рукоятью-штырем, плавно переходящей в клинок из Донского-1/21 (рис. 25, 7). Еще А.М. Хазанов предполагал, что наиболее ранние типы длинных мечей сформировались у сарматов в прохоровское время, хотя ошибочно связывал их генезис с похожим типом из савроматских погребений⁴. На территории Азиатской Сарматии длинные мечи

¹ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 16-19.

² Зуев В.Ю. Красногорский курган // Золото, конь, человек. Киев, 2012. Рис. 13. Рис. 14; Зуев В.Ю. К разработке хронологии сарматских древностей II – I вв. до н. э. // БФ: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы международной научной конференции СПб, 2001. Ч. 2. С. 171-185; Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 139-148.

³ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 55-61.

⁴ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 17-19.

известны в комплексах II – I вв. до н. э. и связываются с влиянием китайской военной традиции¹.

б) Длинный меч (86 см) с рукоятью-штырем из погребения Арпачин-40/10 (рис. 25, 8). Рукоять меча украшало костяное цилиндрическое навершие. Похожий экземпляр происходит из раннесарматского погребения Старо-Киишкинского могильника². Б.А. Раев, впервые опубликовавший арпачинский комплекс, полагал, что меч из погребения является подражанием кельтскому оружию и был произведен в Крыму или в Прикубанье³. По мнению А.В. Симоненко, такое оружие было сделано самими сарматами под влиянием кельтской традиции⁴. Можно утверждать, что появление образца из Арпачина связано с контактами роксолан с носителями латенизированных культур на юге Восточной Европы. По своему функциональному назначению меч близок к предыдущему и, скорее всего, предназначался для конника.

3) С кольцевым навершием. Представлен одним экземпляром из Донского-2/7 (рис. 25, 9). В сарматских погребениях Восточной Европы этот тип начинает встречаться со II в. до н. э. и, скорее всего, связан своим происхождением с центральноазиатскими районами⁵. Пик распространения этого типа клинков приходится на время среднесарматской культуры. С этого периода они массово появляются в сарматских памятниках к западу от Дона⁶.

4) С антенновидным (волютообразным) навершием (рис. 25, 10). Единственный экземпляр с обрубленным клинком (длина сохранившейся части – 28,1 см) происходит из погребения в бассейне Иловли – Тары-II-10/3. На Нижнем Дону известно 8 таких мечей, которые были обнаружены в комплексах,

¹ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1991. С. 132-133; Скрипкин А.С. К проблеме сармато-китайских культурных связей // Сарматы и Восток. Волгоград, 2010. С. 157-158 и др.

² Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. САИ. 1963. Д1-10. С. 35.

³ Раев Б.А. Сарматское погребение из кургана у хутора Арпачин // СА. 1979. № 1. С. 262.

⁴ Симоненко А.В. Импортное оружие у сарматов // Золото, конь и человек. Киев, 2012. С. 140.

⁵ Скрипкин А.С. Сарматские мечи с кольцевым навершием // Сарматы и Восток. Волгоград, 2010. С. 342-343. Скрипкин А.С. Сарматы. Волгоград, 2017. С. 99.

⁶ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 39-43.

датирующихся от I в. н. э. до IV в. н. э.¹ В Северном Причерноморье известно еще 3 экземпляра подобных мечей². Несколько находок этого оружия происходит из памятников Азиатской Сарматии³. По заключению А.В. Симоненко, мечи с антенновидным навершием, известным еще у скифов, возрождаются в степной культуре во II в. до н. э. и изредка встречаются вплоть до конца сарматского времени⁴.

Рукоять меча из Арпачина венчало костяное навершие. Рядом с мечом в Тарах-II-10/8 была обнаружена костяная гофрированная трубочка с дырочкой посередине длиной 8,5 см. Крупная синяя стеклянная бусина с глазами-вставками сопровождала меч погребенного у Писаревки-6/2. По мнению ростовского археолога С.И. Безуглова, расположенные рядом с рукоятью бусины, пронизи, пряжки и раковины служили своеобразными фиксаторами, препятствовавшими скольжению меча на портупее⁵. Скорее всего, этой же цели служили указанные выше вещи: костяная трубочка, бусина и костяное навершие.

Наконечник дротика или копья: железный втульчатый, длиной 17,1 см (Барановка-I-10/1, рис. 25, 11). Находки дротиков редки в сарматских памятниках⁶. На наш взгляд, этот экземпляр скорее похож на наконечник копья – у дротика обязательны жальца.

Наконечники стрел (рис. 25, 12-19). Как это ни странно, в выделенной нами группе погребений находки наконечников стрел являются весьма редкими. Они присутствовали лишь в 8 североориентированных погребениях Донского региона. Наконечники представлены двумя типами – втульчатыми и

¹ Белоусов В.В. Вооружение и военное дело сарматов Подонья I – IV вв. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Воронеж, 2010. С. 68-69.

² Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 258. Прил. 2.

³ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1991. С. 72, 138. Рис. 22.

⁴ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 28-30.

⁵ Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 177-178.

⁶ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 44, 50.

черешковыми. Втульчатые трехлопастные наконечники из Александровска-10/2, Алитуба-3/20, Арпачина-40/10 и Донского-1/21 принадлежат к числу весьма распространенных типов последних веков до н. э.¹ Лишь в погребении Донской-1/21 встречен двулопастной плоский наконечник (рис. 25, 14), правда, в комплекте с трехлопастными длинночерешковыми (рис. 25, 15). Возможно, в женских могилах (Алитуб и Александровск) наконечники стрел были оставлены в качестве амулетов-талисманов². В Донском он входил в состав колчанного набора.

Черешковые наконечники представлены железными трехлопастными. Одни из них с длинными черешками (рис. 25, 15), другие – с короткими (рис. 25, 16-19). По два наконечника были уложены воинам: Короли-4/1 и Тары-II-10/3. Колчанные наборы с черешковыми наконечниками также сопровождали воинов из Барановки-I-10/9 и Донского-1/21. Еще в одном случае уцелели только черешки от наконечников стрел (Писаревка-II-6/2). Трехлопастные наконечники стрел с короткими черешками получили широкое распространение в ранне-, средне- и позднесарматских погребениях со II в. до н. э. по II в. н. э.³ Железные наконечники стрел с длинными черешками, как правило, встречаются только в раннесарматских прохоровских комплексах.

В мужском захоронении Барановка-I-10/9 сохранились остатки колчана, изготовленного из бересты и кожи (рис. 25, 20). К колчану была прикреплена железная пластинчатая пряжка подпрямоугольной формы. На колчане частично сохранились фрагменты золотой обкладки из тонкой фольги с зооморфными изображениями. Восстановить его полностью из-за плохой сохранности не удастся. Рисунок выполнен в высоком рельефе, в технике тисне-

¹ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 35-36; Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 96.

² Захаров А.В. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их Соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 37.

³ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 35-41; Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 105.

ния по деревянной основе, часть которой найдена вместе с обкладками. Частично сохранился берестяной колчан в могиле воина Короли-4/1 (рис. 25, 21). К нему была прикреплена золотая витая ленточка. Нижнюю часть поверхности колчана украшала золотая пластина, от которой уцелел фрагмент. На ней рельефно изображены 4 параллельные линии, выше которых помещено изогнутое изображение хребта животного. В Донском-1/21, кроме уже упомянутой ажурной пряжки, от колчана сохранились спиралевидные и прямая ленты из золотой фольги, обрывки шести листиков, изготовленных из золотой фольги, покрывавших поверхность не сохранившегося деревянного предмета. На некоторых из них продавлены линии, вероятно, изображающие геометрический узор, композиция которого не ясна. Остатки колчана, представленные фрагментами кожи и дерева, зафиксированы в Писаревке-II-6/2. Там, рядом с колчаном лежали золотая витая лента и деревянные фрагменты от основы лука.

Стоит подчеркнуть, что интересующие нас комплексы с вооружением сосредоточены в основном в бассейне р. Иловли, в то время как в Приазовье они представлены всего лишь четырьмя пунктами – погребениями с латенским мечом из Арпачина-40/10, с одним наконечником стрелы в Александровске-10/2 и Алитубе-3/20 и с воинским набором из Донского-1/21.

Фибулы – 15 экз. (рис. 26, 1-9). Сразу следует отметить, что половина всех происходящих из нижнедонского региона застезек была найдена в североориентированных погребениях, остальные же – либо случайные находки, либо с иной ориентировкой умершего¹. Обнаруженные в сарматских погребениях с северной ориентировкой фибулы относятся к трем группам: среднелатенской схемы, «воинские» и лучковые подвязные. При характеристике фибул здесь и далее использовалась классификация, предложенная В.В. Кропотковым².

¹ Глебов В.П. Фибулы раннесарматской культуры Нижнего Подонья // ДД. Азов, 2009. Вып. 10. С. 113.

² Кропотков В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. 384 с.

1) К группе фибул среднелатенской схемы относятся 8 экз. Их объединяет наличие на конце приемника проволочного отростка, прикрепленного к корпусу с помощью муфты, скрепы-лапки или завязки. Среди наших памятников имеющиеся образцы принадлежат застегкам I и II серии.

I серия (тип В-Костшевский) представлена 2 экз. (рис. 26, 1, 2). Это гладкие проволочные застегки, ножка которых прикреплена к спинке с помощью муфты или скрепы-лапки (скрепленные)¹. Подобный тип широко распространен в латенизированных культурах и является одним из наиболее популярных украшений в средне- и позднелатенский период. Время их бытования – последняя четверть II – I вв. до н. э.²

II серия – 6 экз. Это гладкие проволочные застегки, ножка которых прикреплена к спинке с помощью завязки. Пять из них относятся к «неапольскому» типу (рис. 26, 3, 4), 1 – к «беляусскому» (рис. 26, 5). По предположению А.К. Амброза, эта серия является переработанной и упрощенной крымскими мастерами версией «зарубинецких» фибул³. Основной регион их распространения – Крымский полуостров. Незначительное количество находится в сарматских погребениях на прилегающей к полуострову степной территории. Время бытования среднелатенских фибул II серии «неапольского» и «беляусского» типов – последняя четверть II – I вв. до н. э.⁴

2) Следующую группу составляют одночленные фибулы со сплошным приемником, гладким корпусом и короткой пружиной с верхней или нижней тетивой – 3 экз. (рис. 26, 6). За ними в научной литературе закрепилось название «воинские фибулы»⁵. Они получили распространение в конце I в. до н. э.

¹ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 41.

² Там же. Рис. 98.

³ Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. // САИ. 1966. Вып. Д1–30. С. 19.

⁴ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. Рис. 98.

⁵ Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. // САИ. 1966. Вып. Д1–30. С. 23–25.

– середине I в. н. э.¹ Их не случайно называют постлатенскими или полуримскими².

3) Лучковые подвязные фибулы – 4 экз. (рис. 26, 7-9). Три из них относятся к группе 4 серии I варианта 1 по В.В. Кропотову (рис. 26, 7, 8). Хронологический диапазон для этого типа – вторая половина I в. до н. э. – середина I в. н. э.³ Группа лучковых подвязных фибул представлена еще одной крупной застежкой с многовитковой пружиной из Лебяжьего-1/2с (рис. 26, 9), относящейся к группе 4 серии IV вариант 1 по В.В. Кропотову⁴. Близкая ей по форме застежка происходит из раннесарматского погребения у ст. Сарепта в Нижнем Поволжье. Время бытования таких фибул В.В. Кропотов определяет в пределах второй половины I в. до н. э. – первой половины I в. н. э.⁵

Пряжки – 3 экз. входили в состав колчаных наборов (Барановка, Писаревка, Донской). Из Барановки-I-10/9 происходит железная пластинчатая пряжка подпрямоугольной формы. Более интересная находка была сделана при исследовании погребения Писаревка-II-6/2 (рис. 26, 10). Это бронзовая литая ажурная пряжка с неподвижным язычком и вписанной в прямоугольную рамку сценой борьбы кошачьего хищника и запряженного верблюда. Из Донского-1/21 сохранилась прямоугольная литая бронзовая пряжка, в рамке которой вписано рельефное изображение двугорбого верблюда, сидящего на поджатых ногах, с поднятым вверх хвостом (рис. 26, 11).

Бронзовые ажурные поясные пряжки, мода на которые зародилась в Северном Китае, со сценами борьбы зверей или лежащих животных встречаются в раннесарматских памятниках не ранее II в. до н. э.⁶ Наиболее полная сводка

¹ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. Рис. 98.

² Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. // САИ. 1966. Вып. Д1–30. С. 23; Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 60.

³ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 72. Рис. 98.

⁴ Там же. С. 159-160.

⁵ Там же. С. 161.

⁶ Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении материальной культуры сарматов // Сарматы и Восток. Волгоград, 2010. С. 211-212; Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. // САИ. Д4-7. М., 1980. 67 с.

находок из сарматских погребений приведена в работе Е.Ф. Корольковой¹. По заключению А.С. Скрипкина, сарматы имели свои центры по их производству, ориентировавшиеся на восточные образцы².

Единственный костяной ложковидный наконечник ремня (Тары-II-10/3) имеет точные аналогии в раннесарматских комплексах³.

Зеркала – 21 экз. представлены тремя типами:

1) Тип Хазанов IV – 14 экз. (рис. 27, 1-10). Бронзовые зеркала с валиком по краю диска и с боковой ручкой-штырем диаметром до 19 см. А.М. Хазанов датировал этот тип зеркал савроматским и раннесарматским временем⁴. По заключению А.С. Скрипкина, такие зеркала выходят из моды во II в. до н. э.⁵, хотя они встречаются и в более позднее время, в том числе в среднесарматских могильниках (например, в I Чертовицком могильнике на р. Воронеж⁶).

2) Тип Хазанов VI – 6 экз. (рис. 27, 11-16). Бронзовые круглые плоские зеркала небольшого диаметра (до 10 см)⁷. Подобные зеркала являются одним из самых распространенных типов зеркал, встречающихся как в раннесарматских, так и среднесарматских погребениях

3) Одним экземпляром представлено бронзовое зеркало с валиком по краю диска и коническим выступом в центре с ручкой-штырем диаметром 11,4 см (рис. 27, 17). Принадлежит так называемому бактрийскому типу. Он более характерен для памятников первой половины I в. н. э., хотя известны экземпляры в закрытых комплексах до рубежа эр⁸.

¹ Королькова Е.Ф. Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии // АСГЭ. 1999. Вып. 34. С. 68-96.

² Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении материальной культуры сарматов // Сарматы и Восток. Волгоград, 2010. С. 212.

³ Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. САИ. 1963. Д1-10. Табл. 32, 28.

⁴ Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 3. С. 62-64.

⁵ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1991. С. 152.

⁶ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 43.

⁷ Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 3. С. 62-64.

⁸ Сергацков И.В., Шинкарь О.А. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 168.

Таким образом, в североориентированных погребениях Дона наблюдается преобладание того же типа зеркал Хазанов IV, что и в раннесарматских погребениях прохоровской культуры. Зеркала в могилы укладывали в специальных футлярах. Зеркало в Сторожевом кургане было помещено в деревянный чехол из кипариса (диаметр – 11 см), который частично сохранился. Его наружная поверхность украшена орнаментом из углубленных концентрических кругов. В центре прочерчена еще пара концентрических кругов, которые располагаются вокруг бронзовой заклепки, имеющей вид обойного гвоздика со сферической шляпкой¹. В деревянный футляр было положено зеркало из Ливенцовского-VII-31/1, на котором виден циркульный орнамент.

Зеркала найдены в основном в районе груди или под головой покойного. Следует отметить, что в большинстве случаев в могилу помещались битые экземпляры, что было вызвано определенными действиями в погребальной практике сарматов².

Украшения включают в себя несколько категорий.

Бусы: представлены различными типами классификации Е.М. Алексеевой: мелкие бусы с внутренней позолотой с гладкими краями отверстий (тип 1, вариант А)³, короткоцилиндрические бусины с небольшим валиком вокруг отверстия из стекла с металлической прокладкой (тип 16)⁴, округлые пропорциональные и поперечно сжатые бусины из прозрачного бесцветного стекла с металлической прокладкой (тип 1а)⁵, сердоликовые бочонковидные

¹ Романовская М.В. Сторожевой курган // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа. М., 1986. С. 113.

² Хазанов А.М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СА. 1964. № 3. С. 89-96; Коробкова Е.А. О семантическом значении зеркал в сарматской культуре // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 106-107.

³ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12. С. 29. Табл. 26, 2, 3.

⁴ Там же. С. 31-32. Табл. 26, 53, 54.

⁵ Там же. С. 29. Табл. 26, 2.

продольно-удлиненные бусы с пропилами на торцевых сторонах (тип 3, вариант Б)¹, бочковидные продольные вытянутые бусины из янтаря (тип 4)² и др. Они были распространены как в эллинистическое, так и в более позднее время.

Среди *украшений* наибольший интерес представляют золотые серьги из украшений женщины в погребении Алитуб-3/20 (рис. 26, 12)³. К золотым ушным кольцам путем петли подвешены ажурные цилиндры из трех колец. Снизу к ним крепятся 6 плетеных цепочек, к которым подвязаны удлиненные восьмеркообразные петли. К ним привешены трехлепестковые пластинки. По своей морфологии и технике изготовления алитубским сережкам близка пара подвесок, происходящих из комплексов, датирующихся раннесарматским временем.

Золотые львиноголовые серьги были в женском захоронении у Холодного (рис. 26, 13). Подобные изделия пользовались большой популярностью во всем греческом мире, городах Северного Причерноморья, меотов Прикубанья и сарматов различных регионов. Серьги из Холодного характеризуются упрощенностью и крайней схематичностью в изображении животных и принадлежат к местным подражаниям импортным образцам. Исследователями предполагается производство таких изделий в варварской среде Северного Причерноморья и Прикубанья, а время бытования – II в. до н. э.⁴

Золотые украшения были найдены еще в двух случаях: это золотые височные подвески из проволоки, свернутые в три оборота, диаметр подвесок – 1,5 см (Барановка-I-10/9), и золотое височное кольцо с несомкнутыми концами размерами 15,5x10 мм (Ливенцовский-VII-31/1, рис. 26, 14). Золотыми бляшками была расшита одежда (или покрывало) погребенной в кургане у Алитуба.

¹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1-12. С. 14-16. Табл. 27, 29, 30.

² Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12. С. 23. Табл. 23, 26-27.

³ Захаров А.В. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их Соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 35.

⁴ Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В. Серьги из сарматских погребений II в. до н. э. (по материалам фондов ВОКМ) // НАВ. Волгоград, 2002. Вып. 5. С. 260-262.

Также в могилы помещались височные кольца, подвески, браслеты и перстни, выполненные из бронзы. Все эти предметы часто встречаются в женских сарматских захоронениях¹. Среди них наиболее интересна бронзовая подвеска, свернутая из проволоки и напоминающая по определению В.П. Глебова «гусиную лапку»² (рис. 26, 15). Найденные в Лебяжьем-1/3 (d) бронзовые перстни (рис. 26, 16) с круглыми выпуклыми щитками и с двумя узкими ползками-дужками, заходящими друг за друга, близки по форме золотым экземплярам из числа ранних сарматских находок в погребениях конца IV – III вв. до н. э. Они являются продукцией античных мастерских³.

Орудия труда.

Ножи – 21 экз. (рис. 27, 18-23) представлены двумя типами: 1 – с прямой спинкой; 2 – с горбатой спинкой. Фрагментированность некоторых экземпляров не позволяет их отнести к тому или иному виду.

Шило представлено единственным экземпляром, имеющим небольшой заостренный черенок для насадки и острие до 10 см длиной (Алитуб-3/20). Оно повторяет форму изделий из раннесарматских памятников Нижнего Дона (Койсуг-5/15; Усьман – 2/6, 2/10 и др.)⁴. Несмотря на многообразие форм, орудия труда не несут хронологической нагрузки и встречаются в погребальных комплексах на протяжении всей сарматской культуры.

Глиняные пряслица – 10 экз. (рис. 27, 24-29). По форме их можно подразделить на несколько видов: 1) плоские; 2) биконические; 3) усеченно-биконические; 4) усеченно-конические; 5) яйцевидные.

¹ Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. САИ. 1963. Д1-10. Табл. 29, 12-27; Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. Табл. 71, 63-64.

² Глебов В.П., Парусимов И.Н. Раннесарматские погребения из кургана у хут. Холодный // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 265.

³ Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. САИ. 1963. Д1-10. С. 44. Табл. 29, 5; Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. Рис. 71, 61.

⁴ Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С. 71.

Каменный оселок найден лишь однажды вместе с мечом в погребении Писаревка-II-6/2. Сочетаемость «оселок-меч» характерна для сарматов на разных этапах их истории¹.

Редкие категории сопровождающего инвентаря. Весьма любопытная находка была сделана при раскопках кургана у Холодного (1/3). В могиле рядом с умершим положены 4 деревянные палочки, окрашенные в красный цвет. В.П. Глебов справедливо предположил, что эти палочки могли быть прутьями для гадания². Способ их использования скифскими предсказателями подробно описан в «Истории» Геродота (IV, 67). По мнению А.П. Медведева, археологическим выражением принадлежности умершего к жреческому сословию является наличие именно этого атрибута – прутиков и палочек для гадания³. Отметим, что по составу инвентаря это погребение, скорее всего, женское.

Посуда. В интересующей нас группе погребений она является наиболее часто встречающейся категорией сопровождающего инвентаря. Всю посуду можно разделить на три большие группы: глиняная лепная, глиняная гончарная и металлическая.

Глиняные горшки (рис. 28). Из погребения Тары II-2/2 и захоронения Сасовка-8/3 происходят лепные горшки, украшенные характерным прохоровским орнаментом в виде «полотенец»⁴ (рис. 28, 1, 8). Сосуды подобной формы и орнаментации характерны для прохоровской культуры Приуралья и Поволжья⁵. В Авиловском-II-32/9 найден лепной горшок с тремя прочерченными

¹ Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура (IV – I вв. до н. э.). М., 1997. Табл. 4, 5.

² Глебов В.П. Парусимов И.Н. Раннесарматские погребения из кургана у хут. Холодный // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 267.

³ Медведев А.П. Исследования по археологии и этнографии лесостепной Скифии. Воронеж, 2004. С. 91-99. Рис. 24.

⁴ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. Рис. 3, 2б; Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 межд. конф. «Проблема сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. Рис. 5. 22, 26, 28; Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. Табл. 72. 33, 34, 42, 60, 71.

⁵ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. Табл. 72. 12.

круговыми горизонтальными линиями – образец сарматской посуды последних веков до н. э.¹ (рис. 28, 3). В погребении у с. Монастырка находился лепной горшок с высоким яйцевидным туловом, покрытым по шейке и плечикам орнаментом из прочерченных горизонтальных и расположенных ниже фестонобразных линий (рис. 28, 6). Горшок с яйцевидным туловом, орнаментированный рядом каплевидных вдавлений, из Сасовки-8/2 (рис. 28, 7) обнаруживает довольно близкие аналоги в раннесарматских погребениях Нижнего Дона².

Глиняный лепной кувшин с петлевидной ручкой, невысоким горлом, отогнутым наружу венчиком обнаружен в погребении Тары-II-10/8³. Под горлом прочерчены две горизонтальные линии, между которыми нанесены вертикальные косые насечки. Подобные сосуды также встречаются в прохоровских погребениях⁴.

Лепные курильницы – 5 экз. (рис. 28, 9-13).

В п. 7 к. 22 мог. Ливенцовский VII было уложено сразу три курильницы. Одна стояла у головы, две остальные в ногах и были помещены одна в другую. Первая курильница – усечено-конической формы с плоским дном (рис. 28, 9). Из второго комплекта – внешняя круглая (цилиндрическая) с вогнутым дном (рис. 28, 10), внутри нее стояла курильница квадратной формы меньших размеров (рис. 28, 11). Еще одна курильница цилиндрической формы происходит из Авиловского-II-34/8 (рис. 28, 12). Цилиндрические курильницы относятся к

¹ Сергацков И.В., Шинкарь О.А. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 167, 169.

² Максименко В.Е., Мошкова М.Г. Сарматские погребения Ясыревских курганов Нижнего Дона // КСИА АН СССР. 1973. № 133. С. 75-76. Рис. 29, 2-3; Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. Табл. 66, 68; Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 межд. конф. «Проблема сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. Рис. 5, 36.

³ Сергацков И.В., Шинкарь О.А. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 168-169. Рис. 7, 10.

⁴ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. Табл. 72, 32.

наиболее распространенному типу ранне- и среднесарматских курильниц. Кубические курильницы более характерны для позднесарматского периода, в раннесарматское время их находки крайне редки¹. Глиняная лепная биконическая курильница, с орнаментом в виде ломанной линии по тулову (Авиловский-II-34/8; рис. 28, 13) близка к некоторым формам ранних курильниц Азиатской Сарматии². В целом, по встречаемости курильниц в раннесарматских североориентированных погребениях обращает внимание небольшое число комплексов с этой категорией керамического инвентаря (не более 4 %). Для сравнения укажем, что в Нижнем Поволжье курильницы встречаются значительно чаще³.

Гончарная керамика представлена различными типами.

Сероглиняный кувшин без ручки из Алитуба (рис. 29, 2) орнаментирован по горлу и плечикам парными горизонтальными желобками, а ниже плечиков – тройными вертикально-косыми пролощенными «полотенцами». А.В. Захаров отмечал, что по составу теста горшок можно отнести к кругу ранней центральнокавказской керамики⁴. Похожие по форме образцы известны на Нижнем Дону⁵ и в Прикубанье⁶ в раннесарматский период. Наиболее вероят-

¹ Глухов А.А. Глиняные курильницы из среднесарматских погребений междуречья Волги и Дона // ДА. 2000. № 2. С. 37-38.

² Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1991. Рис. 37.

³ Кандыбина В.В. Место курильниц в погребальном обряде сарматских племен Нижнего Поволжья // X Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы» / Материалы конференции. Ростов-на-Дону, 2015. С. 82.

⁴ Захаров А.В. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их Соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 31.

⁵ Гугуев В., Гугуев Ю. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в грунтовом некрополе Кобякова городища (по материалам раскопок 1984-1985 гг.) // Известия РОМК. Ростов-на-Дону, 1989. Вып. 6. С. 74.

⁶ Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. Рис. 32-34; Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. С. 251.

ным местом производства может считаться пристепная часть Чечни, Ингушетии или Северной Осетии¹. При этом еще раз отметим, что орнамент в форме «полотенец» является характерной чертой прохоровской культуры.

Несколько сероглиняных лощенных кувшинов (рис. 29, 3, 4) также, скорее всего, имеют кавказское происхождение, такие сосуды встречаются в памятниках меотов Прикубанья в последние века до н. э.²

Красноглиняные кувшины. Чаще всего с овально-яйцевидным туловом вытянутых пропорций, плавно переходящим в горло (рис. 29, 5-8) являются продукцией боспорских мастерских. Они нередко встречаются в сарматских погребениях Нижнего Дона³ и Прикубанья⁴. Красноглиняные гончарные кувшины из Ливенцовского-VII-22/6 и 22/7 (рис. 30, 1,2) имеют аналоги в Прикубанье среди инвентаря погребений II – I вв. до н. э., реже – погребений I в. н. э.⁵ Гончарный красноглиняный кувшин с горизонтальной ручкой из Новопапестинского-1/2 (рис. 30, 4) также находит свои аналоги на Кавказе и датируется в пределах последних веков до н. э. Красноглиняный кувшин-ойнохойя из Ливенцовского-VII-31/1 (рис. 30, 5), по заключению В.П. Глебова близок античной посуде из Северного Причерноморья⁶. Скорее всего, он происходит из гончарных мастерских Фанагории или других центров Азиатского Боспора⁷.

¹ Деопик Д.В. Керамика Центрального Предкавказья в I-IV вв. н. э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия) // Материальная культура Востока. М., 1988. С. 172.

² Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. Рис. 6.

³ Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С. 204. Рис. 50, 7.

⁴ Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. С. 88-89. Рис. 23.

⁵ Шевченко Н.Ф. Некоторые аспекты боспорско-сарматских отношений в Восточном Приазовье (III в. до н. э. – I в. н. э.) // Музейный сборник. Вып. 1. Краснодар, 1993. Табл. 1, 2.

⁶ Глебов В.П., Ильюков Л.С. Раннесарматские погребения из могильника Ливенцовский II (раскопки 1995 г.) // Археология, древний мир и средние века. Вып. IV. Ростов-на-Дону, 2010. С. 74.

⁷ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Античные погребения из курганов в окрестностях Фанагории // Понтийские греки. Краснодар, 1997. С. 48.

Сероглиняная чашечка с полусферическим туловом на ножке-поддоне (рис. 30, 6) обнаруживает аналоги в Центральном Предкавказье в погребениях III – I вв. до н. э.¹ Из грунтового погребения у с. Белогорье происходит рельефная глиняная чаша полусферической формы мегарского типа (рис. 30, 7). Внешняя поверхность чаши орнаментирована длинными, закругленными на окончаниях лучами и полосками жемчужника между ними. Сверху лучей расположена горизонтальная линия ов. На дне сосуда – клеймо с рельефной надписью – «Деметрий». Как отмечают авторы публикации, чаша является продукцией боспорских ремесленников. Дата изготовления – II в. до н. э.² В целом, мегарские чаши считаются редкой находкой в раннесарматских памятниках Подонья – Причерноморья.

Унгвентарии веретенообразной формы (рис. 29, 1) в отличие от Поволжья не являются редкой находкой в раннесарматских памятниках Северного Причерноморья и Прикубанья. Наш экземпляр близок к типу V по М. Парович-Пешикан или типу D по Андерсон-Стоянович³. Их можно датировать не позднее конца II в. до н. э.⁴ Похожий унгвентарий найден в раннесарматском североориентированном погребении у с. Соколово в Поднепровье, где также была погребена знатная женщина, а также в ограбленном погребении 3 к. 1 у с. Васильевка в южном Донбассе. Изредка такие сосудики встречаются на Дону и в памятниках среднесарматской культуры⁵.

¹ Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М., 1993. С. 53-55, 145.

² Березуцкий В.Д., Кравец В.В., Кравец А.В. Раннесарматское погребение с мегарской чашей на Среднем Дону // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 2. С. 28.

³ Anderson-Stojanović V.R. The Chronology and Funktion of Ceramic Ununguentaria // American Journal of Archaeology. 1987. Vol. 91. P. 105-122.

⁴ Берлизов Н.Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена южной России в VII в. до н. э. – V в. н. э. Краснодар, 2011. С. 204.

⁵ Ильюков Л.С., Власкин Л.М. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону, 1992. С. 60. Рис. 12, 25. Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // ДД. Азов, 1998. Вып. 8. Рис. 55.

Металлическая посуда (рис. 31).

В состав сопутствующего инвентаря в захоронении у Алитуба входила бронзовая сковорода типа «Айлесфорд» (рис. 31, 1). Стенки сосуда слегка расширяются ко дну, ручка горизонтальная, оканчивается лебединой головкой. На венчике, в месте присоединения ручки, нанесен прочерченный орнамент. В сарматских погребениях подобные изделия являются редкой находкой. Кроме вышеназванного погребения, на юге Восточной Европы известно еще 6 находок: одна из погребения у с. Косика в Нижнем Поволжье и пять в захоронениях зубовско-воздвиженской группы на Кубани¹. Согласно последним хронологическим разработкам исследователей, сковородки типа «Айлесфорд» в Западной Европе датируются в пределах 100-10 гг. до н. э. с пиком их производства в 80-30 гг. до н. э.² Скорее всего, в это же время они и попадали в сарматские погребения Восточной Европы³. В сарматских памятниках Прикубанья они находятся в погребальных комплексах, датирующихся 90-50 гг. до н. э.⁴

В том же погребении был найден сильно поврежденный (специально испорченный) бронзовый котел с полусферическим сужающимся к устью туловом, воронковидным поддоном и петлевидными вертикальными ручками с одним выступом (рис. 31, 2). По типологии С.В. Демиденко, он принадлежит типу VI.5.A., характерному для I в. до н. э.⁵ Литой бронзовый котел с ручками, украшенными тремя грибовидными выступами, происходит из Донского-1/21 (рис. 31, 3). Он относится к типу VI.1.A по С.В. Демиденко и датируется II в.

¹ Сергацков И.В. Финал раннесарматской культуры: хронология и проблемы этнической истории сарматов на рубеже эр // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Самара, 2000. Вып. 1. С. 153.

² Petrovszky R. Studien zur romischen Bronzegefassen mit Meisterstempeln. Kolner Studien zur Archaologie der Romischen Provinzen. 1993. S. 25, 138.

³ Раев Б.А. Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии // АМА. Саратов, 1993. Вып. 9. С. 160.

⁴ Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. 1996. С. 33.

⁵ Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.). М., 2008. С. 19, 87-88. Рис. 147-148.

до н. э.¹ Перед помещением в могилу он был также поврежден. Нижняя закопченная часть литого бронзового котла сопровождала погребение из Ливенцовского VII-22/6 (рис. 31, 4). Во всех трех случаях мы имеем примеры преднамеренной порчи котлов. Традиция помещать намеренно испорченные котлы была свойственна сарматским племенам на Кубани и на Нижнем Дону². Как отмечает С.В. Демиденко, почти половина всех обнаруженных котлов в сарматских погребениях Европейской части России носит следы преднамеренной порчи³.

Деревянные блюда. Их остатки были зафиксированы в курганах в бассейне Иловли⁴ и в Нижнем Подонье (Высочино-V-24/5, Сторожевой курган и др.). Восстановить типы и форму деревянных сосудов невозможно.

Таким образом, анализ обряда и сопровождающего инвентаря североориентированных погребений бассейна Дона не показал их существенных отличий от основного массива раннесарматских погребений с противоположной ориентировкой. На Дону они, скорее всего, еще входили в те кланы, которые чаще практиковали обычную для ранних сарматов южную ориентировку. При наличии небольшого числа североориентированных погребений, определенно датированных в пределах II в. до н. э., обращает на себя внимание то обстоятельство, что все же большинство из них тяготеют к концу II – I вв. до н. э. или к еще более позднему времени. На основании вышеприведенного анализа нельзя сделать однозначное заключение, что интересующая нас группа номадов консолидировалась на Нижнем Дону.

¹ Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.). М., 2008. С. 17, 114-115. Рис. 154.

² Захаров А.В. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их Соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 32.

³ Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.). М., 2008. С. 50.

⁴ Сергацков И.В., Шинкарь О.А. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 165-178.

3.2. Североориентированные погребения в Поднепровье

На сегодняшний день в бассейне Днепра нами учтено 30 таких погребений (рис. 15, №№ 47-76; рис. 16, зона б). Они составляют 50 % от известных сарматских памятников в регионе (25 % – с южной ориентировкой, 18 % – ориентировка не устанавливается)¹. Из них четыре находятся в правобережье Днепра, 26 – в левобережье. Одно из них расположено в лесостепной зоне (Хорол), 6 – на границе степи и лесостепи и 23 – в степной зоне на территории Украины (Нижнее Поднепровье).

Практически все погребения – впускные в курганы предшествующих эпох: 26 – в курганы эпохи бронзы; 2 – в скифские. Подобная ситуация характерна для всего раннесарматского мира². Одно погребение (Бабино) совершено в естественном всхолмлении на поселении эпохи бронзы. Лишь одно захоронение, причем детское, совершено под индивидуальной насыпью (Львово-6/1). Случаи возведения «своих» насыпей над сарматскими погребениями во II – I вв. до н. э. немногочисленны, но все же встречаются³.

Погребальное сооружение и погребальный обряд.

Количество раннесарматских могил в одной курганной насыпи – почти всегда не более одной. Наличие пары могильных ям в одной насыпи прослежено лишь дважды: в насыпи к. № 1 у д. Каиры (при этом второй погребенный ориентирован на запад) и в насыпи к. № 13 у с. Акимовка (при этом ориентировка второго погребения № 1 не определена). Известно всего два случая нахождения североориентированных захоронений в одном курганном могильнике у с. Громовка, но в разных курганах (к. № 1 и к. № 2). Таким образом, в

¹ Bârcă V. Nomazi ai stepelor. Sarmatiile timpurii în spațiul Nord-Pontic (sec. II-I a. Chr.). Cluj-Napoca. 2006. S. 38-39.

² Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. С. 171.

³ Глебов В.П. Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II-I вв. до н. э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов-на-Дону, 2011. С. 34; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1991. С. 184-185.

Степном Поднепровье мы наблюдаем еще большее расхождение с раннесарматской прохоровской традицией размещать погребения в одном кургане по кругу¹.

В насыпях двух курганов встречены тризны – Львово-6/1 и Астанино-13/5. В первом обнаружены два лепных горшка и рядом с ними напутственная пища, представленная костями овцы; во втором – краснолаковая чаша.

Трижды удалось зафиксировать перекрытие входа в могильную яму. Так, во Львово-1/1 вход в могилу перекрыт двумя известняковыми плитами, в Громовке-1/19 на заплечиках располагались восемь деревянных досок, в Васильевке-1/4 погребение перекрыто закладом из бессистемно расположенных камней (известняка).

Погребальные сооружения представлены различными типами (рис. 32; табл. 11). В подавляющем большинстве случаев это обычная прямоугольная яма, иногда с закругленными углами – 13 (рис. 33, 1-4). Известны также ямы овальной формы – 3 (рис. 33, 5, 6), одна с заплечиками (рис. 34, 1) и одна трапециевидная (рис. 34, 2). Лишь однажды захоронение в Жемчужном-2/3 было совершено в катакомбе с круглой входной ямой и длинной узкой камерой (рис. 34, 5). В остальных случаях форму ямы выявить не удавалось, так как погребения были впущены в насыпь (рис. 35). Скорее всего, и здесь мы имеем дело с простой формой могильной ямы прямоугольных очертаний. Все перечисленные формы могильной ямы встречались у ранних сарматов в Нижнем Поволжье и Подонье.

Размеры большинства могил можно определить как средние – от 0,6 х 1,3 м до 1,6 х 2,3 м. Глубина расположения могильной ямы от уровня совре-

¹ Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. С. 200-211. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1991. С. 184.

менной поверхности составляет от 20 см и до 1 м (табл. 10). В целом, это соотносится с характеристиками большинства погребений прохоровской культуры¹.

В двух случаях зафиксированы остатки деревянного решетчатого гробовища или носилок, на которых был положен погребенный (Белозерка-1/2, Сергеевка-4/17). Примечательно, что в них были захоронены воины. Четыре раза были прослежены остатки органической подстилки (Виноградное-3/1, Громовка-2/2, Преображенка-2/5, Подгородное-3/8).

Использование ритуальных веществ в поднепровском регионе было редкостью. Только в Сергеевке-4/17 мелом было посыпано дно, на котором стояло деревянное гробовище. В этой группе погребений отсутствуют находки углей или золы. Все это может свидетельствовать об ослаблении традиций раннесарматского погребального ритуала у номадов, оставивших северориентированные погребения в Поднепровье.

Остатки заупокойной пищи сопровождали 11 погребений: в 10 случаях они размещались в могиле и лишь однажды – в насыпи кургана (Львово-6/1). В 10 случаях это были конечности овцы, еще в одном случае – останки свиньи² (хотя последнее определение вызывает сомнение³). Для сарматской культуры этого времени было характерно использование в качестве заупокойной пищи лопатки и передней ноги овцы.

Останки умерших (рис. 33-35, табл. 13).

В могильной яме всегда погребался один человек. В Поднепровье полностью отсутствуют парные погребения. Все погребенные ориентированы в северном полукруге. Умерших укладывали вытянуто на спине. Вариация достигалась за счет изменения положения рук или ног (табл. 13; граф. 8-11). Руки, в основном, располагали вытянуто вдоль туловища. Изредка кисти рук

¹ Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. С. 200-201.

² Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 84.

³ Там же.

находились на тазу, в районе паха (Бабино (п. 4), Брилевка-16/1, Подгородное-3/8, Преображенка-2/5); один раз на груди (Хорол). Ноги практически у всех погребенных вытянуты по оси туловища, в редких случаях – сгибались, либо были расставлены в сторону (Каиры-II-1/23, Подгородное-3/8, Чеховка-2/1). Подобные положения рук и ног свойственны ряду сарматских погребений южнорусских степей IV в. до н. э. – IV в. н. э.¹

Сопутствующий инвентарь (табл. 14, 15).

Вооружение представлено тремя категориями наступательного оружия: мечи, наконечники копий и стрел.

Мечи (9 экз.) двух типов.

1) Мечи с серповидным навершием – 8 экз. (рис. 36, 1-7). Экземпляры из Поднепровья в длину не превышали 33,5 см - 44 см. Это самый распространенный тип мечей и кинжалов раннесарматской культуры.

2) Длинный меч без металлического навершия с рукоятью-штырем (рис. 36, 8). Тип представлен единичной находкой, происходящей из погребения в Брилевке-16/1. У него длинный (около 79 см) клинок, пята которого под тупым углом переходит в рукоять-штырь. Клинок линзовидный в сечении. Находки из восточных сарматских погребений отличает наличие перекрестия, в то время как у экземпляра из Брилевки рукоять плавно переходит в клинок.² Подобное оружие появляется в Северном Причерноморье только в среднесарматское время и становится массовой находкой в позднесарматских погребениях³. Учитывая, что меч из Брилевки был найден в закрытом комплексе совместно с фибулой типа В-Костшевский, следует допустить раннее время его использования (не позже I в. до н. э.). Это образец всаднического оружия, предназначенного для конного боя всадника, находящегося в седле. Укажем,

¹ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. С. 171. Табл. 63, 23, 30.

² Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 58.

³ Там же. С. 57.

что на некоторых клинках сохранялись остатки деревянных ножен (Брилевка-16/1, Большая Белозерка-1/2, Сергеевка-4/17, Привольное-II-1/1).

Копья. Всего учтено 5 наконечников: 2 из них находились в одном погребении у Садово-II-2/1, в двух погребениях (Каланчак-10/1 и Сергеевка-4/17) наконечники копий сочетались с мечами и еще одно захоронение (Балки-26/2) было представлено единственным видом оружия (рис. 37, 1-4). Определить длину самого копья невозможно, так как в могилу, скорее всего, клали только наконечник копья, либо же сломанное копье. В погребении из Каланчака от наконечника уцелела только втулка, и поэтому его тип не установлен. Остальные наконечники по форме пера и размерам втулки разделяются на два типа по классификации А.В. Симоненко¹:

1) Тип 2б. Железные втульчатые, с длинным листовидным пером и втулкой средней длины, составляющей до 1/3 длины наконечника – 3 экз. (рис. 37, 1-3). Такие наконечники хорошо известны у сарматов. На территории Северного Причерноморья они появляются в раннесарматское время, но встречаются и в среднесарматских комплексах².

2) Тип 3. Железный втульчатый, с лавролистным пером и втулкой, равной 1/3 длины всего наконечника – 1 экз. (рис. 37, 4). Такие наконечники находили и в ранне-, и в среднесарматских могилах³.

Наконечники стрел. Как и на Дону, это крайне редко встречающийся вид вооружения. Из 30 учтенных комплексов наконечники стрел имелись только в одном. В могилу воина из Виноградного-31/1 был положен кожаный, украшенный бронзовыми пластинками колчан, в котором насчитывалось 12 наконечников стрел: 8 из них – втульчатые и 4 – черешковые (рис. 37, 5-10).

¹ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 70-76.

² Там же. С. 78-79.

³ Там же. С. 79.

Из втульчатых один наконечник – четырехгранный, остальные – трехлопастные. Такое оружие широко распространено в сарматских памятниках и датируется в достаточно широком диапазоне – со II в. до н. э. по II в. н. э.¹

Фибулы – 13 экземпляров, принадлежащие трем группам: среднелатенской схемы, лучковые подвязные и фибула-брошь.

1) Фибулы среднелатенской схемы – 11 экз. По классификации В.В. Кропотова 10 из них относятся к I серии (тип В-Костшевский). Это гладкие проволочные застёжки, ножка которых прикреплена к спинке с помощью муфты или скрепы-лапки (рис. 38, 1-4)². Подобный тип широко распространен в латенизированных культурах и являлся одним из самых популярных в Центральной Европе в средне- и позднелатенский период. Время их бытования – последняя четверть II – I вв. до н. э.³ Фибула из Богдановки-IV-3/3 принадлежит серии II – гладкие проволочные застёжки так называемого «неапольского» типа, ножка которых прикреплена к спинке с помощью завязки. Они также датируются в пределах последней четверти II – I вв. до н. э.⁴

2) Еще одна застёжка из погребения Акимовка-13/5 уже принадлежит группе лучковых подвязных фибул (группа 4 по В.В. Кропотому), I серии 1 варианта (рис. 38, 5). Хронологический диапазон этого типа фибул – вторая половина I в. до н. э. – середина I в. н. э.⁵ Такой тип фибул чаще встречается в комплексах, относимых уже к среднесарматскому времени (см. глава 3.2).

3) Тринадцатая застёжка, найденная в одиночном погребении у Соколово-II-1/1, представляет собой брошь с круглым щитком, снабженную двухигольным аппаратом (рис. 38, 6). На щитке нанесено изображение всадника. Аналогичные нашей фибуле броши известны в памятниках Крыма и Север-

¹ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 35-42; Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 96, 105.

² Кропотков В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 41.

³ Там же. Рис. 98.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 72. Рис. 98.

ного Кавказа. Эти изделия являются местным варварским подражанием оригиналам, изготовленным в античных центрах. Время их бытования – вторая половина II – I вв. до н. э.¹ Погребение из Соколово по сопровождавшему инвентарю было также отнесено к раннесарматскому времени².

Зеркала – 7 экз. Они представлены 2 типами:

1) Тип Хазанов IV – 2 экз. (рис. 38, 7, 8). Большое бронзовое зеркало с валиком по краю диска и с боковой ручкой-штырем. На одном из них на обратной стороне выгравирована 6-лепестковая розетка.

2) Тип Хазанов VI – 5 экз. (рис. 38, 9-11). Бронзовые плоские небольшого размера (диаметром до 10 см).

Эти же типы зеркал встречались в североориентированных сарматских погребениях Нижнего Дона. Но обращает на себя внимание резкое сокращение в интересующих нас комплексах зеркал Хазанов IV, типичных для прохоровской культуры Нижнего Поволжья³.

Как и в погребениях в Подонье в могилу часто укладывались не только целые экземпляры, но и фрагменты зеркал (Каиры-II-1/23, Балки-26/2, Бабино, п. 4). Образец из Подгородного-3/8 был положен в могилу в деревянном футляре.

Предметы украшений достаточно редки. Самой примечательной находкой можно признать золотую серьгу из Соколово-II-1/1, украшенную зернью в виде «грозди» и синими эмалевыми вставками (рис. 38, 12). Ей известны аналоги в раннесарматских погребениях II в. до н. э.⁴ В некоторых погребениях найдены обычные кольцевидные серебряные и бронзовые серьги (Громовка-1/19; Львово-1/2; рис. 38, 13)⁵. Также у Громовки-1/19 найдены

¹ Кропотков В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 291.

² Костенко В.И. Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары // СА. 1979. № 4. С. 196. Рис. 3.

³ Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. САИ. 1963. Д1-10. С. 42-43.

⁴ Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В. Серьги из сарматских погребений II в. до н. э. (по материалам фондов ВОКМ) // НАВ. Волгоград, 2002. Вып. 5. С. 260-265.

⁵ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. Табл. 71, 63, 64.

пять бронзовых овально-биконических подвесок с петлей. Похожая бронзовая подвеска происходит из Грушевки-5/1 (рис. 38, 15). В уже упомянутом погребении Громовка-1/19 также имелась одна трапециевидная подвеска из раковины. Не является редкостью серебряное проволочное височное кольцо в один оборот из Акимовки-1/2 (рис. 38, 14). Приведенные виды украшений имеют широкий диапазон бытования в последних веках I тыс. до н. э. – первых веках I тыс. н. э.

Кроме названных украшений в анализируемой выборке присутствуют два браслета (рис. 38, 16, 17) и обломок серебряной бочковидной пронизи (Акимовка-1/2). Из Грушевки-5/1 происходит *костяная ложечка* (рис. 38, 18) с окончанием ручки в виде головки какого-то животного (вероятно – вепря¹). Подобные зооморфные мотивы типичны для скифского и савроматского прикладного искусства. Стилистически ей близки ложечки V и IV вв. до н. э. из приуральских савроматских захоронений². Единичные экземпляры встречаются в нижнедонских памятниках IV – I вв. до н. э.³ и I – II вв. н. э.⁴ В ряде памятников прохоровской культуры имеются бронзовые и костяные ложечки-подвески, восходящие своими прототипами к центральноазиатскому региону⁵. Сам комплекс из Грушевки по совокупности материала может быть датирован II – I вв. до н. э.

¹ Золото, конь и человек: сб. ст. к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев, 2012. С. 161.

² Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. 1963. Вып. Д1-9. Табл. 22, 20, 28.

³ Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С. 213. Рис. 59.

⁴ Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // ДД. Азов, 1998. Вып. 8. Рис. 32, 2, 5.

⁵ Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении материальной культуры сарматов // Сарматы и Восток. Волгоград, 2010. С. 204-205.

Бусы – более 100 экз. Представлены многочисленными экземплярами разных типов и вариантов классификации Е.М. Алексеевой: Грушевка – полихромные бусы типа 190б¹; Львово-1/2, Громовка-2/2 – круглые и бочонковидные сердоликовые бусины типа 3а-б, 17²; Акимовка-13/5 – округлые поперечно-сжатые бусы из глухого белого стекла³; Чеховка-2/1 – глазчатая бусина⁴ и т. д.

Орудия труда крайне немногочисленны:

Ножи – 8 экз. (рис. 38, 19, 20). Найдены как в мужских, так и в женских захоронениях, часто совместно с напутственной пищей. Все ножи железные, черешковые тех же типов, что и на Дону: с горбатой и с прямой спинкой. Рукояти ножей двух разновидностей: деревянные, насаживавшиеся на черенок, и костяные, которые крепились к черенку заклепками⁵.

Пряслица – 3 экз. (рис. 38, 21, 22). Все округло-биконической формы.

Оселки – 2 экз. (Каланчак-10/1, Привольное-II-1/1). Как и в других сарматских погребениях оба лежали рядом с мечами.

Керамический комплекс (рис. 39-40). Включает лепную и гончарную посуду.

Лепная посуда имеет разнообразные формы: горшки, миски, курильницы.

Горшки. Лепной чернолощенный горшок с отогнутым венчиком и округло-биконическим туловом (рис. 39, 1) близок к некоторым формам сосудов I в. до н. э. из зарубинецкого Пироговского могильника⁶.

¹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1–12. Табл. 27, 85, 86.

² Там же. С. 32.

³ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1–12. С. 7.

⁴ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975. Вып. Г1–12. С. 59.

⁵ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 25.

⁶ Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982. Табл. 14, 20.

Пара сосудов с отогнутым венчиком и симметрическим сферическим туловом (рис. 39, 2, 3) близка типам раннесарматской керамики¹. Из Марьянского-5/6 происходит лепной горшок с типично прохоровским орнаментом из врезных свисающих тройных линий².

В то же время в североориентированных погребениях встречены горшки «скифоидного» облика: с отогнутым венчиком, высокими плечиками и резко сужающимся ко дну туловом (рис. 39, 4-7)³. По венчику горшка из Черноморского-1/5 нанесен орнамент из пальцевых защипов. По горлу сосуда из Львово-6/1 проходит налепной валик. Подобный валик находится на лепном кувшине из Замочного-13/1 (рис. 39, 8). Последний близок посуде из некрополя Золотое, датирующейся I в. до н. э.⁴ В Грушевке-5/1 найден лепной сероглиняный лощенный тонкостенный сосуд с невысоким прямым венчиком, широким приземистым туловом на плоском дне (рис. 39, 9). По плечу украшен четырьмя горизонтальными рядами проглаженных линий.

Своеобразный миниатюрный лепной сосуд происходит из погребения у Хоролы (рис. 39, 10). Авторы публикации отнесли его к числу многочисленных горшков сарматского времени из Доно-Уральского региона⁵. Однако А.В. Симоненко обратил внимание, что он своими пропорциями похож на лепные позднескифские курительницы с каннелюрами второй половины III – II вв. до н. э. из Тираспольских курганов и Крыма⁶.

¹ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 26. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. САИ. 1963. Д1-10. Табл. 6, 32.

² Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. Табл. 72, 16, 33, 83.

³ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. Рис. 41; Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. Табл. 56.

⁴ Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев, 1983. С. 100, 106.

⁵ Степанович С.П., Супруненко О.Б. Археологічні пам'ятки на території м'ята // Старожитності Хоролу. Полтава, 1994. С. 44.

⁶ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 19.

Чернолощенная миска с граненым изнутри венчиком из Львово-1/1 (рис. 39, 11) является образцом посуды зарубинецкой археологической культуры и датируется I в. до н. э.¹ Скорее всего, к этому же типу относится и серолощенная миска из Виноградного-31/1. Встречается такая посуда и в других раннесарматских комплексах на Украине (например, западноориентированное сарматское погребение из кургана 9 у с. Каиры)².

Кувшины. В интересующей нас группе погребений найдено 4 лепных кувшина (рис. 40, 1-4). Лощеный лепной кувшин из Бабино (рис. 40, 1) близок образцам меотской посуды³. Сероглиняному кувшину с петельчатой ручкой и слегка закругленным венчиком из Львово-1/1 (рис. 40, 2), который правлен на круге, известны аналогии из погребений раннесарматской культуры II – I вв. до н. э.⁴ Светлоглиняные кувшины из Привольного-II-1/1 и Садового-II-2/1 (рис. 40, 3, 4) являются репликой античной посуды⁵. Их отличие только в том, что кувшины изготовлены не на круге, а сделаны вручную.

Курильницы. В днепровских погребениях было обнаружено три курильницы (рис. 39, 12-14).

Лепная курильница в виде небольшой мисочки, на стенках которой зигзагом обозначены сквозные отверстия, происходит из воинского погребения у Жемчужного-2/3 (рис. 39, 12). По мнению Мошковой М.Г., сосуды, подобные нашему, появляются на позднем этапе прохоровской археологической культуры, то есть, с учетом корректировки ее датировки – II – I вв. до н. э.⁶

Из женского погребения Соколово-1/1 происходит пара курильниц (рис. 39, 13-14). Первая – более крупная высотой 7,5 см и диаметром устья 13,5 см, ребристая, имеет аналогии на Златобалковском городище II – I вв.

¹ Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982. С. 65.

² Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 14. Рис. 3,3Б.

³ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. Табл. 31, 24.

⁴ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1991. Рис. 12, 19.

⁵ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 26.

⁶ Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. САИ. 1963. Д1-10. С. 30.

до н. э.¹ В нее была вложена вторая бочонковидная курильница меньших размеров с двумя симметрично расположенными отверстиями под венчиком (рис. 39, 14). Она относится к бочонковидным курильницам третьего типа по классификации К.Ф. Смирнова, датировавшего их ранне- и среднесарматским временем². Обычай вкладывания курильниц одного типа в другой был широко распространен среди сарматских племен³.

Гончарная посуда – 9 экз.

Веретенообразные унгентарии – 2 экз. из Соколово-1/1 (рис. 40, 5-6).

Они относятся к типу V классификации Парович-Пешикан⁴ или типу D по Андерсон-Стоянович⁵ и датируются концом II в. до н. э. В одном погребении с ними был гончарный сероглиняный кувшин с витой ручкой (рис. 40, 7). Идентичный сосуд также встречен в раннесарматском южноориентированном погребении Северного Причерноморья Большая Белозерка-1/3⁶. Большое количество их аналогов имеется в погребальных памятниках сираков Прикубанья⁷. Исследователи датируют их широким хронологическим промежутком от III в. до н. э. до начала I в. н. э.⁸

Маленькая ойнохойя (рис. 40, 8) из Громовки-1/19 прямых аналогий не имеет, хотя и близка по форме некоторым образцам античной посуды из некрополя Золотое⁹.

¹ Вязьмитіна М.І. Золота Балка (поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі). Київ, 1962. С. 55, рис. 30, 2.

² Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 170.

³ Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // ДД. Азов, 1998. Вып. 8. С. 138.

⁴ Берлизов Н.Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена южной России в VII в. до н. э. – V в. н. э. Краснодар, 2011. С. 204.

⁵ Anderson-Stojanović V.R. The Chronology and Funktion of Ceramic Ununguentaria // American Journal of Archaeology. 1987. Vol. 91. P. 105-122.

⁶ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 7-8. Рис. 1, 2 б.

⁷ Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. Рис. 325.

⁸ Толстикова В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Керамический комплекс позднеэллинистического времени из Пантикапея // Боспорские исследования. 2003. Вып. III. С. 294 и др.

⁹ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 27.

Фрагментированный красноглиняный кувшин из Каланчака-10/1 (рис. 40, 9) по форме тулова близок к посуде боспорского производства I в. до н. э.¹ Красноглиняный античный кувшин из Преображенки-2/5 (рис. 40, 10) принадлежит типу, хорошо известному в сарматских памятниках Прикубанья II – I вв. до н. э.² Еще один красноглиняный кувшин из Виноградного-31/1 (рис. 40, 11) обнаруживает аналогии в погребениях I в. до н. э. некрополя Золотое³. В Балках-26/2 найдены фрагменты красно-буролакового кувшина (рис. 40, 12), близкого позднеэллинистической посуде⁴. Два гончарных сосуда происходят из Подгородного-3/8. Первый – античная круглодонная чаша полусферической формы (рис. 40, 13), покрытая густым лаком буро-красного цвета, относящаяся к позднеэллинистическому времени⁵. Второй – оригинальный круглодонный с шаровидным туловом кувшин из красно-оранжевой глины (рис. 40, 14). Он декорирован по горлу тремя горизонтальными линиями с надрезами, а в месте перехода от горла к тулову украшен рельефным поясом. Аналогичные, но лепные сосуды были распространены в прохоровское время в Приуралье и Поволжье⁶. Наш же экземпляр сделан на гончарном круге. В.И. Костенко отметил при публикации комплекса, что, вероятно, подобный сосуд был изготовлен по образцу сарматской посуды в одном из античных центров Северного Причерноморья⁷.

Таким образом, в раннесарматских погребениях с северной ориентировкой в Поднепровье мы наблюдаем вещевой комплекс, типичный для позднего

¹ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 27.

² Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. С. 88-89; Рис. 23, 4.

³ Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев, 1983. С. 104.

⁴ Симоненко А.В. Роксолани (пошук археологічних відповідей) // Археологія. 1991. № 4. С. 24.

⁵ Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 107; Николаева Э.Я. Раскопки городища Кепы в 1964 г. // КСИА АН СССР. № 109. 1967. С. 97, 98.

⁶ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. Табл. 72.

⁷ Костенко В.И. Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары // СА. 1979. № 4. С. 199.

этапа раннесарматской прохоровской культуры II – I вв. до н. э. Его отличие состоит только в том, что в Северном Причерноморье гораздо чаще использовались гончарные сосуды и почти вышли из употребления зеркала Хазанов IV. Может быть не случайно в погребениях причерноморских номадов II – I вв. до н. э. также гораздо чаще, чем в Подонье и Поволжье встречались железные наконечники копий (16,6 %). В свое время А.П. Медведевым было обращено внимание на то, что наконечники копий чаще встречаются на периферии сарматского мира – в тех областях, где это оружие было широко представлено в предшествующее скифское время¹. Возможно, именно этим обстоятельством объясняются известные свидетельства античных авторов о широком использовании в бою роксоланами именно копий (Страбон. География. VII. 3. 17; Тацит. История. I. 79. 1-4).

3.1.3. Североориентированные погребения в Крыму

Эта группа погребений немногочисленна – 8 погребений (рис. 15, №№ 77-84). Но к ним мы отнесли и неординарное женское захоронение знаменитого Ногайчинского кургана (Червоное, к. 5 п. 18; рис. 43)². Стоит отметить, что вплоть до начала II в. н. э., когда в Крыму начинают функционировать могильники типа Нейзац³, сарматские погребальные памятники здесь являются редкостью⁴.

¹ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 87.

² Щепинский А.А. История сарматов в Северном Причерноморье // Тезисы докладов XIV международной конференции античников социалистических стран. Ереван, 1976. С. 525-526; Щепинский А.О. Скарби сарматської знаті / Вісник АН УРСР. № 10. Киев, 1977. С. 75-76; Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. 2003. № 3. С. 61-99.

³ Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Первые погребения в могильнике Нейзац // История и археология Крыма. 2016. № 3. С. 208.

⁴ Кропотов В.В. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма // НАВ. Волгоград, 2016. Т. 15. № 1. С. 23.

Погребальное сооружение и погребальный обряд.

Все рассматриваемые погребения – впускные в курганы эпохи бронзы. В Ишунь, Ярком Поле, Источном и Ногайчинском кургане это были одиночные погребения, в Астанино умершие находились в пределах одного могильника, в Чкалово захоронения были совершены в одном кургане. Таким образом, выявленная здесь серия североориентированных погребений полностью повторяет традиции погребальной обрядности в Подонье и Приднепровье.

Форму могильной ямы удалось проследить в двух случаях: овальная (рис. 41, 1) и подпрямоугольная (рис. 41, 2). В остальных – контуры не фиксировались. Глубина залегания могильных ям или же останков умерших в насыпи в рядовых погребениях составляет всего от 0,15 м до 1,6 м. Сарматское погребение в Ногайчинском кургане было совершено на глубине 6 м от уровня поверхности насыпи (табл. 10).

В Астанино-3/1 были отмечены следы органического тлена от подстилки. Оба погребенных в к. № 1 у с. Чкалово были уложены в деревянные решетчатые гробовища. Как уже указывалось, подобные внутримогильные конструкции известны у сарматов Поднепровья и Подонья. Погребенная в Ногайчинском кургане уложена в прямоугольный деревянный расписной саркофаг с двускатной крышей. Внешняя поверхность крышки, по всей вероятности, в древности была покрыта полотнищем, расшитым золотыми фигурными бляшками, расположенными в различных композициях. С наружной стороны саркофага по углам зафиксированы четыре круглых в сечении деревянных столбика, обернутые тонкой серебряной пластиной. Скорее всего, это остатки покрова или балдахина. Для раннесарматского периода аналогичных примеров нет, хотя близкий по устройству балдахин, расшитый золотыми аппликациями известен в несколько более позднем погребении сарматской «царицы» в Липецком кургане (I в. н. э.)¹.

¹ Медведев А.П., Сафонов И.Е., Матвеев Ю.П. Сарматское «княжеское» погребение в кургане у г. Липецка // РА. 2008. № 4. С. 97-107.

Как для североориентированных погребений Поднепровья и Подонья, так и для крымских нехарактерно использование ритуальных веществ: из 8 захоронений только в одном отмечены следы огня – в Чкалово-1/2 рядом с гробовищем обнаружено скопление угольков. Среди напутственной пищи трижды были зафиксированы остатки костей барана, расположенные в ногах погребенных.

Останки умерших (рис. 41, табл. 13).

Все крымские захоронения индивидуальные. Погребенные уложены вытянуто на спине головой в северный сектор (рис. 41). Вариация поз происходит за счет изменения положения конечностей (табл. 13). Руки могли быть подогнуты в локтях и уложены на тазовые кости или на грудь; ноги сводились в коленях. Руки сарматской царицы из Ногайчинского кургана были вытянуты вдоль тела, но при этом кисти обеих рук покоились в серебряных сосудах – в килике и чаше.

Сопутствующий инвентарь (табл. 15, 16).

В 7 погребениях в могиле располагалось минимум вещей (2-4 предмета). Единственное исключение – Ногайчинский курган - 54 находки (рис. 43).

Вооружение представлено одним железным мечом с антенновидным навершием без перекрестия (рис. 42, 1). Навершие плоское, волюты закруглены в один оборот и соприкасаются. Длина сохранившейся части – 25 см. Подобный меч был найден в бассейне Иловли (Нижнее Подонье).

Фибулы – 4 экз. Бронзовая застежка из Ишунь-22/2 (рис. 42, 2) относится к группе фибул среднелатенской схемы II серии II варианта («беляусский» тип). Их время – последняя четверть II – I вв. до н. э.¹ Еще три фибулы обнаружены в п. 18 Ногайчинского кургана. Золотая фибула-брошь с каплевидным щитком, украшенным вставками граната и зеленого стекла (рис. 43, 9) принадлежит к группе пружинных фибул-брошей². По форме застежки – маленькой

¹ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 53. Рис. 98.

² Там же. С. 293.

смычковой фибуле с широким и низким приемником – ее следует относить к ранней разновидности таких украшений, датируемой преимущественно второй половиной I – началом II в. н. э.¹ К числу фибул также относятся брошь с двумя иглами в виде дельфина, изготовленная из золота и горного хрусталя (рис. 43, 13), и круглая золотая заколка-брошь, украшенная сканью и зернью, а также вставками зеленого стекла и граната. Датировка подобных изделий весьма широка – от рубежа II – I вв. до н. э. до начала II в. н. э. В.В. Кропотов утверждает их позднюю дату в период расцвета среднесарматской культуры, но аргументов не приводит². А.В. Симоненко также признает, что обе фибулы из Ногайчинского кургана, который он включил в группу среднесарматских погребений, аналогий не имеют³.

Предметы туалета представлены крупным массивным зеркалом с валиком по краю диска, коническим выступом в центре и ручкой-штырем типа Хазанов-IV из Ногайчинского кургана, а также фрагментом плоского круглого бронзового зеркала небольшого диаметра типа Хазанов-VI из Ишуни (рис. 42, 3). Как отмечалось выше, такие типы зеркал были популярны у ранних сарматов на всей территории их расселения, а отдельные экземпляры встречаются в Крыму вплоть до середины I в. н. э.⁴

Украшения представлены многочисленными и разнообразными ювелирными изделиями из Ногайчинского кургана. Все они были в моде в позднеэллинистическое и раннеримское время⁵.

Остановим внимание на наиболее ярких предметах из коллекции. Золотая гривна с зооморфными окончаниями является одним из образцов круга

¹ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 294-295.

² Там же. С. 287.

³ Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 144.

⁴ Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007. С. 153.

⁵ Трейстер М.Ю. О ювелирных изделиях из Ногайчинского кургана // ВДИ. № 1. 2000. С. 182-202; Пуздровский А.Е. К вопросу о хронологии и этнокультурной принадлежности погребений с ожерельями и с подвесками в виде бабочек // БФ. II. 2004. С. 301.

предметов сарматского звериного стиля (рис. 43, 5). В сарматологии с 80-х гг. утвердилась точка зрения, согласно которой зооморфные образы ассоциируются непосредственно со «среднесарматской ступенью развития сарматской культуры»¹. Но В.И. Мордвинцевой было обращено внимание на то, что подобного типа гривны имеются в прикубанских и крымских погребениях II – I вв. до н.э.² Проведя анализ Ногайчинской гривны, исследовательница отметила, что в ее изобразительных приемах прослеживается сходство как с более ранними образцами (алтайские находки скифского времени, Казинский клад), так и с более поздними (Хохлач). На этом основании была предложена более узкая датировка – II – I вв. до н. э.³ Золотой флакон-подвеска (рис. 43, 6) точных аналогий не имеет. Разобрав его орнаментацию, В.И. Мордвинцева и Ю.П. Зайцев обратили внимание на его близость декору «венка из сердечек», украшавшему сосудик из погребения в могильнике Альтамура в Италии конца II в. до н. э. Декор на крышке в виде кольца из бегущей волны, выполненный из проволоки и дополненный крупной зернью, является характерным для ювелирных изделий Прикубанья II – I вв. до н. э., особенно для фибул-брошей с этого региона. Все это позволило исследователям датировать флакон из Ногайчинского погребения II – I вв. до н. э.⁴ Золотая пиксида (рис. 43, 10) по форме близка пиксидам из сарматских погребений I в. н. э. в Хохлаче и Соколовой могиле, но последние отличаются по технике выполнения орнамента. В.И. Мордвинцева, анализируя графический стиль, в котором украшена пиксида, приходит к выводу, что он характерен для раннесарматских фаларов Северного Причерноморья II – I вв. до н. э.⁵ Еще одним ярким украшением является золотой перстень (рис. 43, 14) с крупной стеклянной геммой с изображением женского бюста предположительно Арсинои III Филопатор в ипостаси

¹ Засецкая И.П. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) // СА. 1989. № 3. С. 35-47.

² Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 329.

³ Там же. С. 328-330.

⁴ Там же. С. 333.

⁵ Там же. С. 333-334.

Афродиты. Изображение выполнено в так называемом «грубом стиле», свойственном эпохе позднего эллинизма¹.

Украшения из рядовых могил единичны. Проволочные серьги из Яркого Поля-1/5 изготовлены из тонкой бронзовой проволоки, согнутой в кольцо. Серьжки имеют застежку в виде петли и крючка. Такие типы получают распространение на Крымском полуострове не ранее второй половины I в. до н. э.²

Бусы представлены различными типами по Е.М. Алексеевой и происходят из пяти погребений: бочонковидные с металлической прокладкой, пастовые бусины, цилиндрические бирюзовые из египетского фаянса, цилиндрическая из зеленого стекла и цилиндрическая из голубого стекла; цилиндрические коралловые и др. Время бытования таких бус определяется в рамках позднеэллинистического периода с заходом в римское время.

Орудия труда

Ножи – 2 экз. В Астанино-23/1 найден железный с прямой спинкой нож (рис. 42, 4), второй фрагментированный происходит из Астанино-3/1. В обоих случаях ножи были обнаружены совместно с останками заупокойной пищи. Среди других находок, в Астанино-23/1 под скелетом обнаружен фрагмент железного кольца, функциональное назначение которого не ясно.

Пряслица – 3 экз. (рис. 42, 5-7). Они усечено-конической формы и относятся к одному типу.

Керамический комплекс (рис. 42, 13-18). Немногочисленен, но весьма разнообразен. Он включает лепную и гончарную посуду.

Лепная посуда – всего 3 экз. Сероглиняная чашка с загнутым венчиком, из Чкалово-1/2 (рис. 42, 10). Подобные сосуды бытовали в течение длительного времени, в том числе и на памятниках позднескифской культуры в

¹ Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 334.

² Кропотков В.В. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма // НАВ. Волгоград, 2016. Т. 15. № 1. С. 28.

Крыму, поэтому узких датировок не дают¹. Серолощенная кружка из Источного-1/2 (рис. 42, 11) с округлым туловом и горизонтальной петлевидной ручкой имеет полные аналогии среди северокавказской керамики II – I вв. до н. э.² Серолощенный плоскодонный горшочек с округлым туловом и вертикальным венчиком, украшенный на плечиках врезным зигзагообразным орнаментом, ограниченным горизонтальными линиями (Яркое Поле-1/5; рис. 42, 12) обладает признаками посуды, распространенной у ранних сарматов³.

Гончарная керамика. Две сероглиняные пелики из Астанино-3/1 близки по форме и отличаются лишь мелкими деталями. Близкие им краснолаковые сосуды встречаются на позднескифских и античных памятниках⁴. Небольшая краснолаковая миска из Астанино-3/1 (рис. 42, 13) с полусферическим туловом на невысоком кольцевом поддоне относится к типу, весьма распространенному в I в. до н. э. – первой половине I в. н. э.⁵ Две сероглиняные чаши из Астанино-3/1 и Астанино-23/1 (рис. 42, 14, 15) отличаются друг от друга лишь наличием каннелюр на одной из них. Хронологические рамки бытования таких чаш широки – от последней четверти II в. до н. э. – до первой половины II в. н. э.⁶ Пара красноглиняных кувшинов (Чкалово-1/2, Ишунь-22/2; рис. 42, 16) имеет близкие аналогии среди античной керамики в Северном Причерноморье

¹ Кропотов В.В. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма // НАВ. Волгоград, 2016. Т. 15. № 1. С. 26.

² Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М., 1993. С. 47-49; Кропотов В.В. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма. // НАВ. Волгоград, 2016. Т. 15. № 1. С. 26.

³ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1991. Рис. 9, 43, 46; Кропотов В.В. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма. // НАВ. Волгоград, 2016. Т. 15. № 1. С. 26.

⁴ Толстикова В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Керамический комплекс позднеэллинистического времени из Пантикапея // Боспорские исследования. 2003. Вып. III. С. 292; Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I-III вв. н. э. // Supplementum. 2010. Вып. 9. С. 283; Кропотов В.В. Сарматские погребения близ с. Астанино в Восточном Крыму // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. 2015. № 2 (32). С. 21.

⁵ Храпунов И.Н., Масыкин В.В., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 90-91. Рис. 16, 5; 18, 1; 21, 1.

⁶ Дашевская О.Д. Некрополь Беляуса. Симферополь, 2014. С. 20, 32, 33, Табл. 29, 10; 68, 2; Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 83, 84. Книпович Т.Н. Танаис. М., Л., 1949. С. 195.

с пиком их распространения в I в. до н. э.¹ Сохранившиеся части гончарного красноглиняного сосуда из Астанино-23/1 (рис. 42, 17), по мнению В.В. Кропотова, позволяют реконструировать образец как большую столовую амфору².

Унгвентарий из Ногайчинского кургана (рис. 43, 3). Это краснолаковый флакон с клювовидным венчиком, выраженными плечиками, приземистым биконическим туловом на короткой ножке. Основное время бытования таких унгвентариев в северопричерноморском регионе – вторая-третья четверти I в. до н. э.³

Также была найдена пара гончарных сероглиняных кувшинов с петельчатыми ручками (рис. 42, 18; рис. 43, 4). Сосуд из Чкалово-1/1 по шейке орнаментирован узким пояском из рельефных косых насечек, подчеркнутых рядом из вдавленных «глазков». Кувшин из Ногайчинского кургана имел фигурный слив и орнаментирован прочерченными линиями в виде свисающих «полотенец». В качестве аналогий Ногайчинскому экземпляру А.В. Симоненко называет сосуды из Нижнедулатского и Чегемского могильников (II – I вв. до н. э.)⁴ Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева соотносят с ним экземпляр из сарматского погребения № 2 у с. Косики, датируемого концом II – третьей четвертью I в. до н. э.⁵ Еще раз напомним, что орнаментация из свисающих «полотенец» считается яркой чертой прохоровской культуры⁶. Подобный тип сосудов

¹ Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев, 1983. С. 23.

² Кропотов В.В. Сарматские погребения близ с. Астанино в Восточном Крыму // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. 2015. № 2 (32). С. 21.

³ Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 323.

⁴ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 83.

⁵ Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 320.

⁶ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. Табл. 72. Рис. 33, 34, 42, 60, 71, 75, 83. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. Рис. 3, 2б; Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 межд. конф. «Проблема сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. Рис. 5, 22, 26 и др.

довольно часто встречается и в погребениях сираков Прикубанья II – I вв. до н. э.¹

Проанализированные немногочисленные крымские погребения близки синхронным захоронениям с северной ориентировкой Подонья и Поднепровья. По своему социальному статусу из этой серии выбивается лишь исключительно богатое захоронение сарматской «царицы» в Ногайчинском кургане. Как известно, его датировка дискуссионна. Гончарный лощеный кувшин, унгентарий, гривна принадлежат к изделиям II – I вв. до н. э.², тогда как некоторые находки, по мнению других исследователей, указывают на более позднее время – I в. н. э.³ Не менее существенно наблюдение, что социальный статус женщины, погребенной в Ногайчинском кургане, был выражен совершенно другими средствами, чем это было характерно для «княжеских» сарматских погребений римского времени⁴. На наш взгляд, есть все формальные основания отнести его к числу погребений роксоланской элиты, совершенном, скорее всего, до рубежа эр.

После анализа погребений с северной ориентировкой II – I вв. до н. э. последовательно по трем регионам мы бы хотели обратить внимание на то обстоятельство, что по мере смещения на запад их концентрация явно возрастает (рис. 17). На Дону они еще явно уступают по численности южноориенти-

¹ Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. Рис. 32, 80. Кропотов В.В. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма // НАВ. Волгоград, 2016. Т. 15. № 1. С. 26. Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 265.

² Трейстер М.Ю. О ювелирных изделиях из Ногайчинского кургана // ВДИ. 2000. № 1. С. 182-200; Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 320.

³ Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 134-173; Симоненко А.В. Стекланные и фаянсовые изделия из Ногайчинского кургана (к дискуссии о дате памятника) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1. С. 57-66; Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 265.

⁴ Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 343.

ванным сарматским погребениям (9,5 %), в Нижнем Поднепровье, где с северной 50 %, с южной – 25 %, уже преобладают, не говоря уж о Тавриде, где они составляют абсолютное большинство (90 %). Набор сопутствующего инвентаря в целом тех же типов, что и у других раннесарматских племен. Однако, в костюме этого населения с самого начала заметно более широкое использование фибул (38 %), а в погребениях – налицо почти не свойственная остальным сарматам традиция оставлять копья (7 %). Также стоит отметить, что около 35 % погребений из представленной выборки содержали предметы вооружения (мечи, наконечники копий и наконечники стрел).

3.2 Погребальные памятники I – перв. пол. II в. н. э.

Впускные погребения в курганы предшествующих культур с ориентировкой умерших в северный полукруг продолжают оставаться доминирующими в Причерноморье и на протяжении всего среднесарматского периода (I – первая половина II в. н. э.) (рис. 44). При этом массово появляются основные погребения, которые сосредоточены в определенных районах¹: Приазовье, Южном Донбассе, Орель-Самарском междуречье, Надпорожье и даже единичные курганы в низовьях Дуная (рис. 45). Здесь нужно напомнить, что по письменным источникам степи юга Восточной Европы остаются под контролем как старых насельников (роксолан, аорсов), так и переходят под власть новых владык – алан.

Вероятно, новые пришельцы (аланы) в целом потеснили старых насельников на запад и северо-запад. В связи с этим, здесь мы рассматриваем только те впускные погребения, для которых была свойственна северная ориентировка умершего – предположительно главный признак погребального обряда роксоланов II – I вв. до н. э. В этой группе учтено 157 погребений (рис. 44, 45; табл. 6). Это составляет порядка 65 % от известных среднесарматских захоронений в Северном Причерноморье².

Погребальные сооружения и погребальный обряд.

Большинство из североориентированных погребений I – первой половины II в. до н. э. впущены в курганы эпохи бронзы, реже – в скифские и лишь однажды в среднесарматский курган (Софиевка-25/2). Погребения по-прежнему не образуют отдельных могильников и разбросаны по обширной территории причерноморских степей. Картографирование интересующих нас памятников указывает на наибольшую их концентрацию по левому степному берегу Днепра, особенно между его нижним течением и Сивашом (рис. 44). На

¹ Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 141.

² Там же.

северо-западе они достигают среднего течения р. Прут, на западе и юго-западе – низовьев Дуная. Южный рубеж ограничен побережьем Черного и Азовского морей. Несколько погребений имеется на Крымском полуострове. Отдельные погребения открыты в бассейне Северского Донца и Среднего Дона. Таким образом, ядро носителей традиции среднесарматских североориентированных погребений I – первой половины II вв. н. э. сосредоточено в Днепровском регионе и по-прежнему связано с низовьями Днепра.

В одном кургане, как правило, находилось по одному североориентированному погребению. Лишь в отдельных случаях в одном кургане открыто два, три и более таких захоронений (табл. 8). Зачастую, погребения совершались в пределах одного курганного могильника в старые насыпи эпохи бронзы. Это может указывать на начало процесса формирования родовых кладбищ. Подобная практика была известна у сарматов доно-волжского региона, уже с предшествующего времени, но особенно широкое распространение получила как раз в среднесарматскую эпоху¹. Не встречено ни одного случая, когда одно североориентированное погребение было бы перерезано другим. По-прежнему редко встречаются курганы (5 случаев), в которых бы находились синхронные разноориентированные костяки (табл. 9).

Типы могильной ямы представлены несколькими вариантами (рис. 46-53, табл. 11, граф. 4):

1. Узкие прямоугольно-удлиненные – 57 (рис. 47-49);
2. Овальные, трапециевидные, треугольные – 12 (рис. 49);
3. Подбои – 8 (рис. 50, 1-5);
4. Катакомбы – 3 (рис. 50, 6);
5. Погребения в насыпи, контуры могил не читаются – 77 (рис. 51-53).

¹ Скрипкин А.С. Сарматы. Волгоград, 2017. С. 76; Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. С. 208-211. Табл. 4.

Все названные типы были известны среди североориентированных сарматских погребений II – I вв. до н. э. Прямоугольная яма со слегка закругленными углами по-прежнему остается ведущей формой погребальных сооружений (34,6 %). Но еще больше впускных погребений, в которых контуры могильных ям не выявляются (51 %). При этом нельзя не заметить, что в анализируемой выборке северопричерноморских погребений абсолютно не встречаются квадратные могильные ямы, широко представленные в сарматских могильниках I – II вв. н. э. от Дона до Урала. Ранее этот тип погребальных сооружений считался главным диагностическим признаком роксоланских погребений¹, что, как известно, не подтвердилось². Сейчас широкое распространение такого типа ям в Восточной Европе в первые века н. э. связывают с влиянием алан³.

Размеры могильной ямы можно определить как средние: от 0,6 x 1,3 м до 1,6 x 2,6 м. Глубина залегания могильной ямы от уровня поверхности насыпи в основном составляет от 0,2 м до 1,25 м (табл. 10).

Большинство погребений совершено без каких-либо внутримогильных конструкций (табл. 12). В почти 20 % погребений отмечалось наличие подстилки под умершим. Иногда погребенные лежали в деревянных гробовищах (Пороги-1/1, Михайловка-3/3, Краснополка-424/2 и др.). В Актово-7/10 и Весняном-1/1 умершие были уложены в деревянное гробовище, разделенное поперечными досками на два отсека (западный и восточный): в одном лежал покойный, в другом – погребальный инвентарь. Иногда вход в могилу перекрывался деревянными плашками (Новокаменка-2/3, Каирка-1/3 и др.) или плитами известняка (Архангельская Слобода-4/8, Чапаевка-1/4). Подобные конструкции известны на других памятниках среднесарматской культуры⁴.

¹ Смирнов К.Ф. О погребениях роксолан // ВДИ. 1948. № 1. С. 213-219.

² Засецкая И.П. «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // АСГЭ. 1974. № 16. С. 121

³ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1991. С. 217-219.

⁴ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. С. 178-179.

По-прежнему крайне редко в североориентированных погребениях встречаются следы использования ритуальных веществ – менее 15 % от рассмотренной выборки (табл. 12). Иногда фиксируется использование мела: Ново-григорьевка-1/17, Лычково-2/1 и др. Еще реже прослеживаются следы огненного культа: Сасовка-1/3; Сасовка-1/4 и др.

Остатки заупокойной пищи были примерно в 40 % исследованных захоронениях. Чаще всего, она представлена в виде различных частей туши овцы (череп, лопатка). Изредка встречены кости лошади (в 3-х пунктах – все в Среднем Поднепровье). Мясная пища чаще размещалась в северной части могилы у головы погребенного, хотя нередко находилась и в ногах умерших. Почти во всех случаях найдена вместе с ножом, а часто и с сосудом. Стоит отметить еще одну закономерность: чаще остатки жертвенной пищи были найдены в погребениях к востоку от Днепра, к западу же реже. Так, по данным В.И. Гросу, в Днестро-Дунайском междуречье зафиксировано только 20 случаев исполнения этого обряда¹. По подсчетам А.В. Симоненко в левобережье Днепра остатки жертвенной пищи зафиксированы в 78 % от всех погребений, тогда как в междуречье Днепро-Днестровском междуречье – только в 19 %².

Положение умершего (рис. 47-53, табл. 17)

Нами по-прежнему учитывались только те случаи, в которых умерший был ориентирован головой в северный полукруг. Количество захоронений с северной ориентацией в общем массиве среднесарматских погребений в Северном Причерноморье по регионам распределяется следующим образом³: Донбасс и лесостепное Левобережье Днепра – 44,4 %; Приазовье – 68,3 %; Таврия – 76,2 %; междуречье Орели и Самары – 53,3 %; междуречье Днепра и Днестра – 75,7 %; междуречье Днестра и Дуная – 83,6 %. Следует сделать одно

¹ Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1990. С. 35.

² Золото, конь и человек: сб. ст. к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев, 2012. С. 56.

³ Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 141.

пояснение – относительно низкий показатель в левобережном Поднепровье и междуречье Орели и Самары получается за счет наличия там сарматских некрополей с господствующей южной ориентировкой умерших.

Таким образом, для впускных погребений в Причерноморье продолжается традиция, характерная для кочевого населения предшествующего времени. На более восточных территориях с рубежа эр продолжает преобладать южная ориентировка при очень небольшом числе североориентированных погребений I – начала II вв. н. э.¹

подавляющее большинство анализируемых погребений представлены индивидуальными захоронениями (рис. 47-53). Иногда в могиле была захоронена пара умерших: мужчина и женщина (2 случая); пара подростков (1 раз); мать с ребенком (1 раз). Полностью отсутствуют коллективные погребения. Покойные укладывались вытянуто на спине по оси могильной ямы. В Водославке-8/3 умерший лежал в деревянном гробовище практически по диагонали (рис. 49, 3). Однако его никак нельзя отнести к так называемым «диагональным», которые получают широкое распространения в среднесарматское время². «Диагональное» трупоположение практически всегда связано с квадратными могильными ямами, которые могли принадлежать аланам³.

Умерших продолжали укладывать на спине с вытянутыми вдоль тела руками и ногами (рис. 47-53). Вариации поз умерших – за счет изменения положения конечностей (табл. 17, граф. 13, 14, 15). При этом кисти рук могли находиться на тазу (рис. 47, 3, 4, 8; рис. 48, 2; рис. 49, 1 и др.), на груди; руки могли быть согнуты в локтях (рис. 50, 2; рис. 51, 4 и др.); ноги могли быть сведены или разведены в коленях (рис. 47, 5; рис. 48, 5; рис. 50, 2 и др.), перекрещеными

¹ Скрипкин А.С. Сарматы. Волгоград, 2017. С. 166.

² Кокуркина О.В. Символизм ранних сарматских диагональных погребений // РА. 2011. № 2. С. 71.

³ Скрипкин А.С. Сарматы. Волгоград, 2017. С. 166.

в голенях (рис. 49, 3). Хотя некоторые исследователи полагают, что в сарматском мире положение рук в районе живота-таза является женским атрибутом¹, но, судя по сопутствующему инвентарю, эта традиция применялась в равной степени как к мужским, так и к женским захоронениям.

Сопутствующий инвентарь (табл. 18-20, граф. 16):

Вооружение.

Мечи – 21 экз. Еще в четырех случаях тип меча не восстанавливается.

Лучше сохранившиеся мечи представлены двумя общеизвестными типами:

1) Длинные мечи с рукоятью-штырем без металлического навершия – 2 экз. Являлись образцом сарматского кавалерийского меча и предназначались для верховой атаки конного воина. Во впускных североориентированных погребениях было найдено всего два меча, которые принадлежат разным подтипам:

а) Меч с рукоятью-штырем и клинком, переходящим в черенок под тупым углом (рис. 54, 1). Общая длина меча – 73 см. Мечи подобного типа появляются в Северном Причерноморье только в погребениях с I в. н. э.²

б) Меч с рукоятью-штырем без металлического навершия и сломанным под тупым углом перекрестьем (рис. 65, 1). Длина – 91,5 см. Этот экземпляр является образцом «восточного» импорта в среднесарматских погребениях³. Комплекс из Весняного, откуда происходит этот меч, по совокупности инвентаря датируется второй половиной I в. н. э.⁴

2) С кольцевым навершием – 19 экз. (рис. 54, 2-7). У всех круглое навершие диаметром до 5 см, рукояти шириной 2-3 см, прямое железное перекрестье и короткий клинок длиной от 30 до 50 см двух разновидностей: с параллельными лезвиями, сужающимися либо в последней трети меча, либо сразу

¹ Косяненко В.М. Среднесарматское погребение из могильника Крепинский I на левобережье реки Маныч // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону. 2000. С. 94.

² Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб, 2010. С. 57.

³ Симоненко А.В. Богатое сарматское погребение у села Весняное близ Николаева // Золото, конь и человек. Киев, 2012. С. 215.

⁴ Там же.

же от пяты, что придает мечу форму треугольника. По наблюдениям А.В. Симоненко, оба вида были известны у сарматов на протяжении длительного времени и не несут хронологической нагрузки¹. В целом, мечи с кольцевым навершием по длине соответствуют мечам с серповидным навершием предшествующего времени. Наибольшее распространение в степи они получили в среднесарматское время². По мнению А.С. Скрипкина, появление этого типа мечей или кинжалов в сарматской среде связано с влиянием восточных культурных традиций³. Относительная равномерность распространения мечей с кольцевым навершием на территории Сарматии может свидетельствовать о том, что это оружие состояло на вооружении практически всей мужской половины сарматского населения, в том числе и роксолан.

Копья – 10 экз. (рис. 54, 8-14). Они однотипны, имеют вытянутое лавролистое перо и втулку, которая составляет до трети длины наконечника. По классификации А.В. Симоненко наконечники копий могут быть отнесены к типу 3 и датированы среднесарматским временем⁴.

Из воинской паноплии у каждого воина имелся свой определенный вид наступательного оружия: либо меч, либо копьё. И лишь однажды в одной могиле (Славянск-28/2) совместно с мечом находилось копьё. В целом, как и в предшествующее время, на фоне среднесарматских погребений в изучаемой группе наблюдается повышенная концентрация погребений с копьями (16 % от всей выборки – не менее 30 % мужских погребений). Возможную причину этого явления мы указали в предыдущем параграфе.

Наконечники стрел обнаружены в 6 погребениях, в половине случаев они входили в состав колчаных наборов (Актово-1/10, Пороги-2/1, Весняное-1/1).

¹ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 32.

² Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. С. 9-12; Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 39-42;

³ Скрипкин А.С. Сарматские мечи с кольцевым навершием // Сарматы и Восток. Волгоград, 2010. С. 342-343.

⁴ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 74; 79. Рис. 49.

Все наконечники стрел черешковые, по форме головки могут быть разделены на несколько типов (типология наконечников по А.В. Симоненко):

- 1) с лопастями, срезанными под острым углом (рис. 62, 4, 1);
- 2) с лопастями, срезанными под тупым углом (рис. 62, 4, 2);
- 3) с лопастями, срезанными под тупым углом и муфтой-упором при переходе в черенок (рис. 62, 4, 3);
- 4) ярусный (рис. 62, 4, 4);
- 5) четырехгранный (рис. 66, 4, 5);
- 6) плоский (рис. 66, 4, 6).

Первые три типа обычны для среднесарматских погребений Восточной Европы, три последних – нехарактерны и имеют восточное происхождение¹. В ряде случаев установлено, что стрелы были сложены в колчан. От уложенного в могилу в Порогах лука сохранились костяные обкладки, что позволило реконструировать его и отнести к «гуннскому» типу². Установлено, что такой вид луков появляется у сарматов с I в. н. э.³ В могилу воина у с. Весняное также был уложен лук иной конструкции: его кибить круглая в сечении, одной толщины по всей длине, без костяных накладок, длиной около 85 см. Лук принадлежит «скифскому» типу⁴, который долгое время находился в употреблении и у сарматов⁵.

Стоит заметить, что на территории Северного Причерноморья помещение в могилу отдельных стрел является редкостью – не более 9,5 % от всех погребений в регионе⁶, около 4 % от изучаемой выборки. В то же время в Азиатской Сарматии наконечники стрел являлись важной составляющей частью

¹ Симоненко А.В. Импортное оружие у сарматов // Золото, конь и человек. Киев, 2012. С. 143-144.

² Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 91-93.

³ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 33.

⁴ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 91.

⁵ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 33.

⁶ Там же. С. 100-101.

погребального инвентаря рядовых воинов¹. Может быть это указывает на второстепенную роль лучников в военной тактике роксолан I в. н. э., что, вроде бы, подтверждает и свидетельство Тацита о их набеге на Мезию (Тацит. История. I. 79. 3).

Колчанные наборы стрел встречены в могилах знати (Пороги (рис. 62; рис. 63), Весняное (рис. 64; рис. 65)). Но в них при полном наборе вооружения не было найдено остатков защитного вооружения (щитов, панцирей).

Фибулы – 33 экз. (рис. 55)

1) «Воинские фибулы» – 5 экз. (рис. 55, 1, 2). Одночленные фибулы с гладким корпусом, сплошным приемником, короткой пружиной с верхней или нижней тетивой (группа 3 по В.В. Кропотову)². Этот тип застежек был распространен в конце I в. до н. э. – середине I в. н. э.³ и неслучайно получил наименование постлатенских, или полуримских⁴. Время их бытования конце I в. до н. э. – середина I в. н. э.⁵

2) Лучковые подвязные фибулы – 16 экз. (рис. 55, 3-7). Это застежки с подвязным приемником, плавно изогнутым корпусом и короткой пружиной с верхней или нижней тетивой. Подавляющее число экземпляров (12 шт.) принадлежит 4 группе I серии 1 варианта по классификации В.В. Кропотова. Это одночленные проволочные фибулы с верхней тетивой, характеризующиеся рядом признаков: крупные размеры; низкий и чуть угловатый корпус; проволочная ножка, иногда сужающаяся к приемнику, завязка в несколько витков; ее расположение – посередине дужки или у ее краев – зависит от размеров изделия; четырехвитковая пружина.

¹ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 63; Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 37-40.

² Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. // САИ. 1966. Вып. Д1–30. С. 23-25.

³ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. Рис. 98.

⁴ Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. // САИ. 1966. Вып. Д1–30. С. 23; Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 60.

⁵ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. Рис. 98.

По типологии В.В. Кропотова анализируемые экземпляры распределены на несколько типов:

- а) 4 группа. I серия I вариант – 12 экз. (рис. 55, 3-5);
- б) 4 группа. I серия II вариант – 2 экз. (рис. 55, 6);
- в) 4 группа. II серия II вариант – 2 экз. (рис. 55, 7).

Хронологический диапазон – вторая половина I в. до н. э. – середина I в. н. э.¹ Отметим, что чаще лучковые подвязные фибулы в сарматских памятниках на юге Восточной Европы встречаются на среднем этапе развития среднесарматской культуры.

3) Сильно профилированные фибулы с бусиной на дужке – 8 экз. (10 группа по В.В. Кропотову) представлены двумя сериями.

Серия I, «дунайская» – 6 экз. Одночленные фибулы средних размеров с массивным корпусом и крупными, профилированными бусинами; корпус гладкий или украшенный пунсонным орнаментом; пружина многовитковая с верхней тетивой, прижатой к корпусу с помощью специального крючка (рис. 55, 8-10).

Серия II, «причерноморская» – 2 экз. Более изящные одночленные проволоочные образцы средних размеров с гладким корпусом и небольшими (относительно корпуса) бусинами; пружина также многовитковая с крючком для тетивы (рис. 55, 11).

Фибулы I серии датируются расцветом среднесарматской культуры – второй половиной I – началом II в. н. э.², фибулы II серии – I – перв. пол. III вв. н. э.³

4) Сильно профилированные фибулы с расширенной головкой – 2 экз. С массивным поперечным гребнем без опорной пластины над пружиной небольших размеров. Они имеют сплошной приемник с маленькой биконической кнопкой на конце, сглаженным гребнем на корпусе, тонкой и узкой дужкой

¹Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 185-186.

² Там же. С. 226.

³ Там же. С. 229-231.

(рис. 55, 12, 13). Обе происходят из женских погребений у Порог-2/2 и Гордиевки-29/2. Согласно типологии В.В. Кропотова, это фибулы 12 группы 2 формы, время бытования которых определяется в пределах втор. пол. I – нач. II вв. н. э.¹

5) Шарнирная дуговидная фибула из Костешты-7/1 с рельефным корпусом, дополненным двумя симметрично расположенными боковыми выступами и с сужающейся ножкой, украшенной на конце кнопкой (13 группа б форма по В.В. Кропотову). Она может быть датирована первой половиной или второй-третьей четвертью I в. н. э.²

Стоит указать, что только в паре случаев в пределах одной могилы было найдено по две застежки одного типа. Так, из Широкой Балки происходят две лучковых подвязных фибулы (I серия II вариант), а из Чугуно-Крепинки – две сильно профилированные фибулы с бусиной на дужке (II серия).

Судя по весьма многочисленным находкам фибул верхняя одежда типа плаща - халата, скрепленная на груди фибулой-застежкой, оставались популярной одеждой у носителей интересующего нас обряда погребения. Стоит отметить, что подобный тип одежды в первые века н. э. широко распространился и у других восточноевропейских народов: боспорских греков, прикубанских и нижнедонских меотов, сарматов, племен Северного Кавказа³.

Пряжки – 18 экз.

Были важной металлической частью костюма, обычно поясного гарнитура. Все они железные, рамчатые, с подвижным язычком. У 5 экз. из-за плохой сохранности тип определить не удалось.

¹ Кропотков В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 259.

² Там же. С. 267-268.

³ Там же. С. 29.

Пряжки по форме рамки можно разделить на следующие виды:

1) С круглой (овальной) рамкой и подвижным язычком – 10 экз. (рис. 56, 1, 2). Время их бытования – I – середина II в. н. э.¹ Это наиболее распространенный тип пряжек, найденных в сарматских захоронениях.

2) С прямоугольной рамкой и подвижным язычком – 1 экз. (рис. 56, 3). А.В. Симоненко относит все подобные пряжки из северопричерноморских погребений к среднесарматской культуре². Стоит отметить, что они крайне редки в сарматских памятниках Причерноморья.

3) «Маркоманнские» – 2 экз. Они происходят из погребений знати у Актово-7/2 и Весняное-1/1 и относятся к типу С по К. Раддату (рис. 56, 4, 5)³. Мода на такие изделия была распространена у различных народов Северного Причерноморья в первой половине I в. н. э. В сарматских комплексах их дата может быть определена 30-70 гг. I в. н. э.⁴

Зеркала – 35 экз. (рис. 56, 6-14).

Они являются наиболее распространенным атрибутом женских погребений и представлены следующими типами:

1) Тип VI по А.М. Хазанову – 28 экз. (рис. 56, 6-10). Круглые плоские зеркала небольшого диаметра (от 5 до 12 см). Ничем не отличаются от типа распространенных в предыдущее время.

2) Фрагментированное круглое плоское бронзовое зеркало из Афанасьевки (рис. 56, 11). Его обратная сторона украшена четырьмя шлифованными концентрическими кругами. Оно является римским импортом⁵.

¹ Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 145.

² Там же.

³ Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011. С. 28-29.

⁴ Madyda Legutko R. Die Gurtelschnallen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit in mitteleuropaischen Barbaricum // BAR. Inter. Ser. Oxford, 1986. S.6 Taf. 2, Typ 8.

⁵ Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011. С. 25-28. Рис. 12.

3) Китайское биллоновое зеркало диаметром 9,8 см из Чугуно-Крепинки-2/1 (рис. 56, 12). На внешней стороне диска имеет сложный сюжет. В центре диска расположена полусферическая ручка, которая окружена двумя рельефными концентрическими кругами, между которыми помещены блоки из тройных косых насечек. Вокруг них высечены 12 рельефных арковидных фигур. Замыкают сложную композицию две концентрических «ленты» рельефных косых насечек, между которыми помещены 22 рельефных иероглифа. Орнаментированная центральная часть отделена от бортика ступенькой. Относится к типу «ming-kuang». Были широко распространены в памятниках Китая и его периферии в I в. до н. э.¹, но происходит из комплекса, датируемого по совокупности инвентаря первой половиной II в. н. э.

4) Прямоугольные – 3 экз. (рис. 56, 8, 9). Такие зеркала изготавливались как в Италии, так и в провинциях, а с первой четверти I в. н. э. их производство было налажено в Пантикапее², откуда наиболее вероятно они и поступали к сарматам. Комплексы с таким типом зеркал датируются временем среднесарматской культуры. В погребениях Причерноморья их обнаружено всего четыре – Краснополка-424/2, Михайловка-3/3, Гордиевка-29/2 (все погребения с северной ориентировкой умершего) и Петрики. Зеркало из Михайловки-3/3 было помещено в деревянно-гипсовый футляр, украшенный растительным орнаментом.

Украшения.

Представлены многочисленными находками: сережками, браслетами, подвесками и височными кольцами, перстнями. В подавляющем случае изготавливались из бронзы, реже из серебра, в исключительных случаях из золота. Остановимся на наиболее характерных находках.

¹ Симоненко А.В. Китайские и Центральноазиатские элементы в сарматской культуре Северного Причерноморья // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 46. Рис. 1,1; Гугуев В.К., Трейстер М.Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // РА. 1995. № 3. С. 148.

² Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 145.

Золотые браслеты из Порогов и Весняного (рис. 63, 1; 64, 2). Оба с расширяющимися концами. Они имеют аналогии в сарматских погребениях I в. н. э. в Поволжье и Прикубанье¹.

Гривна из Порогов с зооморфными окончаниями (рис. 63, 2). Представляет характерный образец сарматского звериного полихромного стиля. Находки их концентрируются на территории Боспора и варварских памятников нижнего и среднего течения Кубани. В первые века н. э. нашейные обручи становятся редкими. Кроме находки в Порогах, гривны, украшенные головами копытных животных, были обнаружены в верховьях Дона (Титчиха) и на Кубани (Ладожская)².

Браслеты и гривны получили широкое распространение среди варварских народов, особенно Северного Причерноморья³. В Западной Европе в римское время гривны носили вожди германских племен высшего ранга (*principes*). Ученые полагают, что в сарматских погребениях они также являются знаком принадлежности к высокому социальному статусу умершего⁴.

Серьги. Представлены разными типами.

Золотые кольцевидные серьги (рис. 57, 1). Серьги из Михайловки-3/3 украшенные рядами колечек, близки экземплярам из разрушенных погребений у Райгорода и Писаревки.

Золотые сережки из Гордиевки-29/2 (рис. 57, 2). В их основе фигурки козлов или баранов, от которых отходят цепочки, завершающиеся дисками. Они относятся к числу изделий сарматского звериного стиля. Ближайшие аналогии им находят в сарматских памятниках Прикубанья II – I вв. до н. э.⁵

¹ Засецкая И.П. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника // Труды ГЭ. 1979. Т. XX. С. 110. Рис. 21; Гушина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб, 1994. С. 58. Табл. 27, 265.

² Мордвинцева В.И. Сарматский звериный стиль и возможности этнических реконструкций // Археологический альманах. 2010. № 21. С. 350.

³ Там же. С. 349.

⁴ Симоненко А.В. Богатое сарматское погребение у села Весняное близ Николаева // Золото, конь и человек. Киев, 2012. С. 213.

⁵ Мордвинцева В.И. Сарматский звериный стиль и возможности этнических реконструкций // Археологический альманах. 2010. № 21. С. 351.

Золотые сережки «алитубского» типа (рис. 57, 3). Найдены в женском погребении у с. Пороги-2/2. В настоящее время известна целая серия украшений этого типа, обнаруженных в сарматских погребениях: у хут. Алитуб на Нижнем Дону, в I Чертовицком могильнике к. 5/40¹ на р. Воронеж, в могильниках Криволиманский к. 44², Бердия, к. 8, п. 2³ на Нижней Волге и др. По совокупности инвентаря комплексы с золотыми сережками датируются среднесарматским временем, в основном второй половиной I в. н. э.

Золотое полихромное ожерелье с пчеловидной подвеской из Михайловки-3/3 (рис. 57, 4). В северопричерноморских памятниках их найдено 6 экз. А.Н. Дзиговский считает, что они имеют италийское происхождение⁴, М.Ю. Трейстер допускает, что они могли быть изготовлены в северопричерноморских античных центрах⁵. Михайловский комплекс датируется в пределах I в. н. э.⁶

Золотая гривна с инталией из Чугуно-Крепинки-2/1 (рис. 57, 5). На гемме изображена мужская фигура (Дионис) с поднятой левой рукой, из которой падает вниз какой-то предмет. В опущенной правой руке, кисть которой задрапирована одеждой, – тирс. На голове – веночек с развевающимися за спиной лентами. Лицо округлое, одутловатое. Тело ниже поясицы задрапировано в складчатый хитон. Персонаж смотрит вниз, где у его ног справа полулежит обнаженный мужчина с поднятой в жесте мольбы правой рукой (сатир). Справа над ним – голова козла. Стоящий персонаж ногами попирает лежащего, а складки хитона спускаются на подвернутые ноги последнего. Слева от

¹ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. Рис. 48, 1 – 2; табл. 2, 3.

² Максименко Е.В. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // ДД. Азов, 1998. Вып. 8. Рис. 58, 23.

³ Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. Рис. 94, 6.

⁴ Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Синергетика сарматского погребального комплекса из Михайловки // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego*. Kraków, 2004. С. 120-122; Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003. С. 105.

⁵ Трейстер М.Ю. Еще раз об ожерельях с подвесками в виде бабочек I в. н. э. Северного Причерноморья // ПАВ. 1993. № 4. С. 90-91.

⁶ Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003. С. 103-113.

стоящего персонажа, под его правой рукой, – улитка. Кончики пальцев и носов персонажей, звенья венка, рога и глаза козла, кончики рожек улитки и концы складок одеяния оформлены круглыми лунками. По классификации А.А. Стояновой, разработанной на находках в Крыму, – это тип 5-А, хронологический диапазон определяется широко – с конца I в. до н. э. до середины III в. н. э. с пиком популярности в I – II вв. н. э.¹

Бронзовая *подвеска* в форме спаренных ведерок с антропоморфными изображениями из женского погребения у с. Липовец (рис. 57, 6). Близкой аналогией изображению является парная композиция на Дьяковом городище постзарубинецкого времени (горизонт Рахны-Почеп), на что обратил внимание в диссертационном исследовании С.В. Воронятов². Подвеска входила в состав ожерелья и могла использоваться в качестве апотропея.

Золотые нашивные бляшки и трубочки. Ими был расшит саван умерших (Чугуно-Крепинка-2/1, Севериновка-1/3, Гордиевка-29/2, Пороги-2/2). Судя по сопровождающему инвентарю, эти могилы принадлежали знати.

Литые бронзовые маскароны – 3 экз. (рис. 57, 7). Все происходят из погребения в Чугуно-Крепинке-2/1. А.Н. Дзиговский и А.С. Островерхов отмечали, что изображения масок часто встречаются на вещах из сарматских кладов II – I вв. до н. э., а также в сарматских погребениях последующего времени³. Так, в частности, бляшки в виде маскаронов найдены в погребении сарматской жрицы вблизи местечка Сентешти-Надьхедь в Венгрии.

Колокольчики – 2 экз.

В Гордиевке-29/2 найден экземпляр с цилиндрическим корпусом типа Новаковский-А (рис. 57, 8). Такие колокольчики появились во время Августа и были наиболее многочисленны в империи и провинциях, но у сарматов это

¹ Стоянова А.А. Гривны из памятников Крыма Сарматского времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2011. № 17. С. 118-119. Табл. 2.

² Воронятов С.В. Сарматский и южно-балтийский импульс в постзарубинецких древностях горизонта Рахны-Почеп (втор. пол. I - нач. II в. н. э.): Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. СПб., 2018. С. 67-68. Рис. 59, 1, 2.

³ Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. «Странные комплексы»: о семантике предметов и памятников в целом // SP. 2010. № 3. С. 145-162

пока единственная находка¹. Из Липовца происходит колокольчик с полусферическим корпусом типа Новаковский-D (рис. 57, 9). Изделия этого типа известны в сарматских погребениях первой половины II в. н. э. на Дону, Украине и Кубани. Европейские параллели датируются более широко: с I по IV в. н. э.²

Орудия труда

Ножи – 43 экз. По форме спинки по-прежнему двух типов: 1) с прямой спинкой; 2) с горбатой спинкой.

Пряслица – 25 экз. Почти все они керамические высотой от 3 до 4 см; диаметр нижнего основания составляет от 1,1 см до 1,8 см, диаметр верхнего основания – от 1,3 до 3 см. Пряслица различаются лишь по форме: биконические, конические, усеченно-конические, полусферические. Такие же типы пряслиц известны в предыдущее время и в синхронных памятниках других территорий. Особняком в этой группе стоит свинцовое усеченно-коническое прясло из Чкалово-3/7. Подобные прясла не характерны для сарматской культуры. Абсолютно логичным выглядит предположение об импортном («позднескифском») его происхождении³.

Оселки – 5 экз. Оселки в сечении образуют два типа – прямоугольный и круглый. В хронологическом отношении они нейтральны и не дают узких дат⁴.

Весы. Необычная для сарматских погребений находка сделана в погребении из Чугуно-Крепинки-2/1⁵. Они имеют прямое коромысло, круглое в сечении, слегка утолщенное в центре, которое оканчивается двумя петлями с подвижно закрепленными в них колечками для подвешивания чашек. В центре коромысла петля с подвижно закрепленным колечком. Чашки круглые, слегка

¹ Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011. С. 113.

² Там же. С. 113.

³ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 81.

⁴ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. С. 173, 186.

⁵ Санжаров С.Н. Раскопки курганов в Донбассе // Археологические открытия 1984 г. М., 1986. С. 305-306.

вогнутые, с четырьмя отверстиями для подвешивания. Длина коромысла 20 см, диаметр чашек 4,8 см. Являются римским импортом.

Железные пружинные *ножницы* – еще один неординарный предмет из Чугуно-Крепинки-2/1. Наиболее ранние находки в нижнедонских и поволжских погребениях сарматов датируются I в. н. э., но они достаточно редки¹. Более широкое распространение ножницы получили на раннем этапе поздне-сарматской культуры. М.В. Кривошеев на основе этой находки предполагает дату комплекса из Чугуно-Крепинки – 40-50-е годы II в. н. э.²

Керамический комплекс – 143 экз. Включает как лепную, так и гончарную посуду (рис. 58-60).

Лепная керамика – 63 экз. Представлена горшками, кувшинами, мисками (рис. 58).

Горшки – 21 экз. По форме тулова могут быть разделены на несколько типов:

- 1) с яйцевидным туловом (рис. 58, 1-8);
- 2) со округло-биконическим туловом (рис. 58, 9-12);
- 3) с грушевидным туловом (рис. 58, 13-15);

Первый тип близок лепной посуде позднескифской культуры³. Но такая посуда появляется у сарматов на раннем этапе развития их культуры и продолжает бытовать вплоть до конца среднесарматского времени. Остальные типы находят аналоги в сарматских погребениях как на территории Северного Причерноморья, так и к востоку от Дона⁴. Следует подчеркнуть, что большинство

¹ Кривошеев М.В. Ножницы в погребальном обряде сарматов // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Оренбург, 2016. С. 122-131.

² Кривошеев М.В. Импортная металлическая посуда как маркер знатных погребений поздне-сарматского времени // Уфимский археологический вестник. 2014. № 14. С. 107.

³ Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. Табл. 56.

⁴ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 81-82; Костенко В.И. Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н. э. - середины III в. н. э. Днепропетровск, 1983. Рис. 12, 1-3; Рис. 13, 26, 32, 33 и др.

форм лепной керамики продолжали бытовать в сарматских погребениях Северного Причерноморья вплоть до середины III в. н. э.¹ Тип посуды с грушевидным туловом, наоборот, наибольшее распространение получит именно на позднем этапе развития культуры сарматов². Отдельно стоит обратить внимание на лепной горшок из Великой Знаменки (рис. 58, 5). Он плохого обжига и грубой лепки, вероятно, был изготовлен специально для погребения³.

Кувшины – 11 экз. с отогнутым венчиком, воронковидным горлом, округлым туловом, с петлевидной ручкой (рис. 58, 16-18). Они хорошо известны в сарматских памятниках I – II вв. н. э. от Поволжья до Северо-Западного Причерноморья⁴.

Миски – 6 экз. Миски округлобокие, со слегка загнутым внутрь венчиком, на выделенном поддоне (рис. 58, 19, 20). Могут являться подражением античным красноглиняным и краснолаковым образцам⁵.

Гончарная керамика – 80 экз. Представлена кувшинами, горшками, амфорами (рис. 59).

Кувшины сероглиняные – 11 экз. Одноручные, с биконическим туловом и раструбовидным горлом (рис. 59, 1-3). Такие кувшины широко распространены в меотских погребениях Кубани⁶ и в степных сарматских погребениях⁷. Подобная серолощенная керамика производилась в гончарных мастерских

¹ Симоненко А.В. Сарматы Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етнополітична історія: автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ, 1999. С. 13. // (<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3554309>).

² Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М., 1989. Табл. 83.

³ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 82.

⁴ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 82. Костенко В.И. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н. э. - IV в. н. э. Днепропетровск, 1986. Табл. 17, 4 и др.

⁵ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 82.

⁶ Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. Рис. 6. С. 193. Рис. 15, 7; 16, 2.

⁷ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 83; Костенко В.И. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н. э. - IV в. н. э. Днепропетровск, 1986. Табл. 14, 2; 18, 20; Максименко В.Е. Сарматы на Дону Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // ДД. Азов, 1998. Вып. 8. Рис. 19, 3.

Прикубанья, откуда и попадала кномадам¹. Античный серолощенный кувшин с шаровидным туловом из Вольной Дружины (рис. 59, 4) находит ближайшие аналоги в погребениях II в. н. э. Молочанского и Усть-Каменского могильников². А.В. Симоненко среди серолощенной керамики из сарматских погребений этой группы выделил ряд типов, рамки бытования которых не выходят за пределы среднесарматского периода³.

Кувшины красноглиняные – 29 экз. (рис. 59, 5-16) Представлены одноручными (рис. 59, 5-15) и двуручными (рис. 59, 16) сосудами. Как правило, это изделия боспорских мастерских, датирующихся рубежом эр – первой половиной II в. н. э.⁴ Они имеют аналоги в сарматских могильниках Поднепровья начала I тыс. н. э. на юге Восточной Европы – Аккермень II, Усть-Каменский⁵. Одноручные кувшины из Подового-6/1 (рис. 59, 5) и Чкалово-3/7 были украшены орнаментом, нанесенным белой краской. Подобные сосуды происходят из Молочанского могильника и датируются I в. н. э.⁶ Из Хмельницкого-4/8 происходит красноглиняный гончарный *лагинос*, на плечиках которого темно-коричневой краской нанесен орнамент в виде ветви с ягодами. Аналогии известны среди краснолаковой керамики со II в. до н. э., в частности, в Малой Азии⁷. Гончарный красноглиняный горшок из Софиевки-18/1 также является

¹ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1991. С. 168.

² Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 83.

³ Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 147.

⁴ Соколова Е.К. Краснолаковые лагиносы римского времени из некрополя Пантикапея // Труды ГЭ. 1984. Вып. XXIX. С. 130-134.

⁵ Вязьмитина М.И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // ВССА. М., 1954. С. 236; Махно Е. В. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1960. Т. IX. С. 20.

⁶ Вязьмитина М.И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // ВССА. М., 1954. С. 237.

⁷ Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 148.

продукцией античных мастерских. Такие горшки изредка встречаются в среднесарматских погребениях Подонья¹.

Керамический бальзамарий из Весняного (рис. 65, 5). Имеет характерное грушевидное тулово и высокое горло, что позволяет отнести его к типу *bulbos unguentaria*². Как сейчас установлено, круглодонные керамические бальзамарии появляются еще в последние десятилетия I в. до н. э., но быстро выходят из употребления в первые десятилетия I в. н. э., когда они массово замещаются бальзамариями из дутого стекла³. Подобные бальзамарии изредка встречаются в среднесарматских погребениях⁴.

Краснолаковая столовая посуда – 15 экз. Это кувшины (3 экз.), чашечки (7 экз.), миски (1 экз.), тарелки (4 экз.).

Краснолаковые чашечки – 7 экз. (рис. 60, 1). Все с округлым туловом на кольцевом поддоне, покрыты плотным красно-кирпичным лаком. У них приостренный или скошенный венчик, под ним нанесены две-три врезные линии. Считается, что такая посуда является продукцией малоазийских мастерских и датируется первой половиной I в. н. э.⁵

Краснолаковая тарелка из Баштчек-19/5 (рис. 60, 2) имеет на внутренней стороне дна широкое двойное кольцо из косых насечек и в центре кольца штампованное клеймо *planta pedis*, поверх которого процарапана тамга. А.В. Симоненко обратил внимание на то, что тамга принадлежит схеме Инисмея, что позволяет датировать тарелку второй половиной I в. н. э.⁶

¹ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 37.

² Anderson-Stojanović V.R. The Chronology and Funktion of Ceramic Ununguentaria // American Journal of Archaeology. 1987. Vol. 91. P. 113-114.

³ Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 321.

⁴ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 39, рис. 43, 10.

⁵ Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.) // САИ. 1970. Вып. Д1-27. С. 83.

⁶ Золото, конь и человек: сб. ст. к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев, 2012. С. 50.

Амфоры – 5 экз. (рис. 60, 3-5). Редко встречаются в сарматских курганах. В насыпи кургана 1 у г. Скадовска была обнаружена пара светлоглиняных амфор, которые связываются с сарматским погребением № 11. Одна из них по происхождению является восточноэгейской (рис. 60, 3). Ее датируют серединой I в. до н. э. - началом второй четверти I в. н. э.¹ На крымском городище Кара-Тобе фрагменты таких амфор встречаются в слоях, связанных с войной Аспурга на Боспоре. От второй амфоры сохранилась только верхняя часть, напоминающая восточноэгейские псевдокосские амфоры (рис. 60, 4). Судя по перегибу ручек и большому диаметру, она относится к середине-третьей четверти I в. до н. э.² Еще одна светлоглиняная амфора подварианта С IV А1 с коротким корпусом происходит из Каменки-29/7 (рис. 60, 5). Это наиболее ранний вариант светлоглиняных плоскодонных амфор, датирующихся второй-началом последней четверти I в. н. э.³ Еще две светлоглиняные амфоры типа С IV А по С.Ю. Внукову, время бытования которых с 60-х гг. н. э. до конца I в. н. э.⁴ происходят из погребения у с. Пороги (рис. 63, 4).

Ниже мы приводим находки античных импортных изделий из изучаемой выборки. Недавно в свет вышла монография украинского археолога А.В. Симоненко, посвященная римскому импорту в степном Причерноморье. Характеристика материала дана по его исследованию⁵.

Стекланная посуда – 3 случая (рис. 60, 6, 7). Еще более редко в северо-ориентированные погребения попадали стеклянные сосуды. Из Павловки про-

¹ Уженцев В.Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н.э. - II в. н.э.). Симферополь, 2006. С. 31.

² Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011. С. 142.

³ Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры. I в. до н. э. — II в. н. э. Ч. II. Петрография, хронология проблемы торговли. СПб., 2006. С. 167.

⁴ Там же.

⁵ Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011. 288 с.

исходит стеклянный флакончик «с широким горлом и выпуклым корпусом высотой 5–6 см»¹. Скорее всего, это бальзамарий типа Айсингс б². Нижняя часть бокала Айсингс 33³ (середина I – первая половина II вв. н. э.) из прозрачного стекла была найдена в Холмском-12/2. Два фрагмента стеклянных сосудов происходят из Михайловского погребения в Одесской области (рис. 60, 6). По определению А.Н. Дзиговского, это были фрагменты рюмок⁴, по заключению А.В. Симоненко, это скорее остатки от бальзамария очень редкого типа сирийского или палестинского производства⁵. В том же погребении у Михайловки обнаружен кувшин из темно-фиолетового прозрачного стекла (рис. 60, 7). По пропорциям и форме он близок кувшинам Айсингс 52с, большинство находок которых относится к I в. н. э.⁶

Металлическая посуда (рис. 60; 61; 62, 5; 64, 5; 65а) представлена серебряным и бронзовым римским импортом.

Серебряные стаканы редкой форме найдены в Чугуно-Крепинке – 4 экз. и Актовом – 1 экз. (рис. 60, 8-13). На них имеется однотипная сарматская тамга. Подробный их анализ дал А.В. Симоненко⁷. Оба комплекса по сопровождающему инвентарю датируются среднесарматским временем.

Серебряный кубок с зооморфной ручкой из мужского погребения в Порогах (рис. 62, 5) имеет аналоги в сарматских погребениях к востоку от Дона. Такие сосуды датируются в пределах I в. н. э.⁸

¹ Супруненко А.В. Курганы Нижнего Поворскля. М., Полтава, 1994. С. 63, 65.

² Isings C. Roman Glass from Dated Finds. Groningen; Jakarta, 1957. P. 16.

³ Там же. P. 48.

⁴ Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья (препринт). Часть II. Киев, 1990. С. 20; Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Стекло как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени Украины, Молдовы и российского Подонья. Одесса, 2000. С. 130.

⁵ Симоненко А.В. Михайловские «рюмки» // Золото, конь и человек. Киев, 2012. С. 266.

⁶ Симоненко А.В. Стелянные и фаянсовые изделия из Ногайчинского кургана (к дискуссии о дате памятника) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1. С. 57-66; Isings C. Roman Glass from Dated Finds. Groningen; Jakarta, 1957. P. 71.

⁷ Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011. С. 46.

⁸ Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. Киев, 1991. С. 58.

Серебряная чаша из Весняного (рис. 64, 5). Чаша кованая с полусферическим туловом. Подобные сосуды для пира были популярны во всем эллинистическом мире: от Италии до Индии. В Северном Причерноморье чаши этого типа найдены в богатых варварских погребениях Азиатского Боспора конца II – I вв. до н. э. и в странных комплексах-кладах, оставленных сарматами во II – I вв. до н. э. Эта форма появилась около середины II в. до н. э., пик ее популярности пришелся на конец II – I вв. до н. э.¹ Но скорее всего, она могла использоваться вторично в качестве бляхи подперся в снаряжении коня².

Серебряный кованый кувшин типа лагиноса из Весняного (рис. 65, а). Имеет провинциально-римское происхождение. Этот сосуд, скорее всего, – гибридный³. В римское время он был смонтирован из корпуса более раннего сосуда IV в. до н. э. и современных мастеру венчика и ручки (I в. н. э.).

Бронзовые ковши – 3 экз. (рис. 61, 1, 2). Обнаружены в 3 пунктах: Чугуно-Крепинка-2/1; Старые Куконешты-3/1; Краснополка-424/2. Два из них определенно принадлежат типу Эггерс-144. Основная масса таких находок датируется второй половиной I – II вв. н. э.⁴ Ковш из Краснополки-424/2 «со сферическим приплюснутым дном» не сохранился. В.В. Кропоткин определил его как тип Эггерс-138–139⁵, но М.Б. Щукин⁶, а за ним и А.В. Симоненко⁷ более обоснованно допускали, что он принадлежит типу римской посуды Эггерс-140. На Кубани ковши этого типа выявлены в трех комплексах и датируются

¹ Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011. С. 34.

² Симоненко А.В. Богатое сарматское погребение у села Весняное близ Николаева // Золото, конь и человек. Киев, 2012. С. 216-217.

³ Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011. С. 43.

⁴ Eggers H.Ju. Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte. Bd. 1. Hamburg, 1951. S. 172.

⁵ Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.) // САИ. 1970. Вып. Д1-27. С. 95.

⁶ Shchukin M.B. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe. 1st cent. B. C. — 1st cent. A. D. (BAR Int. Ser. 542 (I–II)). Oxford, 1989. P. 318.

⁷ Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011. С. 49-50.

первой половиной I в. н. э.¹ В сарматских погребениях Северного Причерноморья они найдены преимущественно во второй половине I – середине II вв. н. э.²

Бронзовая цедилка Эггерс-160 из Чугуно-Крепинки-2/1 (рис. 61, 3). Относится к одному из наиболее распространенных типов бронзовой посуды, популярной со второй половине I в. н. э. но особенно во II в. н. э.³

Бронзовые тазы Эггерс-100 найдены в двух экземплярах (рис. 61, 4, 5). Происходят из погребений в Чугуно-Крепинки-2/1 и Павловки-1/1⁴. На дне таза из Чугуно-Крепинки заметно полустертое клеймо DVSF (Candi)dus F(ecit). Этот мастер работал в Галлии в 80 – начале 100-х гг. н. э.⁵

Бронзовые кованые кувшины – 4 экз. Они принадлежат двум типам.

1) бронзовый кувшин типа *Gegliederte Kanne* по А. Радноти⁶ найден в составе сервиза в погребении у Чугуно-Крепинки-2/1 (рис. 61, 6). Отделка венчика, корпуса и ручки гравировкой свойственна ранним образцам таких сосудов. Такие кувшины начали изготавливать в мастерских Южной Италии в конце I в. до н. э., а распространение их в римских провинциях и за их пределами (в том числе и в сарматском мире) приходится на вторую половину I – начало II в. н. э.⁷

¹ Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. Бронзовые ковши и патеры из сарматских и меотских памятников Прикубанья // *Liber Archaeologicae*. Краснодар, Ростов-на-Дону, 2006. С. 52.

² Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series 278. Oxford, 1986. P. 28-30.

³ Eggers H.Ju. Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte. Bd. 1. Hamburg, 1951. S. 172; Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011. С. 57.

⁴ Eggers H.Ju. Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte. Bd. 1. Hamburg, 1951. S. 172; Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011. С. 57-60.

⁵ Petrovsky R. Studien zur römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln. Kolner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen. 1993. S. 146.

⁶ Radnóti A. Die römischen Bronzegefäße von Pannonien. Budapest, 1938. S. 159.

⁷ Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series 278. Oxford, 1986. P. 51, 52; Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011. С. 63.

2) бронзовые кувшины типа *Vlechkanne* – 3 экз. (рис. 61, 7-9). Все найдены в Чугуно-Крепинке-29/2, они относятся к группе Стралджа. Такие сосуды производились в Паннонии, Фракии и Мёзии по италийским образцам. Их находки известны в сарматских погребениях Дона (Хохлач, Крепинский, Мелиховская и др.), в античных городах (Пантикапей, Танаис), могильниках Крыма (Чернореченский, Усть-Альминский и пр.). Б.А. Раев датирует сарматские комплексы с кувшинами в пределах I – III вв. н. э.¹ А.В. Симоненко сужает верхнюю дату до середины II в. н. э., подчеркивая, что кувшины этого типа на Украине известны только из среднесарматских комплексов².

Кубок из Баштеек (рис. 61, 10). Он литой с полусферическим туловом на выделенном поддоне. По профилю корпуса и венчика он близок помпеянским формам Тассинари L2133 и L2134.³

Учитывая редкую встречаемость в погребениях импортной металлической посуды, следует полагать, что она поступала к носителям интересующей нас группы погребений в качестве римских даров сарматской знати.

Подводя итог анализу группы североориентированных погребений I – первой половины II н. э. в Причерноморье, нельзя не обратить внимание на то, что их объединяют с более ранними следующие черты погребального обряда: впускное захоронение в простую прямоугольную яму, как правило, без каких-либо дополнительных конструкций, ориентация головой в северный полукруг, редкое использование ритуальных средств при захоронении. Напутственную пищу в виде части туши барана с железным ножом располагали как в южной, так и в северной частях могилы. Фибулы стали почти непременной частью костюма этого населения – они встречаются также часто, как и в раннесарматское время (21 %). Но в сопровождающем инвентаре произошли эпохальные

¹ Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series 278. Oxford, 1986. P. 58-63.

² Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011. С. 65.

³ Там же. С. 65-66.

изменения, свойственные всей среднесарматской культуре (основные типы украшений, серьги, височные подвески, перстни, предметы туалета, среди которых преобладали зеркала Хазанов-VI и пр.). В вооружении преобладают мечи с кольцевым навершием, много наконечников копий (6,7 %) при редкой встречаемости стрел (3,8 %) – особенность, которая выявлена у причерноморских номадов еще в предшествующее время. Повышенная встречаемость импортных вещей, особенно римской посуды по сравнению с глубинными районами Сарматии указывает на более тесные контакты причерноморских номадов с римскими провинциями и греческими городами Северного Причерноморья. Однако весьма примечательно, что собственно сарматские бытовые предметы (лепная керамика, прясица, ножи, оселки и проч.) практически не меняются со II в. до н.э.

По составу инвентаря наблюдается более высокая степень социальной дифференциации степного населения Причерноморья. Среди него можно выделить несколько социальных групп. Среди изученной выборки высшими по рангу являются мужские погребения у Порогов-2/1 и Весняного-1/1. Возможно, они соответствовали статусу «вождей» («reges» Тацита). В тоже время обращает на себя внимание весьма высокий социальный статус женщин, погребенных в Чугуно-Крепинке-2/1, Порогах-2/2, Михайловке-3/3, Гордиевке-29/2, Актово-7/2. Вероятно, некоторые из них могли входить в состав господствующего слоя и поэтому пользовались особым уважением среди сородичей. За исключением приазовской Чугуно-Крепинки-2/1, все указанные погребения повышенного социального статуса открыты в Буго-Днестровском междуречье, недалеко от римского лимеса. Этот район концентрации элитных комплексов I – первой половины II вв. н. э. может служить указанием на политический центр племени, которым по месту и времени, скорее всего, были роксоланы.

Но при этом не следует забывать, что в Северном Причерноморье помимо изученных североориентированных имеется весьма представительная серия погребальных памятников с противоположной южной ориентацией погребенных. Немаловажно, что они содержат характерную меотскую сероглиняную керамику и другие весомые этнографические признаки, указывающие на их недавнее восточное происхождение. Скорее всего, они оставлены новой волной кочевников-мигрантов, которые могут быть отождествлены лишь с аорсами¹. Ранее античные авторы знали их только к северу от Кавказа и востоку от Танаиса-Дона.

Наконец, в том же Причерноморье в I в. н. э. появляются целые курганные могильники, не характерные для предшествующего периода могильники: Подгороднянский, Молочанский и Усть-Каменский и др. В них получают распространение типы погребальных сооружений, включая квадратные ямы с «диагональным» положением умерших, которые нередко являются в курганах основными и единственными захоронениями. Сопровождающий инвентарь имеет выраженный среднесарматский облик и обнаруживает ближайшие аналогии в могильниках Волго-Донского региона². У большинства исследователей нет сомнений, что эта новая группа погребений оставлена пришлым с востока из-за Танаиса населением, скорее всего, аланами.

Однако на фоне всех этих культурных и этно-политических перемен I в. н. э., интересующей нас группе номадов удалось сохранять свое своеобразие. Возможно, смещение элитарных погребений с северной ориентацией на запад, в Буго-Днестровское междуречье отражает основное направление его миграции. По свидетельству Тацита и других авторов известно, что к 70-м годам I в. н. э. основную опасность для римских задунайских провинций по-прежнему представляли роксоланы.

¹ Симоненко А.В. Богатое сарматское погребение у села Весняное близ Николаева // Золото, конь и человек. Киев, 2012. С. 212.

² Костенко В.И. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника). Днепропетровск, 1993. С. 137; Скрипкин А.С. Сарматы. Волгоград, 2017. С. 183.

Заключение

Диссертационное исследование посвящено анализу современного состояния роксоланской проблемы. В его основу положен метод верификации гипотезы о принадлежности роксоланам группы так называемых североориентированных погребений Северного Причерноморья II в. до н. э. – первой половины II в. н. э., предложенной А.В. Симоненко. Исследование базируется на комплексном методе сопоставления немногочисленных свидетельств античных письменных источников о роксоланах и данных современной археологии. В нем проведен анализ каждого вида источников (свидетельств античной литературной традиции, эпиграфики, современной археологии) с последующей исторической интерпретацией результатов, полученных при анализе каждого вида источников в отдельности.

В первой главе подробно рассмотрена история изучения роксоланской проблемы от ее истоков в XVIII в. до современности. В результате историографического анализа выявлено несколько вариантов ее решения, показаны их сильные и слабые стороны. Мы пришли к заключению, что современному состоянию изучения как письменных, так и археологических источников более всего отвечает гипотеза А.В. Симоненко, предложенная в конце XX в. Ему удалось выделить в Северном Причерноморье группу своеобразных сарматских погребений, которые по месту и времени, скорее всего, могли быть оставлены историческими роксоланами¹. Анализ таких североориентированных погребений от Нижнего Подонья до Дуная был положен в основу диссертационного исследования.

Во второй главе проанализированы сведения литературных, географических и исторических трудов греко- и латиноязычных авторов, а также немно-

¹ Симоненко О.В. Роксолани (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. 1991. № 4. С. 17–28; Симоненко А.В. Некоторые особенности культурно-исторического развития сарматов Таврии // Античная цивилизация и варварский мир (материалы III археологического семинара). Ч. I. Краснодар, 1992. С. 25-26; Симоненко А.В. Сарматы Таврии. С. 21-29, 104-114.

гочисленные, но важные для нашего исследования эпиграфические материалы. В результате удалось уточнить места локализации роксолан на карте Восточной Европы в различные периоды их истории. Занимаемая ими территория включала обширные степные пространства от Дона на востоке до Дуная на западе. При этом по данным античной традиции прослеживается постепенное продвижение роксолан с востока на запад, сначала в степи Северного Причерноморья, а затем в Подунавье поближе к римскому лимесу. В свете данных письменных источников установлен их хозяйственно-культурный тип – кочевое скотоводство (номадизм) со всеми присущими ему характеристиками. Из сочинений античных авторов можно почерпнуть определенную информацию о развитии социальной стратификации у роксолан. Первоначально они не знали резкого имущественного социального расслоения и представляли собой народ-войско, как об этом свидетельствует Страбон, описывая войско вождя Тасия, пришедшее на помощь скифскому царю Палаку. Однако более поздние литературные свидетельства позволяют допускать определенную социальную иерархию, сложившуюся у роксолан. К середине I в. н. э. во главе роксолан стоял «гех» – царь, в руках которого была сосредоточена военно-политическая власть. Ниже стояла «знать», те, которых Тацит назвал *principi et nobilissimi*. Они являлись профессиональными воинами-дружинниками, в том числе, возможно, катафрактариями, которые составляли ударную силу роксоланской конницы. Основную же часть роксолан составляли свободные кочевники-скотоводы. Изучение письменных источников показало, что роксоланы играли весьма значимую роль в военно-политической жизни Северного Причерноморья. В конце II в. до н. э. они выступали в качестве военных союзников скифов в событиях Диофантовой войны, в 64 г. в союзе с римскими легионерами Плавтия Сильвана совершали поход против сарматов, а спустя четыре года (68-70 гг.) вторгались в пределы империи, учинив там погром. С начала II в. н. э. роксоланы по-прежнему продолжали оказывать давление на северо-восточных рубежах империи, поддерживая союзнические отношения с еще

раньше переселившимися в Паннонию сарматами-язигами. Со второй половины III в. н. э. актуальные сведения о роксоланах исчезают из поля зрения античных авторов, а приводимые впоследствии Аммианом Марцеллином, Иорданом и Равеннским Анонимом упоминания этого этнонима являются анахронизмами. Но вполне вероятно, что в источниках IV в. н. э. они могли быть известны на Среднем Дунае под именем «сарматы-ардарагенты».

Третья глава посвящена исследованию археологических памятников, которые могли быть оставлены роксоланами. Их анализ выполнен по локальным районам, где были сосредоточены североориентированные погребения: в Подонье, Северном Причерноморье и Крыму (рис. 66). Для решения поставленной в диссертации цели собран и по единой археологической программе проанализирован материал 241 погребения (84 раннесарматских и 157 среднесарматских). Погребальные комплексы были рассмотрены по территориальному и хронологическому принципам: первая группа II – I вв. до н. э. – 84 погребения; вторая группа I – первой половины II вв. н. э. – 157 погребальных комплексов (рис. 67). Такое деление соответствует общепринятой современной периодизации ранне- и среднесарматских культур.

Установлено, что раннесарматские погребения с северной ориентировкой умершего всегда совершались в насыпях более ранних курганов. При этом в Подонье известно несколько курганов, в которых совершено два и более североориентированных захоронений, нередко рядом с обычными южноориентированными, и всего один случай прорезания погребением с северной ориентировкой южноориентированного. Но они никогда не образуют курганов-кладбищ по кругу насыпи, как в прохоровской культуре¹. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой умершего охватывают большой ареал: на юго-востоке – Задонье, на востоке – низовья р. Иловли, их северные пределы достигали Среднего Дона, но основное их этническое ядро находилось в Под-

¹ Скрипкин А.С. Сарматы. Волгоград, 2017. С. 100.

непровье с заходом в степную часть Крыма. В диссертации обосновано отношение к этой группе Ногайчинского кургана. В степном Причерноморье и Крыму сосредоточен основной массив североориентированных впускных погребений, что весьма точно совпадает с данными письменных источников о первом упоминании роксолан Страбоном в связи с событиями конца II в. до н. э. Исследованная группа подобных погребений в Нижнем Подонье II – I вв. до н. э. подтверждает ранее высказанное предположение, что по данным археологии роксоланы были выходцами из донских степей. Истоки этой погребальной традиции, безусловно, находились в глубине Азиатской Сарматии, где она впервые фиксируется со II в. до н. э. вместе с целым пучком инноваций в вещевом комплексе, имеющих более чем определенное восточное происхождение¹.

В среднесарматское время наблюдаются определенные изменения в судьбах носителей традиции североориентированных погребений. В I в. н. э. значительно уменьшается их число в Подонье. С этого времени основная масса захоронений, которые могли быть оставлены роксоланами, концентрируется в степном Поднепровье. На западе такие комплексы встречаются вплоть до низовий Дуная. Указанные изменения выявлены путем картографирования изучаемой группы погребений со среднесарматским инвентарем, они хорошо соотносятся со сведениями античной традиции о перемещении роксолан в течении I в. н. э. в западном направлении. Возможно, этим обстоятельством объясняется установленный археологически факт – и в I в. н. э. роксоланы не имели своих родовых кладбищ, а впускали погребения соплеменников в более ранние насыпи. Это свидетельствует, что роксоланы в среднесарматское время только переходили от первой стадии кочевания ко второй по С.А. Плетневой². У них не было сколь-нибудь прочной оседлости.

¹ Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении материальной культуры сарматов // НАВ. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 17-28; Сергацков И.В., Шинкарь О.А. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 178.

² Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV - XIII века. Воронеж, 2003. С. 10-16.

В материальной культуре степного населения с I в. н. э. наблюдаются очевидные изменения. В комплексах II – I вв. до н. э. встречаются вещи, типичные для раннесарматских памятников других регионов: мечи с серповидным навершием, бронзовые зеркала с валиком по краю диска (Хазанов-IV), ажурные пряжки, фибулы среднелатенской схемы (рис. 68). В погребениях же I – первой половины II в. н. э. вещевой материал представлен иными типами: мечи с кольцевым навершием, дископодобные зеркала небольшого диаметра Хазанов-VI, фибулы («воинские», лучковые подвязные, сильно-профилированные с бусиной на дужке), явно возрастает античный импорт (рис. 69). Весьма радикальные перемены в материальной культуре в анализируемой выборке были обусловлены происходившими эпохальными изменениями в вещевом комплексе на всей огромной территории, занятой среднесарматской культурой. На фоне многочисленных впускных североориентированных погребений по совокупности и богатству инвентаря выделяются мужские погребения в Порогах и Весняном. Вполне вероятно, что в этих могилах как раз покоились представители той правящей элиты, о которой сообщал Тацит при описании нападения роксолан на Мезию в 69 г. н. э.

Таким образом, на основании всего изученного нами материала мы пришли к заключению, что предложенная четверть века назад гипотеза о соотношении серии североориентированных погребений с роксоланами находит свое подтверждение. Очевидно, что данная группа захоронений могла принадлежать какому-то одному сарматскому образованию, в погребальной обрядности которого со II в. до н. э. по II в. н. э. просматривается эта особенность (рис. 70). Но это не означает, что роксоланская проблема закрыта для дальнейших археологических исследований. При такой интерпретации археологических материалов возникает ряд вопросов, которые предстоит решать исследователям.

Прежде всего, это поиск и раскопки родо-племенных курганных могильников, в которых были бы сконцентрированы преимущественно североориентированные погребения. Для выявления истоков роксоланского археологиче-

ского комплекса и, в частности, для разграничения погребений аорсов и, собственно, роксолан актуально изучение стратиграфического соотношения северо- и южноориентированных раннесарматских погребений в курганах II – I вв. до н. э., в первую очередь, в бассейне Дона, а может быть и восточнее. Необходимо продолжить поиск «микропризнаков» в обряде и инвентаре, которые отличают североориентированные погребения от синхронных сарматских погребений с южной ориентировкой. Интересные результаты можно ожидать при исследовании взаимоотношения роксолан с окружающим миром, будь то античные города, римские провинции или оседло-земледельческое население лесостепи. Археология может внести существенный вклад в решение роксолано-бастарнской проблемы, если бастарнами, вслед за М.Б. Щукиным, считать зарубинецкие племена¹. Весьма перспективным представляется изучение традиции североориентированных погребений в западных районах, в том числе, на Нижнем и Среднем Дунае, где известны сотни сарматских погребений первых веков н.э. В археологическом аспекте остается нерешенным и вопрос о соотношении роксолан и сарматов-ардарагантов позднеантичных авторов (Евсевий. О жизни Константина. IV. 6; Иероним. Хроника. а. 2350; Аммиан Марцеллин. История. XVII. 12. 18-19). В разработке этого направления недавно продемонстрировано, что информативный потенциал археологических источников о сарматах на Среднем Дунае далеко не исчерпан². Это лишь часть вопросов, которые представляются нам перспективными для дальнейшей разработки роксоланской проблемы.

¹ Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 117-118.

² Медведев А.П. Еще раз о сарматах-лимигантах. Взгляд из Сарматии (к дискуссии с юбиляром) // Раннеславянский мир. 2017. Вып. 19. 2017. С. 121-127.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.***1. ИСТОЧНИКИ.******1. АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ***

1. Алемань А. Аланы в древних и средневековых источниках / А. Алемань. – М.: Менеджер, 2003. – 608 с.
2. Аммиан Марцеллин. Римская история (Res Gestae) / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. – СПб.: Алетейя, 2000. – 576 с.
3. Арриан. Диспозиция против аланов / Пер. А.К. Нефёдкина // Нефёдкин А.К. Кампания Арриана по отражению аланского набега на Каппадокию в 135 г. // SP. – 1999. – № 3. – С. 173–188.
4. Великая степь в античных и византийских источниках: Сборник материалов // Составление и редакция А.Н. Гаркавца. – Алматы: Баур, 2005. – 1324 с.
5. Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С.Н. Кондратьева; под ред. А.И. Доватура. – СПб.: Алетейя, 2001. – 384 с.
6. Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. – СПб.: Алетейя, 2000. – 512 с.
7. Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. с древнегреч. под ред. А. В. Махлаюка; комментарии и статья А. В. Махлаюка. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. – 456 с.
8. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели / В.В. Латышев. – Санкт-Петербург: Типография императорской Академии наук, 1890. 949 с.
9. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том II. Латинские писатели. Выпуск 1-й. / В.В. Латышев. – Санкт-Петербург: Типография императорской Академии наук, 1904. 272 с.

10. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том II. Латинские писатели. Выпуск 2-й. / В.В. Латышев. – Санкт-Петербург: Типография императорской Академии наук, 1906. 273-454 с.
11. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / В.В. Латышев // ВДИ. – 1947. – № 4. – С. 169-292.
12. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / В.В. Латышев // ВДИ. – 1948. – № 2. – С. 213-314.
13. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / В.В. Латышев // ВДИ. – 1949. – № 2. – С. 271-356.
14. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / В.В. Латышев // ВДИ. – 1949. – № 3. – С. 203-308.
15. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий / А.В. Подосинов. – М. : Индрик, 2002. – 488 с. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
16. Подосинов А.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий / А.В. Подосинов, М.В. Скржинская. - М.: Индрик, 2011. – 504 с.
17. Перевалов С.М. Аланская эпиграфика. 2. Каталог латынских надписей С.М. Перевалов // ВВНЦ. – 2011. – Т. II. № 3. – С. 15-23.
18. Страбон. География / Страбон. Пер. с греч., вступ. статья и комм. Г.А. Стратановского. – М. : ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004. – 639 с.
19. Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История: Пер. с лат. / Публий Корнелий Тацит. – М.: ООО «Издательство АСТ»; «Ладомир», 2003. – 984 с.
20. Latyschev Basilius. Inscriptiones Antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum loconim a Danubio usque ad regnum Bosporanum continens / edidit B. Latyschev. – Petropoli, MCMXVI. – 598 s.

2. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

1. Ильюков Л.С. Отчет об исследовании курганного могильника Ливенцовский VII в 1995 г. / Л.С. Ильюков // Архив ИА РАН. – Р-1. № 19660.
2. Казакова Л.М. Отчет об исследовании разрушаемых археологических памятников в зонах строительства рисовых совхозов «Большовский», «Дубенцовский» / Л.М. Казакова // Архив ИА РАН. – Р-1. № 4980.
3. Ларенок П.А. Отчет: Охранные археологические исследования курганного могильника «Ливенцовский 7» в северо-западной промышленной зоне города Ростов-на-Дону. 2007 (Ливенцовский, курган 17, погребение 1) / П.А. Ларенок // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 22959
4. Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской археологической экспедиции в Михайловском, Калачевском и Кумылженском районах Волгоградской области в 1972 г. / В.И. Мамонтов // Архив ИА РАН. – Ф.1. 1973. Р-1. № 4905.
5. Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского археологического отряда Астраханской экспедиции Ленинградского отделения ИА АН СССР / В.И. Мамонтов // Архив ИА РАН. – Ф-1. Р-1. № 3959. № 3959а
6. Матвеев Ю.П. Отчет кафедры археологии и идм Воронежского государственного университета о раскопках курганного могильника «Шишовка» Бобровского района Воронежской области за 1978 г. / Ю.П. Матвеев // НА АМВУ. – № 183.
7. Погорелов В.И. Отчет к открытому листу № 48 об археологических исследованиях Толучеевского отряда в 1983 г. / В.И. Погорелов // Архив музея археологии ВГПУ. – № 48.
8. Раев Б.А. Отчет кафедры археологии ЛГУ о раскопках курганов в Ростовской области в 1974 г. / Б.А. Раев. – Архив ИА РАН. – Р-1 № 5592/а-б.
9. Синюк А.Т. Отчет о раскопках стоянки Монастырской 1 в 1982 г. // Архив музея археологии ВГПУ. – № 116.
10. Смирнов Ю.А. Отчет о работах Багаевского отряда Донской экспедиции в 1977 г. / Ю.А. Смирнов // Архив ИА РАН. – Р-1 № 7317/а-г.

11. Сымонович Э.А. Отчет о раскопках Средне-Днепровской экспедиции Института археологии АН СССР за 1961 г. / Э.А. Сымонович // Архив ИА РАН. – Ф-1. Р-1. № 2606. № 2606а/

12. Шилов В.П. Отчет о работах Южно-Донской экспедиции в 1962 г. / В.П. Шилов // Архив ИА РАН. – Р-1 № 2727.

II. ЛИТЕРАТУРА.

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор / В.И. Абаев. – М.: Изд-во АН СССР, 1949. – 601 с.
2. Абрамова М.П. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э. – I в. н. э. / М.П. Абрамова // СА. – 1961. – №1. – С. 91–110.
3. Абрамова М.П. Некоторые особенности взаимоотношения ирано-язычных кочевников и оседлых племен Предкавказья / М.П. Абрамова // РА. – 1992. – № 2. – С. 116-133.
4. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.) / М.П. Абрамова. – М.: Наука, 1993. – 240 с.
5. Акашев Ю.Д. История народа Рос. От ариев до варягов / Ю.Д. Акашев. – М.: Алгоритм, 2013. – 336 с.
6. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева // САИ. – 1975. – Вып. Г1–12. – 94 с.
7. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева // САИ. – 1978. – Вып. Г1–12. – 104 с.
8. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева // САИ. – 1982. – Вып. Г1–12. – 104 с.
9. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. / А.К. Амброз // САИ. – 1966. – Вып. Д1–30. – 112 с.
10. Античная цивилизация и варварский мир в Подонье - Приазовье. Тезисы докладов к семинару / Отв. ред. Б.А. Раев. – Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1987. – 66 с.
11. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской / Н.В. Анфимов // МИА. – 1951. – № 23. – С. 155-207.
12. Артамонов М.П. Киммерийцы и скифы / М.П. Артамонов. – Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1974. – 156 с.
13. Артеменко И.И. Сарматское погребение у с. Баштечки Черкасской области / И.И. Артеменко, Б.М. Левченко // СА. – 1983. – № 2. – С. 144–151.

14. Балабанова М.А. Хозяйственно-культурный уклад и образ жизни сарматских племен по данным античных письменных источников / М.А. Балабанова // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2011. – № 1. – С. 6-12.
15. Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) / С.И. Безуглов // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 169-193.
16. Бейлекчи В.С. Раскопки кургана 3 у с. Мэркулешть / В.С. Бейлекчи // Археологические исследования в Молдове в 1986 г. – Кишинев, 1992. – С. 34-48.
17. Белоусов В.В. Вооружение и военное дело сарматов Подонья I – IV вв. н. э. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / В.В. Белоусов. – Воронеж, 2010. – 246 с.
18. Березовец Д.Т. Курганы эпохи бронзы поблизу с. Мар'янского / Д.Т. Березовец, С.Ф. Покровська, А.І. Фурманська // АП УРСР. – 1960. – Т. IX. – С. 39-87.
19. Березуцкий В.Д. Раннесарматское погребение с мегарской чашей на Среднем Дону / В.Д. Березуцкий, В.В. Кравец, А.В. Кравец // Вестник ВГУ. Серия История. Политология. Социология. – 2016. - № 2. – С. 26-29.
20. Берестнев Р.С. Сарматские памятники в лесостепном междуречье Дона и Волги (опыт районирования) / Р.С. Берестнев, А.П. Медведев // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. – 2015. – № 2 (32). – С. 7-17.
21. Берестнев Р.С. Сарматы в междуречье Хопра и Волги : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Р.С. Берестнев. – Воронеж, 2017. – 323 с.
22. Берлизов Н.Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Ч. I. / Н.Е. Берлизов. – Краснодар: КГУКИ, Парабеллум. – 2011. – 320 с.
23. Беспалый Е.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Т. 1 / Е.И. Беспалый, С.И. Лукьяшко. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – 224 с.

24. Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. II. / А.А. Бобринский. – СПб: Типография В.С. Балашева и Ко., 1894. – 232 с.

25. Богаченко Т.В. Амазонки. Античная традиция о воинственных женщинах / Т.В. Богаченко. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2011. – 243 с.

26. Богородцев А.В. Культ огня в ритуальном обряде сармат / А.В. Богородцев // Историко-археологические изыскания: сб. тр. мол. ученых. – Самара, 1999. – Вып. 3. – С. 60-70.

27. Болтрик Ю.В. Раннесарматские погребения у пгт. Акимовка Запорожской области / Ю.В. Болтрик, В.В. Кропотов // РА. – 2015. – № 3. – С. 156-162.

28. Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга 1888–1902 гг. Работы в губерниях: Киевской, Полтавской, Харьковской, Каменец-Подольской, Екатеринославской, Таврической, Черниговской, Могилёвской, Новгородской, Смоленской и Области Войска Донского / [Предисл.: Ник. Печенкин] / Н.Е. Бранденбург. – СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908. – 223 с.

29. Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. Готы и их соседи до V века. Первый период: готы на Висле / Ф. Браун. – Санкт-Петербург: Типография императорской академии наук, 1899. – 392 с.

30. Бруяко И.В. Демография и экономика населения северо-западного Причерноморья во второй половине VII - начале III вв. до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. / И.В. Бруяко. – СПб., 1993. – 24 с.

31. Бруяко И.В. О событиях III в. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье (четыре концепции кризиса) / И.В. Бруяко // ВДИ. – 1999. – № 3. – С. 76-91.

32. Вдовченков Е.В. Сарматская миграция в Среднее Подунавье : По материалам археологии и античной традиции : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Е.В. Вдовченков. – Воронеж, 2005. – 19 с.

33. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа / В.Б. Виноградов. – Грозный: изд-во ЧИ НИИ, 1963. – Тр. ЧИ НИИ. Т.6. – 224 с.
34. Виноградов В.Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе / В.Б. Виноградов // СА. – 1965. – № 1. – С. 108-121.
35. Виноградов В.Б. Локализация Ахардея и сиракский союз племен (по письменным источникам) / В.Б. Виноградов // СА. – 1966. – № 4. – С. 38-50.
36. Виноградов В.Б. Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III в. до н. э. – I в. н. э. / В.Б. Виноградов // СА. – 1968. – № 1. – С. 48-55.
37. Виноградов Ю.А. Сарматы и гибель «Великой Скифии» / Ю.А. Виноградов, К.К. Марченко, Е.Я. Рогов // ВДИ. – 1997. – № 3. – С. 93-103.
38. Виноградов Ю.А. Народы Северного Причерноморья и Митридатовы войны / Ю.А. Виноградов // SP. – 2003-2004. – № 3. – С. 198-207.
39. Виноградов Ю.А. О двух волнах сарматских миграций в причерноморских степях доримского времени / Ю.А. Виноградов // ХС. – XIII. – Севастополь, 2004. – С. 20-29.
40. Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. / Ю.Г. Виноградов // ВДИ. – 1987. – № 1. – С. 70-74.
41. Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I (2) 343 и вторжение сарматов в Скифию / Ю.Г. Виноградов // ВДИ. – 1997. – № 3. – С. 104-124.
42. Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. / Ю.Г. Виноградов // ВДИ. – 1994. – № 2. – С. 151-171.
43. Виноградов Ю.Г. Разгром сарматами Великой Скифии: следы ведут в Тавриду / Ю.Г. Виноградов // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). – Запорожье, 1999. – С. 59-62.

44. Власкин М.В. Раннесарматские погребения могильника Северо-Западный I / М.В. Власкин // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов-на-Дону, 2000. – Вып. I. – С. 9-26.

45. Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры. I в. до н. э. - II в. н. э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли / С.Ю. Внуков. – СПб.: Алетейя, 2006. – 318 с.

46. Воронятов С.В. Сарматский и южно-балтийский импульс в постзарубинецких древностях горизонта Рахны-Почеп (втор. пол. I - нач. II в. н. э.) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / С.В. Воронятов. – СПб., 2018. – 309 с.

47. Вязьмитіна М.І. Вивчення сарматів на території Української ССР / М.І. Вязьмитіна // Археологія. – Киев, 1953. – Т. VIII. – С. 56-76.

48. Вязьмитина М.И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка / М.И. Вязьмитина // ВССА. – М., 1954. – С. 220-244.

49. Вязьмитіна М.І. Золота Балка (поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі) / М.І. Вязьмитіна. – Київ: Наукова думка, 1962. – 239 с.

50. Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов / А.Н. Гаврилюк. – Киев: Наукова думка, 1989. – 109 с.

51. Гаглойти Ю.С. К вопросу о первом упоминании алан на Кавказе / Ю.С. Гаглойти // Аланы: история и культура. Alanica. – Владикавказ, 1995. – Вып. III. – С. 48-57.

52. Глебов В.П. Сарматские погребения с северной ориентировкой III – I вв. до н. э. на Нижнем Дону / В.П. Глебов // Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе. – Донецк, 1989. – С. 23-25.

53. Глебов В.П. Раннесарматское погребение с о. Поречный / В.П. Глебов, А.Р. Смоляк // – ДА. – 1998. – № 1. – С. 25-28.

54. Глебов В.П. Ранние сарматы южных районов Ростовской области: культурно-этническая принадлежность и контакты / В.П. Глебов // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. – Саратов, 2000. – С. 166-168.

55. Глебов В.П. О новых типах наконечников стрел среднесарматской культуры Нижнего Подонья / В.П. Глебов // Третья кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов международной археологической конференции. – Краснодар-Анапа, 2001. – С. 21-23.

56. Глебов В.П. Раннесарматские погребения из кургана у хут. Холодный / В.П. Глебов, И.Н. Парусимов // НАВ. – Волгоград, 2003. – Вып. 6. – С. 263-271.

57. Глебов В.П. Погребение с фибулой среднелатенской схемы из Северо-Восточного Приазовья // ИАИАИАНД в 2002 г.– Азов, 2004. – Вып. 19. – С. 200-208.

58. Глебов В.П. Раннесарматское погребение из могильника Аюта I. О времени бытования воинских фибул у сарматов Волго-Донского региона / В.П. Глебов // ИАИАИАНД в 2006 г. – Азов, 2008. – Вып. 23.– С. 131-144.

59. Глебов В.П. Раннесарматские погребения из могильника Ливенцовский VII (раскопки 1995 г.) / В.П. Глебов, Л.С. Ильюков // Археология, древний мир и средние века. Сборник статей. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 70-79.

60. Глебов В.П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II – I вв. до н. э. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / В.П. Глебов. – М., 2009. – 344 с.

61. Глебов В.П. Фибулы раннесарматской культуры Нижнего Подонья / В.П. Глебов // ДД. – Азов, 2009. – Вып. 10. – С. 109-116.

62. Глебов В.П. Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II – I вв. до н. э. / В.П. Глебов // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России. Вып. III. Сб. ст. – Ростов-на-Дону, 2011. – С. 63-87.

63. Глухов А.А. Глиняные курильницы из среднесарматских погребений междуречья Волги и Дона / А.А. Глухов // ДА. – 2000. – № 2. – С. 37-38.

64. Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. / А.А. Глухов. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2005. – 240 с.

65. Горончаровский В.А. Илуратский катафрактарий (из истории античной тяжелой кавалерии) / В.А. Горончаровский, В.П. Никоноров // ВДИ. – 1987. – № 1. – С. 198-215.

66. Граков Б.Н. Γυνακκοκρατορμενοι (Пережитки матриархата у сарматов) / Б.Н. Граков // ВДИ. – 1947. – № 3. – С. 100 – 121.

67. Граков Б.Н. Термин Σκύθαι и его производные в надписях Северного Причерноморья / Б.Н. Граков // КСИИМК. – М.-Л., 1947. – Вып. XVI. – С. 79-88.

68. Граков Б.Н. Рец. на Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа / Б.Н. Граков // СА. – 1964. – № 4. – С. 239.

69. Грацианская Л.И. Страбон и источники его «Географии» (к истории вопроса) / Л.И. Грацианская // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. – М., 2009. – С. 86-89.

70. Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья / В.И. Гросу. – Кишинев: Штиинца, 1990. – 98 с.

71. Гросу В.И. Новые данные о царстве Фарзоя и Инисмея / В.И. Гросу // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы. – Кишинев, 1992. – С. 141-148.

72. Гугуев В. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в грунтовом некрополе Кобякова городища (по материалам раскопок 1984-1985 гг.) / В. Гугуев, Ю. Гугуев // Известия РОМК. – Ростов-на-Дону, 1989. – Вып. 6. – С. 67-75.

73. Гугуев В.К. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы / В.К. Гугуев, М.Ю. Трейстер // РА. – 1995. – № 3. – С. 143-156.

74. Гудкова А.В. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I – IV вв. н. э. / А.В. Гудкова, М.М. Фокеев. – Киев: Наук.думка. – 1984. – 119 с.

75. Гущина И.В. О сарматах в юго-западном Крыму / И.В. Гущина // СА. – 1967. – № 1. – С. 40-51.

76. Гущина И.И. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье / И.И. Гущина, И.П. Засецкая. – СПб: Фарн, 1994. – 170 с.

77. Гущина И.И. Курганы у деревни Машевки, колонии Норка и станции Лебяжье в Балашовском и Камышинском уездах бывшей Саратовской губернии (По материалам раскопок А.А. Спицына в 1895 г.) / И.И. Гущина, К.Б. Фирсов // НАВ. – Волгоград, 2000. – Вып. 3. – С. 268-293.

78. Дашевская О.Д. Некрополь Беляуса / О.Д. Дашевская. – Симферополь: Предприятие Феникс, 2014. – 283 с.

79. Дергачев В.А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976) / В.А. Дергачев. – Кишинев: Штиинца, 1982. – 139 с.

80. Десятчиков Ю.М. Сарматы на Таманском полуострове / Ю.М. Десятчиков // СА. – 1973. – № 4. – С. 69-80.

81. Десятчиков Ю.М. Арифарн, царь сираков / Ю.М. Десятчиков // История и культура античного мира. – М., 1977. – С. 45-48

82. Дзиговский А.Н. Сарматские памятники II-III вв. н. э. в низовьях Днестра / А.Н. Дзиговский // Древности Северо-Западного Причерноморья. – Киев, 1981. – С. 116-125.

83. Дзиговский А.Н. Стеклянная посуда как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени Украины, Молдовы и российского Подонья (VI в. до н. э. – IV в. н. э.) / А.Н. Дзиговский, А.С. Островерхов. – Одесса: «Гермес», 2000. – 260 с.

84. Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель / А.Н. Дзиговский. – Одесса: Гермес, 2003. – 240 с.

85. Дзиговский А.Н. Синергетика сарматского погребального комплекса из Михайловки / А.Н. Дзиговский, А.С. Островерхов // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego.* – Krakow, 2004. – С. 114-132.

86. Дзиговский А.Н. «Странные комплексы»: о семантике предметов и памятников в целом / А.Н. Дзиговский, А.С. Островерхов // SP. – 2010. – № 3. – С. 145-162.

87. Демиденко С.В. Типология литых котлов сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа / С.В. Демиденко // Древности Евразии. – М., 1997. – С. 120-159.

88. Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.) / С.В. Демиденко. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 328 с.

89. Деопик Д.В. Керамика Центрального Предкавказья в I – IV вв. н. э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия) / Д.В. Деопик // Материальная культура Востока. – М., 1988. – Ч. 2. – С. 147-298.

90. Деревянко А.В. Роксоланы и проблема гибели скифской державы / А.В. Деревянко / А.В. Деревянко // Новик. – 2014. – Вып. 19. – С. 27-30.

91. Деревянко А.В. К изучению социальной структуры и власти роксоланов / А.В. Деревянко // Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия: Материалы Восьмой региональной научной конференции. Воронеж: Истоки, 2014. – С. 299-304.

92. Деревянко А.В. Проблема роксоланов в археологических исследованиях второй половины XX - начала XXI века / А.В. Деревянко // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2015. – № 1. – С. 61-64.

93. Деревянко А.В. Роксоланская проблема в исследованиях российских и украинских археологов второй половины XX – начала XXI в. / А.В. Деревянко // Археология евразийской степи-лесостепи: сб. науч. тр. – Воронеж, 2016. – С. 96-102.

94. Деревянко А.В. Раннесарматские памятники с северной ориентировкой на Среднем Дону / А.В. Деревянко // Археология восточноевропейской лесостепи: материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18-20 декабря 2015 года. – Воронеж, 2016. – С. 205-209.

95. Дервянко А.В. К проблеме выделения археологических древностей роксоланов / А.В. Дервянко // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. - 2016. - № 22 (243). Вып. 40. – С. 20-25.

96. Дервянко А.В. Роксоланы на Среднем Дону по данным археологии / А.В. Дервянко // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2017. – № 1. – С. 38-43.

97. Дервянко А.В. Ногайчинский курган в системе раннероксоланских погребений Северного Причерноморья // Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты. Материалы Девятой региональной научной конференции (г. Воронеж, 2 февраля 2015 г.). – Воронеж: издательство «Истоки», 2017. – С. 233-237.

98. Деркач В.Е. К вопросу первого упоминания понятия "Сарматия" в античных письменных источниках / В.Е. Деркач // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2017. – С. 115-118. // https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/10888/uid140489_report.pdf

99. Донские древности. Вып. 5. Сарматы и Скифия. Сб. науч. тр. III межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. В.Е. Максименко. – Азов: Азовский краеведческий музей, 1997. – 177 с.

100. Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. / М.А. Дэвлет // САИ. – М., 1980. – Д4-7. – 67 с.

101. Ермолова И.Е. Общественный строй гуннов последней четверти IV - начала V в. / И.Е. Ермолова // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1984. – С. 229-237.

102. Ждановский А.М. Классификация наконечников стрел из курганных погребений Среднего Прикубанья сарматского времени / А.М. Ждановский // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Сб. науч. тр. – Краснодар, 1988. – С. 54-68;

103. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н. э. / Д.В. Журавлев // Supplementum. – Симферополь, 2010. – Вып. 9. – 320 с.

104. Зайцев Ю.П. «Ногайчинский» курган в степном Крыму / Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева // ВДИ. – 2003. – № 3. – С. 61-100.

105. Зайцев Ю.П. Варварские погребения Крыма 2 в. до н. э. – 1 в. н. э. / Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева // Сарматские культуры Евразии. Проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар, 2004. – С. 174-204.

106. Зайцев Ю.П. «Царица» из Ногайчинского кургана: возможности исторических реконструкций / Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева // БФ. Т. 2. – СПб., 2004. – С. 290-297.

107. Зайцев Ю.П. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом / Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева // Древняя Таврика. – Симферополь, 2007. – С. 319-343.

108. Зайцев Ю.П. Радиоуглеродное датирование женского элитного погребения Ногайчинского кургана (Крым) в культурно-историческом контексте / Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева, К. Хеллстрём // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Сб. научн. ст. – Симферополь – Бахчисарай, 2013. – С. 44-59.

109. Засецкая И.П. «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности / И.П. Засецкая // АСГЭ. – 1974. – Вып. 16. – С.105–121.

110. Засецкая И.П. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника / И.П. Засецкая // Труды ГЭ. – 1979. – Т. XX. – С. 87-113.

111. Засецкая И.П. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) / И.П. Засецкая // СА. – 1989. – № 3. – С. 35-47.

112. Засецкая И.П. Сокровище кургана Хохлач. Новочеркасский клад / И.П. Засецкая. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. – 328 с.

113. Захаров А.В. Погребение раннесарматского времени с бронзовой фибулой из Правобережного Подонья / А.В. Захаров // ИАИАНД в 1988 г. – Азов, 1989. – С. 44-51.

114. Захаров А.В. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» / А.В. Захаров // Сарматы и их соседи на Дону.– Ростов-на-Дону, 2000. – Вып. I. – С. 27-45.

115. Зиньковская И.В. Росомоны Иордана в свете германской эпической традиции и этимологии / И.В. Зиньковская // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2008. – № 2 – С. 25-36.

116. Зиньковская И.В. Королевство Эрманариха: источники и историография / И.В. Зиньковская. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2010. – 359 с.

117. Зиньковская И.В. Королевство Эрманариха / И.В. Зиньковская. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2016. – 257 с.

118. Золото, конь и человек: Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. – Киев: Издательский дом «Скиф», 2012. – 464 с.

119. Зубар В.М. Про похід Плавтія Сільвана в Крим / В.М. Зубар // Археологія. – 1988. – Вип. 63. – С. 19-27.

120. Зуев В.Ю. К разработке хронологии сарматских древностей II – I вв. до н. э. / В.Ю. Зуев // БФ: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. – СПб, 2001. – С. 171-185.

121. Зуев В.Ю. Красногорский курган / В.Ю. Зуев // Золото, конь, человек. – Киев, 2012. – С. 385-410.

122. Иловайский Д.И. Начало Руси / Д.И. Иловайский. - М.: Астрель; АСТ, 2004. – 631 с.

123. Ильюков Л.С. Сарматы междуречья Сала и Маныча / Л.С. Ильюков, М.В. Власкин. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 288 с.

124. Ильюков Л.С. Курган с погребениями раннесарматского времени / Л.С. Ильюков // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград, 2001. – Вып. 1. – С. 198-207.

125. Ильюков Л.С. Сарматские погребения из кургана 22 Ливенцовского VII могильника / Л.С. Ильюков // НАВ. – Волгоград, 2003. – Вып. 6. – С. 277-282.

126. Иштванович Э. Краткий очерк истории сарматов Карпатского бассейна / Э. Иштванович // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. – Керчь, 2001. – С. 192-194.

127. Иштванович Э. Проблема «первого поколения» в изучении сарматов Карпатского бассейна / Э. Иштванович, В. Кульчар // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Вып. 2. – Самара, 2000. – С. 205-209.

128. Каменецкий И.С. Население Нижнего Дона в I – III вв. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.С. Каменецкий. – М., 1965. – 20 с.

129. Карышковский П.О. Новая монета царя Фарзоя / П.О. Карышковский // Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. – Днепрпетровск, 1980. – С. 120-121.

130. Кандыбина В.В. Место курильниц в погребальном обряде сарматских племен Нижнего Поволжья / В.В. Кандыбина // X Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы» / Материалы конференции. – Ростов-на-Дону, 2015. – С. 81-86.

131. Кетрару Н.А. Археологические исследования в Кагульском районе в 1958 г. / Н.А. Кетрару // Далекое прошлое Молдавии. – Кишинев, 1969. – С. 35-54.

132. Клейн Л.С. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу / Л.С. Клейн // СЭ. – 1988. – № 15. – С. 13-23.

133. Клейн Л.С. История российской археологии. Учения, школы и личности. Том 1 / Л.С. Клейн – СПб.: Евразия, 2014. – 694 с.

134. Клейн Л.С. История российской археологии. Учения, школы и личности. Том 2 / Л.С. Клейн – СПб.: Евразия, 2014. – 628 с.
135. Клейн Л.С. Первый век: сокровища сарматских курганов / Л.С. Клейн. – СПб.: Евразия, 2016. – 224 с.
136. Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н. э. / В.М. Клепиков. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2002. – 216 с.
137. Клепиков В.М. К вопросу о социальной структуре раннесарматского общества Нижнего Поволжья / В.М. Клепиков // X Всероссийская арх. конф. студ. и асп. «Проблемы археологии Восточной Европы» / Материалы конференции. – Ростов-на-Дону, 2015. – С. 235-240.
138. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения / В.О. Ключевский. – М.: Наука, 1983. – 415 с.
139. Книпович Т.Н. Танаис / Т.Н. Книпович. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 180 с.
140. Кокуркина О.В. Символизм ранних сарматских диагональных погребений / О.В. Кокуркина // РА. – 2011. – № 2. – С. 67-71.
141. Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае в I-IV вв. н. э. / Ю.К. Колосовская. – М.: Наука, 2000. – 288 с.
142. Комар О.В. Роксолани: історія та проблематика / О.В. Комар // Академія: гуманітарний альманах. – 1994. – № 1. – С. 32-49.
143. Комар О.В. Сармати Поросся та "південна" гіпотеза походження Русі / О.В. Комар // Vita Antiqua. – 1999. – № 1. – С. 81-88.
144. Корнюшин Г.И. Курган у с. Левашовка / Г.И. Корнюшин // МИА. – 1969. – № 151. – С. 105-106.
145. Коробкова Е.А. О семантическом значении зеркал в сарматской культуре / Е.А. Коробкова // НАВ. – Волгоград, 2003. – Вып. 6. – С. 103-107.
146. Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966-1970) / А.К. Коровина // СГМИИ. – 1987. – Вып. 8. – С. 3-70.

147. Королькова Е.Ф. Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии / Е.Ф. Королькова // АСГЭ. – 1999. – Вып. 34. – С. 68-96.
148. Корпусова В.Н. Некрополь Золотое / В.Н. Корпусова. – Киев: Наукова думка, 1983. – 184 с.
149. Костенко В.И. Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ / В.И. Костенко // Курганные древности Степного Поднепровья III – I тыс. до н. э. – Днепропетровск, 1977. – С. 114-137.
150. Костенко В.И. Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары / В.И. Костенко // СА. – 1979. – № 4. – С. 189-200.
151. Костенко В.И. Сарматские погребения Приорелья / В.И. Костенко // Древности степного Поднепровья в III – I тыс. до н. э. – Днепропетровск, 1983. – С. 61-66.
152. Костенко В.И. Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н.э. – середины III в. н. э. / В.И. Костенко. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1983. – 104 с.
153. Костенко В.И. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н. э.– IV в. н. э. / В.И. Костенко. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1986. – 74 с.
154. Костенко В.И. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника) / В.И. Костенко. – Днепропетровск: Видавництво, 1993. – 152 с.
155. Костюченко И.П. Могильник эпохи бронзы поблизу хут. Хмельницького / И.П. Костюченко // АП УРСР. – Киев, 1960. – Т. IX. – С. 88–101.
156. Косяненко В.М. Среднесарматское погребение из могильника Крепинский I на левобережье реки Маныч / В.М. Косяненко // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 90-95.
157. Крадин Н.Н. Империя Хунну / Н.Н. Крадин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2002. – 312 с.

158. Кривошеев М.В. Импортная металлическая посуда как маркер знатных погребений позднесарматского времени / М.В. Кривошеев // Уфимский археологический вестник. – 2014. – № 14. – С. 105-112.
159. Кривошеев М.В. Ножницы в погребальном обряде сарматов / М.В. Кривошеев // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. – Оренбург, 2016. – С. 122-131.
160. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. - V в. н. э.) / В.В. Кропоткин // САИ. – 1970. – Вып. Д1-27. – 280 с.
161. Кропотков В.В. Фибулы сарматской эпохи / В.В. Кропотков. – Киев: Изд-во «АДЕФ-Украина», 2010. – 384 с.
162. Кропотков В.В. Сарматские погребения близ с. Астанино в Восточном Крыму / В.В. Кропотков // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. – 2015. – № 2 (32). – С. 18-24.
163. Кропотков В.В. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма / В.В. Кропотков // НАВ. – Волгоград, 2016. – № 1 (Т. 15). – С. 22-39.
164. Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Ю.А. Кулаковский; Сост., вступ. ст., коммент. и карта С.М. Перевалова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 318 с.
165. Кулатова І.М. Кургани поблизу с. Волошиного у пониззі Псла (група курганів III) / І.М. Кулатова, О.Б. Супруненко // Археологічний літопис Лівобережної України. – № 1-2. – 2004. – С. 47-135.
166. Купцов Е.А. Кости рыб в сарматских погребениях VI в. до н. э. - IV в. н. э. / Е.А. Купцов, Е.А. Крюкова // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. – Оренбург, 2016. – С. 131-137.
167. Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой / М.В. Лескинен – М.: ИСлРан, 2002. – 178 с.
168. Лимберис Н.Ю. Античные погребения из курганов в окрестностях Фанагории / Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко // Понтийские греки. – Краснодар, 1997. – С. 46-57.

169. Ломоносов М.В. Записки по русской истории / М.В. Ломоносов. - М.: Эксмо, 2003. – 704 с.
170. Луцкевич І.Н. Сарматські кургани в с. Нещеретове, Ворошиловградської області / І.Н. Луцкевич // Археологія. – К., 1952. – Т. VII. – С. 136-142.
171. Лысенко Н.Н. Роксоланы царя Гатала и ревксиналы царя Тасия (к вопросу о военно-политических союзах сарматских племен во II в. до н. э.) / Н.Н. Лысенко // Древности Кубани. – Краснодар, 2003. – Вып. 19. http://annals.xlegio.ru/sarmat/roks_rev.rar.htm.
172. Лысенко Н.Н. Военно-политическая история аланов. Ранний период II в. до н. э. – II в. н. э. / Н.Н. Лысенко. – СПб: Фонд Азии и Кавказа «Ариана», 2007. – 647 с.
173. Максименко В.Е. Сарматские погребения Ясыревских курганов Нижнего Дона / В.Е. Максименко, М.Г. Мошкова // КСИА АН СССР. – 1973. – № 133. – С. 72-80.
174. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону / В.Е. Максименко. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та. – 1983. – 224 с.
175. Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) / В.Е. Максименко // ДД. – Азов, 1998. – Выпуск 6. – 304 с.
176. Максименко В.Е. Савроматы ли сирматы / В.Е. Максименко // НАВ. – Волгоград, 2009. – Вып. 10. – С. 148-156.
177. Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР / Е.В. Максимов. – Киев: «Наукова думка», 1982. – 183 с.
178. Максимов Е.К. Сарматские диагональные погребения Восточной Европы / Е.К. Максимов // Археологический сборник. – Саратов, 1966. – С. 98-115.
179. Малеев Ю.М. Сарматське поховання в с. Буряківкана Тернопольщині / Ю.М. Малеев, І.С. Піоро // Археологія. – 1973. – № 12. – С. 73-76.

180. Мамонтов В.И. Курганный могильник «Короли» / В.И. Мамонтов // Материалы по археологии Волго-Донских степей.– Волгоград, 2001. – Вып. 1. – С. 110-127.

181. Мамонтов В.И. Сарматские погребения из курганного могильника Писаревка II / В.И. Мамонтов // НАВ. – Волгоград, 2002. – Вып. 5. – С. 251-259.

182. Марина З.П. Курганы эпохи бронзы у с. Колпаковка-Бузовка / З.П. Марина, И.Ф. Ковалева, В.А. Ромашко // Древности степного Поднепровья в III – I тыс. до н.э. – Днепропетровск, 1982. – С. 4-18.

183. Марина З.П. Курганы эпохи бронзы у с. Богдановка в Присамарье / З.П. Марина, В.А. Ромашко, А.Б. Северин // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1995. – С. 35-62.

184. Марина З.П. Кургани доби бронзи біля с. Миколаївка на р. Самарі / З.П. Марина, В.А. Ромашко // Проблеми археології Подніпров'я. – Вип. 2. – Дніпропетровськ, 1999. – С. 35-51.

185. Марченко И.И. Царь Гатал и Прикубанье / И.И. Марченко // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. – Краснодар, 1994. – С. 52–67.

186. Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани) // И.И. Марченко. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 1996. – 338 с.

187. Марченко И.И. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья / И.И. Марченко, Н.Ю. Лимберис // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып.4. – Краснодар, 2004. – С. 221-242.

188. Марченко И.И. Бронзовые ковши и патеры из сарматских и меотских памятников Прикубанья / И.И. Марченко, Н.Ю. Лимберис // Liber Archaeologicae. Сборник статей посвященный 60-летию Бориса Ароновича Раева. – Краснодар-Ростов-на-Дону, 2006. – С. 51-77.

189. Махно Е.В. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці / Е.В. Махно. – Археологічні пам'ятки УРСР. – Київ, 1960. – Т. IX. – С. 14–38.

190. Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э. – I в. н. э. / Д.А. Мачинский // АСГЭ. - 1974. - № 16. - С. 122-132.

191. Медведев А.П. К вопросу об идентификации реки Танаис по данным Птолемея / А.П. Медведев // Историческая география Черноземного центра России. – Воронеж, 1989. – С. 149-156.

192. Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья) / А.П. Медведев. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. – 220 с.

193. Медведев А.П. Река Танаис в системе историко-археологических реалий скифского времени / А.П. Медведев // Античная цивилизация и варварский мир. – Новочеркасск, 1993. – С. 129-137.

194. Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. / А.П. Медведев. – М.: Наука, 1999. – 158 с.

195. Медведев А.П. Исследования по археологии лесостепной Скифии / А.П. Медведев. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – 144 с.

196. Медведев А.П. Сарматское «княжеское» погребение в кургане у г. Липецка / А.П. Медведев, И.Е. Сафонов, Ю.П. Матвеев // РА. – 2008. – № 4. – С. 97-107.

197. Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса / А.П. Медведев. – М.: Таус, 2008. – 252 с.

198. Медведев А.П. Очерк этнографии сарматов / А.П. Медведев // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2009. – № 2 – С. 3-15.

199. Медведев А.П. Еще раз о сарматах-лимигантах. Взгляд из Сарматии (к дискуссии с юбиляром) / А.П. Медведев // Раннеславянский мир. – 2017. – Вып. 19. – С. 121-127.

200. Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов / Под ред. В.Н. Копылова. – Ростов-на-Дону, 1986 – 176 с.

201. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский. – М-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. – 301 с.

202. Миллер Г.Ф. О народах издревле в России обитавших / Г.Ф. Миллер // С немецкаго на российский язык переведено Иваном Долинским. – В Санктпетербурге: [Тип. акад. наук] : Изданием Общества старающагося о напечатании книг, 1773 .– 132 с.

203. Миллер В.Ф. Осетинские этюды / В.Ф. Миллер. – Владикавказ, 1992. – 715 с.

204. Мирошина Т.В. Сарматские погребения Александровского района Ставропольского края / Т.В. Мирошина // КСИА АН СССР. – 1985. – Вып. 184. – С. 85-100.

205. Молев Е.А. Властитель Понта / Е.А. Молев. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 1995. – 145 с.

206. Молев Е.А. Локализация царства Гатала: историография вопроса и новые аргументы / Е.А. Молев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 2 (1). – С. 216-219.

207. Мордвинцева В.И. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея / В.И. Мордвинцева, О.А. Шинкарь // НАВ. – Волгоград, 1999. – Вып. 2. – С. 139-148.

208. Мордвинцева В.И. Серьги из сарматских погребений II в. до н. э. (по материалам фондов ВОКМ) / В.И. Мордвинцева, Н.В. Хабарова // НАВ. – Волгоград, 2002. – Вып. 5. – С. 260-265.

209. Мордвинцева В. И. Полихромный звериный стиль / В.И. Мордвинцева. – Симферополь: Универсум, 2003. – 206 с.

210. Мордвинцева В.И. Сарматский звериный стиль и возможности этнических реконструкций / В.И. Мордвинцева // Археологический альманах. – 2010. – № 21. – С. 345-372.

211. Мордвинцева В.И. О появлении хоронима Сарматия в Северном Причерноморье / В.И. Мордвинцева // БФ. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Мат. межд. науч. конф. – СПб, 2013. – С. 522-526.

212. Моринц С. Некоторые вопросы истории сарматского населения в Молдове и Мунтении в связи с фокшанским погребением / С. Моринц // Dacia. – 1959. – № 3. – С. 451-470.

213. Мошкова М.Г. Раннесарматские бронзовые пряжки / М.Г. Мошкова // МИА. – 1960. – № 78. – С. 293-307.

214. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / М.Г. Мошкова. – САИ. – 1963. – Д1-10. – 56 с.

215. Мошкова М.Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника / М.Г. Мошкова // МИА. – М., 1972. – № 153. Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. – С. 27-49.

216. Мошкова М.Г. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья / М.Г. Мошкова // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. – М., 1972. – С. 49-78.

217. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской культуры) / М.Г. Мошкова. – М.: Наука, 1974. – 52 с.

218. Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII в. / А.С. Мыльников. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 400 с.

219. Наглер А.О. К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах / А.О. Наглер, Л.А. Чипирова // Античность и варварский мир. – Орджоникидзе, 1985. – С. 87-91.

220. Нефёдкин А.К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников) / А.К. Нефёдкин. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 304 с.

221. Николаева Э.Я. Раскопки городища Кепы в 1964 г. / Э.Я. Николаева // КСИА АН СССР. – 1967. – № 109. – С. 94-100.

222. Орехова Н.А. Социально-политический статус скифского общества Северного Причерноморья в контексте политогенеза кочевых социумов Евразии: Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Н.А. Орехова. – Волгоград, 2003. – 262 с.
223. Перевалов С.М. Сарматский контос и сарматская посадка / С.М. Перевалов // РА. – 1999. – № 4. – С. 65-77.
224. Перевалов С.М. Сарматоведение между историей и археологией / С.М. Перевалов // ВДИ. – 2007. – № 3. – С. 139-162.
225. Перевалов С.М. Рец. на кн.: A.R. Birley. Hadrian: the restless emperor. London – New York, 1999 / С.М. Перевалов // ВДИ. – 2003. – № 3. – С. 231-237.
226. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях / С.А. Плетнева // МИА. – 1958. – № 62. – С. 151-226.
227. Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV - XIII века / С.А. Плетнева. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. – 248 с.
228. Плешивенко А.Г. Курганный могильник у с. Конские Раздоры / А.Г. Плешивенко // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып. V. – Запорожье, 1995. – С. 143-158.
229. Погребова М.Н. Ранние скифы и Древний Восток / М.Н. Погребова, Д.С. Раевский. – М.: Наука, 1992. – 268 с.
230. Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии / А.В. Подосинов. – М.: Языки русской литературы, 1999. – 718 с.
231. Полін С.В. Про сарматське завоювання Північного Причерномор'я / С.В. Полін // Археологія. – 1984. – Вип. 45. – С. 24-34.
232. Полин С.В. Гатал - царь сарматский / С.В. Полин // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. памяти Б.Н. Гракова. – Запорожье, 1989. – С. 122.
233. Полин С.В. "Раннесарматские" погребения Северного Причерноморья / С.В. Полин, А.В. Симоненко // Исследования по археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1990. – С. 73-93.

234. Полин С. В. От Скифии к Сарматии / С.В. Полин. – Киев: НПК «Археолог», 1992. – 201 с.
235. Полин С.В. Скифия и сарматы / С.В. Полин, А.В. Симоненко // ДД. – Азов, 1997. – Вып.5. – С. 87-98.
236. Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов межд. конф. 14-16 сент. 1994 г. / Под ред. А.С. Скрипкина. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1994. – 86 с.
237. Пуздровский А.Е. К вопросу о хронологии и этнокультурной принадлежности погребений с ожерельями и с подвесками в виде бабочек / А.Е. Пуздровский // БФ. Т. II. – СПб., 2004. – С. 298-305.
238. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники / А.Е. Пуздровский. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. – 480 с.
239. Пьянков И.В. Восточный Туркестан в свете античных источников / И.В. Пьянков // Восточный Туркестан в Древности и Раннем Средневековье. – М., 1988. – С. 190-222.
240. Раев Б.А. Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I – III веков н. э. на Нижнем Дону [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Б.А. Раев. – Ленинград, 1979. – 17 с.
241. Раев Б.А. Сарматское погребение из кургана у хутора Арпачин / Б.А. Раев // СА. – 1979. – № 1. – С. 260-263.
242. Раев Б.А. О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе (Тезисы) / Б.А. Раев, С.А. Яценко // Скифия и Боспор (матер. конф. пам. ак. М.И. Ростовцева). – Новочеркасск, 1993. – С. 111-125.
243. . Раев Б.А. Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии / Б.А. Раев // АМА. – Саратов, 1993. – Вып. 9. – С. 160-175.
244. Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV межд. конф. «Проблемы сарматской археологии». Вып. 1. / Отв. ред. В.Н. Мышкин. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. – 168 с.

245. Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. I / Отв. ред. В.М. Клепиков. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. – 140 с.

246. Ременников А.В. К истории сарматских племен на Среднем Дунае в IV веке н. э. / А.М. Ременников. – Ученые записки Казан. гос. пед. ин-та. – 1957. – Вып. 12. – С. 389-418.

247. Рикман Э.А. Памятники сарматов и племен черняховской культуры: Археол. карта МССР / Э.А. Рикман. – Кишинев: Штиинца, 1975. – 164 с.

248. Рикман Э.А. Этническая история Поднестровья и прилегающего Подунавья в перых веках нашей эры / Э.А. Рикман. – М.: Наука, 1975. – 336 с.

249. Романовская М.В. Сторожевой курган / М.В. Романовская // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа. – М., 1986. – С. 102-115.

250. Романюк Л.М. Сарматський комплекс із с. Запруддя на Середній Наддніпрянщині / Л.М. Романюк, О.В. Симоненко // Археологія. – 2001. – № 1. – С. 19–28.

251. Ростовцев М.И. Страбон как источник для истории Боспора / М.И. Ростовцев // Сборник Харьковского историко-филологического общества: Т. 21 / Харьковский университет. Историко-филологическое общество. – Харьков: Типография «Печатное дело», 1914. – С. 366-380.

252. Ростовцев М.И. Эллинизация и иранство на юге России. Общий очерк / М.И. Ростовцев. – Петроград: Огни, 1918. – 176 с.

253. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических / М.И. Ростовцев. – Л.: РАИМК, 1925. – 621 с.

254. Рудинский М.Я. Кантемирівські могили римської доби / М.Я. Рудинский // Зап. ВУАК. – Киев, 1931. – Вып. 1. – С. 127-156.

255. Рудинский М.Я. Досліди на Полтавщині / М.Я. Рудинский // Коротке звітання ВУАК за 1926 рік. – Київ, 1927. – С. 144-145.

256. Рыков П.С. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. / П.С. Рыков // УЗ СГУ. – Вып.1. – Саратов, 1925. – 19 с.
257. Рыков П.С. Суловский курганный могильник / П.С. Рыков // УЗ СГУ. – Т.IV. Вып.3. – Саратов, 1925. – 94 с.
258. Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли / Д.Я. Самоквасов. – М.: Синодальная Типография, 1908. – 276 с.
259. Санжаров С.Н. Раскопки курганов в Донбассе / С.Н. Санжаров // Археологические открытия 1984 г. – М., 1986. – С. 305 - 306.
260. Санжаров С.Н. Исследование курганов 4 и 5 у с. Октябрьское / С.Н. Санжаров, Ю.М. Бровендер, Е.А. Прокопенко // Древности Северского Донца. – Луганск, 1992. – С. 42-55.
261. Сапрыкин Ю.С. Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье / Ю.С. Сапрыкин. – М.: Наука, 1996. – 195 с.
262. Сергацков И.В. Финал раннесарматской культуры: хронология и проблемы этнической истории сарматов на рубеже эр / И.В. Сергацков // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. – Самара, 2000. – Вып. 1. – С. 150-158.
263. Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле / И.В. Сергацков. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. – 396 с.
264. Сергацков И.В. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли / И.В. Сергацков, О.А. Шинкарь // НАВ. – Волгоград, 2003. – Вып. 6. – С. 165-178.
265. Симоненко А.В. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (Погребения знати у с. Пороги) / А.В. Симоненко, Б.И. Лобай. – Киев: Наук. думка, 1991. – 112 с.
266. Симоненко О.В. Роксолани (пошук археологічних відповідностей) / О.В. Симоненко // Археологія. – 1991. – № 4. – С. 17–28.
267. Симоненко А. В. Фарзой и Инисмей — аорсы или аланы? / А.В. Симоненко // ВДИ. – 1992. – № 3. – С. 148-162.

268. Симоненко А.В. Некоторые особенности культурно-исторического развития сарматов Таврии / А.В. Симоненко // Античная цивилизация и варварский мир (материалы III-го археологического материала). Ч. I. – Краснодар, 1992. – С. 24-34.

269. Симоненко А.В. Сарматы Таврии / А.В. Симоненко. – Киев: Наукова думка, 1993. – 142 с.

270. Симоненко А.В. Общее и особенное в сарматской культуре Алфёльда и Северо-Западного Причерноморья / А.В. Симоненко // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского Археологического Общества. – Одесса, 1993. – С. 109-111.

271. Симоненко А.В. Сармати Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етно-політична історія: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А.В. Симоненко. – Київ, 1999. (<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3554309>).

272. Симоненко А.В. Особенности раннесарматской культуры Северного Причерноморья / А.В. Симоненко // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. – Самара, 2000. – С. 158–164.

273. Симоненко А.В. Могильник Днепрозаводстрой и сарматские памятники «восточной волны» в Северном Причерноморье / А.В. Симоненко // НАВ. – Волгоград, 2000. – Вып. 3. – С. 133-144.

274. Симоненко А.В. Фарзой и Инисмей – величайшие цари Аорсии / А.В. Симоненко // Древний мир. – 2001. – № 1. – С. 12.

275. Симоненко А.В. Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения / А.В. Симоненко // ВДИ. – 2002. – № 1. – С. 107–122.

276. Симоненко А.В. Китайские и Центральноазиатские элементы в сарматской культуре Северного Причерноморья / А.В. Симоненко // НАВ. – Волгоград, 2003. – Вып. 6. – С. 53-57.

277. Симоненко А.В. Седло сарматского времени // А.В. Симоненко // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Межд. Нижневолжская арх. конф., Тез. докл. – Волгоград, 2004. – С. 222-226.

278. Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья / А.В. Симоненко // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар, 2004. – С. 134-173.

279. Симоненко А.В. Стекланные и фаянсовые изделия из Ногайчинского кургана (к дискуссии о дате памятника) / А.В. Симоненко // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1. – С. 57-66.

280. Симоненко А.В. Тридцать пять лет спустя: послесловие-комментарий / А.В. Симоненко // Хазанов А.М. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. 2-ое изд., испр. и доп. – СПб., 2008. – С. 238–286.

281. Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья / А.В. Симоненко. – СПб: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. – 272 с.

282. Симоненко А.В. Богатое сарматское погребение у села Весняное близ Николаева / А.В. Симоненко // Золото, конь и человек. – Киев, 2012. – С. 207-226.

283. Симоненко А.В. Импортное оружие у сарматов / А.В. Симоненко // Золото, конь и человек. – Киев, 2012. – С. 139-154.

284. Симоненко А.В. Михайловские «рюмки» / А.В. Симоненко // Золото, конь и человек. – Киев, 2012. – С. 263-272.

285. Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья / А.В. Симоненко – СПб. : Изд-во факультета филологии и искусств СПб ГУ; Нестор-История, 2010. – 328 с.

286. Синюк А.Т. Сасовские курганы на р. Потудани // Синюк А.Т. Избранные труды / А.Т. Синюк, ответ. ред. И.В. Федюнин. – Воронеж: ВГПУ, 2015. – С. 197-212.

287. Скворцов Б.Н. Сарматский погребальный комплекс из курганного могильника Майоровский III / Б.Н. Скворцов, А.С. Скрипкин // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Межд. Нижневолжская арх. конф., Тез. докл. – Волгоград, 2004. – С.187-189.

288. Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего / М.В. Скржинская. – Киев : Наукова думка, 1977. – 128 с.
289. Скржинская Е.Ч. Иордан и его «Getica» // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. – СПб., 2000. – С. 39-44.
290. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры / А.С. Скрипкин. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. – 149 с.
291. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект / А.С. Скрипкин. – Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1990. – 299 с.
292. Скрипкин А.С. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры / А.С. Скрипкин // ВДИ. - 1996. - №1. - С. 160-169.
293. Скрипкин А.С. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья / А.С. Скрипкин, В.М. Клепиков // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 межд. конф. «Проблема сарматской археологии и истории». – Краснодар, 2004. – С. 95-106.
294. Скрипкин А.С. Проблемы этнической истории Нижнего Дона в IV в. до н. э. и некоторые вопросы ранней истории сарматов / А.С. Скрипкин // НАВ. – Волгоград, 2009. – Вып. 10. – С. 171-192.
295. Скрипкин А.С. Сарматы и Восток: избранные труды / А.С. Скрипкин. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – 370 с.
296. Скрипкин А.С. Сарматский феномен / А.С. Скрипкин // Сарматы и Восток. – Волгоград, 2010. – С. 127-133.
297. Скрипкин А.С. О времени появления алан в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) / А.С. Скрипкин // Сарматы и Восток. – Волгоград, 2010. – С. 236-300.
298. Скрипкин А.С. К проблеме сармато-китайских культурных связей / А.С. Скрипкин // Сарматы и Восток. – Волгоград, 2010. – С. 157-158.

299. Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении материальной культуры сарматов / А.С. Скрипкин // Сарматы и Восток. – Волгоград, 2010. – С. 204-205.

300. Скрипкин А.С. Сарматские мечи с кольцевым навершием / А.С. Скрипкин // Сарматы и Восток. – Волгоград, 2010. – С. 342-343.

301. Скрипкин А.С. Сарматы / А.С. Скрипкин. – Волгоград: Из-во ВолГУ, 2017. – 293 С.

302. Смирнов К.Ф. О погребениях роксолан / К.Ф. Смирнов // ВДИ. – 1948. – №1. – С. 213-219.

303. Смирнов К.Ф. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры / К.Ф. Смирнов // СА. – 1953. – Т. XVII. – С. 133-148.

304. Смирнов К.Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии / К.Ф. Смирнов // ВССА. – 1954. – С. 195 - 219.

305. Смирнов К.Ф. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское / К.Ф. Смирнов // МИА. – 1959. – № 60. – С. 206-322.

306. Смирнов К.Ф. Быковские курганы / К.Ф. Смирнов // МИА. – 1960. – № 78. – С. 169-272.

307. Смирнов К.Ф. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья / К.Ф. Смирнов, В.Г. Петренко // САИ. – 1963. – Вып. Д1-9. – 38 с.

308. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов / К.Ф. Смирнов. – М.: Наука, 1964. – 381 с.

309. Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии / К.Ф. Смирнов // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М., 1973. – С. 166-179.

310. Смирнов К.Ф. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э. – II в. н. э. (историко-археологический очерк) / К.Ф. Смирнов // СА. – 1974. – № 3. – С. 33-44.

311. Смирнов К.Ф. Сарматы-огнепоклонники / К.Ф. Смирнов // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1975. – С. 155-159.

312. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии / К.Ф. Смирнов. – М.: Наука, 1984. – 184 с.

313. Соколова Е.К. Краснолаковые лагиносы римского времени из некрополя Пантикапея / Е.К. Соколова // Труды ГЭ. – 1984. – Вып. XXIX. – С. 125-138.

314. Соколов С.В. О чем спорили Миллер и Ломоносов: первые шаги скандинавской концепции происхождения варяжской Руси / С.В. Соколов // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 1 (38). – С. 122-130.

315. Спицын А.А. Историко-археологические изыскания. I. Исконные обитатели Дона и Донца / А.А. Спицын // ЖМНП. – 1909. – ч. XIX. – С. 67–79.

316. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура (IV – I вв. до н. э.) / Отв. ред. М.Г. Мошкова. – М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. – 276 с.

317. Степанович С.П. Археологічні пам'ятки на території мюта / С.П. Степанович, О.Б. Супруненко // Старожитності Хоролу. – Полтава, 1994. – С. 25-45.

318. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 11. / Отв. ред. А.И. Мелюкова. – М.: Наука, 1989. – 484 с.

319. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. / Отв. ред. М.Г. Мошкова. – М.: Наука, 1992. – 495 с.

320. Столяр А.Д. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950-1951 гг. / А.Д. Столяр // МИА.– 1958. – № 62. – С. 348-416.

321. Стоянова А.А. Гривны из памятников Крыма Сарматского времени / А.А. Стоянова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2011. – № 17. – С. 116-140.

322. Стратановский Г.А. Страбон и его география // Страбон. География: в 17 кн. – М., 2004. – С. 5-26.

323. Субботин Л.В. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. II. Курганные могильники Дивизийский и Белолесский / Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский. – Препр. – Киев: Изд-во АН УССР, 1990. – 40 с.

324. Супруненко А.В. Курганы Нижнего Поворскля / А.В. Супруненко. – М., Полтава: Криница, 1994. – 104 с.
325. Сымонович Э.А. Погребение I–II вв. н. э. в с. Могильно в Подолии / Э.А. Сымонович // КСИА АН СССР. – Вып. 107. – М., 1966. – С. 114–116.
326. Татищев В.Н. История Российская. Т. I. / В.Н. Татищев. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 500 с.
327. Тишкин А.А. Ориентация и положение погребенных людей в курганах скифской эпохи Горного Алтая / А.А. Тишкин, П.К. Дашковский // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1998. – № 3. – С. 77-83.
328. Трейстер М.Ю. Еще раз об ожерельях с подвесками в виде бабочек I в. н. э. Северного Причерноморья / М.Ю. Трейстер // ПАВ. – 1993. – № 4. – С. 87-92.
329. Трейстер М.Ю. О ювелирных изделиях из Ногайчинского кургана / М.Ю. Трейстер // ВДИ. – 2000. – № 1. – С. 182-202.
330. Толстов С.П. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сырдарьи / С.П. Толстов // СА. – 1962. – № 4. – С. 124-148.
331. Толстиков В.П. Керамический комплекс позднеэллинистического времени из Пантикапея / В.П. Толстиков, Д.В. Журавлев, Г.А. Ломтадзе // Боспорские исследования. – 2003. – Вып. III. – С. 289-314.
332. Толстиков А.В. «Шведскость» как «готскость»: шведский готицизм XV – XVII вв. / А.В. Толстиков // Шведы: Сущность и метаморфозы идентичности. – М., 2008. – С. 59 – 76.
333. Тохтасьев С.Р. SAUROMATAE – SARMATAE – SYRMATAE / С.Р. Тохтасьев // ХС. – 2004. – Вып. 14. – С. 291-306.
334. Трехбратов Б.А. наброски В.О. Ключевского по варяжскому вопросу / Б.А. Трехбратов // Культурная жизнь Юга России. – 2011. – № 4(42). – С. 102-103.

335. Трубачев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье / О.Н. Трубачев // Вопросы языкознания. – 1977. – № 6. – С. 27.

336. Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье : Реконструкция реликтов языка : Этимологический словарь / О.Н. Трубачев. – М. : Наука, 1999. – 318 с.

337. Туаллагов А.А. К вопросу о появлении ранних алан в Восточной Европе / А.А. Туаллагов // Античная цивилизация и варварский мир. – Краснодар, 2000. – С. 67-82.

338. Туаллагов А.А. Сарматы и аланы в IV в. до н. э. – I в. н. э. / А.А. Туаллагов. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2001. – 320 с.

339. Туаллагов А.А. К вопросу об аланском этногенезе осетин / А.А. Туаллагов // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докл. межрег. научн. конф. – Ставрополь, 2001. – С. 71-73.

340. Туаллагов А.А. Поздние сарматы на границах Рима / А.А. Туаллагов // Известия СОИГСИ. – 2009. – № 3 (42). – С. 72-98.

341. Туаллагов А.А. Ранние аланы / А.А. Туаллагов. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. – 462 с.

342. Удальцов А.Д. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. / А.Д. Удальцов // СЭ. – 1946. – № 2. – С. 41-50.

343. Уженцев В. Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н. э. — II в. н. э.) / В.Б. Уженцев. – Симферополь: Сонат, 2006. – 247 с.

344. Фокеев М.М. Памятники первых веков н. э. в Буджакской степи / М.М. Фокеев // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н.э. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 16-26.

345. Хазанов А.М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов / А.М. Хазанов // СА. – 1964. – № 3. – С. 89-96.

346. Хазанов А.М. Катафрактарии и их роль в истории военного искусства / А.М. Хазанов // ВДИ. – 1968. – № 1. – С. 180-191.
347. Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал / А.М. Хазанов // СА. – 1963. – № 3. – С. 58-71.
348. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов / А.М. Хазанов. – М.: Наука, 1971. – 170 с.
349. Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей / А.М. Хазанов. – М.: Наука, 1975. – 344 с.
350. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир / А.М. Хазанов. – Изд. 3-е, доп. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 604 с.
351. Хазанов А.М. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов / А.М. Хазанов. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. – 285 с.
352. Храпунов И.Н. Позднескифский могильник у с. Кольчугино / И.Н. Храпунов, В.В. Масякин, С.А. Мульд // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 1997. – Вып.1. – С. 76-155.
353. Храпунов И.Н. Первые погребения в могильнике Нейзац / И.Н. Храпунов, А.А. Стоянова // История и археология Крыма. – 2016. – № 3. – С. 200-234.
354. Черненко Е.В. Панцири скифського часу / Е.В. Черненко // Археологія. – Киев, 1965. – Т. XVIII. – С. 77-104.
355. Черненко Е.В. Военное дело скифов / Е.В. Черненко. – Николаев: Возможности Киммерии, 1997. – 24 с.
356. Шаповалов Т.О. Сарматські поховання поблизу с. Новолуганське / Т.О. Шаповалов // Археологія. – 1973. – Вип. 8. – С. 82-88.
357. Шевченко Н.Ф. Некоторые аспекты боспорско-сарматских отношений в Восточном Приазовье (III в. до н. э. – I в. н. э.) / Н.Ф. Шевченко // Музейный сборник. – Краснодар, 1993. – Вып. 1. – С. 31-44.

358. Шевченко Н.Ф. Сираки и аорсы в степном Прикубанье / Н.Ф. Шевченко // РА. – 2003. – № 1. – С. 44-59.
359. Шелов Д.Б. Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе / Д.Б. Шелов // СА. – 1983. – № 4. – С. 57-69.
360. Шилов В.П. Калиновский курганный могильник / В.П. Шилов // МИА. – 1959. – Вып. 60. – С. 323-523.
361. Шилов В.П. Аорсы (историко-археологический очерк) / В.П. Шилов // История и культура сарматов. – Саратов, 1983. – С. 34-48.
362. Шмаглий Н.М. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра (1964-1966 гг.) / Н.М. Шмаглий, И.Т. Черняков // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – Одесса, 1970. – С. 5-115.
363. Шувалов П.В. Три карты Европейской Сарматии Клавдия Птолемея / П.В. Шувалов // SP. – 2013. – № 4. – С. 75-89.
364. Щеглов Д.А. Древнейшие греческие описания Скифии в интерпретации эллинистической географии / Д.А. Щеглов // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования 2003 г. – М., 2005. – С. 281-299.
365. Щепинский А.А. История сарматов в Северном Причерноморье / А.А. Щепинский // Тезисы докладов XIV международной конференции античников социалистических стран. – Ереван, 1976. – С. 525-526.
366. Щепинський А.О. Скарби сарматської знаті / А.О. Щепинський // Вісник АН УРСР. – Київ, 1977. – № 10. – С. 75-76.
367. Щукин М.Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. н. э. в Центральной и Восточной Европе / М.Б. Щукин // СА. – 1989. – №1. – С. 70-84.
368. Щукин М.Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан / М.Б. Щукин // Античная цивилизация и варварский мир (материалы III археологического семинара). Часть I. – Новочеркасск, 1992. – С. 103-131.

369. Щукин М.Б. Проблема бастарнов и этнического определения поянешты-лукашевской и зарубинецкой культур / М.Б. Щукин // ПАВ. – 1993. – Вып. 6. – С. 89-95.

370. Щукин М.Б. На рубеже эр / М.Б. Щукин. – СПб: «Фарн», 1994. – 324 с.

371. Этнография: учебник / Под. ред. Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. – М.: Высшая школа, 1982. – 320 с.

372. Яблонский Л.Т. Раскопки курганов раннесарматского времени у деревни Прохоровка (предварительное сообщение) / Л.Т. Яблонский, Т.В. Мещеряков // КСИА. – 2015. – Вып. 219. – С. 64-76.

373. Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I – II вв. н. э. / С.А. Яценко // ПАВ. – 1993. – Вып. 3. – С. 60-72.

374. Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья / С.А. Яценко. – М.: Вост. литература, 2001. – 190 с.

375. Яценко С.А. Об этносе - противнике Плавтия Сильвана в Северо-Западном Причерноморье около 62 г. н. э. / С.А. Яценко // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Ростов-на-Дону, 2001. – С. 115-117.

376. Яценко С.А. Статус женщины в сарматском обществе: проблемы интерпретации источников / С.А. Яценко // Выбор метода: изучения культуры в России 1990-х годов. – М., 2001. – С. 244-252.

377. Яценко С.А. Особенности общественного развития сармато-аланов и их восприятия в других культурах / С.А. Яценко // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Т. 6. – М., 2002. – С. 91-97.

378. Яценко С.А. О женщинах - "жрицах" у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н. э. – II в. н. э.) / С.А. Яценко // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – 2007. – № 1. – С. 58-66.

379. Яценко С.А. О некоторых сторонах военной организации древних кочевников европейской степи / С.А. Яценко, Е.В. Вдовченков // Исторические записки. Сер.: Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 1. – С. 171-182.

380. Anderson-Stojanović V.R. The Chronology and Funktion of Ceramic Ununguentaria / V.R. Anderson-Stojanović // American Journal of Archaeology. – 1987. – Vol. 91. – P. 105-122.

381. Bârcă V. Nomazi ai stepelor. Sarmaziî timpurii în spațiul Nord-Pontic (sec. II – I a. Chr.) / V. Bârcă. – Cluj-Napoca: Argonaut, 2006. – 392 p.

382. Isings C. Roman Glass from Dated Finds / C. Isings/ – Groningen; Jakarta: J.W. Wolters, 1957. – 185 p.

383. Eggers H. Ju. Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte. Bd. 1 / H. Ju. Eggers. – Hamburg: Museum für Volkerkunde und Vorgeschichte, 1951. – 212 s.

384. Madyda Legutko R. Die Gurtelschnallen der römischen Kaiserzeit und der frühen Volkerwanderungszeit in mitteleuropäischen Barbaricum / R. Madyda Legutko // BAR International Series 360. – Oxford, 1986. – 233 p.

385. Marčenko I.I. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmäler des Kubangebietes (Archäologie in Eurasien. Bd. 25) / I.I. Marčenko, N.Ju. Limberis. – Mainz: Deutsches Archäologisches Institut, 2008. – 133 s.

386. Mordvinceva V. Sarmatische Phaleren / Valentina Mordvinceva. – Rahden/Westf.: Leidorf, 2001. – 99 s., 57 Taf.

387. Petrovszky R. Studien zur römischen Bronzegefassen mit Meisterstempeln / R. Petrovszky // Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen. Band 1. – 1993. – 460 S.

388. Radnóti A. Die römischen Bronzegefäße von Pannonien / A. Radnóti. – Budapest: Institut für Münzkunde und Archäologie der Peter Pázmány-Universität, 1938. – 220 S.

389. Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin / B.A. Raev // BAR International Series 278. – Oxford, 1986. – 136 p.

390. Shchukin M.B. The Rome and the barbarians in Central and Eastern Europe I st B.C. – I st A.D. / M.B. Shchukin // BAR. Int. ser. 542 (ii). 1989. – 244 S. with 42 pl.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АМА – античный мир и археология.
- АМБУ – Археологический музей Воронежского университета.
- АН СССР – Академия наук СССР.
- АП УРСР – Археологічні пам'ятки Української РСР.
- АС – Археологический съезд.
- АСГЭ – Археологический сборник государственного Эрмитажа.
- БелГУ – Белгородский государственный университет.
- БФ – Боспорский феномен
- ВВНЦ – Вестник Владикавказского научного центра.
- ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет.
- ВГУ – Воронежский государственный университет.
- ВолГУ – Волгоградский государственный университет.
- ВССА – Вопросы скифо-сарматской археологии.
- ВДИ – Вестник древней истории.
- ВССА – Вопросы скифо-сарматской археологии.
- ВУАК – Всеукраинский археологический комитет.
- ГЭ – Государственный Эрмитаж.
- ДА – Донская археология.
- ДД – Донские древности.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.
- ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины.
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
- ИАА – Историко-археологический альманах.
- ИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону.
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
- МАЭИТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

НА – Научный архив.

НАВ – Нижневолжский археологический вестник.

ПАВ – Петербургский археологический вестник.

РА – Российская археология.

РАИМК – Российская академия истории материальной культуры.

РАН – Российская академия наук.

РОМК – Ростовский областной музей краеведения.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников.

СГМИИ – Сообщения государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

СССР – Союз советских социалистических республик.

СЭ – Советская этнография.

УЗ СГУ – Ученые записки Саратовского государственного университета.

ХС – Херсонесский сборник.

ЧИ НИИ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт.

SHA – *Scriptores Historiae Augustae*.

SP – *Stratum Plus*.

TP – *Tabula Peutingeriana*.

**ПРИЛОЖЕНИЕ 1.
ТАБЛИЦЫ и ГРАФИКИ.**

Таблица 1. Упоминание этнонима «роксоланы» в античной письменной традиции.

№ п/п	Источник	Этноним «роксоланы» в оригинальном тексте	Русская транскрипция этнонима
1.	Декрет в честь Диофанта	Ῥευξιναλῶς	Ревксиналы
2.	Страбон. География	Ῥωξολανοί	Роксоланы
3.	Плиний-Старший. Естественная история.	Roxolani	Роксоланы
4.	Элогий в честь Плавтия Сильвана.	Rhoxolanorum	Роксолан
5.	Тацит. История.	Rhoxolani	Роксоланы
6.	Клавдий Птолемей. Географическое руководство.	Ῥωξολανοί Ῥακαλάνοι	Роксоланы ревканалы/раканалы
7.	SHA. Спартиан. Адриан.	Roxolanorum	Роксолан
8.	SHA. Капитолин. Марк Антонин Философ.	Roxolani	Роксоланы
9.	SHA. Капитолин. Тридцать тиранов.	Roxolanis	Роксолан
10.	SHA. Флавий Вописк Сиракузский. Божественный Аврелиан	Roxolani	Роксоланы
11.	Надгробие из г. Пола	Roxolanorum	Роксолан
12.	Кассий Дион. Римская История.	Ῥοξολάνους	Роксоланами
13.	Певтингеровы таблицы	Roxulani. Sarmate	Роксоланы. Сарматы
14.	Аммиан Марцеллин. Деяния	Roxolanique [roxuolanique]	Роксоланы и ...
15.	Иордан. Гетика	Aroxolani	Ароксоланы
16.	Равеннский Аноним. Космография	Roxolanorum	Роксоланы

Таблица 2. Свод античных письменных источников о роксоланах.

Автор и его труд	Текст в оригинале	Русский перевод текста	Перевод по:
Страбон. География.	<p>II. V. 7. λαβόντες οὖν τὰ διαστήματα γνώριμα καὶ πλεόμενα σκοποῦσι τὰ ὑπὲρ τοῦ Βορυσθένους ἐπ' εὐθείας ταύτη τῇ γραμμῇ μέχρι τίνος οἰκήσιμιά ἐστι, καὶ περατοῖ τὰ προσάρκτια μέρη τῆς οἰκουμένης. οἰκοῦσι δ' ὑπὲρ τοῦ Βορυσθένους ὕστατοι τῶν γνωρίμων Σκυθῶν <i>Ρωξολανοί</i>, νοτιώτεροι ὄντες τῶν ὑπὲρ τῆς Βρεττανικῆς ἐσχάτων γνωριζομένων· ἤδη δὲ τὰπέκεινα διὰ ψῦχος ἀοίκητά ἐστι· νοτιώτεροι δὲ τούτων καὶ οἱ ὑπὲρ τῆς Μαιώτιδος Σαυρομάται καὶ Σκύθαι μέχρι τῶν ἐσίων Σκυθῶν.</p> <p>VII. II. 4. ...τί δ' ἐστὶ πέραν τῆς Γερμανίας καὶ τί τῶν ἄλλων τῶν ἐξῆς, εἴτε Βαστάρνας χρὴ λέγειν, ὡς οἱ πλείους ὑπονοοῦσιν, εἴτ' ἄλλους μεταξὺ ἢ Ἰάζυγας ἢ <i>Ρωξολανούς</i> ἢ τινὰς ἄλλους τῶν ἀμαξοίκων οὐ ῥάδιον εἰπεῖν...</p> <p>VII. III. 17. Εἶτα Βορυσθένης ποταμὸς πλωτὸς ἐφ' ἐξακοσίους σταδίους καὶ πλησίον ἄλλος ποταμὸς Ὑπανίς καὶ νῆσος πρὸ τοῦ στόματος τοῦ Βορυσθένους, ἔχουσα λιμένα. Πλεύσαντι δὲ τὸν</p>	<p>II. V. 7. Итак, приняв уже известные и доступные для мореплавания расстояния, географы исследуют, как далеко обитаемы области за Борисфеном, прямо в соответствии с этой линией, и как далеко простирают свои границы северные части обитаемого мира. За Борисфеном же обитают <i>роксоланы</i>, последние из известных скифов, хотя они живут южнее, чем наиболее отдаленные известные нам народы севернее Бреттании; и области за страной роксолан не обитаемы вследствие холода. Южнее <i>роксолан</i> живут савроматы (за Меотийским озером), а также скифы, страна которых простирается вплоть до восточных скифов.</p> <p>VII. II. 4. ...Но что находится за Германией: нужно ли принять, что там живут бастарны (как думает большинство), что между ними обитают другие народности — язиги или роксоланы или какие-либо другие из кочующих в кибитках, сказать трудно...</p> <p>VII. III. 17. Далее следует река Борисфен, судоходная на 600 стадий; поблизости течет другая река – Гипанис и лежит остров перед устьем Борисфена с гаванью. Если проплыть вверх по</p>	Латышев В.В., 1890.

Таблица 2. Продолжение.

Βορυσθένη σταδίου διακοσίους ὁμώνυμος τῷ ποταμῷ πόλις· ἡ δ' αὐτὴ καὶ Ὀλβία καλεῖται, μέγα ἐμπόριον, κτίσμα Μιλησίων. Ἡ δὲ ὑπερκειμένη πᾶσα χώρα τοῦ λεχθέντος μεταξὺ Βορυσθένους καὶ Ἰστρου πρώτη μὲν ἐστὶν ἡ τῶν Γετῶν ἐρημία, ἔπειτα οἱ Τυρεγέται, μεθ' οὓς οἱ Ἰάζυγες Σαρμάται καὶ οἱ Βασίλειοι λεγόμενοι καὶ Οὐργοί, τὸ μὲν πλεον νομάδες, ὀλίγοι δὲ καὶ γεωργίας ἐπιμελούμενοι· τούτους φασὶ καὶ παρὰ τὸν Ἰστρον οἰκεῖν, ἐφ' ἑκάτερα πολλάκις. Ἐν δὲ τῇ μεσογαίᾳ Βαστάρναι μὲν τοῖς Τυρεγέταις ὄμοροι καὶ Γερμανοῖς, σχεδόν τι καὶ αὐτοὶ τοῦ Γερμανικοῦ γένους ὄντες, εἰς πλείω φύλα διηρημένοι. Καὶ γὰρ Ἄτμονοι λέγονται τινες καὶ Σιδόνες, οἱ δὲ τὴν Πεύκην κατασχόντες τὴν ἐν τῷ Ἰστρῷ νῆσον Πευκῖνοι, *Ρωξολανοὶ* δ' ἀρκτικώτατοι τὰ μεταξὺ τοῦ Τανάιδος καὶ Βορυσθένους νεμόμενοι πεδία. Ἡ γὰρ προσάρκτιος πᾶσα ἀπὸ Γερμανίας μέχρι τῆς Κασπίας πεδιάς ἐστὶν, ἣν ἴσμεν· ὑπὲρ δὲ τῶν *Ρωξολανῶν* εἴ τινες οἰκοῦσιν, οὐκ ἴσμεν. Οἱ δὲ *Ρωξολανοὶ* καὶ πρὸς τοὺς Μιθριδάτου τοῦ Εὐπάτορος στρατηγούς ἐπολέμουν, ἔχοντες ἡγεμόνα Τάσιον· ἦκον δὲ Παλάκῳ συμμαχήσοντες τῷ Σκιλούρου, καὶ ἐδόκουν μὲν εἶναι μάχιμοι· πρὸς μὲντοι συντεταγμένην φάλαγγα καὶ ὀπλισμένην καλῶς τὸ βάρβαρον φύλον ἀσθενὲς πᾶν ἐστὶ καὶ τὸ γυμνητικόν. Ἐκεῖνοι γοῦν περὶ πέντε μυριάδας πρὸς

Борисфену 200 стадий, то будет одноименный с рекой город; этот город называется также Ольбией, является большим портом и основан милетцами. Вся страна, расположенная над упомянутым побережьем между Борисфеном и Истром, состоит, во-первых, из «Пустыни гетов», во-вторых, из области тирогетов, за которой идет область иазигских сарматов, страны так называемых царских сарматов и страны ургов, по большей части кочевников (хотя немногие занимаются земледелием). Эти народности, как говорят, живут также по Истру, нередко по обеим сторонам этой реки. В глубине страны обитают бастарны, граничащие с тирегетами и германцами; бастарны также, быть может, германская народность и делятся на несколько племен. Действительно, одни из них называются атмонами, другие – сидонами; те, что владеют Певкой, островом на Истре, носят название певкинов, а самые северные, обитающие на равнинах между Танаисом и Борисфеном называются *роксоланами*. Насколько известно, вся страна к северу от Германии вплоть до Каспийского моря представляет равнину. Обитает ли какое-нибудь племя за роксоланами, мы не знаем. Роксоланы воевали даже с полководцами Митридата Евпатора под предводительством Тасия. Они пришли на помощь Палаку,

Таблица 2. Продолжение.

	<p>ἑξακισχιλίους τοὺς Διοφάντῳ, τῷ τοῦ Μιθριδάτου στρατηγῷ, συμπαραταξαμένους οὐκ ἀντέσχον, ἀλλ' οἱ πλεῖστοι διεφθάρησαν. Χρῶνται δὲ ὠμοβοίῳις κράνεσι καὶ θώραξι, γερροφόροι, ἀμυντήρια δ' ἔχοντες καὶ λόγχας καὶ τόξον καὶ ξίφος· τοιοῦτοι δὲ καὶ τῶν ἄλλων οἱ πλείους. Τῶν δὲ Νομάδων αἱ σκηναὶ πλωταὶ πεπήγασιν ἐπὶ ταῖς ἀμάξαις, ἐν αἷς διαιτῶνται· περὶ δὲ τὰς σκηνὰς τὰ βοσκήματα, ἀφ' ὧν τρέφονται καὶ γάλακτι καὶ τυρῶι καὶ κρέασιν· ἀκολουθοῦσι δὲ ταῖς νομαῖς μεταλαμβάνοντες τόπους ἀεὶ τοὺς ἔχοντας πόαν, χειμῶνος μὲν ἐν τοῖς ἔλεσι τοῖς περὶ τὴν Μαιῶτιν, θέρους δὲ καὶ ἐν τοῖς πεδίοις.</p>	<p>сыну Скилура, и считались воинственными. Однако любая варварская народность и толпа легковооруженных людей бессильны перед правильно построенной и хорошо вооруженной фалангой. Во всяком случае роксоланы числом около 50 000 человек не могли устоять против 6000 человек, выставленных Диофантом, полководцем Митридата, и были большей частью уничтожены. У них в ходу шлемы и панцири из сыромятной бычьей кожи, они носят плетеные щиты в качестве защитного средства; есть у них также копья, лук и меч. Таково вооружение и большинства прочих варваров. Что касается кочевников, то их войлочные палатки прикрепляются к кибиткам, в которых они живут. Вокруг палаток пасется скот, молоком, сыром и мясом которого они питаются. Они следуют за пастбищами, всегда по очереди выбирая богатые травой места, зимой на болотах около Меотиды, а летом на равнинах.</p>	
Плиний-Старший. Естественная история.	<p>IV. XII. 80. ab eo in plenum quidem omnes Scytharum sunt gentes, varie tamen litori adposita tenuere, alias Getae, Daci Romanus dicti, alias Sarmatae, Graecis Savromatae, eorumque Hamaxobii aut Aorsi, alias Scythae degeneres et a servis orti aut Trogodytae, mox Alani et Roxolani; superiora autem inter Danuvium et Hercynium saltum usque ad Pannonica hiberna Carnunti Germanorumque</p>	<p>IV. XII. 80. К северу от Истра, вообще говоря, все племена считаются скифскими, но прибрежные местности занимали разные племена, то геты, у римлян называемые даками, то сарматы или по-гречески савроматы, и из их числа гамаксобии, или аорсы, то неблагодарные, рабского происхождения скифы, или трогодиты, затем аланы и роксоланы. Страны, лежащие</p>	Латышев В.В., 1904.

Таблица 2. Продолжение.

	ibi confinium, campos et plana Iazyges Sarmatae, montes vero et saltus pulsus ab iis Daci ad Pathissum amnem.	выше к северу между Данувием и Геркинским хребтом, до Паннонских стоянок в Карнунте и до полей и равнин живущих там в соседстве германцев, занимают язиги-сарматы, а горные хребты и ущелья до реки Патисса – прогнанные ими даки.	
Тацит. История.	I. 79. 1-4. Conversis ad civile bellum animis externa sine cura habebantur. eo audentius <i>Rhoxolani</i> , Sarmatica gens, priore hieme caesis duabus cohortibus, magna spe Moesiam intruperant, ad novem milia equitum, ex ferocia et successu praedae magis quam pugnae intenta. igitur vagos et incuriosos tertia legio adiunctis auxilium repente invasit. apud Romanos omnia proelio apta: Sarmatae dispersi cupidine praedae aut graves onere sarcinarum et lubrico itinerum adempta equorum pernicitate velut vincti caedebantur. namque mirum dictu, ut sit omnis Sarmatarum virtus velut extra ipsos. nihil ad pedestrem pugnam tam ignavum: ubi per turmas advenere, vix ulla acies obstiterit. sed tum umido die et soluto gelu neque conti neque gladii, quos praelongos utraque manu regunt, usui, lapsantibus eques et catafractarum pondere (id principibus et nobilissimo cuique tegimen, ferries laminis aut praeduro corio consertum, ut adversis ictus impetrabile, ita impetus hostium provolutis inhabile ad resurgendum.) simul altitudine et mollitia nivis	I. 79. 1-4. При всеобщем внимании к междоусобной войне внешние дела оставались без попечения. Тем смелее <i>роксоланы</i> , народ сарматского племени, изрубив прошлой зимой две когорты, с большими надеждами вторглись в Мезию числом до девяти тысяч всадников, вследствие своей необузданности и прошлогоднего успеха более думая о грабеже, чем о сражении. Вследствие этого третий легион со вспомогательными войсками напал на них врасплох, когда они беззаботно рассыпались по стране. У римлян все было приспособлено к битве; сарматы же, рассеявшиеся вследствие страсти к добыче или обремененные тяжестью вьюков, были избиваемы, словно связанные, так как скользкие дороги не позволяли их коням проявлять свою быстроту. Замечательно, как вся доблесть сарматов лежит как бы вне их самих. Они крайне трусливы в пешем бою; но, когда появляются конными отрядами, вряд ли какой строй им может противиться. Но тогда, в сырой день	Латышев В.В., 1904.

Таблица 2. Продолжение.

	<p>hauriebantur. Romanus miles facilis lorica et missili pilo aut lanceis adsultans, ubi res posceret levi gladio inernem Sarmatam (neque enim scuto defendi mos est) comminus fodiedat, donec pauci, qui proelio superfuerant, paludibus abderentur. ibi saevita hiemis aut vulnerum absumpti.</p>	<p>и на растаявшем льду, ни пики, ни очень длинные мечи их, которые они держат обеими руками, не годились вследствие спотыкания коней и тяжести их «катафракт». Это прикрытие их вождей и всех благородных, составленное из железных пластин или очень твердой кожи, непроницаемое для ударов, но для упавших при натиске врагов неудобное при вставании; вместе с тем они увязали в глубоком и рыхлом снегу. Римские солдаты в легких латах нападали с метательными дротиками или длинными копьями и, когда требовалось, легкими мечами кололи врукопашную беззащитных сармат (ибо у них не в обычае защищаться щитом), пока немногие, уцелевшие в сражении, не скрылись в болотах. Там они погибли от суровости зимы или от ран.</p>	
<p>Клавдий Птолемей. Географическое руководство.</p>	<p>III. 5. 7. Κατέχει δέ τήν Σαρματίαν ἔθνη μέγιστα οἱ τε Οὐενέδαι παρ' ὅλον τὸν Οὐενεδικὸν κόλπον καὶ ὑπὲρ τὴν Δακίαν Πευκίνοι τε καὶ Βαστέρναι (ἢ Βαστάρναι) καὶ παρ' ὅλην τὴν πλευρὰ τῆς Μαιῶτιδος Ἰάζυγες καὶ Ῥωξολανοί, καὶ ἐνδοτέρω τούτων οἱ τε Ἀμαξόβιοι καὶ οἱ Ἄλανοί Σκύθαι. III. 5. 10. μεταξὺ δέ τῶν Ἀμαξόβιων καὶ τῶν Ῥωξολανῶν Ῥακαλάνοι.</p>	<p>III. 5. 7. Заселяют Сарматию очень многочисленные племена: венеды – по всему венедскому заливу; выше Дакии – певкины и бастерны; по всему берегу Меотиды язиги и <i>роксоланы</i>; далее за ними внутрь страны – гамаксобии и скифы-аланы. III. 5. 10. у поворота реки Танаис – офлоны и танаиты, за ними – осилы до <i>роксолан</i>; между гомоксобиями и <i>роксоланами</i> – <i>ревканалы</i>(<i>раканалы</i>) и эксобигиты;...Между бастернами и</p>	<p>Латышев В.В., 1890.</p>

Таблица 2. Продолжение.

		роксоланами живут хуны, а ниже соименных гор амадоки и навары.	
Спартиан. Адриан	6. 6-8. audito dein tumultu Sarmatarum et <i>Roxolanorum</i> praemissis exercibus Moesiam petit. Marcium Turbonem post Mauretanium praefecturae infulis ornatum Pannoniae Daciaeque ad tempus praefecit. cum rege Roxolanorum, qui de imminutis stipendiis querebatur, cognito negotio pacem composuit.	6. 6-8. Затем услышав о восстании сарматов и <i>роксолан</i> , он отправился в Мёзию, выслав наперед войска. Марция Турбона, ..., он поставил на время правителем Паннонии и Дакии. С царем роксоланским, который жаловался на уменьшение дани, по разборе дела заключил мир.	Латышев В.В., 1906.
Капитолин. Марк Антонин Философ.	22. gentes omnes ab Illyrici limite usque in Galliam conspiraverant, ut Marcomanni, Varistae, Hermunduri et Quadi, Suevi, Sarmat<a>e, Lacringes, et Burei f hi aliique cum Victualis, Sosibes, Sicobotes, <i>Roxolani</i> , Basternae, Alani, Peucini, Costoboci	22. Все народы от Иллирика до Галлии составили заговор, именно маркоманны, варисты, гермундуры и квады, свабы, сарматы, лакринги и буры, вандалы с виктуалами, оссы, бессы, коботы, <i>роксоланы</i> , бастерны, аланы, певкины и костобоки.	Латышев В.В., 1906.
Капитолин. Тридцать тиранов.	10. 2. hie tamen multa fortiter contra Sarmatas gessit, sed auctoribus <i>Roxolanis</i> consentientibusque militibus et timore provincialium, ne iterum Galienus graviora faceret, interemptus est.	10. 2. Регалиан совершил много славных подвигов против сарматов, но был умерщвлен по совету <i>роксолан</i> , с согласия солдат и вследствие страха провинциалов, чтобы Галиен не подверг их снова жестоким наказаниям.	Латышев В.В., 1906.
Флавий Вописк Сиракузский. Боже-ственный Аврелиан.	33. 4. tigrides quattuor, camelopardali, alces, cetera talia per ordinem ducta, gladiatorum paria octingenta – praeter captives gentium barbarorum – Blemmyes, Exomitae, Arabes Eu[n]d<a>emo[m]nes, Indi, Bactrani, Hiberi, Sarcaceni, Persae cum suis quique muneribus, Gothi, Halani, <i>Roxolani</i> , Sarmatae, Franci, Suevi,	33. 4. Кроме пленных из варварских племен, в процессии шли со связанными руками в национальной одежде пленные блеммии, аксомиты, счастливые арабы, индийцы, бактрианцы, иберы, саракены, персы, каждый со своими дарами, готы, аланы, <i>роксоланы</i> , сарматы,	Латышев В.В., 1906.

Таблица 2. Продолжение.

	Vandali, Germani, religati<s> minibus, captive <ut>pote.	франки, свевы, вандалы и германцы со связанными руками, как пленники.	
Кассий Дион. Римская История.	LXXI. 19. (2) ...τῶν νήσων τῶν ἐν τῷ Ἰστρῷ ἀπέχεσθαι. καὶ ἐφῆκεν αὐτοῖς πρὸς τοὺς Ροξολάνους διὰ τῆς Δακίας ἐπιμίγνυσθαι, ὅσακις ἂν ὁ ἄρχων αὐτῆς ἐπιτρέψη σφίσιν.	LXXI. 19. (2) ...он разрешил им сообщаться с <i>роксоланами</i> через Дакию столь часто, как позволит правитель этой провинции.	Латышев В.В., 1890.
Аммиан Марцелин. Деяния.	XXII. 8. 30. circa haec stagna ultima extimaque plures habitani gentes, sermonum institutorumque varietate dispariles, Ixomatae et Maeotae et Iazyges <i>Roxolanique</i> [<i>roxiolanique</i>] et Halani et Melanchlaenae et cum Gelonis Agathyrsi, apud quos adamantis est copia lapidis, aliique ultra latentes, quod sunt omnium penitissimi.	XXII. 8. 30. Вокруг этих крайних и отдаленных болот живет много народов, отличающихся разнообразием языков и всего строя жизни: яксаматы, меоты, язиги, <i>роксоланы</i> , аланы, меланхлены, гелоны и агафирсы, ..., и другие неизвестные вследствие того, что живут далее всех.	Латышев В.В., 1906.
Иордан. Гетика.	74-75. haec Gotia, quam Daciam appellavere maiores, quae nunc, ut diximus, Gepidia dicitur, tunc ab oriente <i>Aroxolani</i> , ab occasu Iazyges, a septentrione Sarmatae et Bastemae, a meridiae amnis Danubii terminabant, nam Iazyges ab <i>Aroxolanis</i> Aluta tantum fluvio segregantur.	74-75. Эту Готию, которую предки называли Дакией и которая теперь, как мы сказали, именуется Гепидией, тогда ограничивали с востока <i>ароксоланы</i> , с запада язиги, с севера сарматы и бастерны, с юга – река Данубий. Язиги же от <i>ароксолан</i> отделяются только рекой Алутой.	Латышев В.В., 1906.
Равеннский Аноним. Космография.	I. 12. Octava ut hora noctis <i>Roxolanorum</i> est patria. cuius post terga infra oceanum procul magna insula Antiqua Scythia reperitur. quam insulam plerique phylosophi (...) historiography conlaudant. quam et Iordanus, sapientissimus cosmographus, Scanzan appellat. ex qua insula (...) pariterque gentes occidentals egressae sunt; nam Gotthos et Danos, una simul Gepidas ex ea antiquitus exisse legimus.	I. 12. В восьмом часу ночи находится страна <i>роксолан</i> . Позади нее далеко в океане расположен большой остров – Древняя Скифия; этот остров упоминают многие философы (...) историографы. Мудрейший космограф Иордан называет его Сканзой; из этого острова (...) вышли также западные племена: ведь мы читали, что готы и даны, а также гепиды.	Подосинов А.В., 2002

Таблица 2. Продолжение.

	<p>IV, 4. Item iuxta oceanum [confinalis prefate patrie Amazonum] est patria que dicitur <i>Roxolanorum</i>, Suaricum, Savromatum. per quam patriam transeunt [plurima] flumina, inter cetera que dicuntur fluvius maximus qui dicitur Vistula, qui nimis undosus in oceano vergitur, et fluvius qui nominatur Lutta. de qua patria ennaravit supra scriptus Ptolomeus rex et phylosophus. cuius patrie post terga infra oceanum super scripta insula Scanza invenitur.</p> <p>IV. 5. Item ad frontem <i>Roxolanorum</i> regionis sunt patrie, id est Sithotrogorum, item patria Campi Campanidon, nec non Getho Githorum, Sugdabon, Fanaguron, paludis Meotidon. Qui Meotida regio, vel si in hoc loco nominate est, que tamen dum satis spatiosa existit, usque ad praefatam Bosphoranam patriam pertingit. nec non iuxta regionem Meotidam est patria maxima que dicitur Dardania...</p>	<p>IV, 4. Далее, около океана [по соседству с вышеназванной страной амазонок] находится страна <i>роксолан</i>, свариков и савроматов. Через эту страну протекают, среди прочих, следующие реки: большая река, которая называется Вистула и впадает в очень полноводный океан, и река, которая называется Лутта. Об этой стране рассказывал выше упомянутый Птоломей – царь и философ. Позади страны в океане находится остров Сканза.</p> <p>IV. 5. Далее, перед областью <i>роксолан</i> находятся следующие страны: страна ситотрогов, затем страна Кампи Кампанидон, а также Гето Гиторум, Сугдабон, Фанагурон, болота Меотидон. Эта область Меотидон, коль мы ее в этом месте называем, простирается, поскольку она очень обширна, до вышеупомянутой страны Босфораны. Около той же Меотиды находится большая страна, которая называется Дарданием...</p>	
--	---	--	--

Таблица 3. Эпиграфические источники о роксоланах.

<p>Херсонесский декрет в честь Диофанта.</p>	<p>[---]ων Ζήθου εἶπαν· ἔπε[ιδὴ Διόφαντος Ἀσκλη]α[πι]οδώρου Σινωπεὺς φίλος [μὲν καὶ] [εὐεργέτας ἀμῶν] ἑὼν, πιστε[υ]όμενος δὲ κα[ὶ] τιμώμενος οὐ]θενὸς ἦσσαν ὑπὸ βασιλέος Μιθραδάτα Εὐπά- [τορος] διὰ παντὸς ἀγαθοῦ παραίτιος γίνεται [ταῖ πόλει] ἀμῶν ἐπ[ὶ] τὰ κάλλιστα καὶ ἐνδοξότατα τὸν 5[βασ]ιλέα προτρεπόμενος· παρακληθεῖς δ' ὑπ' αὐτοῦ [καὶ] τὸν ποτὶ Σκύθας πόλεμον ἀναδεξάμενος [καὶ] παραγενόμενος εἰς τὴν πόλιν ἀμῶν ἐπ' ἀνδρως παντὶ τῷ στρατοπέδῳ τὴν εἰς τὸ πέραν διάβα- [σιν] ἐποίησατο. Παλάκου δὲ τοῦ Σκυθῶν βασιλεῖος αἰφνιδίως ἐπιβαλόντος μετὰ ὄχλου πολλοῦ παρα- [τα]ξάμενος ἐν χρεῖαι τοὺς ἀνυποστάτους δοκοῦντας εἶμεν Σκύθας τρεψάμενος πρῶτον ἀπ' αὐ- [τῶν] ἐπόησε βασιλέα Μιθραδάταν Εὐπάτορα τρόπαιον ἀναστᾶσαι· τοὺς δὲ παροικοῦντας Ταύρους ὑ- 10[φ' ἐ]αυτὸν ποησάμενος καὶ πόλιν ἐπὶ τοῦ τόπου συνοικίξας εἰς τοὺς κατὰ Βόσπορον τόπους ἐχωρί- [σθη] καὶ πολλὰς καὶ μεγάλας ἐν ὀλίῳ χρόνῳ πράξεις ἐπιτελέσας πάλιν εἰς τοὺς καθ' ἀμὲ τόπους [ἐ]πέ-</p>	<p>«(...)», сын Зета, предложили: так как Диофант, сын Асклепиодора, синопеец, будучи нашим другом и благодетелем, а со стороны царя Митридата Евпатора пользуясь доверием и почетом не менее всякого другого, постоянно является виновником блага для каждого из нас, склоняя царя к прекраснейшим и славнейшим деяниям; будучи же приглашен им и приняв на себя (ведение) войны со скифами, он, прибыв в наш город, отважно совершил со всем войском переправу на ту сторону; когда же скифский царь Палак внезапно напал на него с большим полчищем, он, поневоле приняв битву, обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми, и (таким образом) сделал то, что царь Митридат Евпатор первый поставил над ними трофей; подчинив себе окрестных тавров и основав город на (том) месте, он отправился в Боспорские местности и, совершив в короткое время много важных подвигов, снова воротился в наши места и, взяв с собою граждан цветущего возраста, проник в середину Скифии. Когда же скифы сдали ему царские крепости Хабеи и Неаполь, вышло то, что почти все сделались подвластными царю Митридату Евпатору; за что благодарный народ почтил его приличными</p>	<p>Latyschev B., 1916</p>
--	--	---	---------------------------

Таблица 3. Продолжение.

<p>[στ]ρεψε καὶ παραλαβὼν τοῦς ἐν ἀκμῶι τῶν πολιτᾶν εἰς μέσαν τὰν Σκυθίαν προῆλθε. παραδόντων δὲ [αὐτ]ῶι τὰ βασίλεια Χαβαίους καὶ Νέαν πόλιν σχεδὸν πάντας ὑπακόους συνέβα γενέσθαι [βα]σιλεῖ Μιθραδάται Εὐπάτορι· ἐφ’ οἷς ὁ δᾶμος εὐχαριστῶν ἐτίμασε ταῖς καθηκούσαις αὐτὸν τιμαῖς 15[ὡ]ς ἀπολελυμένος ἤδη τᾶς τῶν βαρβάρων ἐπικρατείας· τῶν δὲ Σκυθᾶν τὰν ἔμφυτον [α]ὐτοῖς ἀθεσίαν ἐκφανῆ καταστασάντων καὶ τοῦ μὲν βασιλεῖος ἀποστάντων τὰ δὲ πρά- [γμ]ατα εἰς μεταβολὰν ἀγαγόντων, δι’ ἧς αἰτίας βασιλεῖος Μιθραδάτα Εὐπάτορος Διόφαντον [πά]λιν ἐκπέμψαντος μετὰ στρατοπέδου καίπερ τοῦ καιροῦ συγκλείοντος εἰς χειμῶνα Διό- [φ]αντος ἀναλαβὼν τοὺς ἰδίους καὶ τῶν πολιτᾶν τοὺς δυνατωτάτους ὥρμασε μὲν ἐπ’ αὐτὰ 20[τὰ β]ασίλεια τῶν Σκυθᾶν, κωλυθεὶς δὲ διὰ χειμῶνας ἐπιστρέψας ἐπὶ τὰ παραθαλάσσια Κερκινίτιν [μὲν] ἐλάβετο καὶ τὰ τείχη, τοὺς δὲ τὸν Καλὸν λιμένα κατοικοῦντας πολιορκεῖν ἐπεβάλετο. Παλά- [κο]ν δὲ συνεργεῖν τὸν καιρὸν ἑαυτῶι νομίζοντος καὶ συναγαγόντος τοὺς ἰδίους πάντας, ἔτι δὲ</p>	<p>почестями, как освобожденный уже от владычества варваров. Когда же скифы обнаружили врожденное им вероломство, отложились от царя и изменили положение дел и когда царь Митридат Евпатор по этой причине снова выслал с войском Диофанта, хотя время склонялось к зиме, Диофант со своими воинами и сильнейшими из граждан двинулся против самых крепостей скифов, но, будучи задержан непогодами и поворотив в приморские местности, овладел Керкинитидой и Стенами и приступил к осаде жителей Прекрасного порта; когда же Палак, полагая, что время ему благоприятствует, собрал всех своих и, кроме того, привлек на свою сторону народ ревоксиалов, постоянная покровительница херсонесцев Дева, и тогда содействуя Диофанту, посредством случившихся в храме знамений предзнаменовала имеющее свершиться деяние и вдохнула смелость и отвагу всему войску; когда Диофант сделал разумную диспозицию, воспоследовала для царя Митридата Евпатора победа славная и достопамятная на все времена: ибо из пехоты почти никто не спасся, а из всадников ускользнули (лишь) немногие. Не теряя (затем) ни минуты в бездействии, (Диофант), взяв войско, пойдя в начале весны на Хабеи и Неаполь со всей тяжестью (...) бежать, а</p>	
--	--	--

Таблица 3. Продолжение.

<p>[καὶ] τὸ τῶν Ῥευξιναλῶν ἔθνος συνεπισπασαμένου, ἃ διὰ παντὸς Χερσονασιτῶν προστατοῦσα</p> <p>[Πα]ρθένος, καὶ τότε συμπαροῦσα Διοφάντῳ, προεσάμανε μὲν τὴν μέλλουσαν γίνεσθαι πρᾶξιν 25[διὰ τ]ῶν ἐν τῷ ἱερῷ γενομένων σαμείων, θάρσος δὲ καὶ τόλμαν ἐνεποίησε παντὶ τῷ στρατοπέ-</p> <p>[δωι]· [Δ]ιοφάντου δὲ διαταξαμένου σωφρόνως, συνέβα τὸ νίκημα γενέσθαι βασιλεῖ Μιθ[ρ]αδά- [ται Εὐ]πάτορι καλὸν καὶ μνάμας ἄξιον εἰς πάντα τὸν χρόνον· τῶν μὲν γὰρ πεζῶν ἦτοι τις ἢ οὐ- [θεις ἐσώ]θη, τῶν δὲ ἰπέων οὐ πολλοὶ διέφυγον· οὐδένα δὲ χρόνον ἀργὸν παρῆς, παραλαβὼν [τὸ στρατόπεδον], [ἄ]κρου τοῦ ἕαρος ἐπὶ Χαβαίους καὶ Νέ[αν π]όλιν ἐλθὼν παντὶ [τῷ] βάρει Col. b</p> <p>30[---]Σ[.]Ω[...]Ι[--- ὅστε τοὺς μὲν περὶ Πάλακον] [δι]αφυγεῖν, τοὺς δὲ λοιποὺς Σκύθας περὶ τῶν καθ' ἑαυτοῦ[ς παραδοῦναι αὐ]- τῷ βουλευσασθαι· εἷς τε τοὺς κατὰ Βόσπορον τόπους χωρισθε[ί]ς καὶ [καταστα]- σάμενος καὶ τὰ ἐν<θ>ίνα καλῶς καὶ συμφερόντως βασιλεῖ Μιθραδάτι Εὐπά<τορι>, τῶν περὶ Σαύμακον Σκυθῶν νεωτεριζάντων καὶ τὸν μὲν ἐκθρέψαντα αὐτὸν <βα>- 35σιλέα Βοσπόρου Παιρισάδαν ἀνελόντων, αὐτῷ δ' ἐπιβουλεύσαντων, διαφ<υγῶν> <τὸν></p>	<p>остальных скифов совещаться о(...). Отправившись в Боспорские местности, он устроил тамощные дела прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора;</p> <p>Когда же скифы с Савмаком во главе подняли восстание и убили воспитавшего его (Савмака?) боспорского царя Перисада. а против Диофанта составили заговор, он, избежав опасности, сел на отправленный за ним гражданами корабль и, прибыв (к нам) и упросив граждан, а (также) имея ревностное содействие (со стороны) посланного его царя Митридата Евпатора, в начале весны явился с сухопутным и морским войском, а, кроме того, взял и отборных из граждан на трех судах и, отправившись из нашего города, взял Феодосию и Пантикапей, виновников восстания наказал, а Савмака, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, выслал в царство (Митридата) и (таким образом) восстановил власть царя Митридата Евпатора. Кроме того, он, содействуя отправляемым народом посольствам, во всем полезном херсонесцам, является благосклонным и ревностным.</p> <p>Итак, чтобы и народ оказался воздающим достойную благодарность своим благодетелям, да постановит совет и народ увенчать Диофанта, (сына) Асклепиодора, золотым венком в</p>	
---	--	--

Таблица 3. Продолжение.

κίνδυνον ἐπέβα μὲν ἐπὶ τὸ ἀποσταλὲν ὑπὸ τῶν πολιτῶν πλοῖον, παραγ<ενό>-
 μενος δ<ἐ> καὶ παρακαλέσας τοὺς πολίτας, συνεργὸν πρόθυμον ἔχων τὸν ἐξ<απο>-
 στέλλοντα βασιλέα Μ<ι>θραδάταν Εὐπάτορα, παρῆν ἔχων ἄκρου τοῦ ἔαρος σ<τρα>-
 τόπεδον πεζικ<ό>ν τε καὶ ναυτικὸν, παραλαβὼν δὲ καὶ τῶν πολιτῶν ἐπιλέ-
 40κτους ἐμ πληρώμασι τρισὶ ὄρμαθεις ἐκ τῆς πόλεος ἀμῶν παρέλαβ<ε>
 μὲν Θεοδοσίαν καὶ Παντικάπαιον, τοὺς δὲ αἰτίους τῆς ἐπαναστάσεο<ς>
 τιμωρησάμενος καὶ Σαύμακον τὸν αὐτόχειρα γεγονότα βασιλέος Παιρι-
 σάδα λαβὼν ὑποχείριον εἰς τὴν βασιλείαν ἐξάπέστειλε, τὰ δὲ πράγματα ἀ-
 νεκτάσατο βασιλεῖ Μιθραδάται Εὐπάτορι· ταῖς τε πρεσβείαις ταῖς ἀποστελ-
 45λομέναις ὑπὸ τοῦ δάμου συνεργῶν εἰς πᾶν τὸ συμφέ<ρ>ον Χερσονασίταις εὖ-
 νουν ἑαυτὸν καὶ φιλότιμον παρέχεται· ὅπως οὖν καὶ ὁ δᾶμος τοῖς εὐεργέταις
 ἑαυτοῦ τὰς καθηκούσας φαίνεται χάριτας ἀποδιδούς, δεδόχθαι τῆι βου-
 λῆι καὶ τῶι δάμωι στεφανῶσαι Διόφαντον Ἀσκληπιόδωρου χρυσέωι στεφά-
 νωι Παρθενεῖοις ἐν τῆι πομπῆι, τὸ ἀνάγγελμα ποιουμένων τῶν συμμαμόνων

праздник Парфений во время процессии, причём симмнамоны сделают (следующее) провозглашение: «Народ увенчивает Диофанта, сына Асклепиодора, синопейца, за его доблесть и благосклонность к себе»; поставить также его медную статую в полном вооружении на акрополе подле алтарей Девы и Херсонаса. Об этом позаботиться вышеозначенным должностным лицам, чтобы было сделано как можно скорее и лучше; начертать же и постановление на пьедестале статуи, а потребные на это издержки выдать казначеям священных сумм. Так постановил совет и народ месяца Дионисия, девятнадцатого (дня) при царе Агеле, сыне Лагорина, при председателе эсимнетов Минии, сыне Гераклия, при секретаре Дамасикле, сыне Афинейя».

Таблица 3. Продолжение.

	<p>50ὁ δᾶμος στεφανοῖ Διόφαντον Ἀσκλαπιοδώρου Σινοπέα ἀρετᾶς ἕνεκα καὶ εὐνο<ί>- ας τᾶς εἰς αὐτὸν· σταθῆμεν δὲ αὐτοῦ καὶ εἰκόνα χαλκέαν ἔνοπλον ἐν τᾷ ἀκροπό- λε<ι> παρὰ τὸν τᾶς Παρθένου βωμὸν καὶ τὸν τᾶς Χερσονάσου, περὶ δὲ τούτων ἐπιμε- λὲ<ς> γενέσθαι τοῖς ἐπιγεγραμμένοις ἄρχουσι, ὅπως ὅτι τάχιστα καὶ κάλλιστα γένηται· ἀναγράψαι δὲ καὶ τὸ ψάφισμα εἰς τὰν βάσιν τοῦ ἀνδριάντος, τὸ δὲ εἰς 55ταῦτα γενόμενον ἀνάλωμα δόμεν τοὺς ταμίας τῶν ἱερῶν· ταῦτα ἔδοξε βουλᾶ<ι> καὶ δάμωι μηνὸς Διονυσίου ἔννεακαιδεκάται, βασιλεύοντος Ἀγέλα τοῦ Λ<α>- γορίνου, προαισυμνῶντος Μήνιος τοῦ Ἡρακλείου, γραμματεύοντος Δαμ<ασι>- <κλ>εῖος τοῦ Ἀθαναίου</p>		
<p>Элогий в честь Плавтия Сильвана.</p>	<p>CIL., XIV, 3608 Ti(berio) Plautio M(arci) f(ilio) Ani(ensi) Silvano Aeliano pontif(ici) sodali Aug(ustali) IIIvir(o) a(ere) a(rgento) a(uro) f(lando) f(eriundo) q(uaestori) Ti(beri) Caesaris leg(ato) leg(ionis) V in Germania pr(aetori) urb(ano) legat(o) et comiti Claud(i) Caesaris in Britannia consuli proco(n)s(uli) Asiae legat(o) pro praet(ore) Moesiae in qua plura quam centum mill(ia) ex nu- mero Transdanuvianor(um) ad praestanda tributa cum coniugib(us) ac liberis et principibus aut</p>	<p>CIL., XIV, 3608 Тиберию Плавтию, Марка сыну, из Аниенской трибы, Сильвану Элиану, понтифику, члену коллегии жрецов Августа, триумвиру по литью и чеканке меди, серебра и золота, квестору Ти- берия Кесаря, легату V легиона в Германии, претору городскому, легату и комиту Клавдия Кесаря в Британнии, консулу, проконсулу Азии, легату за претора Мёзии, в которой он пе- ревел на этот берег более, чем сто тысяч из числа трансданувианов для уплаты налогов с</p>	<p>Виноградов Ю.Г., 1994</p>

Таблица 3. Продолжение.

	regibus suis transduxit motum orientem Sarmatar(um) compressit quamvis parte(m) magna(m) exercitus ad expeditionem in Armeniam misisset ignotos ante aut infensos p(opulo) R(omano) reges signa Romana adoraturos in ripam quam tuebatur perduxit regibus Bastarnarum et <i>Rhoxolanorum</i> filios Dacorum fratrum captos aut hostibus ereptos remisit ab aliquis eorum opsidem accepit per quem pacem provinciae et confirmavit et protulit Scytharum quoque rege{m} a Cherronensi quae est ultra Borustenen opsidione summoto	женами и детьми и с их предводителями или царями; подавил начинающееся движение сарматов, хотя большую часть войска послал в экспедицию в Армению, неизвестных раньше или враждебных римскому народу царей он привел к берегу, который он защищал, чтобы они почтили римские значки; царям бастарнов и <i>роксолан</i> сыновей, царю даков - брата, пленных или вырванных у врагов он возвратил; от некоторых из них взял заложников; этим мир провинции укрепил и расширил; причем царь скифов был отогнан от осаждавшегося им Херсонеса, что за Борустином.	
Надгробные надписи из г. Полы.	CIL. V. 32 Publio Aelio Rasparagano regi <i>Roxolanorum</i> vivus vivo fecit.	CIL. V. 32 Публию Элию Распарагану, царю <i>роксолан</i> , при его жизни сделал [надпись].	Перевалов С.М., 2011
	CIL. V. 33 Publius Aelius Peregrinus, regis Sarmatarum Rasparagani filius, vivus fecit sibi et Attiae Qinti filiae Procillae, liberties libertabusque posterisque eorum.	CIL. V. 33 Публий Элий Перегрин, сын царя сарматов Распарагана, при своей жизни, сделал себе и Аттии Квинте, дочери Проциллы.	Перевалов С.М., 2011

Таблица 4. Хронология основных событий истории роксолан

Дата	Историческое событие
II в. до н. э.	появление роксолан в Восточной Европе.
110 г. до н. э.	участие роксолан в войне скифов против Диофанта в Крыму (Диофантовы войны).
60-64 гг. н. э.	совместный военный поход роксолан с бастарнами и римскими войсками против сарматов (аланов?).
68-70 гг. н. э.	вторжения роксоланских катафрактариев в римскую провинцию Мёзия.
первая четверть II в. н. э.	деятельность роксоланского царя Распарагана.
117-118 гг. н. э.	вторжение роксолан в пределы римской провинции Мёзия; возобновление денежных выплат римлянами роксоланам.
180 г. н. э.	язиги по окончании Маркоманских войн получили право восстановить союзнические отношения с роксоланами.
260 г. н. э.	последнее достоверное датированное упоминание роксолан в письменной традиции. Роксоланы помогли Римской империи подавить восстание Регалиана в Мёзии.
274 г. н. э.	триумф Аврелиана, в котором по Риму были проведены пленные роксоланы.

Таблица 5. Сарматские погребения II – I вв. до н. э. с северной ориентировкой умершего:

№ п/п ¹	Населенный пункт	Курган, погребение	Источник информации:
1	Левашовка Аннинский р-н Воронежская обл. РФ	к. 1 п. 1	Корнюшин Г.И. Курган у с. Левашовка // МИА. 1969. № 151. Медведев А.П. Сарматы и лесостепь. Воронеж, 1990.
2	Сасовка Репьевский р-н Воронежская обл. РФ	к. 8 п. 2	Синюк А.Т. Сасовские курганы на р. Потудани // Синюк А.Т. Избранные труды / А.Т. Синюк, ответ. ред. И.В. Федюнин. – Воронеж: ВГПУ, 2015. Медведев А.П. Сарматы и лесостепь. Воронеж, 1990.
3	Сасовка Репьевский р-н Воронежская обл. РФ	к. 8 п. 3	Синюк А.Т. Сасовские курганы на р. Потудани // Синюк А.Т. Избранные труды / А.Т. Синюк, ответ. ред. И.В. Федюнин. – Воронеж: ВГПУ, 2015. Медведев А.П. Сарматы и лесостепь. Воронеж, 1990.
4	Монастырка Аннинский р-н Воронежская обл. РФ	п. 1	Синюк А.Т. Отчет о раскопках стоянки Монастырской 1 в 1982 г. // Архив музея археологии ВГПИ. № 116. Медведев А.П. Сарматы и лесостепь. Воронеж, 1990.
5	Белогорье Павловский р-н Воронежская обл. РФ	п. 1	Березуцкий В.Д., Кравец В.В., Кравец А.В. Раннесарматское погребение с мегарской чашей на Среднем Дону // Вестник ВГУ. Серия История. Политология. Социология. 2016. № 2.
6	Короли Фроловский р-н Волгоградская обл. РФ	к. 4 п. 1	Мамонтов В.И. Курганный могильник «Короли» // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001.
7	Сидоры Михайловский р-н Волгоградская обл. РФ	к. 37 п. 4	Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской археологической экспедиции в Михайловском, Калачевском и Кумылженском районах Волгоградской области в 1972 г. // Архив ИА РАН. Ф.1. 1973. Р-1. № 4905.
8	Лебяжье (ст. – Камышинский уезд Саратовской губернии)	к. 1 п. с	Гущина И.И., Фирсов К.Б. Курганы у деревни Машевки, колонии Норка и станции Лебяжье в Балашовском и Камышинском уездах бывшей Саратовской губернии (По материалам раскопок А.А. Спицына в 1895 г.) // НАВ. Вып. 3. Волгоград, 2000.
9	Лебяжье (ст. – Камышинский уезд Саратовской губернии)	к. 1 п. d	Гущина И.И., Фирсов К.Б. Курганы у деревни Машевки, колонии Норка и станции Лебяжье в Балашовском и Камышинском уездах бывшей Саратовской губернии (По материалам раскопок А.А. Спицына в 1895 г.) // НАВ. Вып. 3. Волгоград, 2000.
10	Барановка Камышинский р-н Волгоградская обл. РФ	гр. I, к. 10 п. 1	Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.
11	Барановка Камышинский р-н Волгоградская обл. РФ	гр. I, к. 10 п. 9	Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.
12	Писаревка Иловлинский р-н Волгоградская обл. РФ	гр. II, к. 6 п. 1 п. 2.	Мамонтов В.И. Сарматские погребения из курганного могильника Писаревка II // НАВ. Вып. 5. Волгоград, 2002.
13	Авиловский (с. Авилowo) Иловлинский р-н Волгоградская обл. РФ	гр. II, к. 32 п. 9	Сергацков И.В., Шинкарь О.А. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // НАВ. 2003. Вып. 6.
14	Авиловский (с. Авилowo) Иловлинский р-н Волгоградская обл. РФ	гр. II, к. 34 п. 1	Сергацков И.В., Шинкарь О.А. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // НАВ. 2003. Вып. 6.

¹ нумерация памятников соответствует нумерации на картах и в последующих таблицах.

Таблица 5. Продолжение.

15	Авиловский (с. Авилowo) Иловлинский р-н Волгоградская обл. РФ	гр. II, к. 34 п. 8	Сергацков И.В., Шинкарь О.А. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // НАВ. 2003. Вып. 6.
16	Тары Иловлинский р-н Волгоградская обл. РФ	гр. II, к. 2 п. 2	Сергацков И.В., Шинкарь О.А. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // НАВ. 2003. Вып. 6.
17	Тары Иловлинский р-н Волгоградская обл. РФ	гр. II, к. 10 п. 3	Сергацков И.В., Шинкарь О.А. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // НАВ. 2003. Вып. 6.
18	Тары Иловлинский р-н Волгоградская обл. РФ	гр. II, к. 10 п. 8	Сергацков И.В., Шинкарь О.А. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // НАВ. 2003. Вып. 6.
19	Попов Романовский р-н Ростовская обл. РФ	к. 30/6 п. 2	Столяр А.Д. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950-1951 гг // МИА. 1958. № 62.
20	Попов Романовский р-н Ростовская обл. РФ	к. 30/6 п. 5	Столяр А.Д. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950-1951 гг // МИА. 1958. № 62.
21	Попов Романовский р-н Ростовская обл. РФ	к. 30/6 п. 12	Столяр А.Д. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950-1951 гг // МИА. 1958. № 62.
22	Холодный Волгодонской р-н Ростовская обл. РФ	к. 1 п. 3	Глебов В.П., Парусимов И.Н. Раннесарматские погребения из кургана у хут. Холодный // НАВ. 2003. Вып. 6.
23	Донской Волгодонской р-н Ростовская обл. РФ	к. 1 п. 21	Ильюков Л.С. Курган с погребениями раннесарматского времени // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2001.
24	Донской Волгодонской р-н Ростовская обл. РФ	к. 1 п. 31	Ильюков Л.С. Курган с погребениями раннесарматского времени // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2001.
25	«Матюхин бугор», о. Поречный Усть-Донецкий р-н Ростовская обл. РФ	п. 1	Глебов В.П., Смоляк А.Р. Раннесарматское погребение с о. Поречный // Донская археология. 1998. № 1.
26	мог. Новопапестинский II, Новая Палестина, Песчанокопский р-н Ростовская обл. РФ	гр. II, к. 1 п. 2	Глебов В.П. Ранние сарматы южных районов Ростовской области: культурно-этническая принадлежность и контакты // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000.
27	пос. Донской г. Новочеркасск, Ростовская область (Новочеркасская ГРЭС) РФ	к. 2 п. 7	Максименко В.Е. Сарматы на Дону. Ростов-на-Дону, 1998.
28	Балабинский Семикаракорский р-н Ростовская обл. РФ	гр. I, к. 35 п. 2	Смирнов Ю.А. Отчет о работах Багаевского отряда Донской экспедиции в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 7317/а-г.
29	Алитуб Аксайский р-н Ростовская обл. РФ	к. 3 п. 20	Захаров А.В. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их соседи на Дону. Вып. I. Ростов-на-Дону, 2000.
30	Арпачин Багаевский р-н Ростовская обл. РФ	к. 40 п. 10	Раев Б.А. Отчет кафедры археологии ЛГУ о раскопках курганов в Ростовской области в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 5592/а-б. Раев Б.А. Сарматское погребение из кургана у хутора Арпачин // СА. 1979. № 1.
31	Высочино Азовский р-н Ростовская обл. РФ	гр. V, к. 24 п. 5	Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. курганный могильник у с. Высочино. Т. 1. Ростов-на-Дону, 2008.
32	группа Радутка Койсугского могильника Азовский р-н Ростовская обл. РФ	к. 2 п. 18	Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983.
33	Койсуг Азовский р-н Ростовская обл. РФ	к. 7 п. 25	Максименко В.Е. Сарматы на Дону. Ростов-на-Дону, 1998.
34	Ливенцовский VII, юго-западная окраина г. Ростов-на-Дону, Ростовская обл. РФ	гр. VII, к. 31 п. 1	Ильюков Л.С. Отчет об исследовании курганного могильника Ливенцовский VII в 1995 г. // Л.С. Ильюков, 1996. Архив ИА РАН. Р-1 № 19660.

Таблица 5. Продолжение.

35	Ливенцовский VII, юго-западная окраина г. Ростов-на-Дону, Ростовская обл. РФ	гр. VII, к. 17 п. 1	Ларенок П.А. Отчет: Охранные археологические исследования курганного могильника «Ливенцовский 7» в северо-западной промышленной зоне города Ростов-на-Дону. 2007
36	Ливенцовский VII, юго-западная окраина г. Ростов-на-Дону, Ростовская обл. РФ	гр. VII, к. 22 п. 6	Ильюков Л.С. Сарматские погребения из кургана 22 Ливенцовского VII могильника // НАВ. 2003. Вып. 6.
37	Ливенцовский VII, юго-западная окраина г. Ростов-на-Дону, Ростовская обл. РФ	гр. VII, к. 22 п. 7	Ильюков Л.С. Сарматские погребения из кургана 22 Ливенцовского VII могильника // НАВ. 2003. Вып. 6.
38	Аюта, Привольный Октябрьский р-н Ростовская обл. РФ	гр. I, к. 1 п. 3	Глебов В.П. Раннесарматское погребение из могильника Аюта I. О времени бытования воинских фибул у сарматов Волго-Донского региона // ИАИАИАНД в 2006 г. Вып. 23. Азов, 2008.
39	Сторожевой курган Октябрьский р-н Ростовская обл. РФ	п. 3	Романовская М.В. Сторожевой курган // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа. М., 1986 г.
40	Северо-Западный I, окраина г. Ростов-на-Дону, Ростовская обл. РФ	гр. I, к. 1 п. 7	Власкин М.В. Раннесарматские погребения могильника Северо-Западный I / Сарматы и их соседи на Дону. Вып. I. Ростов-на-Дону, 2000.
41	Валовый, с. Чалтырь Мясниковский р-н Ростовская обл. РФ	к. 40 п. 3	Захаров А.В. Погребение раннесарматского времени с бронзовой фибулой из Правобережного Подонья // ИАИАИАНД в 1988 г. Азов, 1989.
42	Ставки Краснолиманский р-н Донецкая обл. Украина	к. 27 п. 3	Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
43	Александровск Луганская обл. Украина	к. 7 п. 2	Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
44	Александровск Луганская обл. Украина	к. 10 п. 2	Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
45	Новолуганское Артемовский р-н Донецкая обл. Украина	к. 1 п. 1	Шаповалов Т.О. Сарматські поховання поблизу с. Новолуганське // Археологія. 1973. Вип. 8.
46	Никитин Неклиновский р-н Ростовская обл. РФ	гр. I, к. 3 п. 5	Глебов В.П. Погребение с фибулой среднелатенской схемы из Северо-Восточного Приазовья // ИАИАИАНД в 2002 г. Вып. 19. Азов, 2008.
47	Хорол Полтавская обл. Украина	-/-	Симоненко О. В. Роксолани (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. 1991. № 4.
48	Подгородное Днепровский р-н Днепропетровская обл. Украина	к. 3 п. 8	Костенко В.И. Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары // СА. 1979. № 4; Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
49	Соколово (Червона могила) Магдалиновский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. II, к. 1 п. 1	Костенко В.И. Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары // СА. 1979. № 4; Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
50	Пролетарское Магдалиновский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. XXX, к. 11 п. 1	Костенко В.И. Сарматские погребения Приорелья // Древности степного Поднепровья в III – I тыс. до н.э. Днепропетровск, 1983.
51	Преображенка Павлоградский р-н Днепропетровская обл. Украина	к. 2 п. 5	Симоненко О. В. Роксолани (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. 1991. № 4.
52	Жемчужное Павлоградский р-н Днепропетровская обл. Украина	к. 2 п. 3	Симоненко О. В. Роксолани (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. 1991. № 4.
53	Богдановка Павлоградский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. IV, к. 3 п. 3	Марина З.П., Ромашко В.А., Северин А.Б. Курганы эпохи бронзы у с. Богдановка в Присамарье // Проблемы археологии Поднепровья. 1995.
54	Балки Васильевский р-н Запорожская обл. Украина	к. 26 п. 2	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.

Таблица 5. Продолжение.

55	Виноградное Большевикский р-н Запорожская обл. Украина	к. 31 п. 1	Симоненко О. В. Роксолани (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. 1991. № 4.
56	Замочное Большевикский р-н, Запорожская обл. Украина	к. 13 п. 1	Симоненко О. В. Роксолани (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. 1991. № 4.
57	Большая Белозерка, Каменко-Днепровский р-н Запорожская обл. Украина	к. 1 п. 2	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
58	Бабино Верхнерогаичский р-н Херсонская обл. Украина	п. 4	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
59	Каиры Горностаевский р-н Херсонская обл. Украина	гр. II, к. 1 п. 23	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
60	Васильевка Каховский р-н Херсонская обл. Украина	к. 1 п. 4	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
61	Привольное Каховский р-н Херсонской обл. Украина	Гр. II, к. 1 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
62	Чеховка Нижнесергозский р-н Херсонская обл. Украина	к. 2 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
63	Акимовка Акимовский р-н Запорожская обл. Украина	к. 1 п. 2	Болтрик Ю.В., Кропотов В.В. Раннесарматские погребения у пгт. Акимовка Запорожской области // РА. 2015. № 3.
64	Акимовка Акимовский р-н Запорожская обл. Украина	к. 13 п. 5	Болтрик Ю.В., Кропотов В.В. Раннесарматские погребения у пгт. Акимовка Запорожской области // РА. 2015. № 3.
65	Громовка Новотроицкий р-н Херсонская обл. Украина	к. 1 п. 19	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
66	Громовка Новотроицкий р-н Херсонская обл. Украина	к. 2 п. 2	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
67	Сергеевка Новотроицкий р-н Херсонская обл. Украина	к. 4 п. 17	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
68	Каланчак, р.ц., Херсонская обл. Украина	к. 10	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
69	Брилевка Цюрупинский р-н Херсонская обл. Украина	к. 16 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
70	Владимировка Скадовский р-н Херсонская обл. Украина	к. 1 п. 8	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
71	Садово Голопристанский р-н Херсонская обл. Украина	гр. II, к. 2 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
72	Черноморское Голопристанский р-н Херсонская обл. Украина	к. 1 п. 5	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
73	Львово Бериславский р-н Херсонская обл. Украина	к. 1 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
74	Львово Бериславский р-н Херсонская обл. Украина	к. 6 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
75	Грушевка Апостоловский р-н Днепропетровская обл. Украина	к. 5 п. 1	Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
76	Марьянское Апостоловский р-н Днепропетровская обл. Украина	к. 5 п. 6	Березовець Д.Т., Покровська С.Ф., Фурманська А.І. Кургани епохи бронзи поблизу с. Мар'янского // АП УРСР. 1960. Т. IX.
77	Ишунь Краснопереконский р-н Республика Крым, РФ	к. 22 п. 2	Кропотов В.В. Сарматские погребальные памятники степного Крыма // НАВ. 2016. Т. 15 (№1).
78	Чкалово Нижнегорский р-н Республика Крым РФ	к. 1 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
79	Чкалово Нижнегорский р-н Республика Крым РФ	к. 1 п. 2	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.

Таблица 5. Продолжение.

80	Ногайчинский курган, с. Червонное Сакский р-н Республика Крым РФ	к. 5 п. 18	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993; Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. 2003. № 3.
81	Астанино Ленинский р-н Республика Крым РФ	к. 3 п. 1	Кропотов В.В. Сарматские погребения близ с. Астанино в Восточном Крыму // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. Ист. 2015. № 2 (32).
82	Астанино Ленинский р-н Республика Крым РФ	к. 23 п. 1	Кропотов В.В. Сарматские погребения близ с. Астанино в Восточном Крыму // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. Ист. 2015. № 2 (32).
83	Источное Джанкойский р-н Республика Крым РФ	к. 1 п. 2	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
84	Яркое Поле Кировский р-он Республика Крым, РФ	к. 1 п. 5	Кропотов В.В. Сарматские погребальные памятники степного Крыма // НАВ. 2016. Т. 15 (№1).

Таблица 6. Сарматские погребения I – первой половины II вв. н. э. с северной ориентировкой умершего в Северном Причерноморье:

№ п/п	Населенный пункт	Курган, погребение	Источник информации:
1	Авиловский (с. АвилOVO) Иловлинский р-н Волгоградская обл. РФ	гр. II, к. 18 п. 1	Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.
2	Авиловский (с. АвилOVO) Иловлинский р-н Волгоградская обл. РФ	гр. II, к. 19 п. 1	Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.
3	Шишовка Бобровский р-н Воронежская обл. РФ	к. 4 п. 2	Матвеев Ю.П. Отчет кафедры археологии и идм Воронежского госуниверситета о раскопках курганного могильника «Шишовка» Бобровского района Воронежской области за 1978 г. // НА АМВУ. № 183.
4	Сасовка Репьевский р-н Воронежская обл. РФ	к. 1 п. 3	Синюк А.Т. Сасовские курганы на р. Потудани // Синюк А.Т. Избранные труды. Воронеж, 2015.
5	Сасовка Репьевский р-н Воронежская обл. РФ	к. 1 п. 4	Синюк А.Т. Сасовские курганы на р. Потудани // Синюк А.Т. Избранные труды. Воронеж, 2015.
6	Сасовка Репьевский р-н Воронежская обл. РФ	к. 3 п. 2	Синюк А.Т. Сасовские курганы на р. Потудани // Синюк А.Т. Избранные труды. Воронеж, 2015.
7	Сасовка Репьевский р-н Воронежская обл. РФ	к. 6 п. 1	Синюк А.Т. Сасовские курганы на р. Потудани // Синюк А.Т. Избранные труды. Воронеж, 2015.
8	Верхний Карабут Подгоренский р-н Воронежская обл. РФ	п. 1	Погорелов В.И. Отчет к открытому листу № 48 об археологических исследованиях Толучеевского отряда в 1983 г. // Архив музея археологии ВГПИ.
9	Караяшник Ольховатский р-н Воронежская обл.	к. 13 п. 4	Медведев А.П. Сарматы и лесостепь. Воронеж, 1990.
10	Грушеваха Барвенковский р-н Харьковская обл. Украина	п. 1	Костенко В.И. Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
11	Славянск Донецкая обл. Украина	к. 28 п. 2	Костенко В.И. Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
12	Славянск Донецкая обл. Украина	к. 28 п. 4	Костенко В.И. Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
13	Славянск Донецкая обл. Украина	к. 28 п. 5	Костенко В.И. Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
14	Славянск Донецкая обл. Украина	к. 28 п. 6	Костенко В.И. Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
15	Октябрьское Добропольский р-н Донецкая обл. Украина	к. 4 п. 9	Санжаров С.Н., Бровендер Ю.М., Прокопенко Е.А. Исследование курганов 4 и 5 у с. Октябрьское // Древности Северского Донца. Луганск, 1992.
16	Чугуно-Крепинка Шахтерский р-н Донецкая обл. Украина	к. 2 п. 1	Санжаров С.Н. Раскопки курганов в Донбассе. // Археологические открытия 1984 г. М., 1986.
17	Конские раздоры Пологовский р-н Запорожская обл. Украина	к. 3 п. 1	Плешивенко А.Г. Курганный могильник у с. Конские раздоры // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып. V. Запорожье, 1995.
18	Днепрозаводстрой, на территории строительства Днепрогэса, г. Запорожье, Запорожская область, Украина	к. 26 п. 6	Симоненко А.В. Могильник Днепрозаводстрой и сарматские памятники восточной волны» в Северном Причерноморье // НАВ. Вып. 3. 2000.
19	Орлянка Васильевский р-н Запорожская обл. Украина	к. 4 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
20	Орлянка Васильевский р-н Запорожская обл. Украина	к. 4 п. 3	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.

Таблица 6. Продолжение.

21	Балки Васильевский р-н Запорожская обл. Украина	гр. III, к. 1 п. 4	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
22	Балки Васильевский р-н Запорожская обл. Украина	к. 18 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
23	Ильинка Каменско-Днепровский р-н Запорожская обл. Украина	к. 1 п. 2	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
24	Великая Знаменка Каменско-Днепровский р-н Запорожская обл. Украина	к. 7 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
25	Большая (Великая) Белозерка Каменско-Днепровский р-н Запорожская обл. Украина	к. 21 п. 4	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
26	Юрьевка Акимовский р-н Запорожская обл. Украина	к. 1 п. 4	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
27	Волчанск Акимовский р-н Запорожская обл. Украина	к. 5 п. 16	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
28	Волчанск Акимовский р-н Запорожская обл. Украина	к. 7 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
29	Волчий Акимовский р-н Запорожская обл. Украина	к. 2 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
30	Атманай Акимовский р-н Запорожская обл. Украина	к. 3 п. 35	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
31	Новое Акимовский р-н Запорожская обл. Украина	к. 3 п. 3	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
32	Новогригорьевка Генический р-н Херсонская обл. Украина	к. 1 п. 9	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
33	Новогригорьевка Генический р-н Херсонская обл. Украина	к. 1 п. 17	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
34	Первомаевка Верхнерогачикский р-н Херсонская обл. Украина	к. 2 п. 8а	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
35	Осокоровка Нововоронцовский р-н Херсонская обл. Украина	к. 4 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
36	Водославка Новотроицкий р-н Херсонская обл. Украина	к. 8 п. 3	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
37	Калиновка Новотроицкий р-н Херсонская обл. Украина	к. 1 п. 9	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
38	Сергеевка Новотроицкий р-н Херсонская обл. Украина	к. 4 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
39	Громовка Новотроицкий р-н Херсонская обл. Украина	к. 1 п. 3	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
40	Метрополь Новотроицкий р-н Херсонская обл. Украина	к. 8 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
41	Подовое Новотроицкий р-н Херсонская обл. Украина	к. 6 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
42	Софиевка Каховский р-н Херсонская обл. Украина	к. 18 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
43	Софиевка Каховский р-н Херсонская обл. Украина	к. 25 п. 2	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
44	Софиевка Каховский р-н Херсонская обл. Украина	к. 40 п. 24	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
45	Архангельская Слобода Каховский р-н Херсонская обл. Украина	к. 4 п. 8	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
46	Архангельская Слобода Каховский р-н Херсонская обл. Украина	к. 7 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.

Таблица 6. Продолжение.

47	Семеновка Каховский р-н Херсонская обл. Украина	гр. II, к. 1 п. 5	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
48	Богдановка Каховский р-н Херсонская обл. Украина	к. 2 п. 2	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
49	Новокаменка Каховский р-н Херсонская обл. Украина	к. 3 п. 4	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
50	Красный Перекоп Каховский р-н Херсонская обл. Украина	гр. PI-I, к. 1 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
51	Павловка Чаплинский р-н Херсонская обл. Украина	к. 1 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
52	Каирка Чаплинский р-н Херсонская обл. Украина	к. 6 п. 3	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
53	Каирка Чаплинский р-н Херсонская обл. Украина	к. 1 п. 2	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
54	Каирка Чаплинский р-н Херсонская обл. Украина	к. 1 п. 3	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
55	Каирка Чаплинский р-н Херсонская обл. Украина	к. 1 п. 6	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
56	Каирка Чаплинский р-н Херсонская обл. Украина	к. 1 п. 18	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
57	Балтазаровка Чаплинский р-н Херсонская обл. Украина	к. 3 п. 2	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
58	Каланчак Каланчакский р-н Херсонская обл. Украина	к. 3 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
59	Скадовск Скадовский р-н Херсонская обл. Украина	к. 7 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
60	Скадовск Скадовский р-н Херсонская обл. Украина	к. 7 п. 2	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
61	Скадовск Скадовский р-н Херсонская обл. Украина	к. 1 п. 11	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
62	Красное Скадовский р-н Херсонская обл. Украина	к. 6 п. 10	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
63	Новочерноморье Голопристанский р-н Херсонская обл. Украина	к. 2 п. 126	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
64	Бехтери Голопристанский р-н Херсонская обл. Украина	к. 5 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
65	Садовое Голопристанский р-н Херсонская обл. Украина	гр. II, к. 2 п. 11	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
66	Черноморское Голопристанский р-н Херсонская обл. Украина	к. 2 п. 4	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
67	Черноморское Голопристанский р-н Херсонская обл. Украина	к. 1 п. 7	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
68	Вольная Дружина Голопристанский р-н Херсонская обл. Украина	к. 5 п. 9	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
69	Широкая Балка Белозерский р-н Херсонская обл. Украина	к. 3 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
70	Владимировка Черноморский р-он Республика Крым РФ	к. 2 п. 21	Кропотов В.В. Сарматские погребальные памятники степного Крыма // НАВ. 2016. Т. 15 (№1).
71	Кропоткино Раздольненский р-он Республика Крым РФ	к. 5 п. 2	Кропотов В.В. Сарматские погребальные памятники степного Крыма // НАВ. 2016. Т. 15 (№1).
72	Портовое Раздольненский р-он Республика Крым РФ	к. 2 п. 7	Кропотов В.В. Сарматские погребальные памятники степного Крыма // НАВ. 2016. Т. 15 (№1).
73	Рисовое Красноперекоский р-он Республика Крым РФ	к. 5 п. 61	Кропотов В.В. Сарматские погребальные памятники степного Крыма // НАВ. 2016. Т. 15 (№1).

Таблица 6. Продолжение.

74	Красноперекоск Красноперекоский р-он Республика Крым РФ	к. 15 п. 3	Кропотов В.В. Сарматские погребальные памятники степного Крыма // НАВ. 2016. Т. 15 (№1).
75	Заливное Нижнегорский р-он Республика Крым РФ	к. 1931 г., в.п.	Кропотов В.В. Сарматские погребальные памятники степного Крыма // НАВ. 2016. Т. 15 (№1).
76	Дальние Камыши исчезнувшее село городского округа Феодосия Республика Крым РФ	к. 3 п. 1	Кропотов В.В. Сарматские погребальные памятники степного Крыма // НАВ. 2016. Т. 15 (№1).
77	Чкалово Нижнегорский р-н Республика Крым РФ	к. 3 п. 7	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
78	Советский Советский р-н Республика Крым РФ	к. 1 п. 8	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
79	Кировское Кировский р-н Республика Крым РФ	к. 1 п. 1	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
80	Ильичево Ленинский р-н. Республика Крым РФ	к. 1 п. 3	Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
81	Хмельницкий Никопольский р-н Днепропетровская обл. Украина	к. 4 п. 8	Костюченко І. П. Могильник епохи бронзи поблизу хут. Хмельницького // АП УРСР. Т. ІХ. Киев, 1960. С. 88–101.
82	Николаевка Петропавловский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. I, к. 3 п. 1	Маріна З.П., Ромашко В.А. Кургани доби бронзи біля с. Миколаївка на р. Самарі // Проблеми археології Подніпров'я. Вип. 2. Дніпропетровськ, 1999.
83	Олефировка Петропавловский р-н Днепропетровская обл. Украина	к. 1 п. 9	Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010.
84	Булаховка Павлоградский р-н Днепропетровская обл. Украина	к. 2 п. 4	Костенко В.И. Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ // Курганные древности Степного Поднепровья III-I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1977.
85	Соколово Новомосковский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. I, к. 19 п. 1	Костенко В.И. Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
86	Соколово Новомосковский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. V, к.1 п.3	Костенко В.И. Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
87	Спасское Новомосковский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. XI к. 3 п. 7	Костенко В.И. Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ // Курганные древности Степного Поднепровья III-I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1977.
88	Пролетарское Магдалиновский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. XXX, к. 1 п. 9	Костенко В.И. Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986
89	Пролетарское Магдалиновский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. XXX, к. 3 п. 5	Костенко В.И. Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986
90	Лычково Магдалиновский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. II, к. 2 п. 3	Костенко В.И. Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
91	Лычково Магдалиновский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. III, к. 1 п. 1	Костенко В.И. Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
92	Лычково Магдалиновский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. III, к. 5 п. 2	Костенко В.И. Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
93	Лычково Магдалиновский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. XXVIII, к. 1 п. 10	Костенко В.И. Сарматские погребения Приорелья // Древности степного Поднепровья III-I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1983.

Таблица 6. Продолжение.

94	Колпаковка Магдалиновский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. XXVI, к. 2 п. 3	Костенко В.И. Сарматы Самаро-орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
95	Колпаковка Магдалиновский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. II, к. 1 п. 1	Костенко В.И. Сарматы Самаро-орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
96	Колпаковка Магдалиновский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. III, к. 4 п. 3	Костенко В.И. Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
97	Заплавка Магдалиновский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. I, к. 5 п. 1	Костенко В.И. Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
98	Заплавка Магдалиновский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. XXXI, к. 3 п. 5	Костенко В.И. Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
99	Мусянково Магдалиновский р-н Днепропетровская обл. Украина.	гр. XX, к. 3 п. 4	Костенко В.И. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н.э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
100	Гупаловка Магдалиновский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. XIII, к. 3 п. 3	Костенко В.И. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н.э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
101	Михайловка Царичанский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. XVI, к. 1 п. 1	Костенко В.И. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н.э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
102	Юрьевка Царичанский р-н Днепропетровская обл. Украина	к. 1 п. 1	Костенко В.И. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н.э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
103	Могилев Царичанский р-н Днепропетровская обл. Украина	к. 2 п. 3	Костенко В.И. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н.э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
104	Прядовка Царичанский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. VII, к. 4 п. 5	Костенко В.И. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н.э. – IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
105	Волошине Горишнеплавненский гор.совет Полтавская обл. Украина	гр. III, к. 5 п. 1	Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Кургани поблизу с. Волошиного у пониззі Псла (група курганів III) // Археологічний літопис Лівобережної України. 2004. № 1-2.
106	Краснополка Кагарлыкский р-н Киевская обл. Украина	к. 424 п. 2	Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 2011.
107	Липовец Кагарлыкский р-н Киевская обл. Украина	разр. погр.	Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 2011.
108	Запрудье Ракитнянский р-н Киевская обл. Украина	разр. кург.	Романюк Л.М., Симоненко О.М. Сарматський комплекс із с. Запруддя на Середній Наддніпрянщині // Археологія. – 2001. – № 1.
109	Смела Смелянский р-н Черкасская обл. Украина	к. ССXXIV	Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. II. СПб, 1894.
110	Баштечки Жашковский р-н Черкасская обл. Украина	к. 19 п. 3	Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 2011.
111	Баштечки Жашковский р-н Черкасская обл. Украина	к. 19 п. 5	Артеменко И. И., Левченко Б. М. Сарматское погребение у с. Баштечки Черкасской области // СА. 1983. № 2. С. 144–151.
112	Колодистое Тальновский р-н Черкасская обл. Украина	к. 2 п. 1	Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 2011.
113	Журавка Новомиргородский р-н Кировоградская обл. Украина	к. 406 п. 1	Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 2011.
114	Владимировка Новоархангельский р-н Кировоградская обл. Украина	к. 7 п. 1	Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 2011; Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010.
115	Новогригорьевка Вознесенский р-н Николаевская обл. Украина	к. 2 п. 13	Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 2011.

Таблица 6. Продолжение.

116	Могильное Гайворонский р-н Кировоградская обл. Украина	разр. погр.	Сымонович Э.А. Погребение I–II вв. н. э. в с. Могильно в Подолии // КСИА АН СССР. Вып. 107. М., 1966. С. 114–116.
117	Актово Вознесенский р-н Николаевская обл. Украина	к. 1 п. 10	Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 2011.
118	Актово Вознесенский р-н Николаевская обл. Украина	к. 7 п. 2	Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 2011.
119	Майоровка Баштанский р-н Николаевская обл. Украина	к. 3 п. 4	Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 2011.
120	Весняное Николаевский р-н Николаевская обл. Украина	к. 1 п. 1	Симоненко А.В. Богатое сарматское погребение у с. Весняное // Золото, конь, человек. Киев, 2012.
121	Каменка Очаковский р-н Николаевская обл. Украина	к. 29 п. 7	Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 2011.
122	Чапаевка (Счастлиное) Березанский р-н Николаевская обл. Украина	к. 1 п. 4	Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 2011.
123	Гордиевка Тростянецкий р-н Винницкая обл. Украина	к. 29 п. 2	Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 2011.
124	Севериновка Ямпольский р-н Винницкая обл. Украина	к. 1 п. 3	Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 2011.
125	Писаревка Ямпольский р-н Винницкая обл. Украина	к. 1 п. 8	Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 2011.
126	Пороги Ямпольский р-н Винницкая обл. Украина	к. 2 п. 1	Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (Погребения знати у с. Пороги). Киев, 1991.
127	Пороги Ямпольский р-н Винницкая обл. Украина	к. 2 п. 2	Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (Погребения знати у с. Пороги). Киев, 1991.
128	Семеновка Белгород-Днестровский р-н Одесская обл. Украина	к. 11 п. 1	Дзиговский А.Н. Сарматские памятники II–III вв. н. э. в низовьях Днестра // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981.
129	Семеновка Белгород-Днестровский р-н Одесская обл. Украина	к. 14 п. 20	Дзиговский А.Н. Сарматские памятники II–III вв. н. э. в низовьях Днестра // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981.
130	Михайловка Саратский р-н Одесская обл. Украина	к. 3 п. 3	Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. II. Курганные могильники Дивизийский и Белолесский. Препр. Киев, 1990. Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003.
131	Глубокое Татарбунарский р-н Одесская обл. Украина	к. 2 п. 3	Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра (1964–1966 гг.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 1970.
132	Струмок Татарбунарский р-н Одесская обл. Украина	к. 1 п. 12	Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. Киев, 1984.
133	Помазаны Киликийский р-н Одесская обл. Украина	к. 1 п. 4	Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. Киев, 1984.
134	Холмское Арцизский р-н Одесская обл. Украина	к. 1 п. 17	Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. Киев, 1984.
135	Плавни Ренийский р-н Одесская обл. Украина	к. 2 п. 2	Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. Киев, 1984.
136	Плавни Ренийский р-н Одесская обл. Украина	к. 11 п. 6	Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. Киев, 1984.
137	Плавни Ренийский р-н Одесская обл. Украина	к. 23 п. 1	Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. Киев, 1984.
138	Могильное поле Чауш Плавни Ренийский р-н Одесская обл. Украина	к. 11 п. 2	Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. Киев, 1984.

Таблица 6. Продолжение.

139	Зернешты Кагульский р-н Молдавия	к. 1 п. 5	Кетрару Н.А. Археологические исследования в Кагульском районе в 1958 г. // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, 1969.
140	Маркулешты Флорештский р-н Молдавия	к. 3 п. 1	Бейлекчи В.С. Раскопки кургана 3 у с. Мэркулешть // Археологические исследования в Молдове в 1986 г. Кишинев, 1992.
141	Маркулешты Флорештский р-н Молдавия	к. 3 п. 13	Бейлекчи В.С. Раскопки кургана 3 у с. Мэркулешть // Археологические исследования в Молдове в 1986 г. Кишинев, 1992.
142	Костешты Рышканский р-н Молдавия	к. 1 п. 4	Дергачев В.А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг.). Кишинев, 1982.
143	Костешты Рышканский р-н Молдавия	к. 7 п. 1	Дергачев В.А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг.). Кишинев, 1982.
144	Думены (Дуруитоаря Ноуэ) Рышканский р-н Молдавия	к. 9 п. 13	Гросу В.И. Сарматские памятники Среднего Попрутья // Археологические исследования в Молдавии в 1983 г. Кишинев, 1988.
145	Ивановка (Иванешты) Рышканский р-н Молдавия	к. 1 п. 1	Дергачев В.А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг.). Кишинев, 1982.
146	Старые Куконешты Единецкий р-н Молдавия	к. 3 п. 1	Дергачев В.А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг.). Кишинев, 1982.
147	Старые Куконешты Единецкий р-н Молдавия	к. 4 п. 3	Дергачев В.А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг.). Кишинев, 1982.
148	Ханкауцы Единецкий р-н Молдавия	к. 1 п. 6	Дергачев В.А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг.). Кишинев, 1982.
149	Ханкауцы Единецкий р-н Молдавия	к. 1 п. 11	Дергачев В.А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг.). Кишинев, 1982.
150	Ханкауцы Единецкий р-н Молдавия	к. 2 п. 1	Дергачев В.А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг.). Кишинев, 1982.
151	Ханкауцы Единецкий р-н Молдавия	к. 2 п. 2	Дергачев В.А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг.). Кишинев, 1982.
152	Ханкауцы Единецкий р-н Молдавия	к. 2 п. 3	Дергачев В.А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг.). Кишинев, 1982.
153	Зачепиловка Зачепиловский р-н Харьковская обл. Украина	гр. I, к. 3 п. 5	Костенко В.И. Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н.э. - середины III в. н.э. Днепропетровск, 1983.
154	Маевка Днепропетровский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. XII, к. 2 п. 8	Костенко В.И. Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ // Курганные древности Степного Поднепровья III-I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1977.
155	Маевка Днепропетровский р-н Днепропетровская обл. Украина	гр. I, к. 1 п. 8	Костенко В.И. Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ // Курганные древности Степного Поднепровья III-I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1977.
156	Афанасьевка Новомосковский р-н Днепропетровская обл. Украина	к. 3 / -	Костенко В.И. Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н.э. - середины III в. н.э. Днепропетровск, 1983; Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 2011.
157	Павловка Кобеляцкий р-н Полтавская обл. Украина	разр. погр.	Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 2011.

Таблица 7. Типы погребений сарматских захоронений с северной ориентировкой во II в. до н. э. - первой половине II в. н. э.

Тип погребения	II - I вв. до н. э.	I - первая половина II в. н. э.	II в. до н. э. - первая половина II в. н. э.
Впускное	80	154	234
Грунтовое	3	3	6
Индивидуальная насыпь	1	-	1
Общее кол-во	84	157	241

Таблица 8. Расположение впускных североориентированных погребений в курганах II в. до н. э. - первой половины II в. н. э.

Период	Количество погребений с северной ориентировкой в одном кургане			
	1	2	3	4
Ранне-	61	8	1	-
Средне-	126	8	1	2

Таблица 9. Взаимовстречаемость впускных североориентированных погребений в курганах для II в. до н. э. - первой половины II в. н. э. с погребениями с южной или неустановленной ориентировкой.

Кол-во погребений с северной ориентировкой в кургане	Период	Кол-во погребений с иной ориентировкой (южная, западная, восточная) в кургане					
		0	1	2	3	4	5 и более
1	Ранне-	57	3	2	-	1	-
	Подонье	19	1	2	-	1	-
	Поднепровье	28	2	-	-	-	-
	Крым	8	-	-	-	-	-
	Средне-	126	3	1	-	-	-
2	Ранне-	4	2	-	1	1	-
	Подонье	4	2	-	1	1	-
	Поднепровье	-	-	-	-	-	-
	Крым	-	-	-	-	-	-
	Средне-	7	1	-	-	-	-
3	Ранне-	-	-	-	1	-	-
	Подонье	-	-	-	1	-	-
	Поднепровье	-	-	-	-	-	-
	Крым	-	-	-	-	-	-
	Средне-	1	-	-	-	-	-
4	Ранне-	-	-	-	-	-	-
	Средне-	2	-	-	-	-	-

Таблица 10. Глубина залегания могилы от уровня дневной поверхности.

Глубина	Подонье II-I вв. до н. э.	Поднепровье II-I вв. до н. э.	Крым II-I вв. до н. э.	Северное Причерно- морье II - I вв. до н. э.	Северное При- черноморье I - II вв. н. э.
до 50 см	1	4	2	7	17
50-75	3	2	1	6	21
75-100	6	5	1	12	27
100-125	2	7	1	10	29
125-150	1	2	1	4	10
150-175	2	2	1	5	9
175-200	2	4	-	6	9
200-225	3	-	-	3	4
225-250	-	2	-	2	6
250-275	1	-	-	1	1
275-300	-	-	-	-	1
300-325	1	-	-	1	2
325-350	-	-	-	-	1
более 350	1	-	1	2	1
не указано в источ- нике	4	3	-	7	19

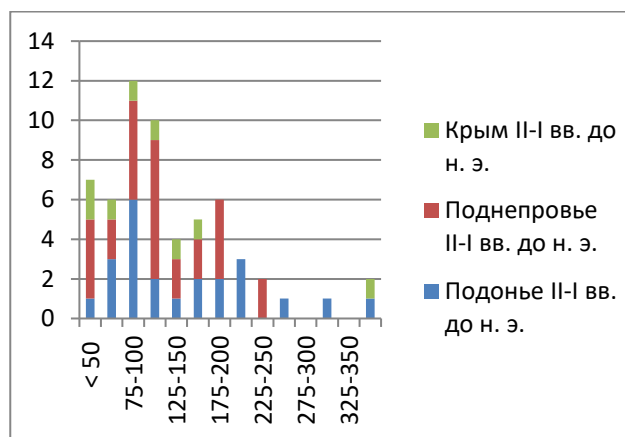

График 1. Глубина могильной ямы. Показатели по регионам. II – I вв. до н. э.

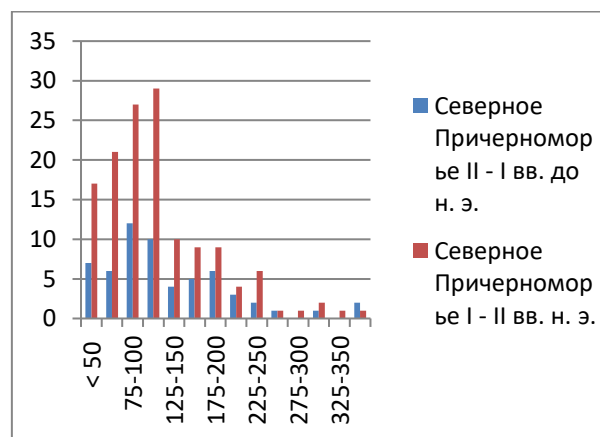

График 2. Глубина могильной ямы. Погребения II вв. до н. э. - первой половины II в. н. э.

Таблица 11. Форма могильной ямы.

Период	ФОРМЫ МОГИЛЬНЫХ ЯМ											
	Прямоуголь- ная		Подбой		Катакомба		яма с за- плечиками		другие (овальные, трапеце- видные и т.п.)		контуры не фикси- ровались	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Ранне-	33	39	8	9,5	3	3,6	1	1,2	8	8,8	31	37,8
Подонье	19	41,3	8	17,4	2	4,3	-	-	3	6,5	11	23,9
Подне- провье	13	43,3	-		1	3,3	1	3,3	4	13,3	11	36,7
Крым	1	12,5	-	-	-	-	-	-	1	12,5	6	75
Средне-	57	34,6	8	5,2	3	1,3	-	-	12	7,8	77	51
Итого:	90	34,9	16	6,7	6	2,1	1	0,4	20	8,2	108	46,4

График 3. Форма могильной ямы. Погребения II – I вв. до н. э.

График 4. Форма могильной ямы. Погребения I - перв. пол. II вв. н. э.

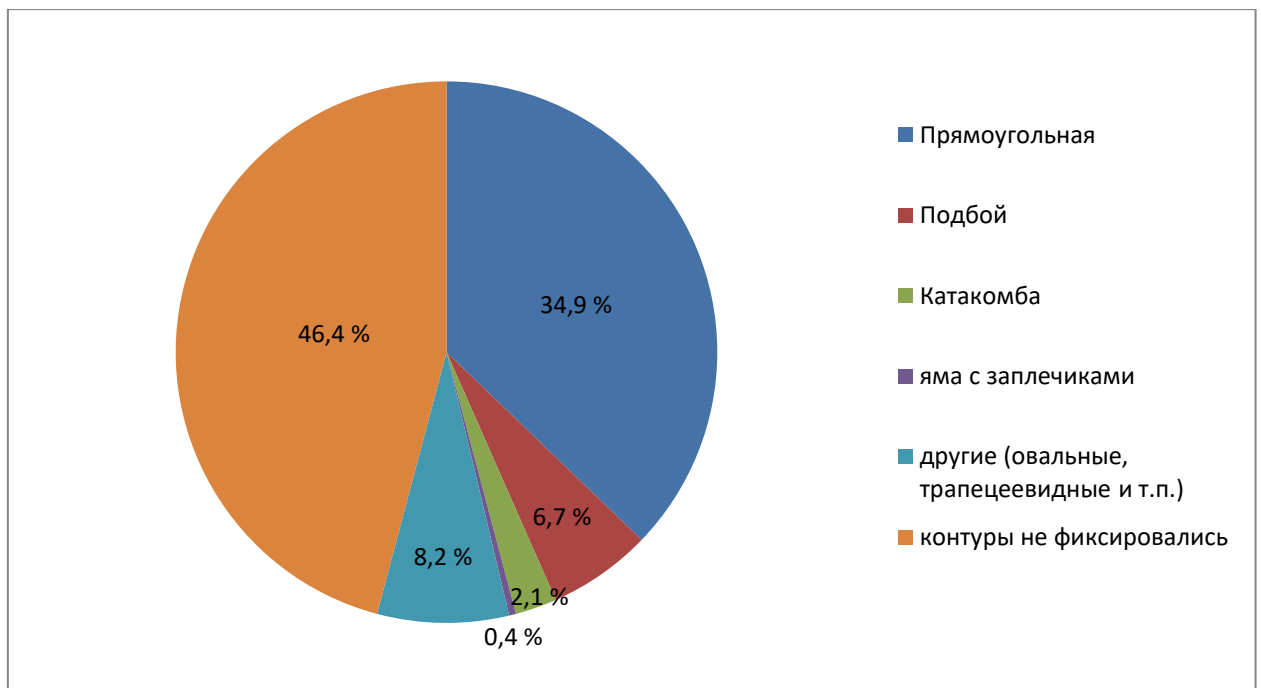

График 5. Форма могильной ямы. Погребения II в. до н. э. - перв. пол. II вв. н. э.

Таблица. 12. Специфические элементы погребального сооружения и обряда.

Регион, время	общее количество погребений	перекрытые в могилу	колода, гробовище	органическая подстилка	напутственная пища	мел	реальгар	краска	угли, зола
Подонье, II-I вв. до н. э.	46	3	13	11	24	4	5	1	2
Поднепровье, II-I вв. до н. э.	30	3	2	3	11	1	-	-	-
Крым, II-I вв. до н. э.	8	-	3	1	3	-	-	-	1
Итого, II-I вв. до н. э.	84	6	18	15	38	5	5	1	3
Процентное соотношение на количество могил (вероятность встречаемости), %	100	7,14	21,43	17,86	44,15	5,95	5,95	1,19	3,57
Северное Причерноморье, I – перв. пол. II вв. н. э.	157	18	15	31	64	11	-	4	7
Процентное соотношение на количество могил (вероятность встречаемости), %	100	11,46	9,55	19,75	40,76	7,01	-	2,55	4,46
Сарматские погребения с северной ориентировкой на юге Восточной Европы, II вв. до н. э. – перв. пол. II в. н. э.	241	24	33	46	102	16	5	5	10
Процентное соотношение на количество могил (вероятность встречаемости)	100	9,96	13,69	19,09	42,32	6,64	2,07	2,07	4,15

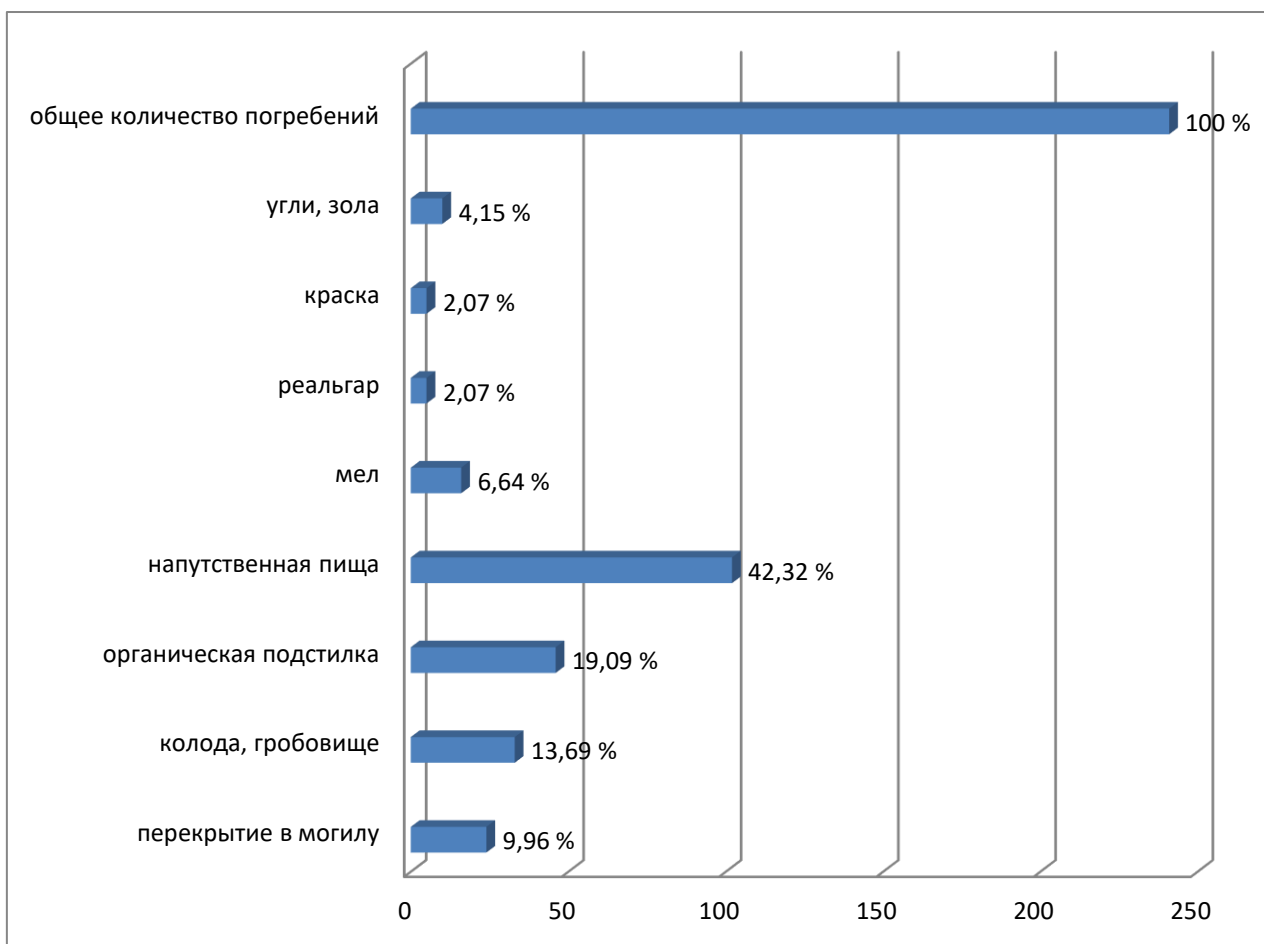

График 6. Специфические детали погребального сооружения и обряда. II в. до н.э. - перв. пол. II в. н. э.

Таблица. 13. Позы погребенных в сарматских погребениях с северной ориентировкой II – I вв. до н. э.

Регион	положение ног						положение рук	всего
	вытянуты вдоль тела	сведены в коленях	раскинуты в сторону	перекрещены в голенях	нога подогнута в колене	не сохранились		
Всего	28	5	1	1	4	2	вытянуты вдоль тела	41
Подонье	16	4	1		1			
Поднепровье	9	1		1	3	2		
Крым	3							
Всего	8	1					кисть левой или правой руки на тазу	9
Подонье	4	1						
Поднепровье	2							
Крым	2							
Всего	5	2		2			кисти обеих рук на тазу	9
Подонье	3	1		1				
Поднепровье	1			1				
Крым	1	1						
Всего	2						рука на груди	2
Подонье	1							
Поднепровье								
Крым	1							
Всего	2	1	2		1		руки согнуты в локтях	6
Подонье	2	1	2					
Поднепровье					1			
Крым								
Всего	1					16	не сохранились	17
Подонье	1					9		
Поднепровье						7		
Крым								
Всего	44	9	3	3	5	18	-	-

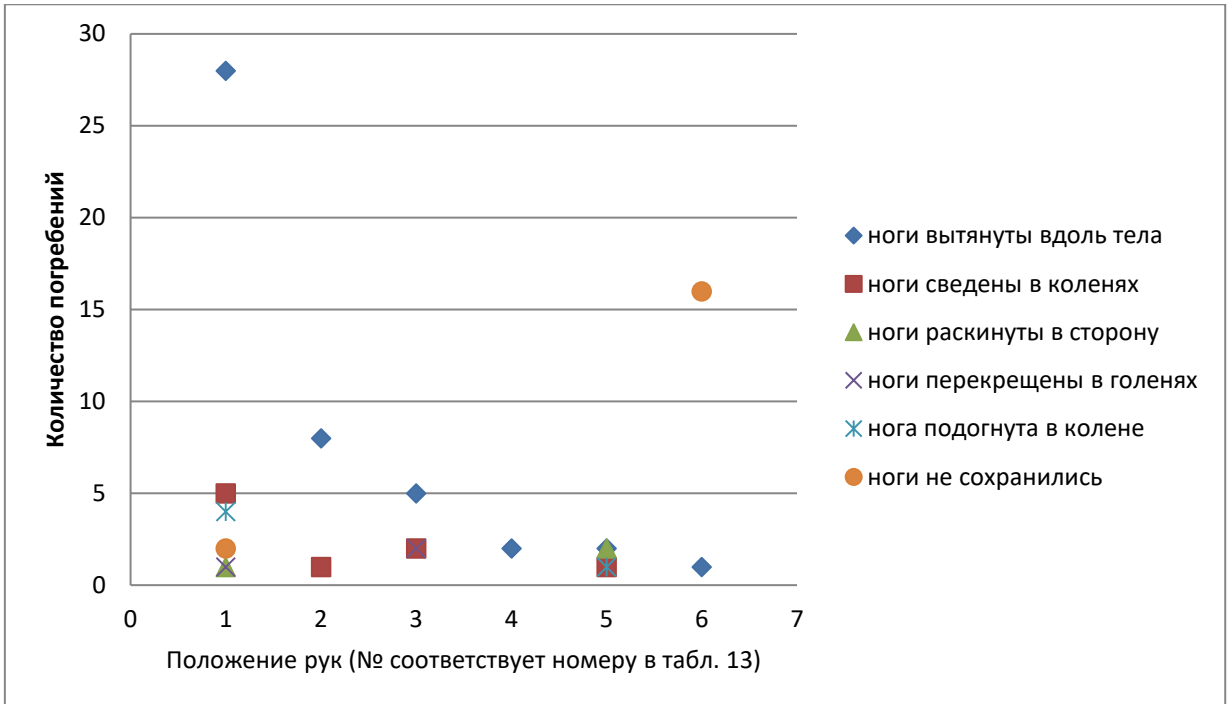

График 7. Позы погребенных. II – I вв. до н. э.

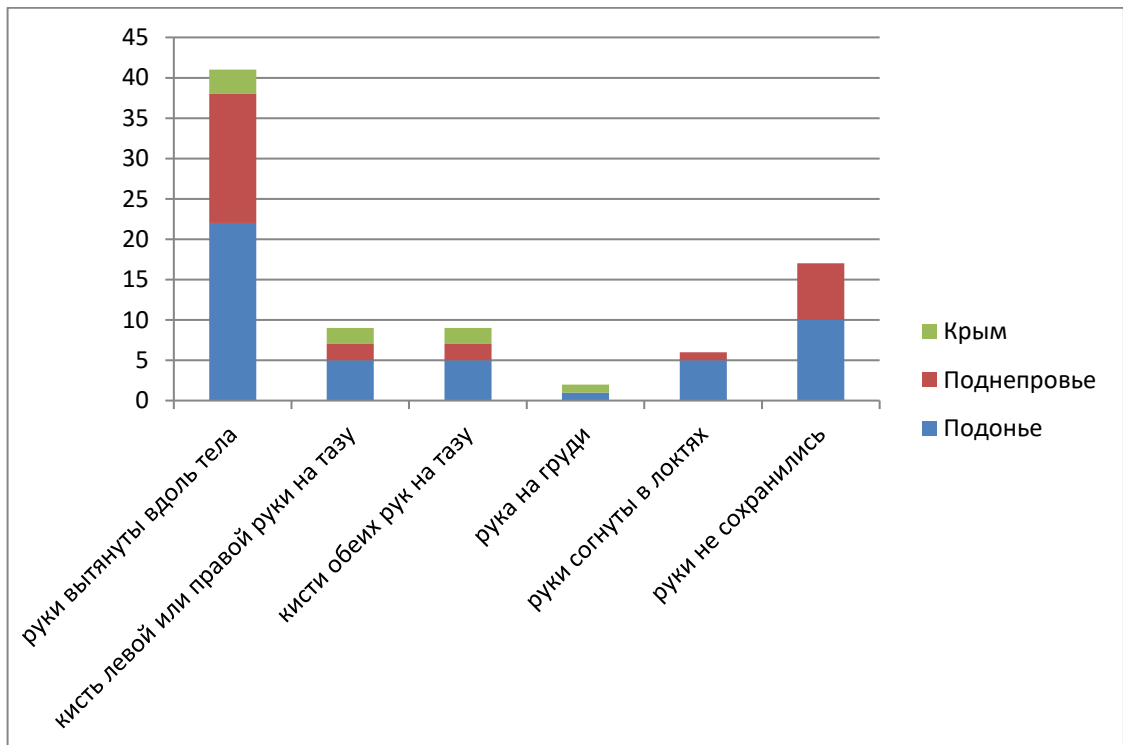

График 8. Положение рук умершего в могиле. II – I вв. до н. э.

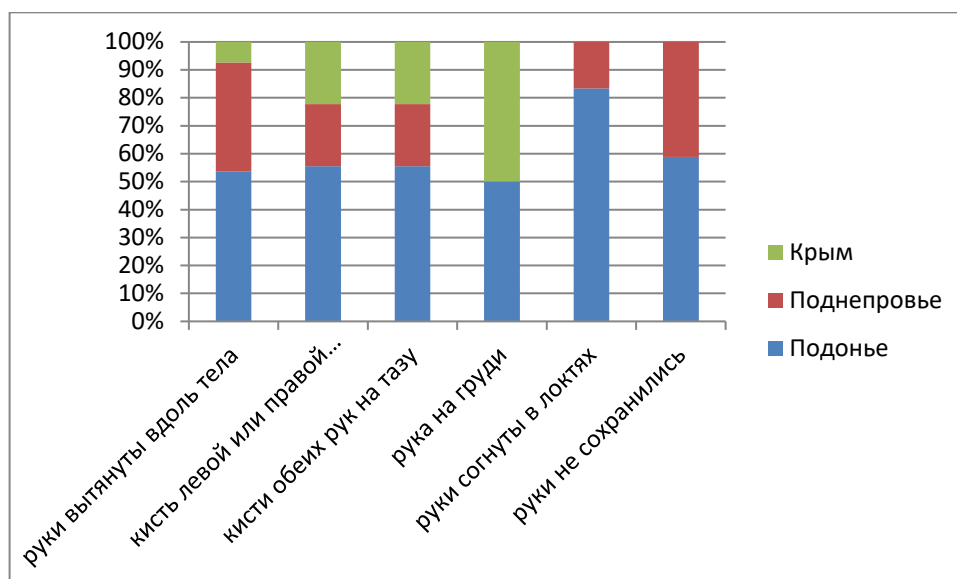

График 9. Положение рук умершего в могиле. II – I вв. до н. э. Процентное соотношение по регионам.

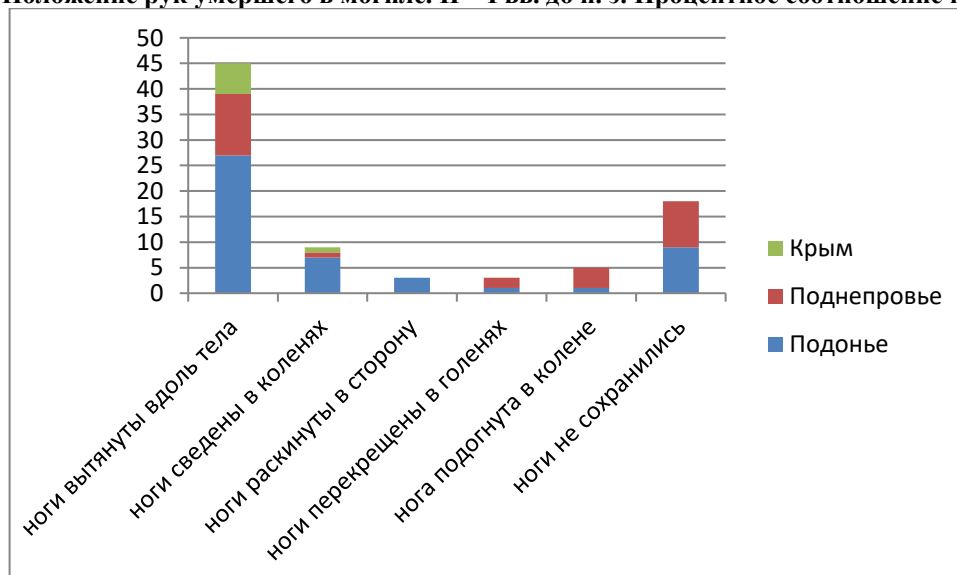

График 10. Положение ног умершего в могиле. II – I вв. до н. э.

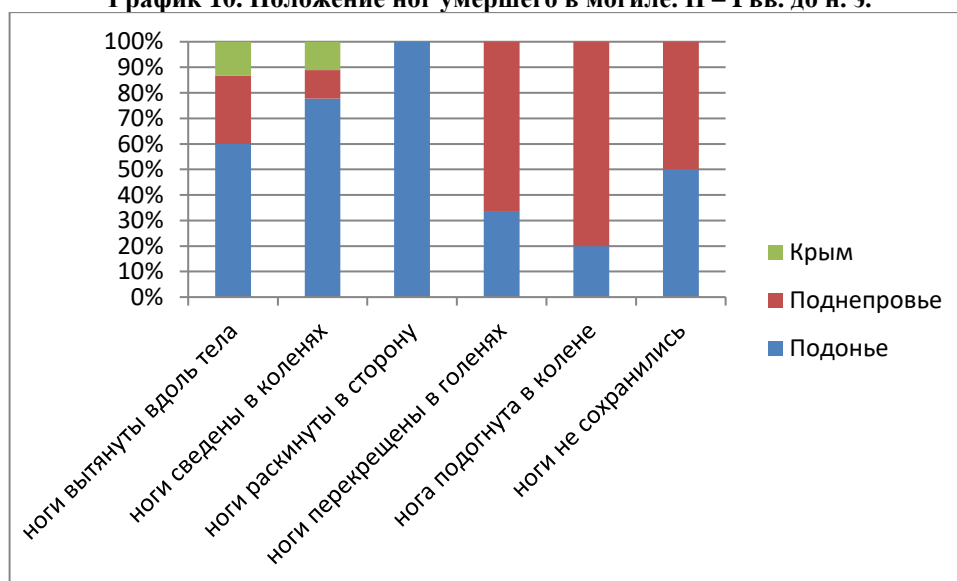

График 11. Положение ног умершего в могиле. II – I вв. до н. э. Процентное соотношение по регионам.

Таблица 14. Взаимовстречаемость инвентаря в сарматских погребениях с северной ориентировкой (II – I вв. до н. э.).

№ п/п*	Инвентарь													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1							+	+						
2												+		
3												+		
4										+	+	+		
5													+	
6	+		+	+					+				+	
7	+								+			+		
8					+		+		+	+	+			
9							+	+		+	+			
10		+												
11	+	+		+	+		+	+	+	+	+			
12	+		+	+	+	+			+	+	+			
13							+		+		+	+		
14												+		
15											+	+		
16	+					+						+		
17	+		+						+			+		
18	+		+			+			+	+		+		
19							+	+						
20							+				+			
21											+	+		
22							+		+	+	+			
23			+	+		+								+
24	+											+		
25							+	+	+		+			
26										+	+		+	
27	+												+	
28							+				+	+		
29			+				+	+	+	+	+		+	+
30	+				+									
31					+			+	+	+	+			
32									+			+		
33							+			+	+		+	
34					+		+		+	+	+		+	
35					+							+		
36										+	+		+	+
37							+	+	+			+	+	
38					+						+		+	
39							+		+		+		+	
40												+		
41					+				+		+			

* В графе «№ п/п» номер погребения соответствует номеру из *таблицы 5*.

«Инвентарь»: 1 - меч; 2 - наконечник копья; 3 - наконечник стрелы; 4 - горит; 5 - фибула; 6 - пряжка; 7 - зеркало; 8 - прясло; 9 - нож; 10 - украшение; 11 - бусы; 12 - лепная керамика; 13 - гончарная керамика; 14 - металлическая посуда.

Таблица 14. Продолжение.

№ п/п*	Инвентарь													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
42					+							+		
43									+	+	+			
44			+				+	+	+		+			
45					+				+		+		+	
46					+		+	+	+	+	+		+	
47	+											+		
48							+				+	+		
49					+		+		+	+	+	+	+	
50					+		+		+	+	+	+	+	
51	+								+				+	
52	+											+		
53					+									
54		+							+				+	
55	+		+	+								+		
56					+							+		
57	+													
58					+		+	+		+		+		
59					+		+							
60					+				+					
61	+				+							+		
62									+		+			
63										+				
64					+							+		
65									+	+	+		+	
66					+						+	+		
67	+	+				+			+			+		
68	+	+			+								+	
69	+				+							+		
70					+									
71		+			+								+	
72					+				+			+		
73							+		+	+	+	+		
74													+	
75														
76								+		+	+	+		
77					+		+	+			+	+	+	
78	+												+	
79								+	+		+	+	+	
80					+		+			+	+		+	+
81									+		+		+	
82									+		+		+	
83								+				+		
84								+	+	+		+		
Итого:	20	6	8	5	29	5	24	16	35	24	38	38	27	4

Таблица 15. Взаимовстречаемость инвентаря в сарматских погребениях с северной ориентировкой (II – I вв. до н. э.).

Инвентарь	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	X	3	5	4	6	4	1	1	8	3	2	11	5	0
2	3	X	0	1	3	1	1	1	3	1	1	1	3	0
3	5	0	X	4	1	3	2	2	6	3	3	3	2	2
4	4	1	4	X	2	2	1	1	3	2	2	1	1	1
5	6	3	1	2	X	1	10	5	12	10	14	12	10	1
6	4	1	3	2	1	X	0	0	3	2	1	3	0	1
7	1	1	2	1	10	0	X	11	14	13	20	9	10	1
8	1	1	2	1	5	0	11	X	9	8	9	7	4	0
9	8	3	6	3	12	3	14	9	X	15	23	13	13	1
10	3	1	3	2	10	2	13	8	15	X	20	8	10	3
11	2	1	3	2	14	1	20	9	23	20	X	13	16	4
12	11	1	3	1	12	3	9	7	13	8	13	X	5	0
13	5	3	2	1	10	0	10	4	13	10	16	5	X	3
14	0	0	2	1	1	1	1	0	1	3	4	0	3	X

«Инвентарь»: 1 - меч; 2 - наконечник копья; 3 - наконечник стрелы; 4 - горит; 5 - фибула; 6 - пряжка; 7 - зеркало; 8 - прясло; 9 - нож; 10 - украшение; 11 - бусы; 12 - лепная керамика; 13 - гончарная керамика; 14 - металлическая посуда.

Таблица 16. Месторасположения инвентаря в могилах среди сарматских погребений Северного Причерноморья II – I вв. до н. э. с северной ориентировкой.

Место в могиле	Инвентарь														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1		2				1	1	2	10	1	2	19	19	1	
Подонье							1		6		1	11	12	1	
Поднепровье		2							3	1	1	6	3		
Крым						1		2	1			2	4		
2					6	1	7	1		21	15	3			
Подонье					5		6			13	10	1			
Поднепровье					1	1				5	5				
Крым							1	1		3		2			
3		2			14	1	8	4	1		2		2		
Подонье					6	1	5	3			2				
Поднепровье		2			8		2	1	1						
Крым							1						2		
4	1				4	2	2		1	1	17				
Подонье					1	1	2				9				
Поднепровье	1				2	1			1		5				
Крым					1					1	3				
5			1		2	2	3	1	2		4		1		
Подонье			1			2	2	1	2		3				
Поднепровье					2		1				1		1		
Крым															
6	2		1	1				1	1	1	4			1	
Подонье								1	1	1	3				
Поднепровье	2		1	1											
Крым											1			1	
7	6	1	2	1				1	3	5	4	1	1	1	
Подонье	4	1	2	1				1	1	3	3				
Поднепровье	2								2	2		1	1		
Крым											1			1	
8			1	1			2		1	1	3				
Подонье			1	1			1		1	1	3				
Поднепровье							1								
Крым															
9	11		1		1					1	2		2		
Подонье	6		1								1				
Поднепровье	4										1				
Крым	1				1					1			2		

«Место в могиле»: 1 - за головой (северная часть могилы); 2 - на голове, под головой, шейные позвонки; 3 - плечи; 4 - грудь; 5 - пояс, таз; 6 - левая рука; 7 - правая рука; 8 - левая нога; 9 - правая нога; 10 - в ногах (кисти ног); 11 - за ногами (южная часть могилы); 12 - заполнение мог.ямы; 13 - в насыпи

«Инвентарь»: 1 - меч; 2 - наконечник копья; 3 - наконечник стрелы; 4 - горит; 5 - фибула; 6 - пряжка; 7 - зеркало; 8 - прясло; 9 - нож; 10 - украшение (серьги, височное кольцо, перстни и т.п.); 11 - бусы; 12 - лепная керамика; 13 - гончарная керамика; 14 - металлическая посуда; 15 - стеклянные изделия.

Таблица 16. Продолжение.

Место в мо- гиле	Инвентарь														
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>	<i>12</i>	<i>13</i>	<i>14</i>	<i>15</i>
10			4	1			2	4	10		8	10	5		
Подонье			4	1			2	3	7		5	8			
Поднепровье								1	1		2	2	1		
Крым									2		1		4		
11										1	4	5	5	2	
Подонье										1	3		2	2	
Поднепровье											1	5	3		
Крым															
12	2				1			1		1	4	3	1	1	
Подонье	1									1	2	2		1	
Поднепровье	1				1						1				
Крым								1			1	1	1		
13	1						1	1				3			
Подонье															
Поднепровье	1						1	1				3			
Крым															
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>	<i>12</i>	<i>13</i>	<i>14</i>	<i>15</i>

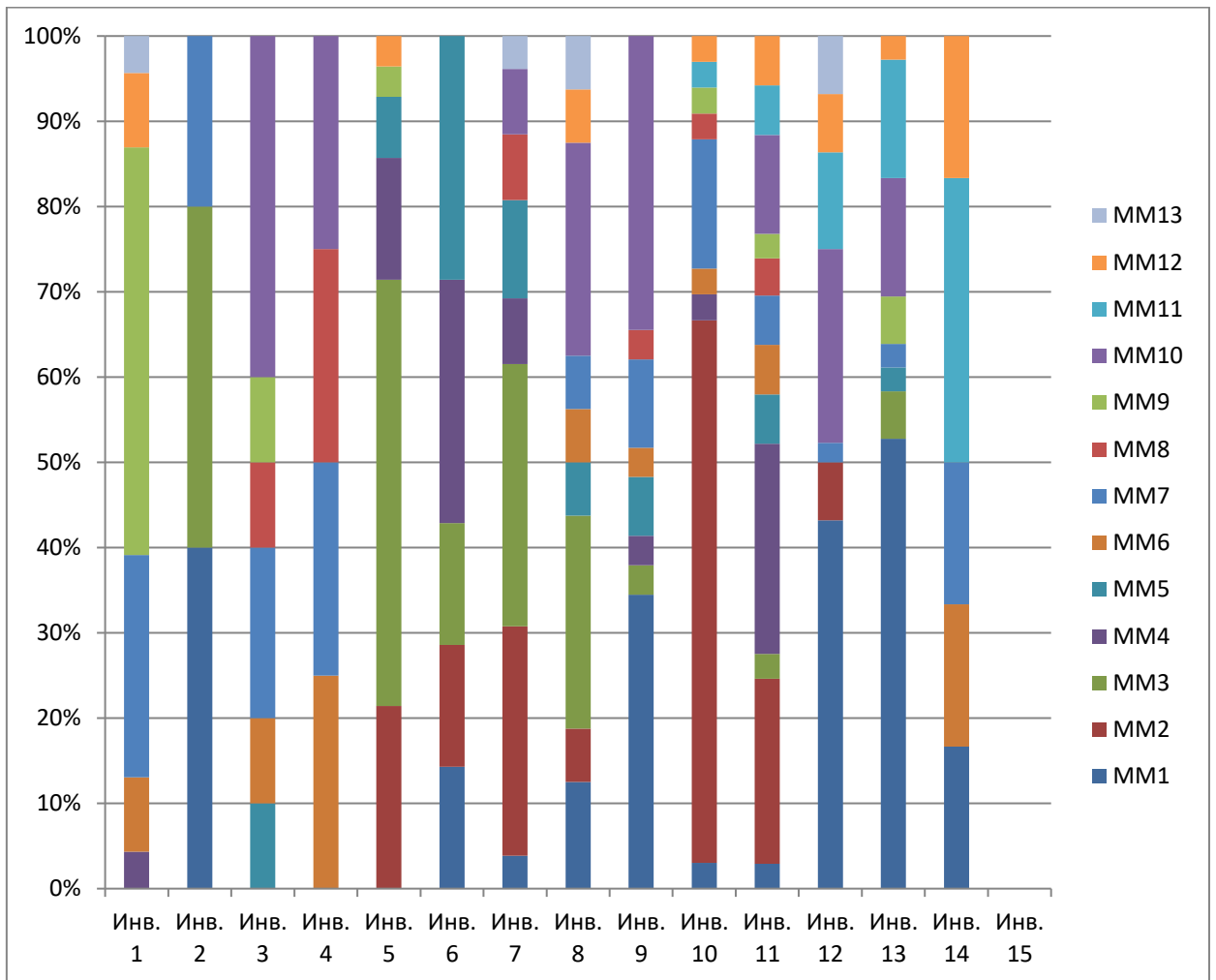

График 12. Месторасположение инвентаря в могиле. II – I вв. до н. э. Процентное соотношение.

Таблица 17. Позы погребенных в сарматских погребениях с северной ориентировкой (I - перв. пол. II вв. н. э.) в Северном Причерноморье.

№ п/п	положение рук	положение ног						Всего
		вытянуты вдоль тела	сведены в коленях	раскинуты в сторону	перекрещены в голенях	нога подогнута в колене	не сохранились	
1	вытянуты вдоль тела	68	10		3	1	5	87
2	кисть левой или правой руки на тазу	13	4		2	2	1	22
3	кисти обеих рук на тазу	11				1		12
4	рука на груди				1			1
5	руки согнуты в локтях	2	2	2	1	1		8
6	не сохранились (разрозненные кости)	9	1			1	19	30
Всего		103	17	2	7	6	25	160

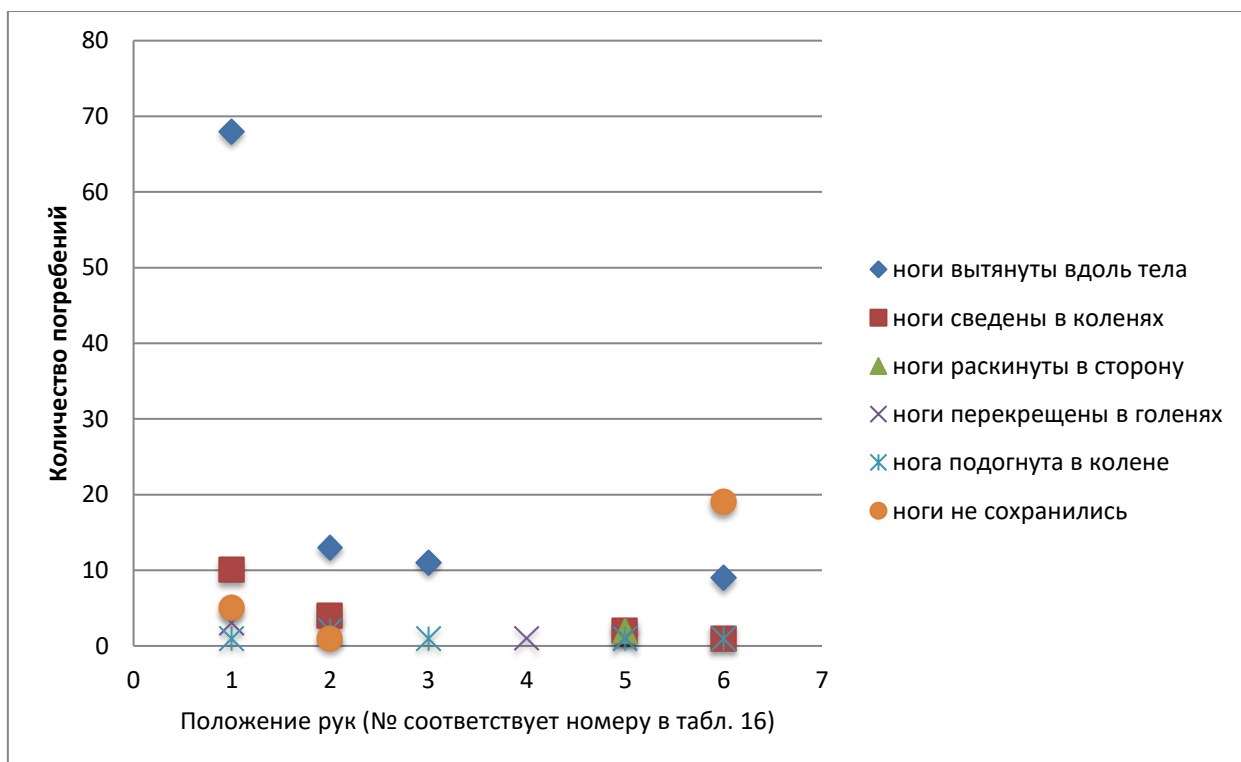

График 13. Позы погребенных. I - перв. пол. II вв. н. э.

График 14. Позы погребенных. Положение рук умершего в могиле. I - перв. пол. II вв. н. э.

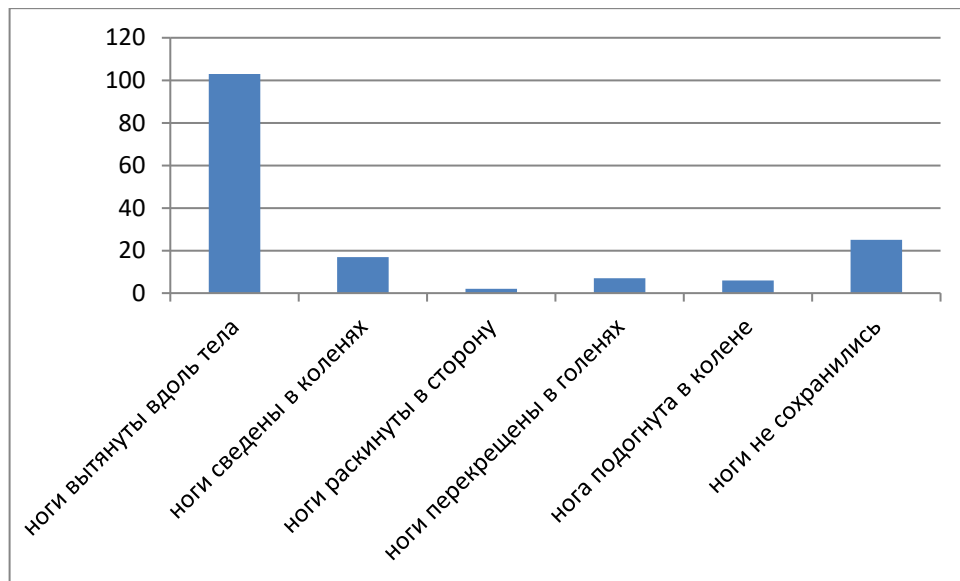

График 15. Позы погребенных. Положение ног умершего в могиле. I - перв. пол. II вв. н. э.

Таблица 18. Взаимовстречаемость инвентаря в сарматских погребениях с северной ориентировкой (I - перв. пол. II вв. н. э.).

№ п/п*	Инвентарь														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1									+		+		+		
2								+							
3							+	+							
4												+			
5															
6										+		+	+		
7												+			
8										+		+			
9												+			
10	+														
11	+	+							+				+		
12							+						+		
13	+												+		
14	+												+		
15					+										
16					+		+		+	+	+		+	+	
17					+								+		
18	+		+												
19							+	+	+	+	+	+	+		
20								+		+	+	+			
21						+							+		
22						+									
23												+	+		
24												+	+		
25									+			+			
26											+				
27											+	+			
28							+		+		+	+			
29												+			
30													+		
31					+	+			+				+		
32							+	+	+	+	+	+	+		
33					+					+			+		
34											+				
35		+											+		
36	+				+				+			+			
37							+			+	+	+			
38					+						+				
39									+			+			
40											+				
41					+				+	+	+		+		

* В графе «№ п/п» номер погребения соответствует номеру из *таблицы 6*.

«Инвентарь»: 1 - меч; 2 - наконечник копья; 3 - наконечник стрелы; 4 - горит; 5 - фибула; 6 - пряжка; 7 - зеркало; 8 - прясло; 9 - нож; 10 - украшение (серьги, височное кольцо, перстни и т.п.); 11 - бусы; 12 - лепная керамика; 13 - гончарная керамика; 14 - металлическая посуда; 15 - стеклянные изделия.

Таблица 18. Продолжение.

№ п/п*	Инвентарь														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
42									+				+		
43							+		+	+	+	+	+		
44													+		
45							+			+	+	+			
46											+				
47								+		+	+		+		
48									+						
49	+														
50									+			+			
51	+								+						
52									+	+	+				
53		+													
54								+	+	+	+		+		
55													+		
56													+		
57					+				+		+	+	+		
58						+									
59						+				+	+	+	+		
60						+							+		
61						+				+	+	+			
62							+	+	+	+	+	+			
63						+									
64									+				+		
65							+	+	+		+	+			
66									+						
67	+				+							+			
68					+				+				+		
69					+					+	+				
70									+	+	+	+	+		
71							+	+							
72									+			+			
73	+	+											+		
74	+				+				+			+			
75							+		+		+		+		
76													+		
77							+	+	+				+		
78	+										+	+			
79											+		+		
80										+	+				
81						+								+	
82							+	+			+	+			
83					+										
84												+			
85											+		+		
86					+						+	+			
87		+											+		
88					+		+		+	+	+		+		

Таблица 18. Продолжение.

№ п/п*	Инвентарь														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
89						+					+				
90					+		+	+	+	+	+		+		
91	+								+			+			
92									+		+		+		
93		+			+								+		
94												+			
95								+	+	+	+	+			
96												+			
97												+			
98												+			
99								+							
100										+	+	+			
101															
102													+		
103										+	+	+			
104	+														
105		+			+				+				+		
106							+	+		+	+	+	+		
107										+	+				
108										+	+		+	+	
109	+				+					+			+		
110										+	+		+		
111							+		+	+		+	+	+	
112										+		+	+		
113			+				+	+		+	+		+		
114					+		+		+	+	+		+		
115						+							+		
116										+			+		
117	+		+	+		+				+		+			
118	+											+		+	
119							+	+		+		+	+		
120	+	+				+	+		+	+	+		+	+	
121						+						+	+		
122							+	+		+	+	+	+		
123					+		+			+	+		+		
124							+	+		+	+	+	+		
125					+		+	+	+	+	+	+	+		
126	+		+	+	+	+			+	+	+		+	+	
127					+		+			+	+	+	+		
128			+		+										
129										+	+				
130							+			+	+	+			+
131	+				+	+					+		+		
132													+		
133												+			
134						+						+			
135											+				

Таблица 18. Продолжение.

№ п/п*	Инвентарь														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
136												+			
137	+				+				+				+		
138						+							+		
139					+		+					+			
140															
141															
142								+					+		
143					+		+			+	+				
144	+		+		+						+	+			
145	+												+		
146							+				+		+	+	
147												+			
148											+	+			
149							+			+	+				
150							+	+	+	+	+		+		
151	+												+		
152								+	+		+	+			
153		+						+				+			
154		+										+			
155											+				
156							+			+	+				
157	+										+		+	+	+
Итого:	25	10	6	2	31	18	35	25	43	50	67	63	73	9	2

➤ Погребения № 5 и 102 являлись безынвентарными.

Таблица 19. Взаимовстречаемость инвентаря в сарматских погребениях с северной ориентировкой (I - перв. пол. II вв. н. э.).

Ин- вен- тарь	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	X	3	5	2	8	4	1	0	8	4	7	8	12	4	1
2	3	X	0	0	2	1	1	1	3	1	1	2	7	1	0
3	5	0	X	2	3	2	1	1	1	3	3	2	2	1	0
4	2	0	2	X	1	2	0	0	1	2	1	1	1	1	0
5	8	2	3	1	X	2	9	2	15	12	14	8	18	2	0
6	4	1	2	2	2	X	1	0	3	5	6	5	10	3	0
7	1	1	1	0	9	1	X	17	16	23	27	17	23	4	1
8	0	1	1	0	2	0	17	X	11	15	17	14	14	0	0
9	8	3	1	1	15	3	16	11	X	18	24	19	27	4	0
10	4	1	3	2	12	5	23	15	18	X	41	25	31	5	1
11	7	1	3	1	14	6	27	17	24	41	X	29	32	5	2
12	8	2	2	1	8	5	18	14	19	25	29	X	18	2	1
13	12	7	2	1	18	10	23	14	27	31	32	18	X	7	1
14	4	1	1	1	2	3	4	0	4	5	5	2	7	X	1
15	1	0	0	0	0	0	1	0	0	1	2	1	1	1	X

«Инвентарь»: 1 - меч; 2 - наконечник копья; 3 - наконечник стрелы; 4 - горит; 5 - фибула; 6 - пряжка; 7 - зеркало; 8 - прясло; 9 - нож; 10 - украшение (серьги, височное кольцо, перстни и т.п.); 11 - бусы; 12 - лепная керамика; 13 - гончарная керамика; 14 - металлическая посуда; 15 - стеклянные изделия.

Таблица 20. Месторасположения инвентаря в сарматских погребениях с северной ориентировкой (I - перв. пол. II вв. н. э.) в Северном Причерноморье.

Место в могиле	Инвентарь														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1		7					2	1	19			36	38	1	2
2	2				5		6	4	3	31	32		5	2	
3					13	1	11	3	3	4	4	1	1	1	
4				1	11	4	6	2		3	11	1			
5	1				1	8		2	1	3	3	3	1		
6	4	2				1	1	2	2	9	20	1	1	1	
7	2				1		1	5	1	6	20				
8		1	3	1				1	2		4		1		
9	15	1	2					2	2		4				
10		1	1			4	3	1	8		13	17	9		
11							2	1	3			6	12	3	
12	1				2		2	3	2	3	2	2	4	1	
13													1		
итого	25	12	6	2	33	18	35	27	46	59	113	67	73	9	2

* Инвентарь в пунктах 122 (Весняное) и 119 (Актово1/10) лежит отдельно в ящике справа от покойного.

«Место в могиле»: 1 - за головой (северная часть могилы); 2 - на голове, под головой, шейные позвонки; 3 - плечи; 4 - грудь; 5 - пояс, таз; 6 - левая рука; 7 - правая рука; 8 - левая нога; 9 - правая нога; 10 - в ногах (кисти ног); 11 - за ногами (южная часть могилы). 12 - заполнение мог.ямы. 13 - в насыпи

«Инвентарь»: 1 - меч; 2 - наконечник копья; 3 - наконечник стрелы; 4 - горит; 5 - фибула; 6 - пряжка; 7 - зеркало; 8 - прясло; 9 - нож; 10 - украшение (серьги, височное кольцо, перстни и т.п.); 11 - бусы; 12 - лепная керамика; 13 - гончарная керамика; 14 - металлическая посуда; 15 - стеклянные изделия.

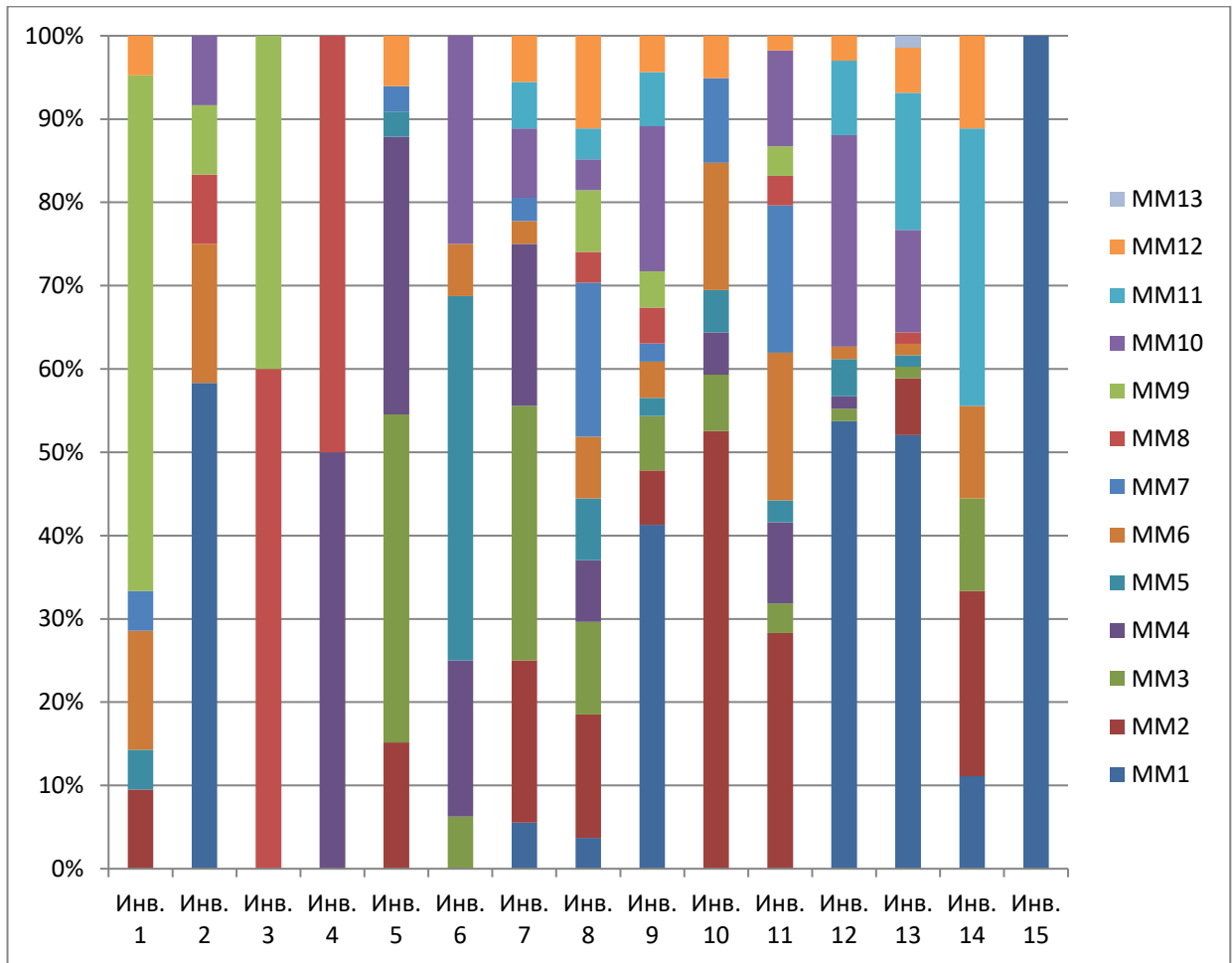
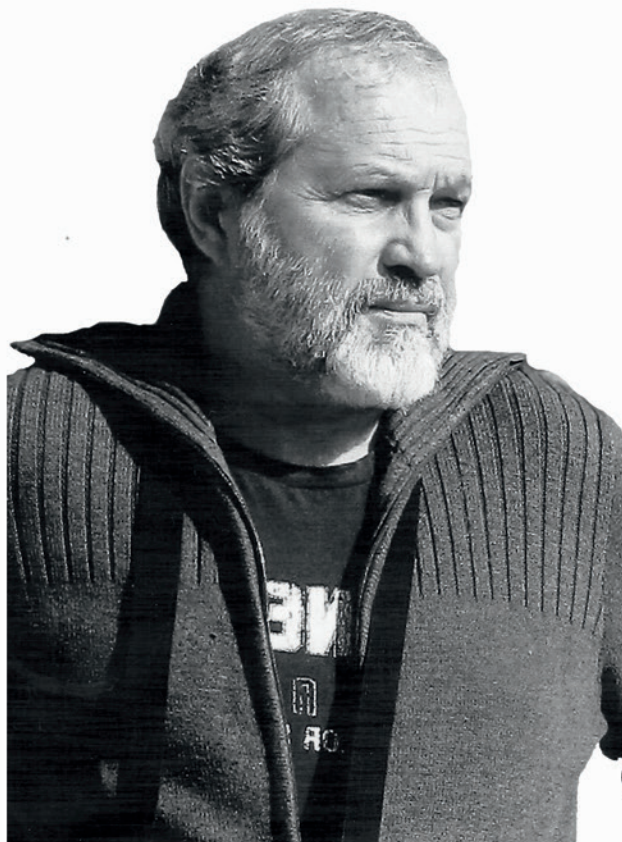

График 16. Месторасположение инвентаря в могиле. I –перв. пол. II вв. до н. э. Процентное соотношение.

**ПРИЛОЖЕНИЕ 2.
ИЛЛЮСТРАЦИИ.**

а

б

Рис. 1. Исследователи, внесшие наибольший вклад в археологическое изучение роксоланской проблемы: а - Константин Федорович Смирнов; б - Александр Владимирович Симоненко.

a

б

B

Рис. 2: а, б - херсонесский декрет в честь полководца Митридата IV Евпатора Диофанта; б - Скилур и его сын Палак на барельефе в Неаполе Скифском.

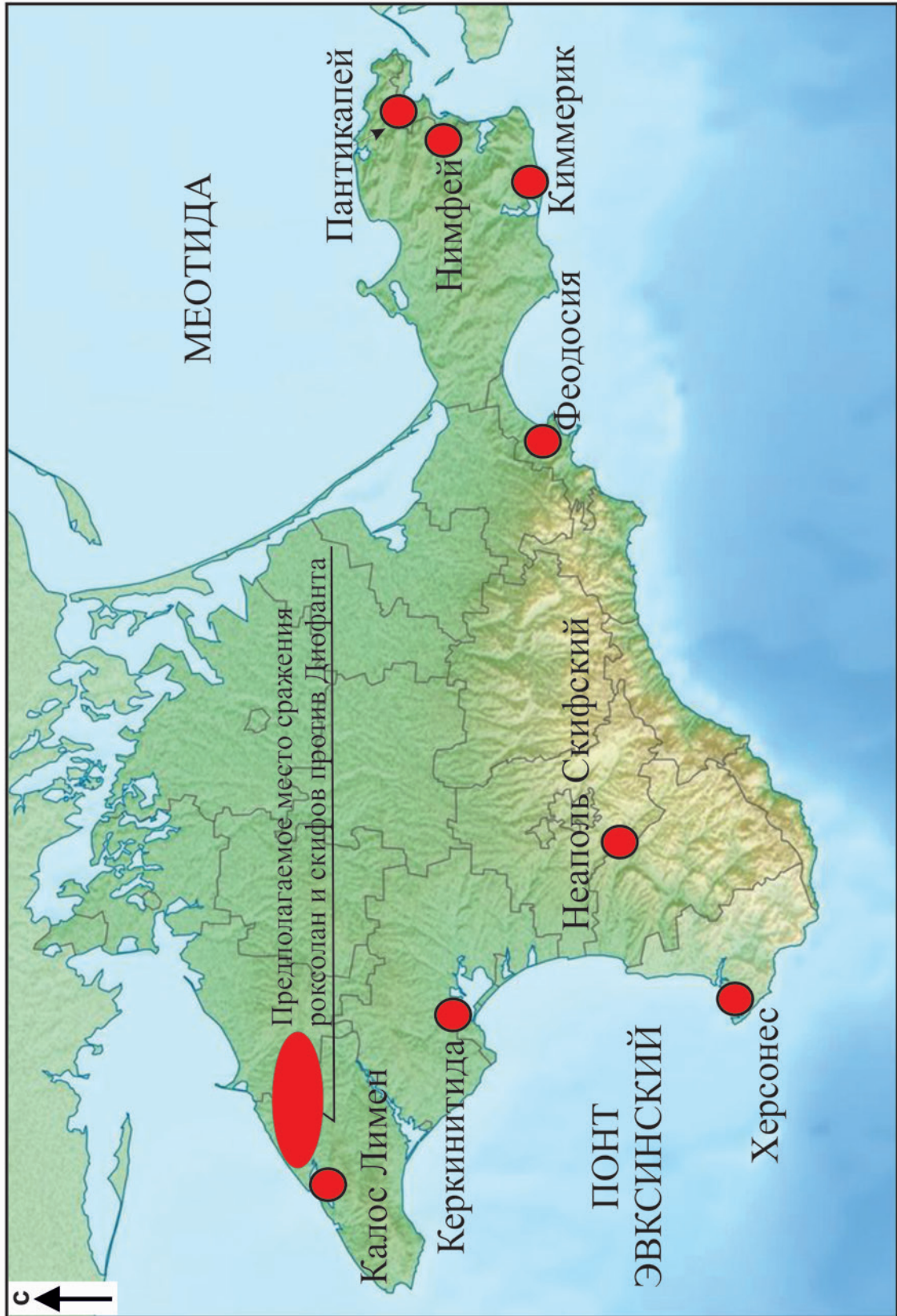

Рис. 3. Предполагаемое место сражения союзной армии роксолан и скифов против Диофанта.

Рис. 4. Этногеография Северного Причерноморья по Страбону.

Рис. 5. Роксоланы на карте Северо-Западного Причерноморья по Плинию-Старшему.

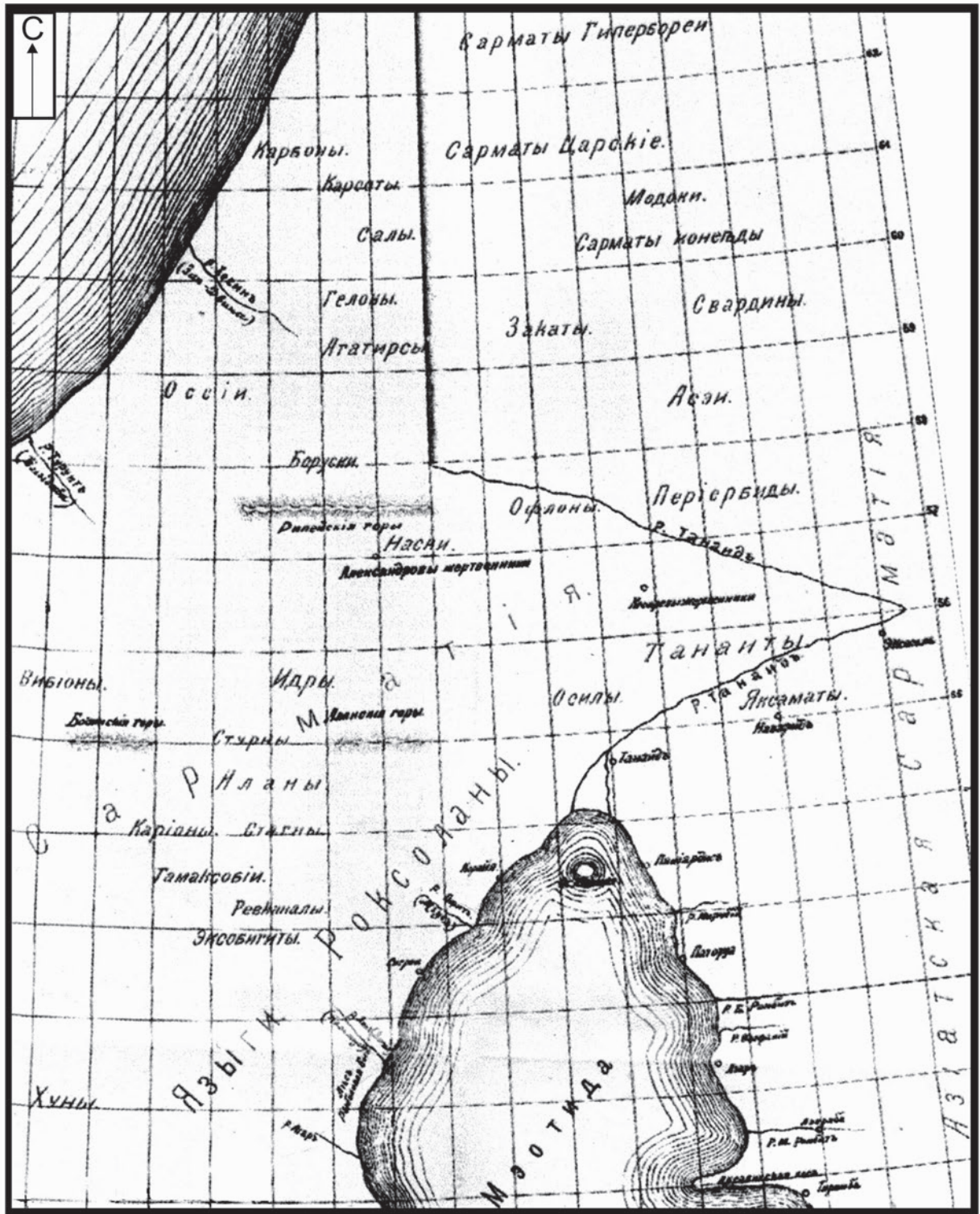
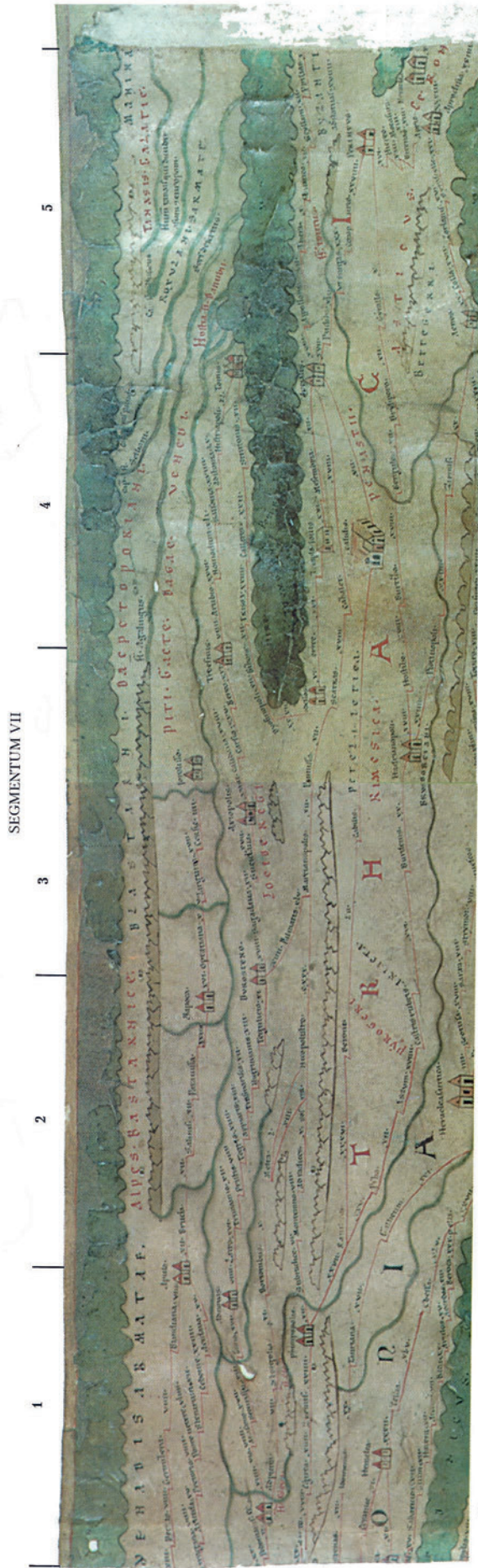
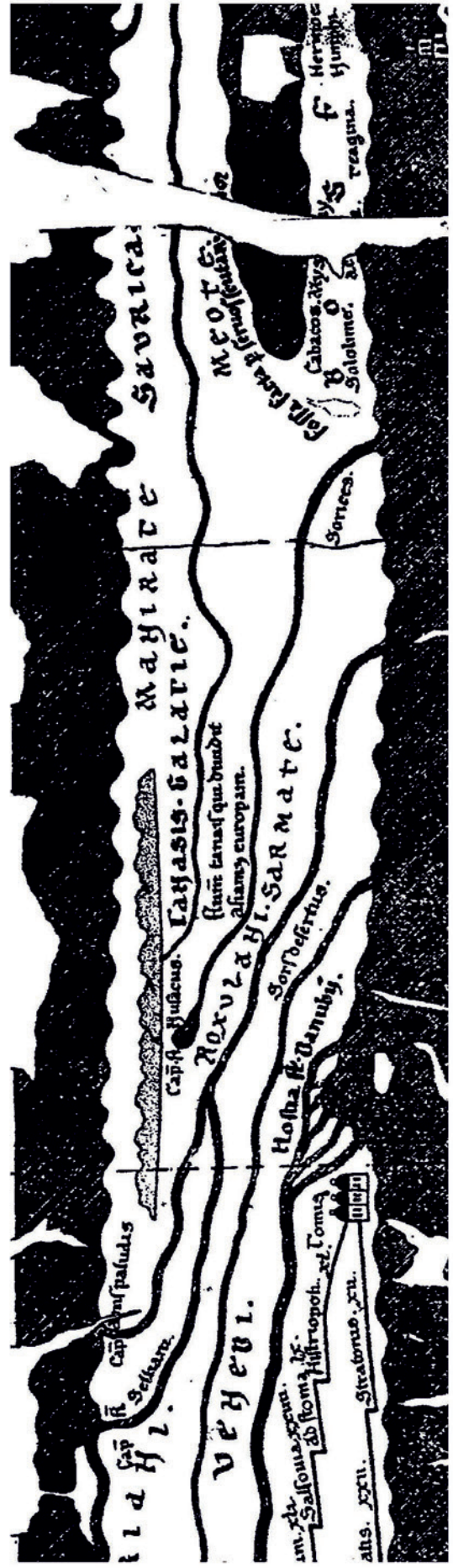

Рис. 6. Географическая локализация роксолан по Клавдию Птолемию (по: Кулаковский, 1899).

а

б

Рис. 7. Певтингеровы таблицы. Сегмент VII: а - фотокопия; б - прорисовка (по: Подосинов, 2008).

РОКСОЛАНЫ на карте мира
Равеннского Анонима.

Рис. 8. Карта мира по Равеннскому Анониму (по: Подосинов, 2008).

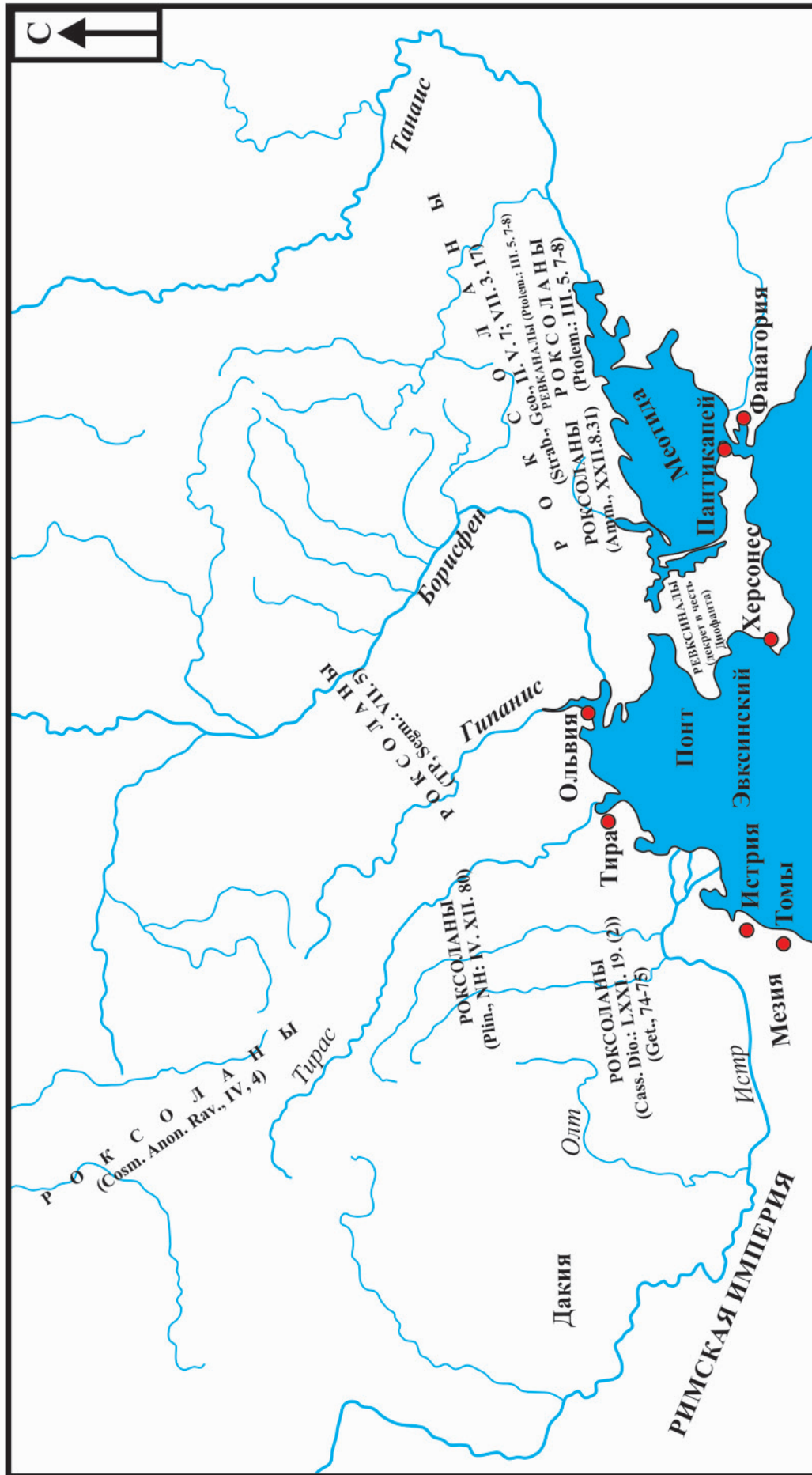

Рис. 9. Различная локализация роксолан в Восточной Европе согласно данным античной традиции.

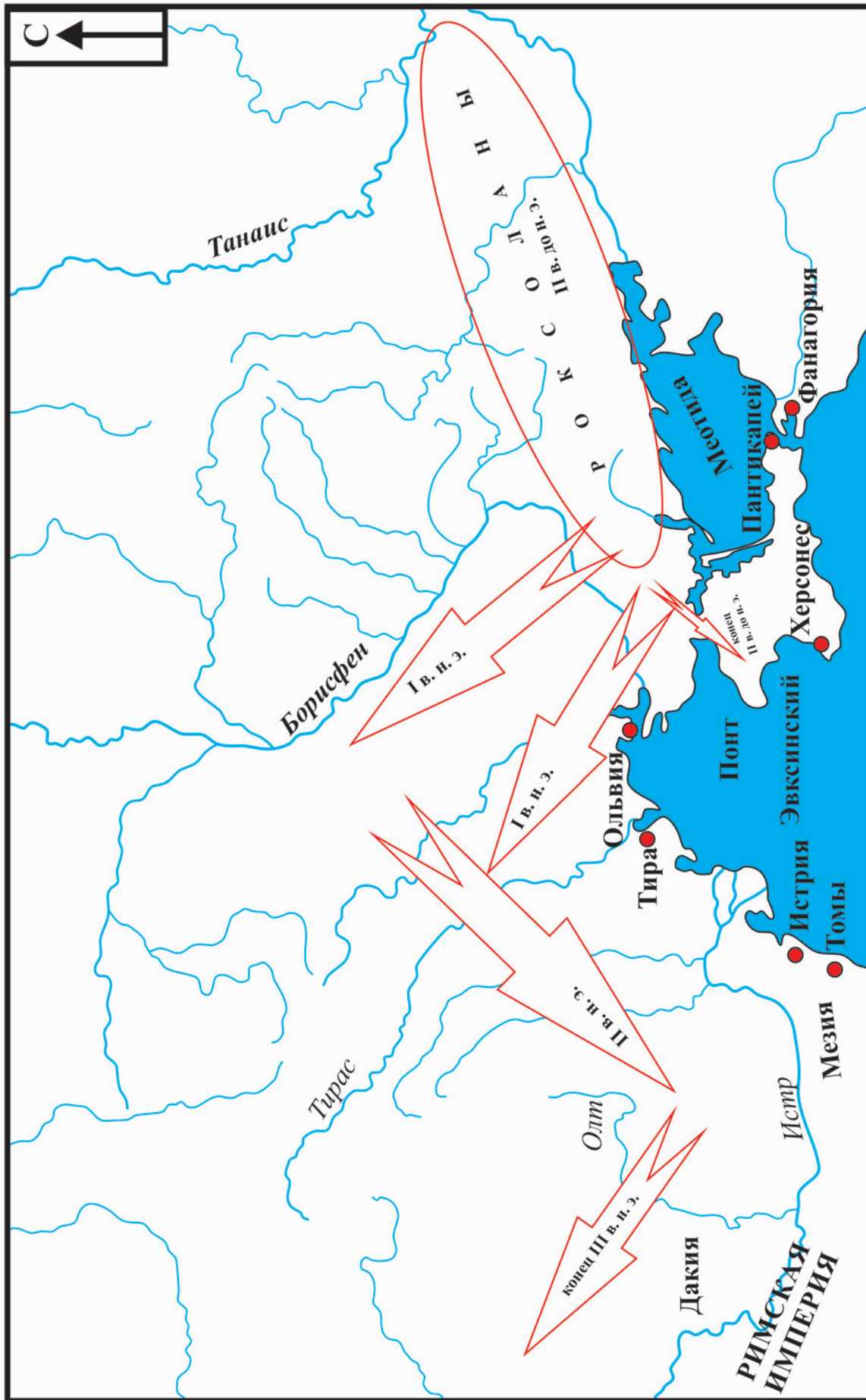

Рис. 10. Миграции роксолан в Восточной Европе на основе свидетельств античной традиции

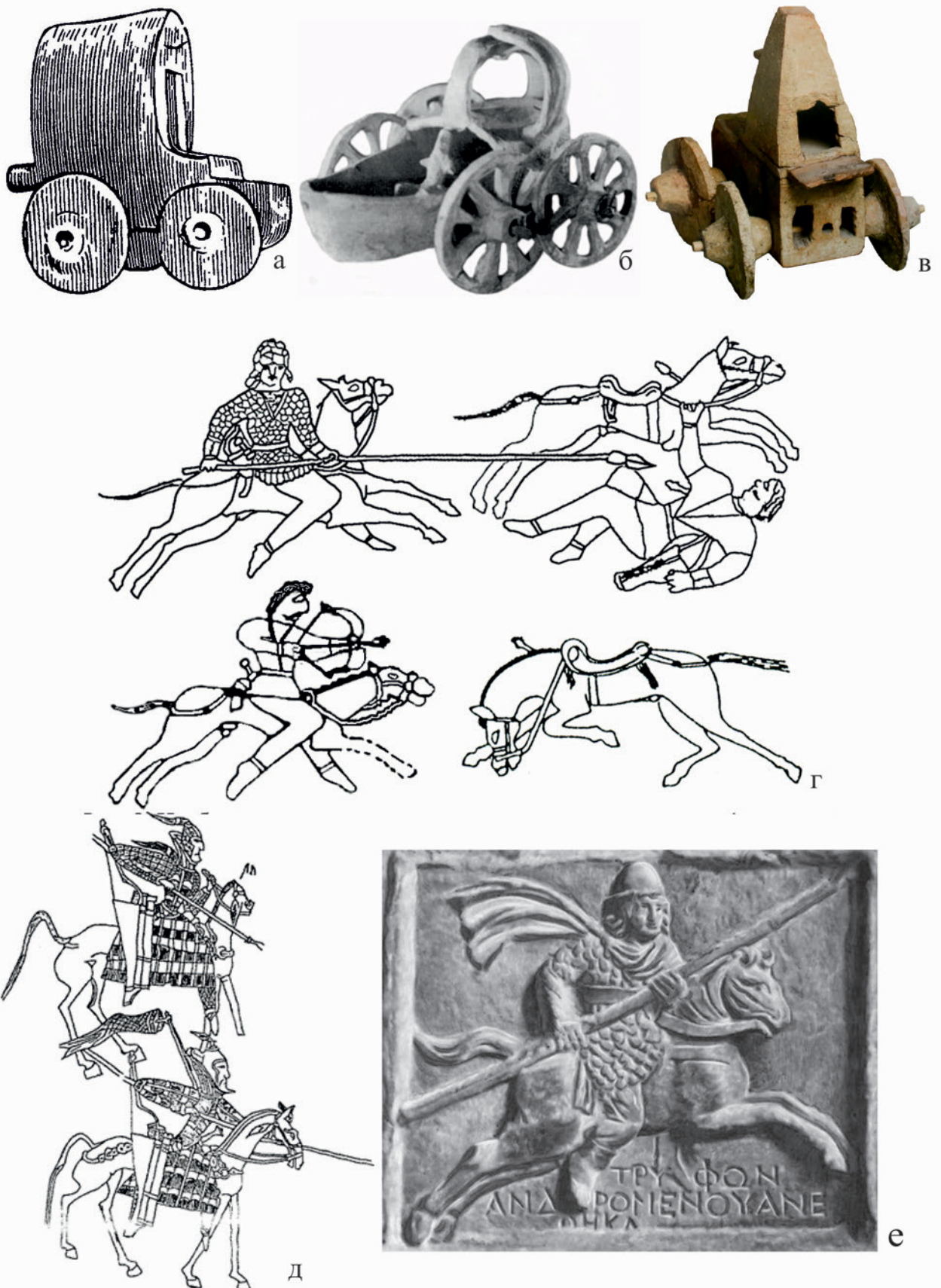

Рис. 11: а - глиняная модель повозки сарматского времени, Керчь (по: Степи..., 1989); б - глиняная модель скифской кибитки, первые века н.э., Керчь (по: Агбунов, 1989); в - глиняная модель повозки, I-II вв. н. э., Керчь (по: Засецкая, 2008); г - изображение всадников на сосуде из Косики, I в. н. э. (по: Трейстер, 1994); д - изображение всадников на Орлатской пластине, I-II вв. н. э. (по: Симоненко, 2002); е - надгробная плита пресбевта Трифона, I-III вв. н. э.

а

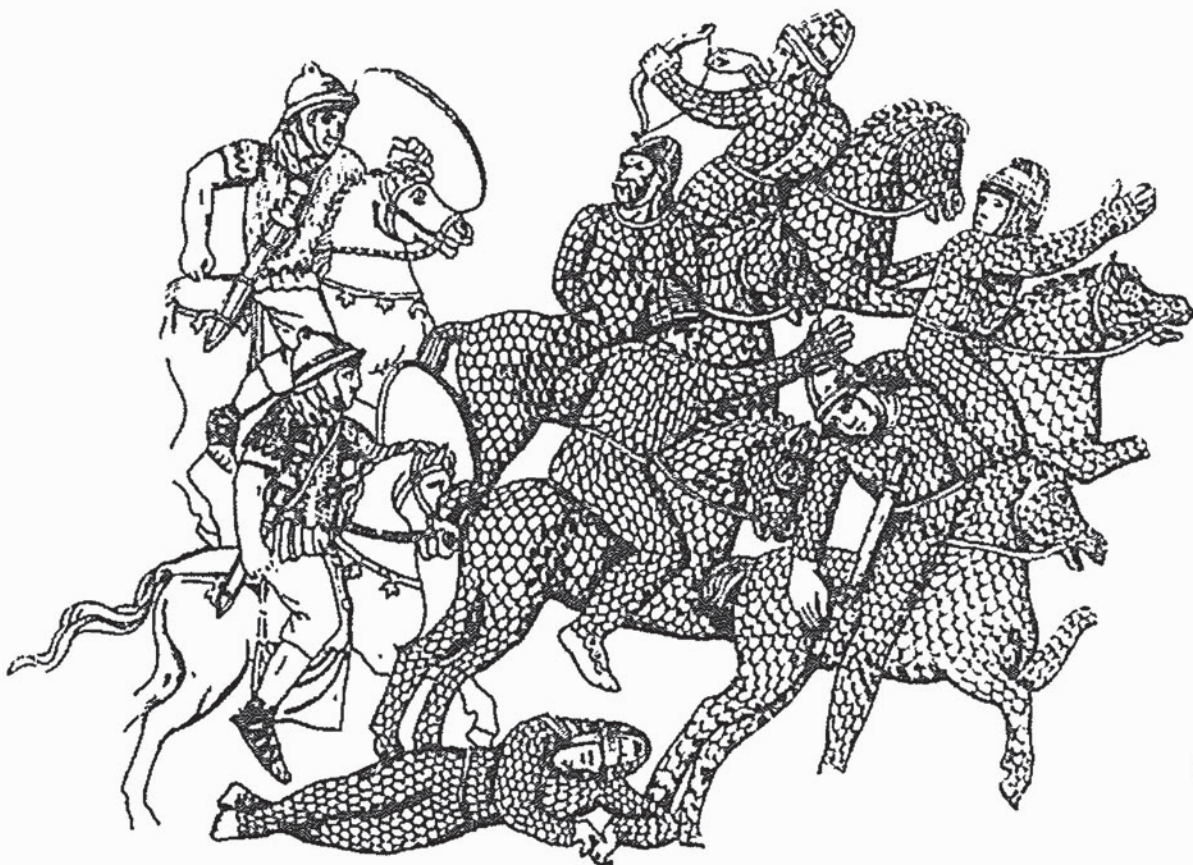

б

Рис. 12. Колонна Траяна: а - фото; б - фрагмент колонны с изображением пластинчатого доспеха.

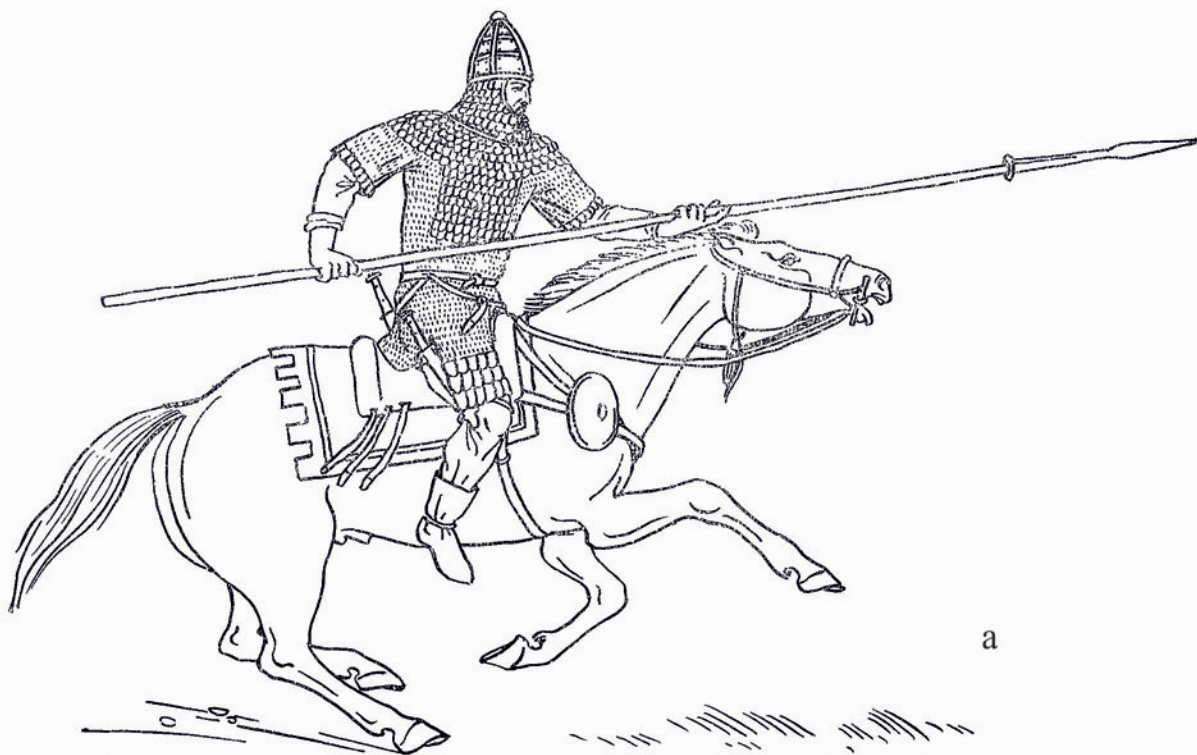

а

б

Рис. 13. Сарматские катафрактары, преследуемые римской конницей:
а - фрагмент колонны Траяна; б - прорисовка (по: Малашев, 1988).

a

б

Рис. 14. Сарматские катафракты (реконструкция): а - по: Хазанов, 1971; б - по: Симоненко, 2008, рис. Е. Адамкевича.

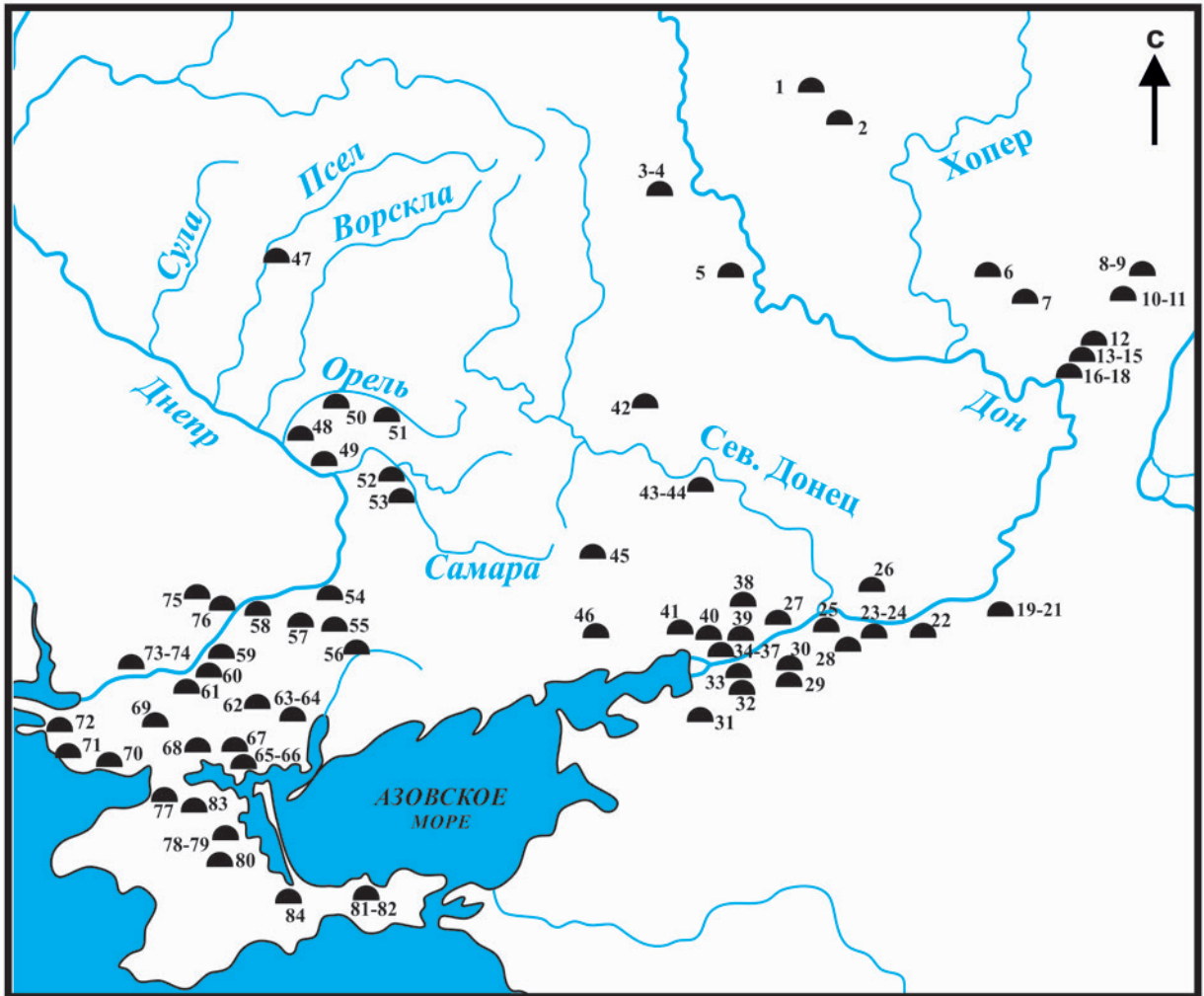

Рис. 15. Карта впускных раннесарматских погребений с ориентировкой умершего в северный полукруг.

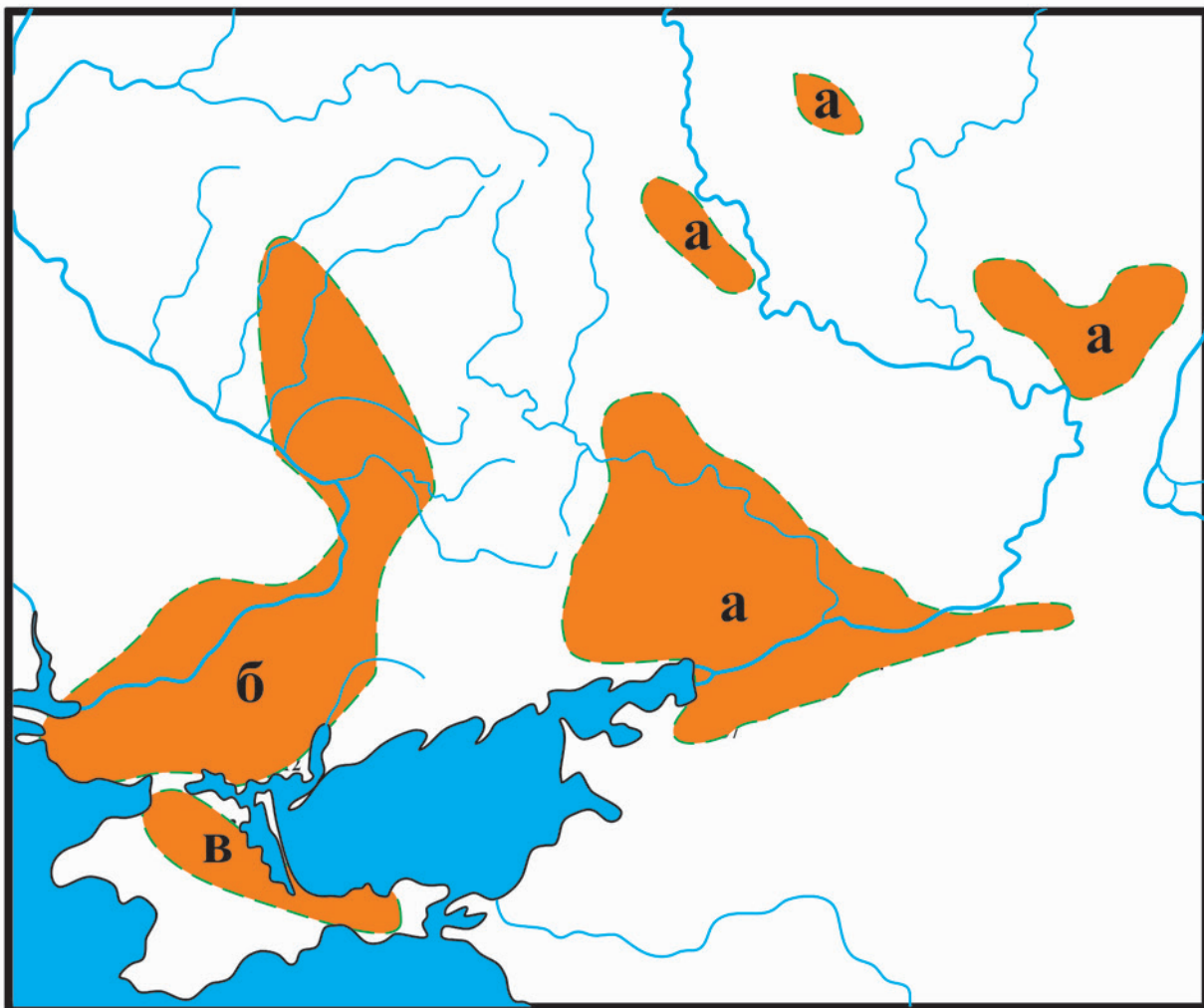

Рис. 16. Ареалы распространения сарматских погребений с северной ориентировкой. Пунктирными линиями выделены ареалы, по которым памятники сгруппированы в работе:
а - Подонье; б - Поднепровье; в - Крым.

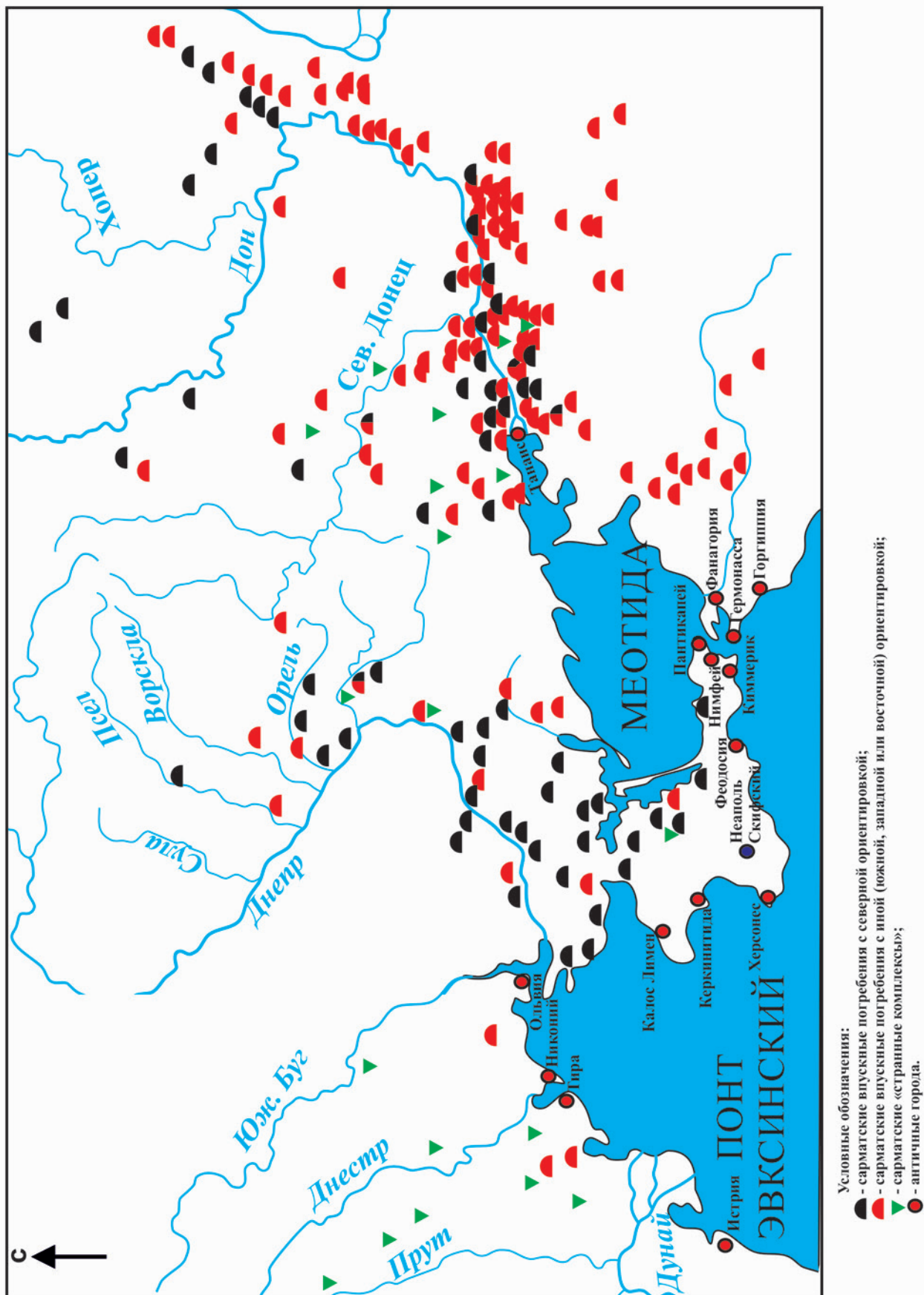

Рис. 17. Сарматские погребения с северной ориентировкой II-I вв. до н. э. в системе синхронных сарматских памятников северопричерноморского региона (Статистическая обработка... Вып. 2, 1997; Сергацков, 2000; Глебов, 2009; Симоненко, 2012).

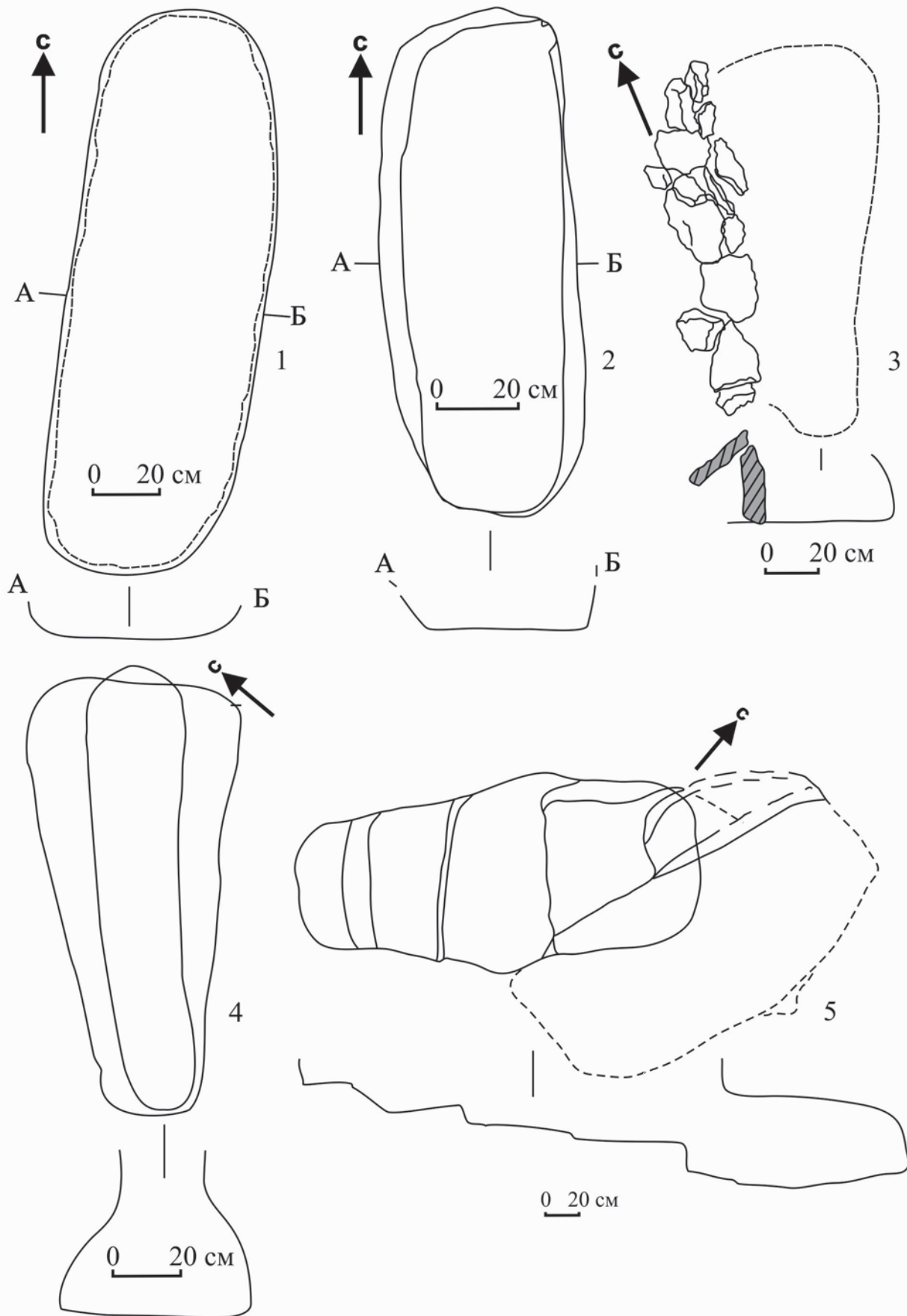

Рис. 18. Формы могильных ям раннесарматских погребений с северной ориентировкой в Подонье: 1 - Холодный-1/3 (по: Глебов, Парсуимов, 2003); 2 - Северо-Западный-I-1/7 (по: Власкин, 2000); 3 - Валовый-40/3 (по: Захаров, 1989); 4 - Ливенцовский-VII-22/7; 5 - Ливенцовский-VII-17/1 (оба по: Ильюков, 2003).

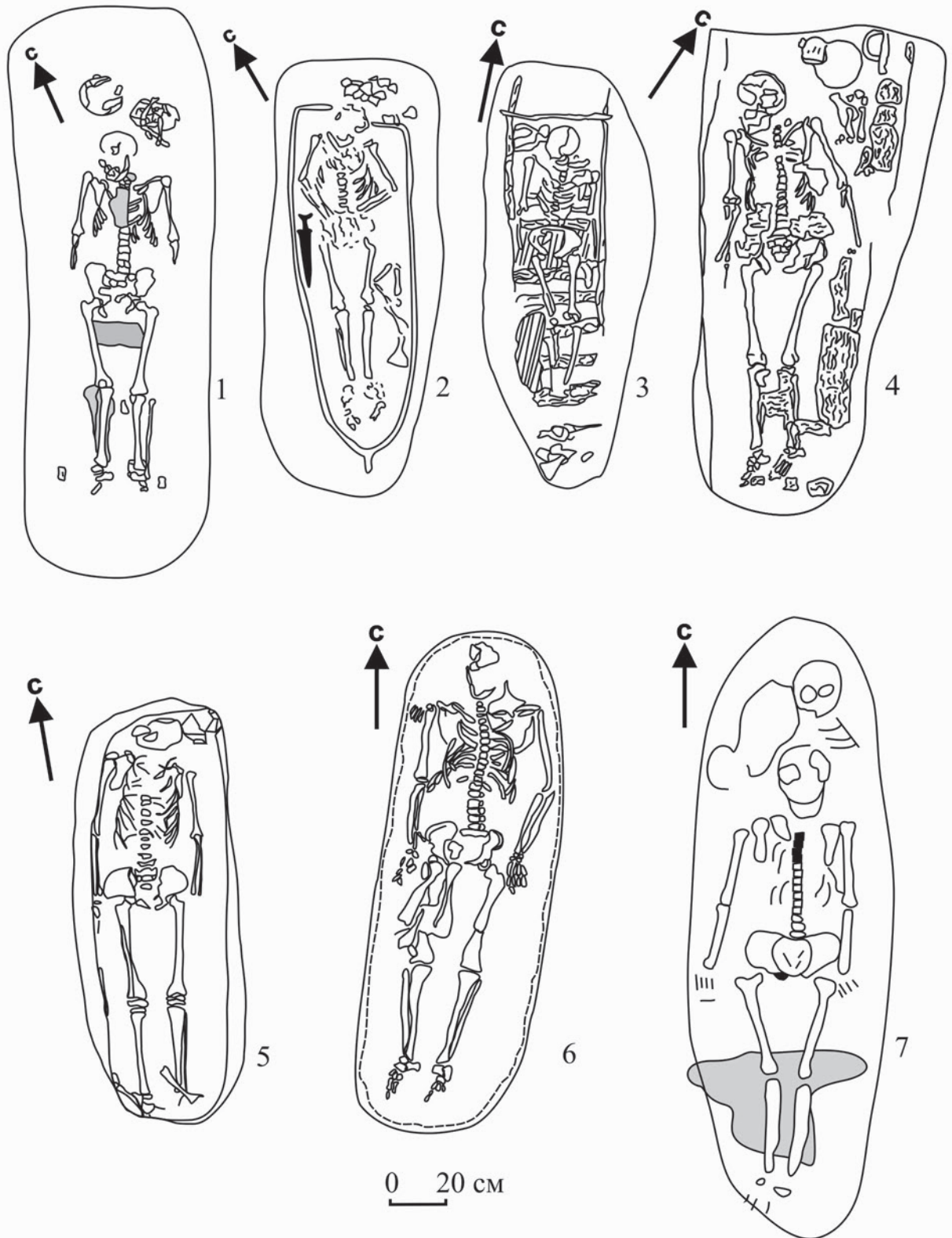

Рис. 19. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в Подонье: 1 - Аюта-I-1/3 (по: Глебов, 2008); 2 - Донской-1/31 (по: Ильюков, 2001); 3 - Донской-2/7 (по: Глебов, 2010); 4 - Ливенцовский-VII-31/1 (по: Глебов, Ильюков, 2010); 5 - Северо-Западный-I-1/7 (по: Власкин, 2000); 6 - Холодный-1/3 (по: Глебов, Парусимов, 2003); 7 - Сторожевой курган, п. 3 (по: Романовская, 1986).

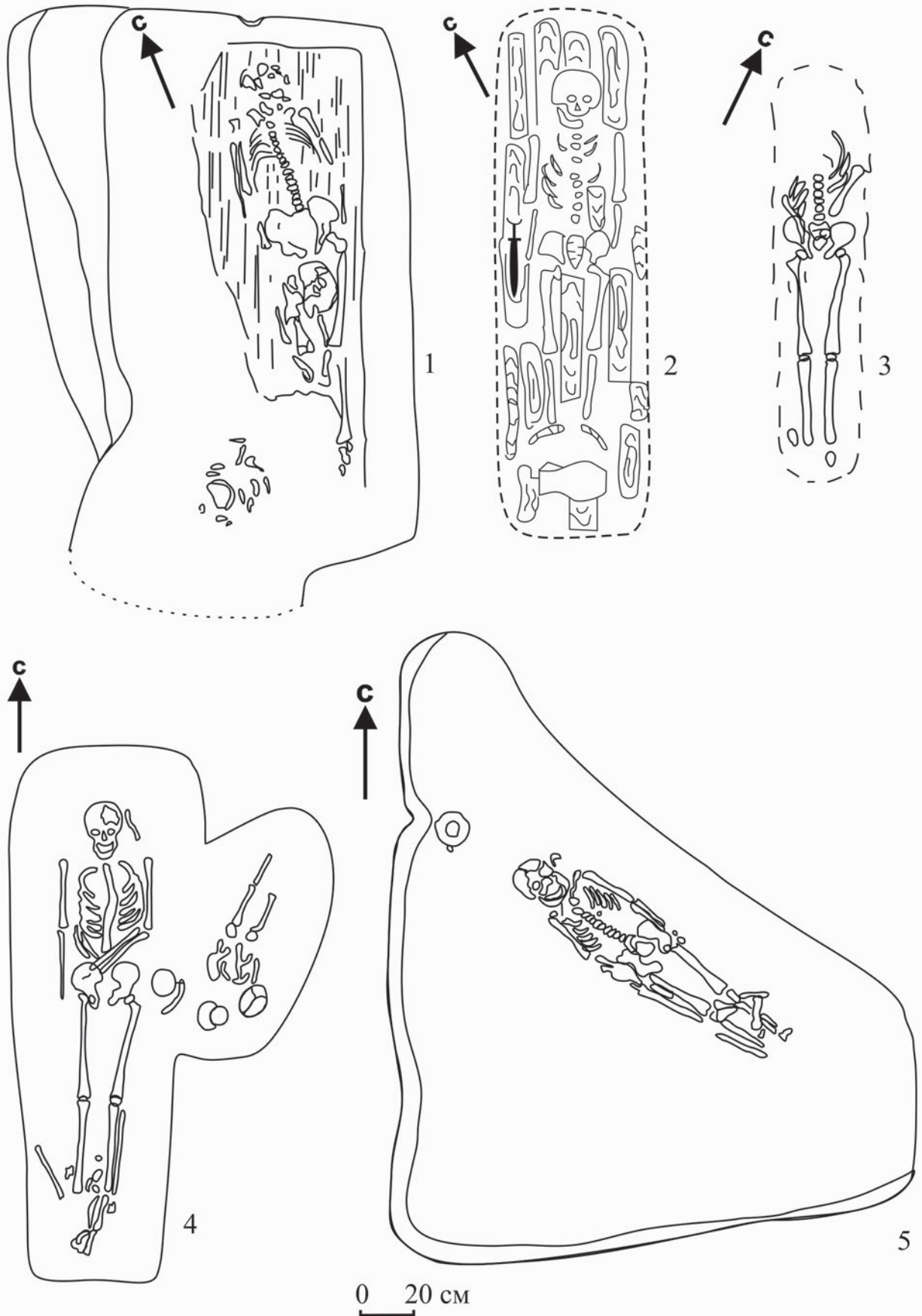

Рис. 20. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в Подонье (продолжение): 1 - Попов, п. 12 (по: Столяр, 1958); 2 - Короли-4/1 (по: Мамонтов, 2001); 3 - Авиловский-II-34/1; 4 - Авиловский-II-32/9; 5 - Тары - II-10/8 (по: Сергацков, Шинкарь, 2003).

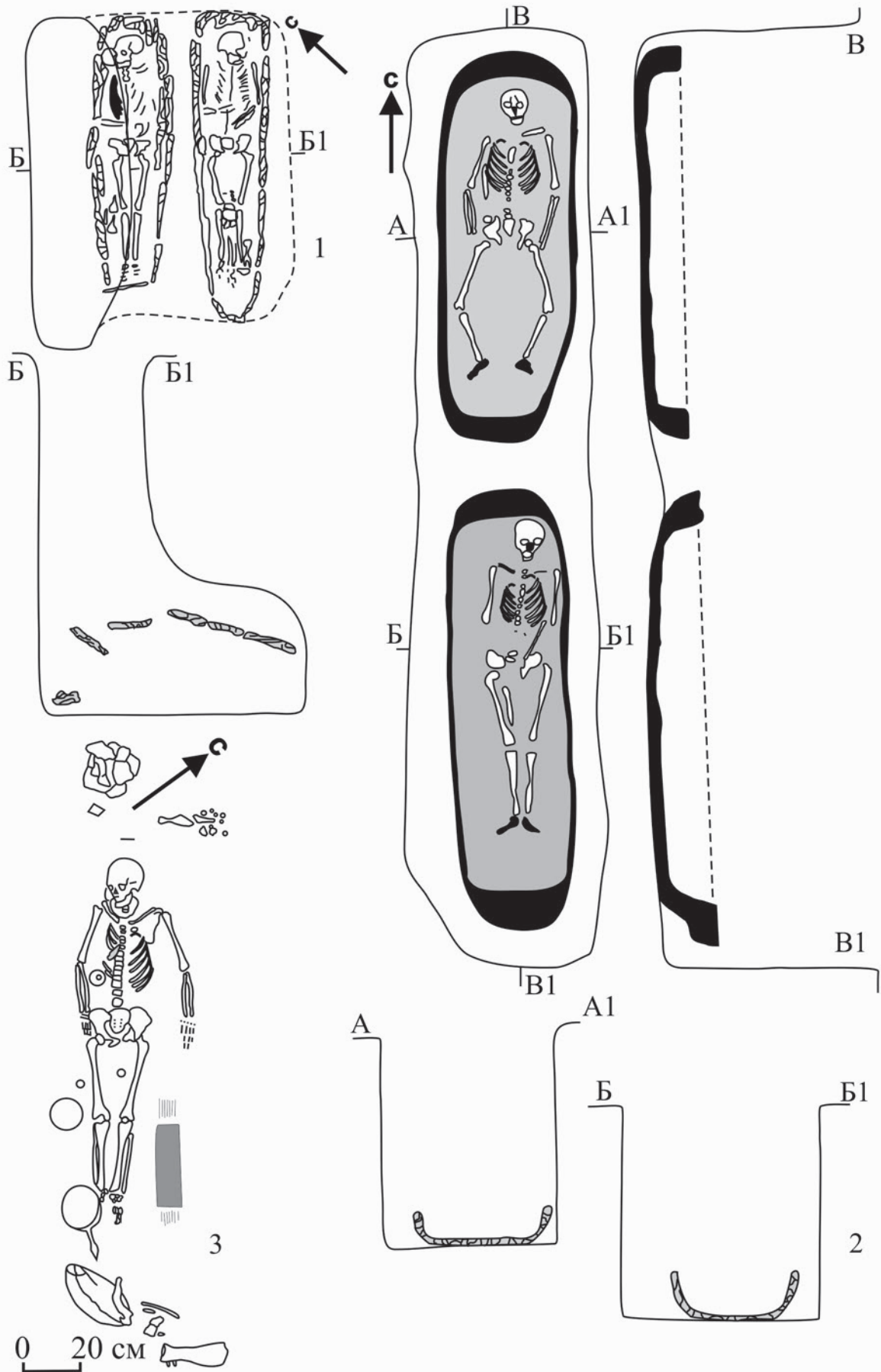

Рис. 21. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в Подонье (продолжение): 1 - Барановка-I-10/9; 2 - Писаревка-II, к. 6 п. 1 и п. 2 (оба по: Сергацков, Шинкарь, 2003); 3 - Алитуб (Крестовый)-3/20 (по: Захаров, 2000).

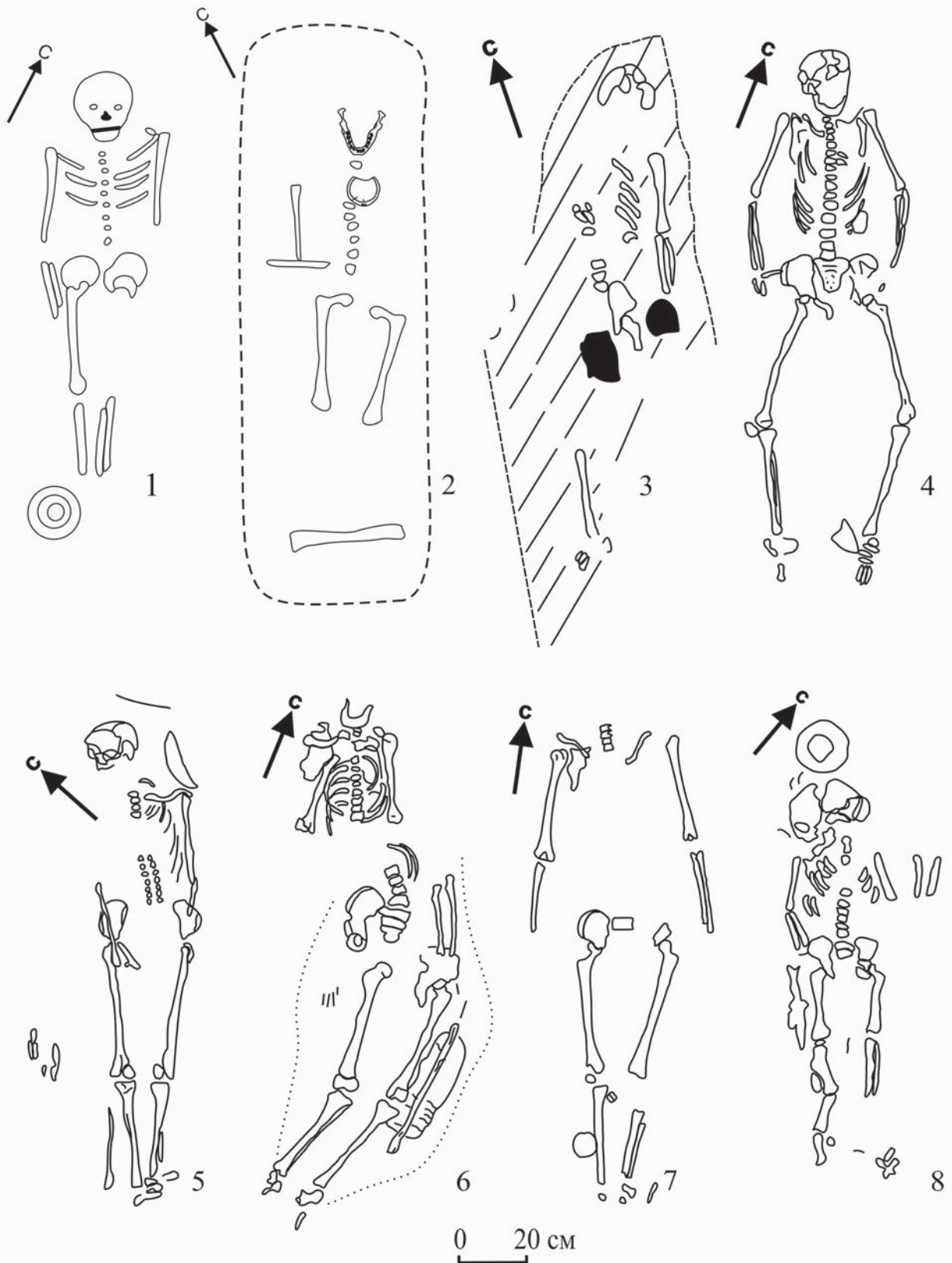

Рис. 22. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в Подонье (продолжение): 1 - Сасовка-8/2 (по: Медведев, 2008); 2 - Левашовка-1/1 (по: Корнюшин, 1969); 3 - Высочино-V-24/5 (по: Беспалый, Лукьяшко, 2008); 4 - Попов, п. 3; 5 - Попов, п. 5 (оба по: Столяр, 1958); 6 - Донской-1/21 (по: Ильюков, 2001); 7 - Матюхин Бугор, п. 1 (по: Глебов, Смоляк, 1998); 8 - Тары-II-10/3 (по: Сергацков, Шинкарь, 2003).

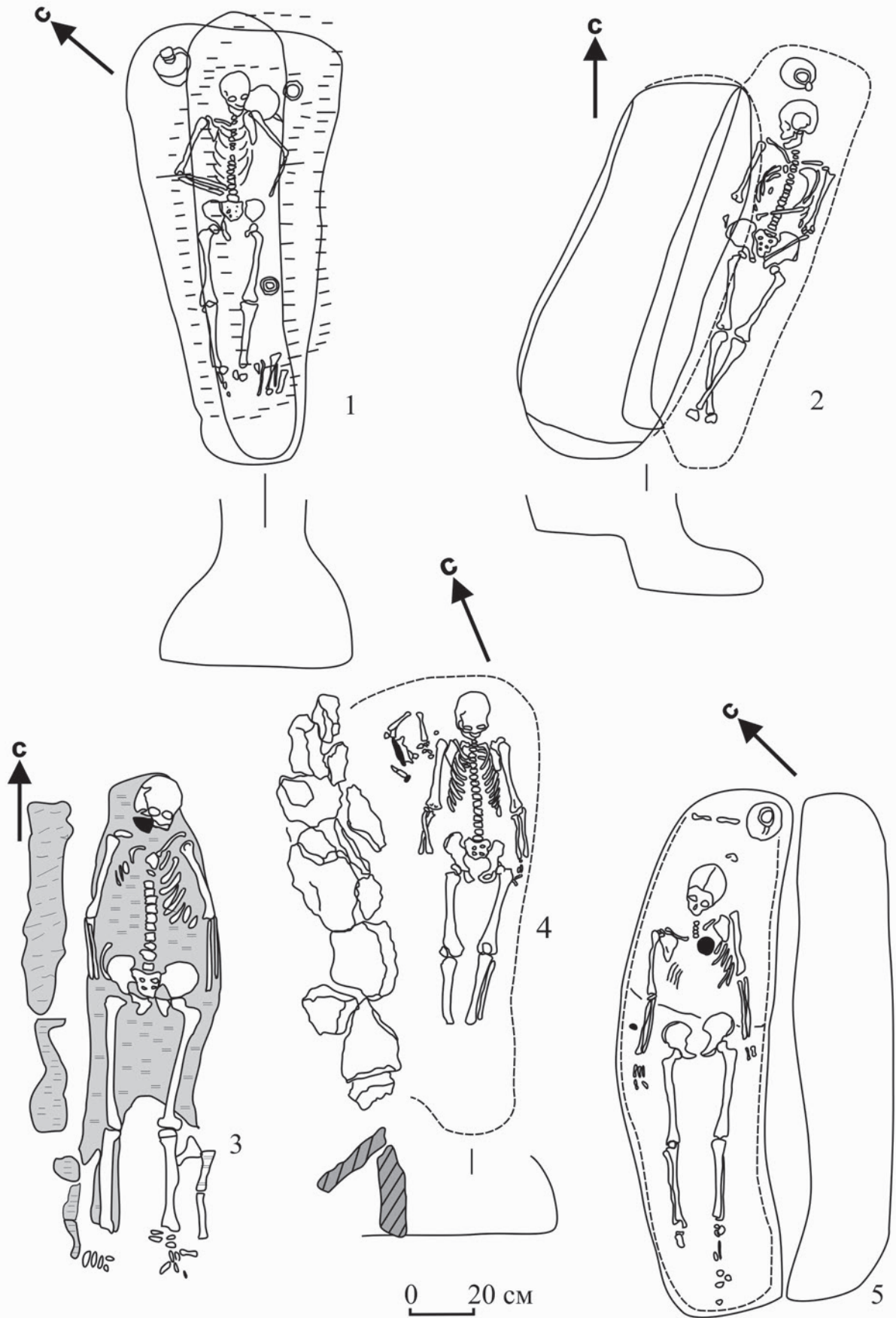
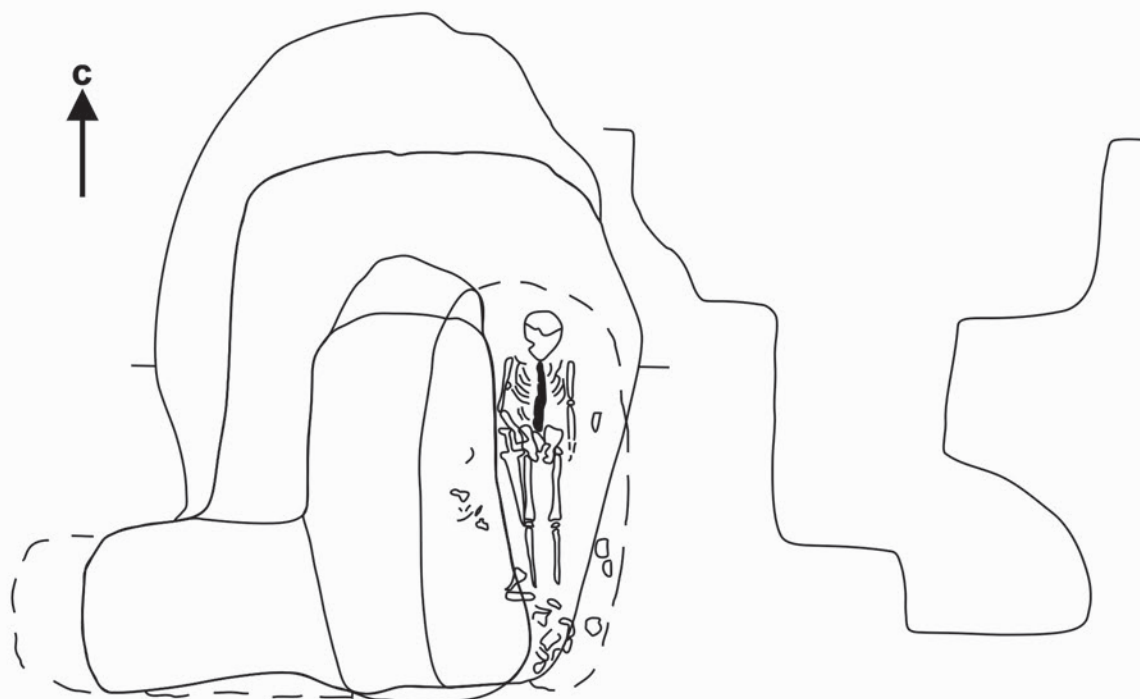
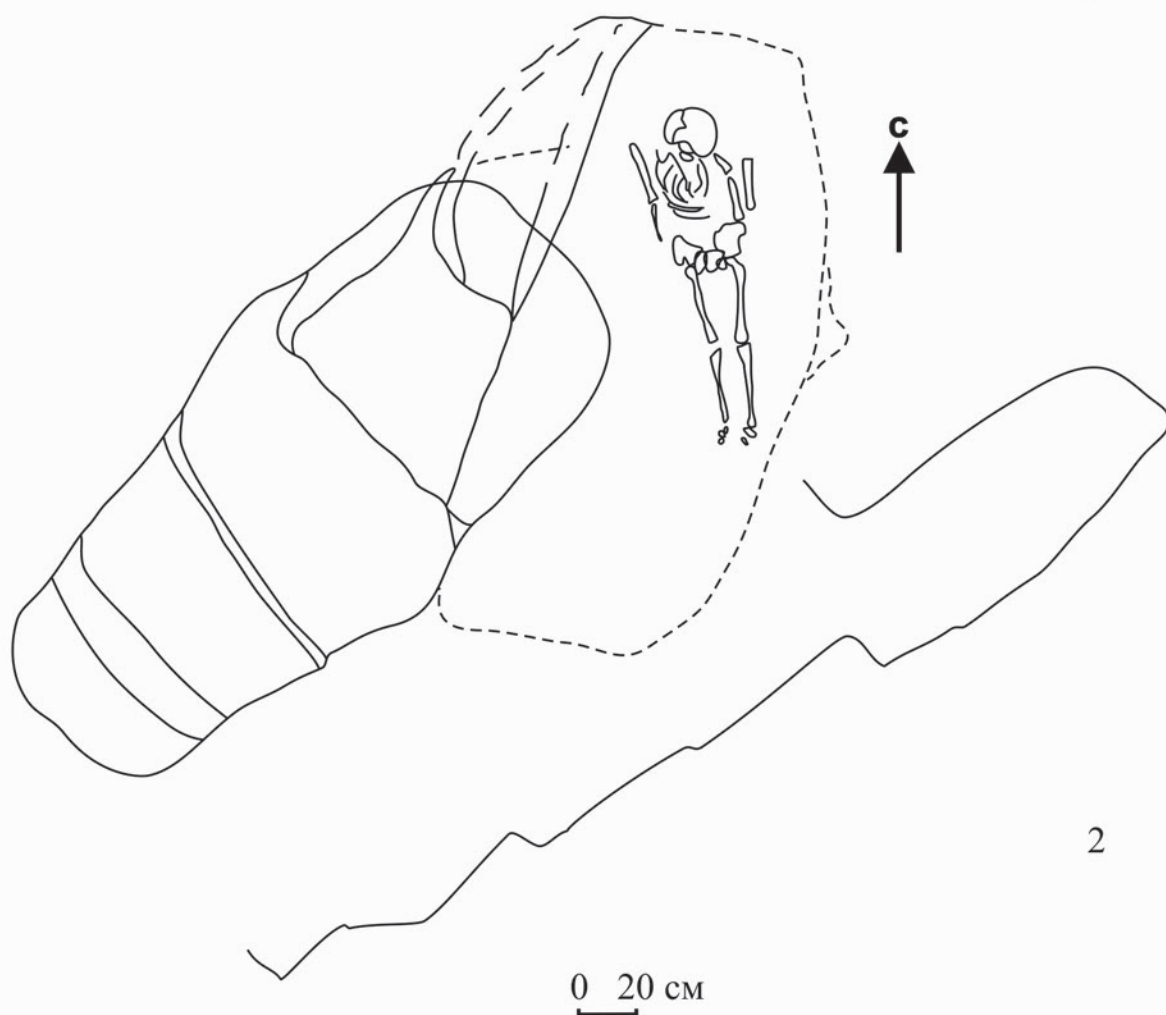

Рис. 23. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в Подонье (продолжение): 1 - Ливенцовский-VII-22/7; 2 - Ливенцовский-VII-22/6 (оба по: Ильюков, 2003); 3 - Балабинский-I-35/2 (по: Смирнов, 1977); 4 - Валовый-40/3 (по: Захаров, 1989); 5 - Никитин-I-3/5 (по: Глебов, 2008).

1

2

0 20 см

Рис. 24. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в Подонье (продолжение): 1 -Тары-III-2/2 (по: Сергацков, Шинкарь, 2003); 2 - Ливенцовский-VII-17/1 (по: Ларенок, 2007).

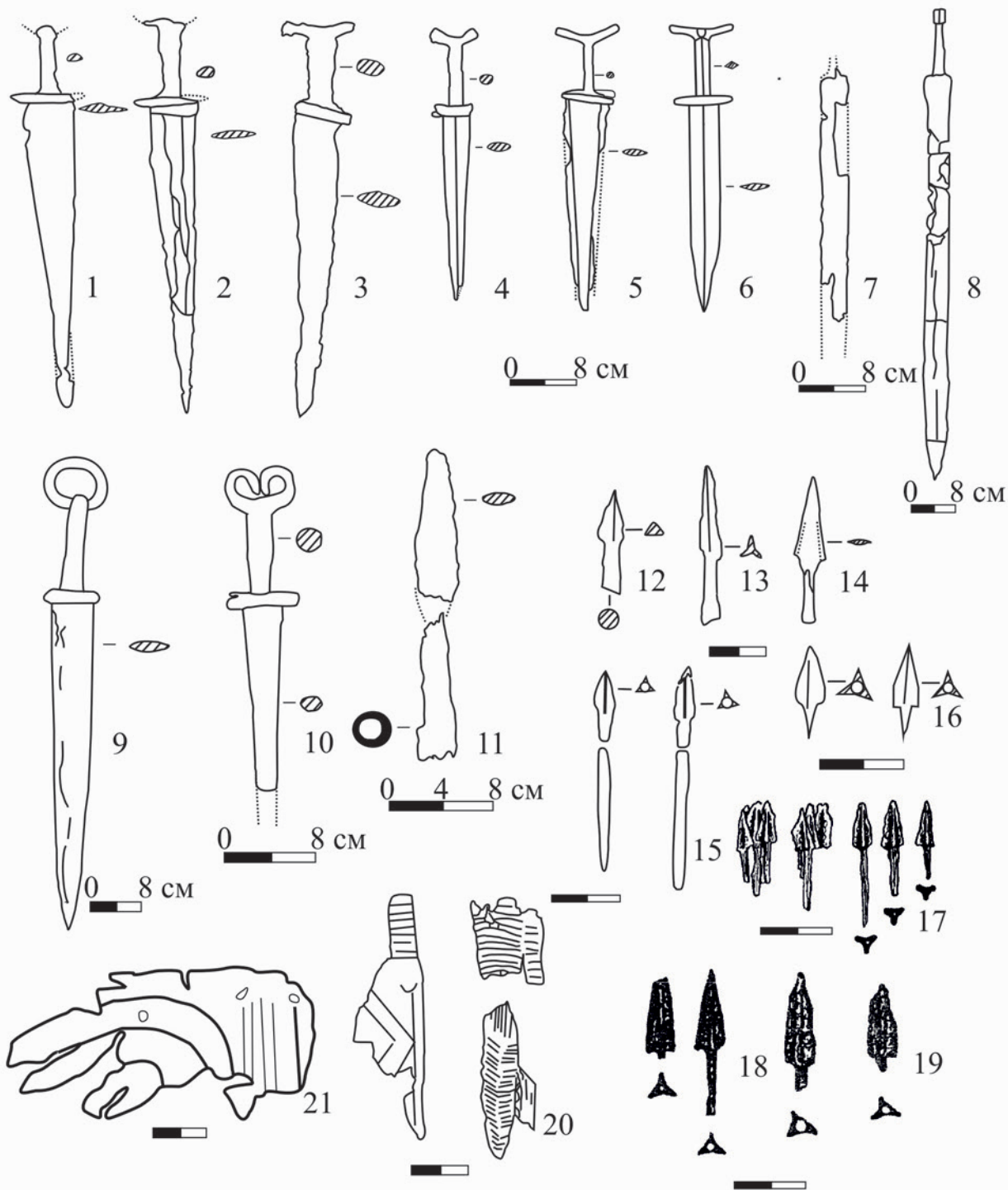

Рис. 25. Вооружение из раннесарматских погребений с северной ориентировкой в Подонье. Мечи и кинжалы: 1 - Писаревка-II-6/1, 2 - Писаревка-II-6/2; 3 - Барановка-I-10/9; 4 - Тары-II-10/8 (по: Сергацков, Шинкарь, 2003); 5 - Донской-1/31 (по: Ильюков, 2001); 6 - Короли-4/1 (по: Мамонтов, 2001); 7 - Донской-1/21 (по: Ильюков, 2001); 8 - Арпачин-40/10 (по: Раев, 1979); 9 - Донской-2/7 (по: Максименко, 1998); 10 - Тары-II-10/3. Наконечник дротика: 11 - Барановка-I-10/1 (оба по: Сергацков, Шинкарь, 2003). Наконечники стрел: 12 - Александровск-10/2 (по: Смирнов, 1984); 13 - Алитуб-3/20 (по: Захаров, 2000); 14, 15 - Донской-1/21 (по: Ильюков, 2001); 16 - Короли-4/1 (по: Мамонтов, 2001); 17 - Барановка-I-10/9; 18 - Тары-II-10/3; 19 - Тары-II-10/8. Остатки колчана: 20 - Барановка-I-10/9 (по: Сергацков, Шинкарь, 2003); 21 - Короли-4/1 (по: Мамонтов, 2001).

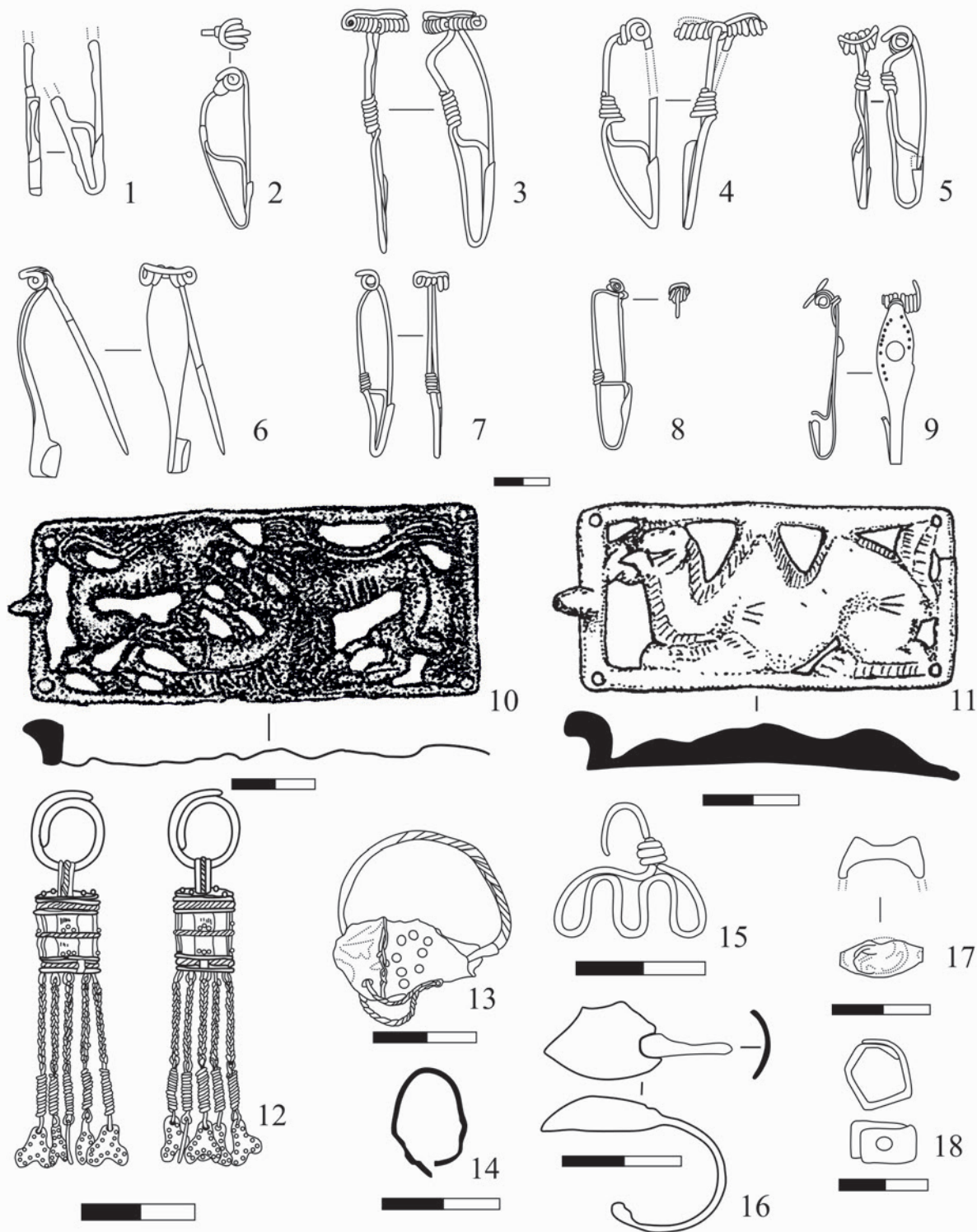

Рис. 26. Детали костюма и украшение из раннесарматских погребений с северной ориентировкой в Подонье. Фибулы: 1 - Донской-2/7; 2 - Никитин-I-3/5; 3 - Валовый-40/3; 4 - Арпачин-40/10; 5 - Высочино-V-24/5; 6 - Аюта-I-1/3; 7 - Ливенцовский-VII-31/1 (по: Глебов, 2009); 8 - Писаревка-II-6/2; 9 - Лебяжье - 1/с (по: Кропотов, 2012). Пряжки: 10 - Писаревка-II-6/2 (по: Сергацков, Шинкар, 2003); 11 - Донской-1/21 (по: Ильюков, 2001). Украшения: 12 - Алитуб (Захаров, 2000); 13 - Холодный-1/3 (по: Глебов, Парусимов, 2003); 14 - Ливенцовский-VII-31/1 (по: Глебов, Ильюков, 2010); 15 - Никитин-I-3/5 (по: Глебов, 2008); 16 - Лебяжье-1/d (по: Гущина, Фирсов, 2000); 17 - Донской-1/21 (по: Ильюков, 2001); 18 - Койсуг-7/25 (по: Максименко, 1998).

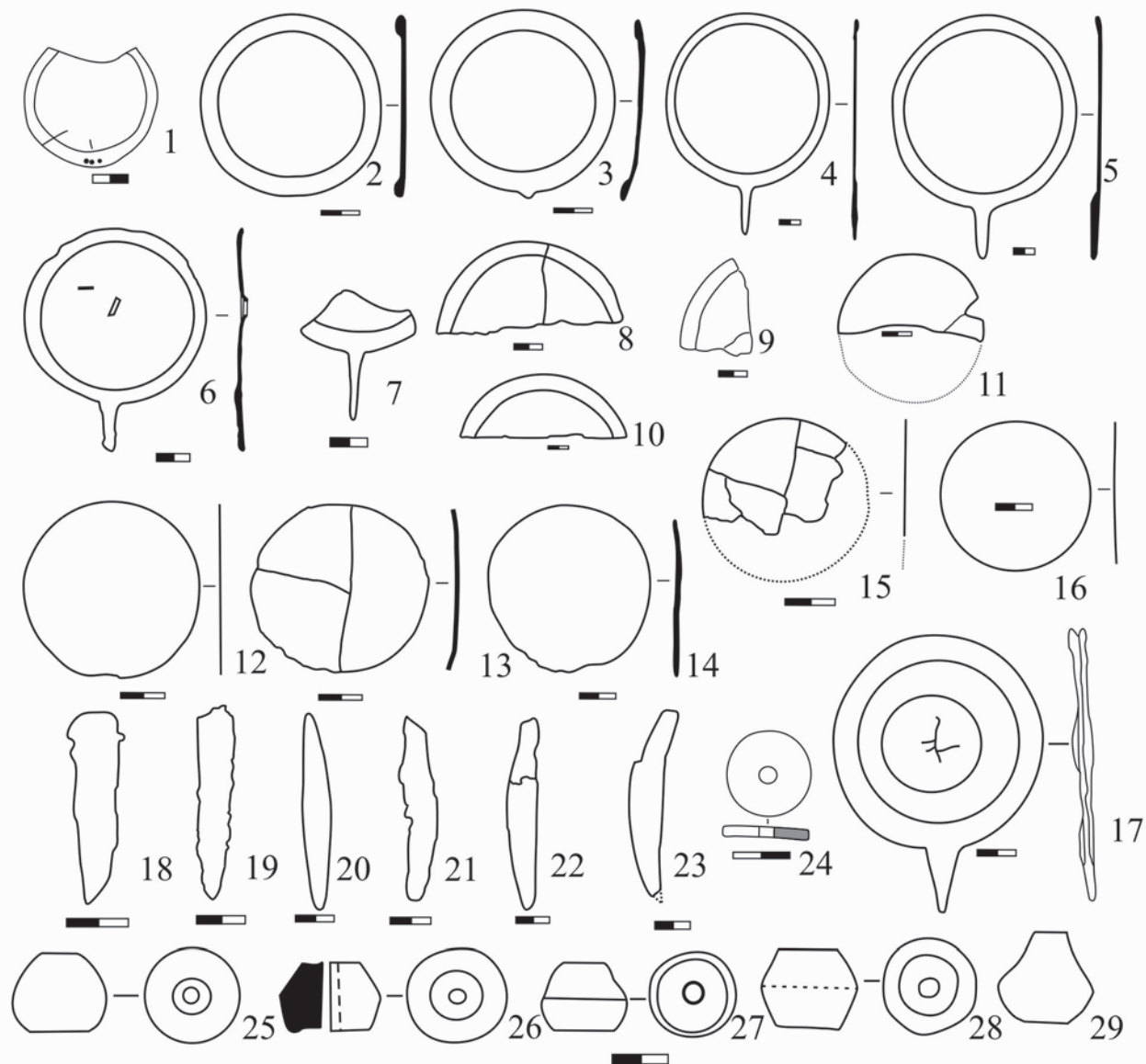

Рис. 27. Инвентарь из раннесарматских погребений с северной ориентировкой в Подонье. Зеркала: 1 - Левашовка-1/1 (по: Корнюшин, 1969); 2 - Авиловский-32/9; 3 - Барановка-10/9 (оба по: Сергацков, Шинкарь, 2003); 4 - Ливенцовский-VII-22/7 (по: Ильюков, 2003); 5 - Холодный-1/3 (по: Глебов, Парусимов, 2003); 6 - Лебяжье-1/3d; 7 - Лебяжье-1/2с (оба по: Гущина, Фирсов, 2000); 8 - Балабинский-I-35/2 (по: Смирнов, 1977); 9 - Попов-30/6, п. 3; 10 - Попов-30/6, п. 5 (оба по: Столяр, 1958); 11 - Александровск-10/2 (по: Смирнов, 1984); 12 - Ливенцовский-VII-31/1 (по: Глебов, Ильюков, 2010); 13 - Никитин-I-3/5 (по: Глебов, 2008); 14 - Сторожевой курган, п. 3 (по: Романовская, 1986); 15 - Матюхин бугор, п. 1 (Глебов, Смоляк, 1998); 16 - Койсуг-7/25 (по: Максименко, 1998); 17 - Писаревка-II-6/2 (по: Сергацков, Шинкарь, 2003). Ножи: 18 - Александровск-7/2 (по: Смирнов, 1984); 19 - Лебяжье-1/2с (по: Гущина, Фирсов, 2000); 20 - Ливенцовский-VII-22/7 (по: Ильюков, 2003); 21 - Ливенцовский-VII-31/1 (по: Глебов, Ильюков, 2010); 22 - Никитин-I-3/5 (по: Глебов, 2008); 23 - Арпачин-40/10 (по: Раев, 1979). Прясла: 24 - Левашовка-1/1 (по: Корнюшин, 1969); 25 - Матюхин Бугор, п. 1 (по: Глебов, Смоляк, 1998); 26 - Никитин-I-3/5 (по: Глебов, 2008); 27 - Барановка-I-10/9 (по: Сергацков, Шинкарь, 2003); 28 - Ливенцовский-VII-22/7 (по: Ильюков, 2003); 29 - Александровск-10/2 (по: Смирнов, 1984).

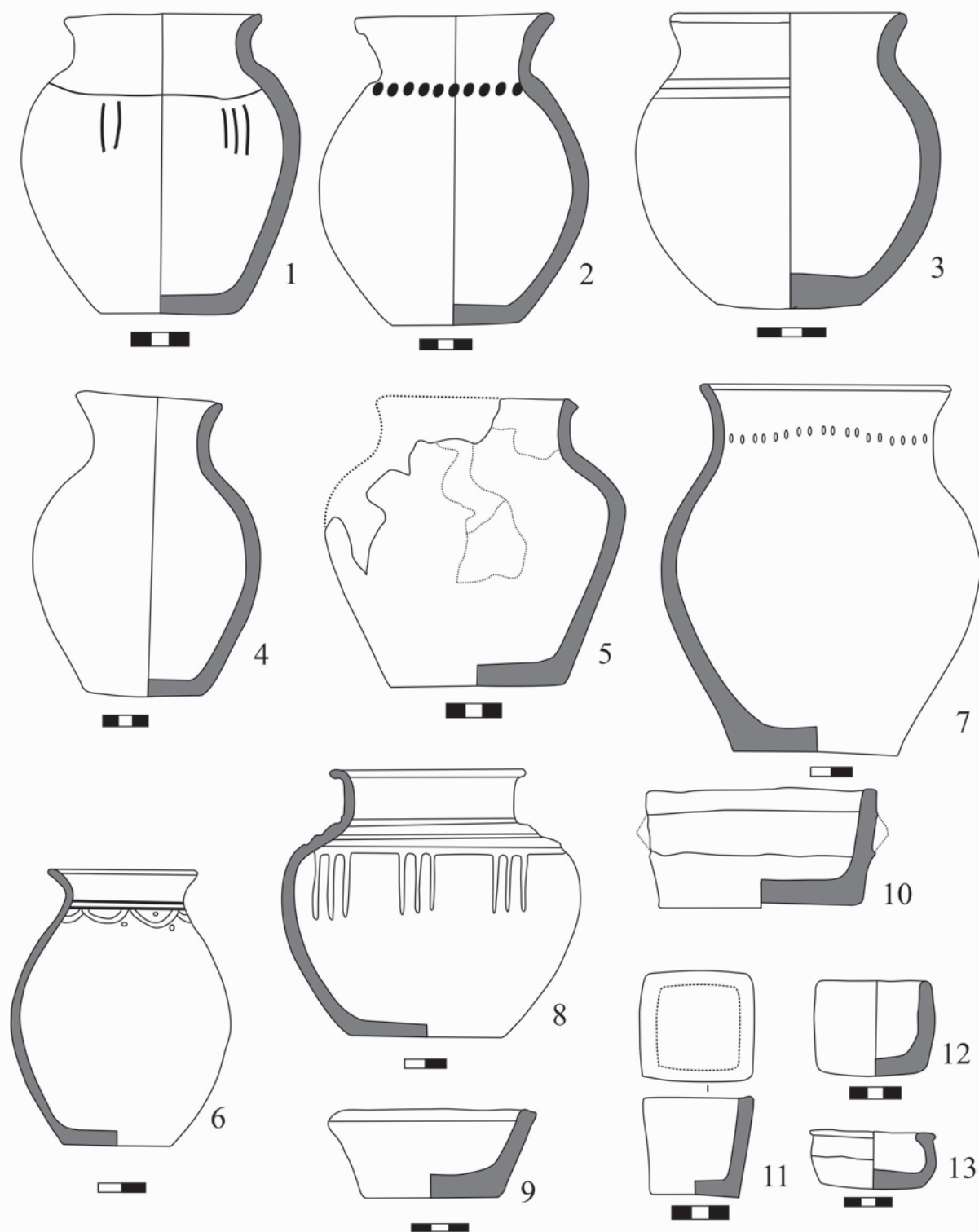

Рис. 28. Лепная посуда из раннесарматских погребений с северной ориентировкой в Подонье: 1 - Тары-II-2/2; 2 - Тары-II-10/3; 3 - Авиловский-II-32/9; 4 - Авиловский-II-34/8 (все по: Сергацков, Шинкарь, 2003); 5 - Донской-1/31 (по: Ильюков, 2001); 6 - Монастырка, п. 1; 7 - Сасовка-8/3; 8 - Сасовка-8/2 (все по: Медведев, 1990); 9-11 - Ливенцовский-VII-22/7 (по: Ильюков, 2003); 12, 13 - Авиловский-II-34/8 (оба по: Сергацков, Шинкарь, 2003); .

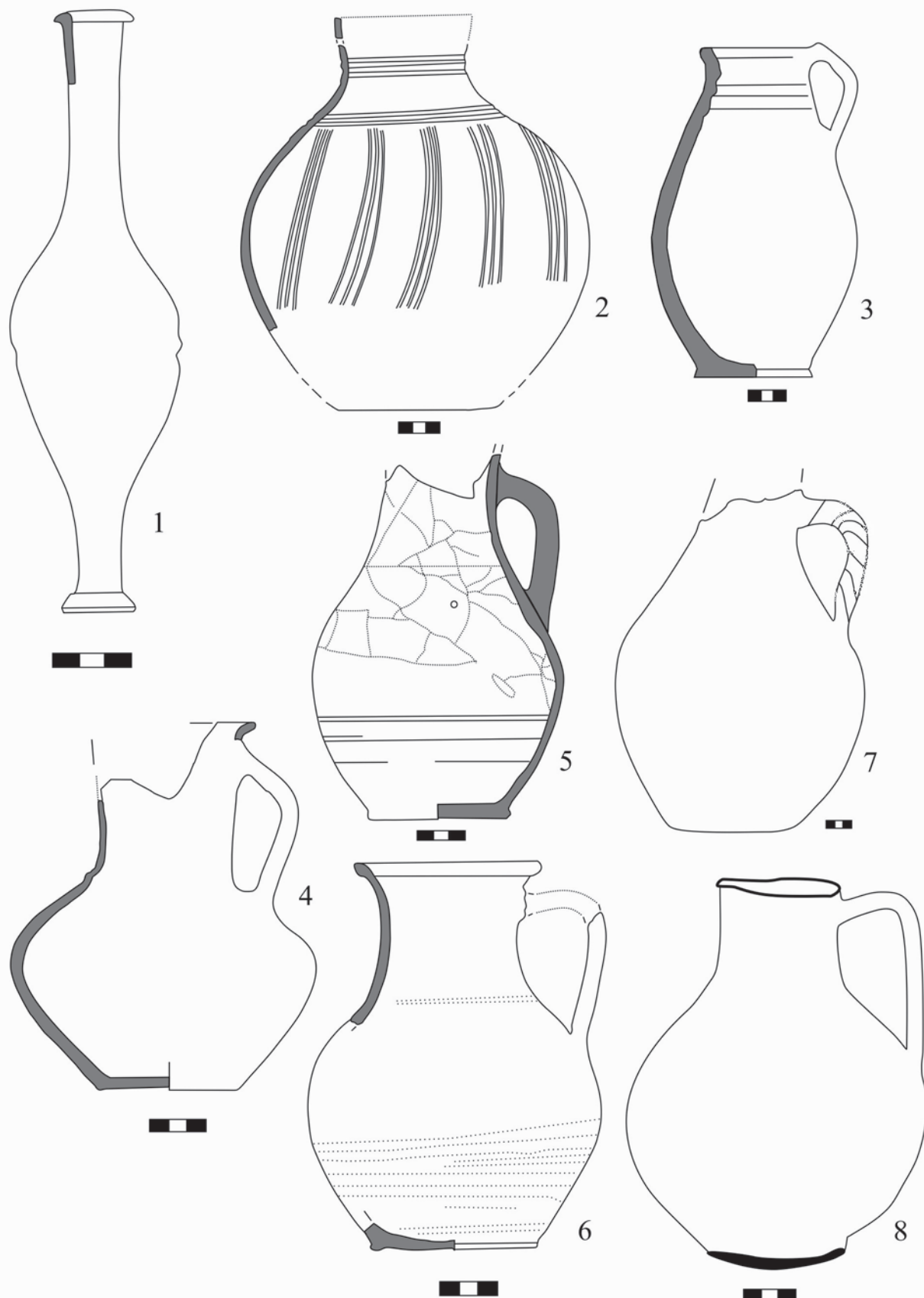

Рис. 29. Гончарная посуда из раннесарматских погребений с северной ориентировкой в Подонье: 1, 2 - Алитуб-3/20 (оба по: Захаров, 2000); 3 - Короли-4/1 (по: Мамонтов, 2001); 4 - Холодный-1/3 (по: Глебов, Парусимов, 2003); 5 - Аюта-I-1/3 (по: Глебов, 2008); 6 - Никитин-I-3/5 (по: Глебов, 2008); 7 - Койсуг-7/25; 8 - Донской-2/7 (оба по: Максименко, 1998).

Рис. 30. Гончарная посуда из раннесарматских погребений с северной ориентировкой в Подонье (продолжение): 1 - Ливенцовский-VII-22/7; 2 - Ливенцовский-VII-22/6 (оба по: Ильюков, 2003); 3, 4 - Новопалестиновский-II-1/2 (оба по: Глебов, 2000); 5, 6 - Ливенцовский-VII-31/1 (оба по: Глебов, Ильюков, 2010); 7 - Белогорье, п. 1 (по: Березуцкий, Кравец, Кравец, 2016).

Рис. 31. Металлическая посуда из раннесарматских погребений с северной ориентировкой в Подонье: 1, 2 - Алитуб-3/20 (по: Захаров, 2000); 3 - Донской-1/21; 4 - Донской-1/31 (оба по: Ильюков, 2001).

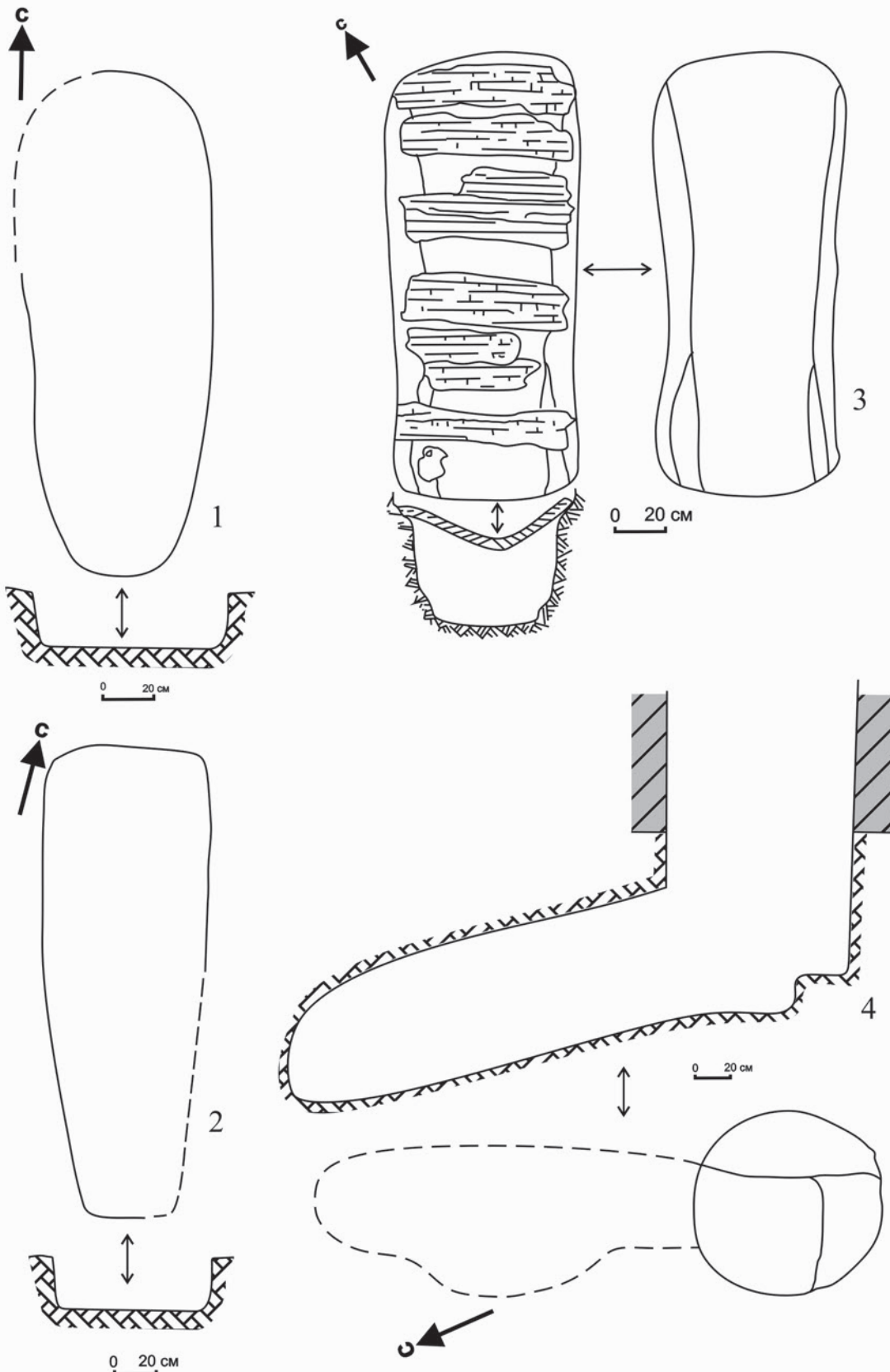

Рис. 32. Формы могильных ям раннесарматских погребений с северной ориентировкой в Поднепровье: 1 - Владимировка-1/8; 2 - Виноградное-3/1; 3 - Громовка - 1/19 (все по: Симоненко, 1993); 4 - Жемчужное-2/3 (по: Симоненко, 1991).

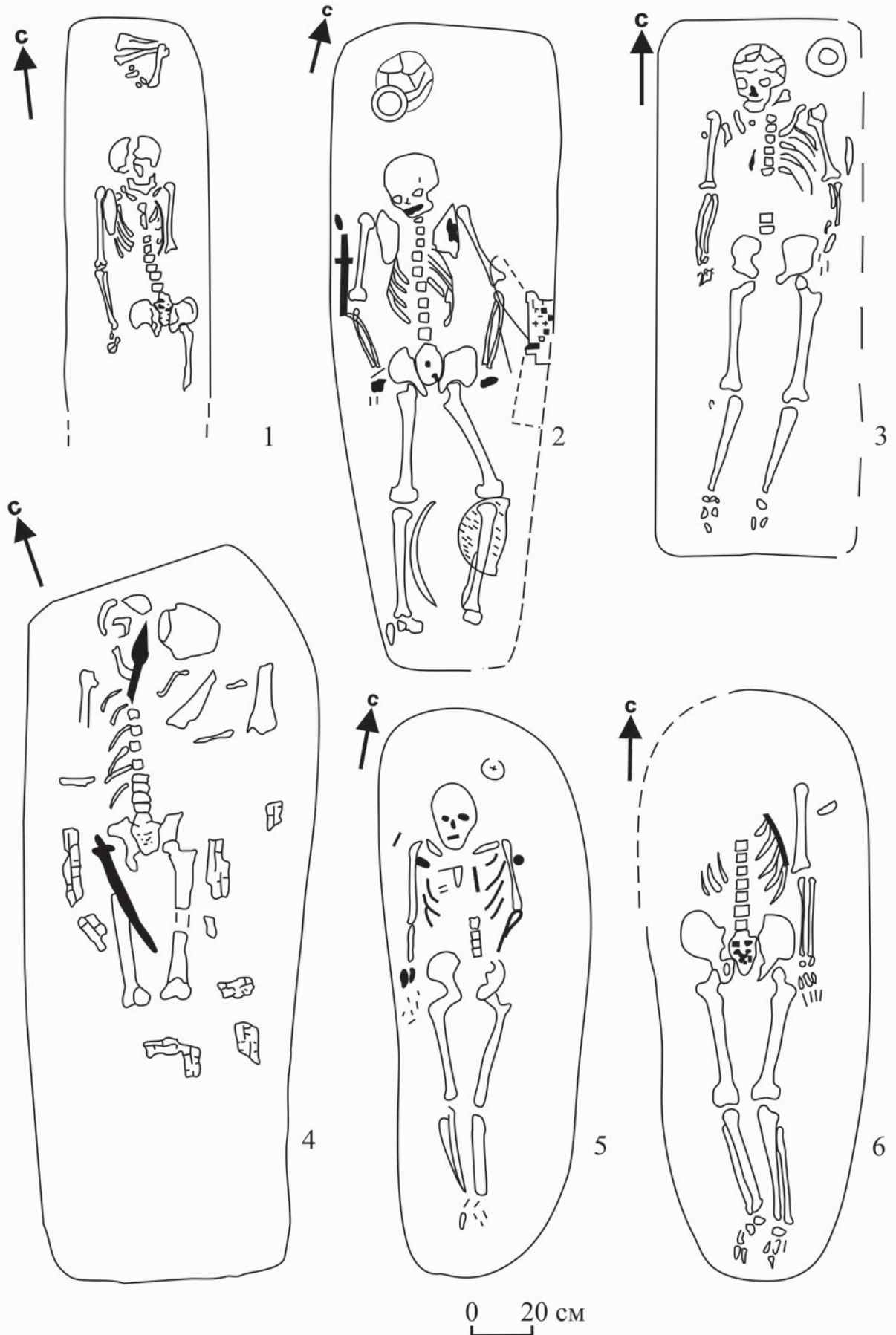

Рис. 33. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в Поднепровье: 1 - Васильевка-1/4; 2 - Виноградное-3/1; 3 - Каланчак-10; 4 - Сергеевка-4/17; 5 - Бабино, п. 4; 6 - Владимировка-1/8 (по: Симоненко, 1993).

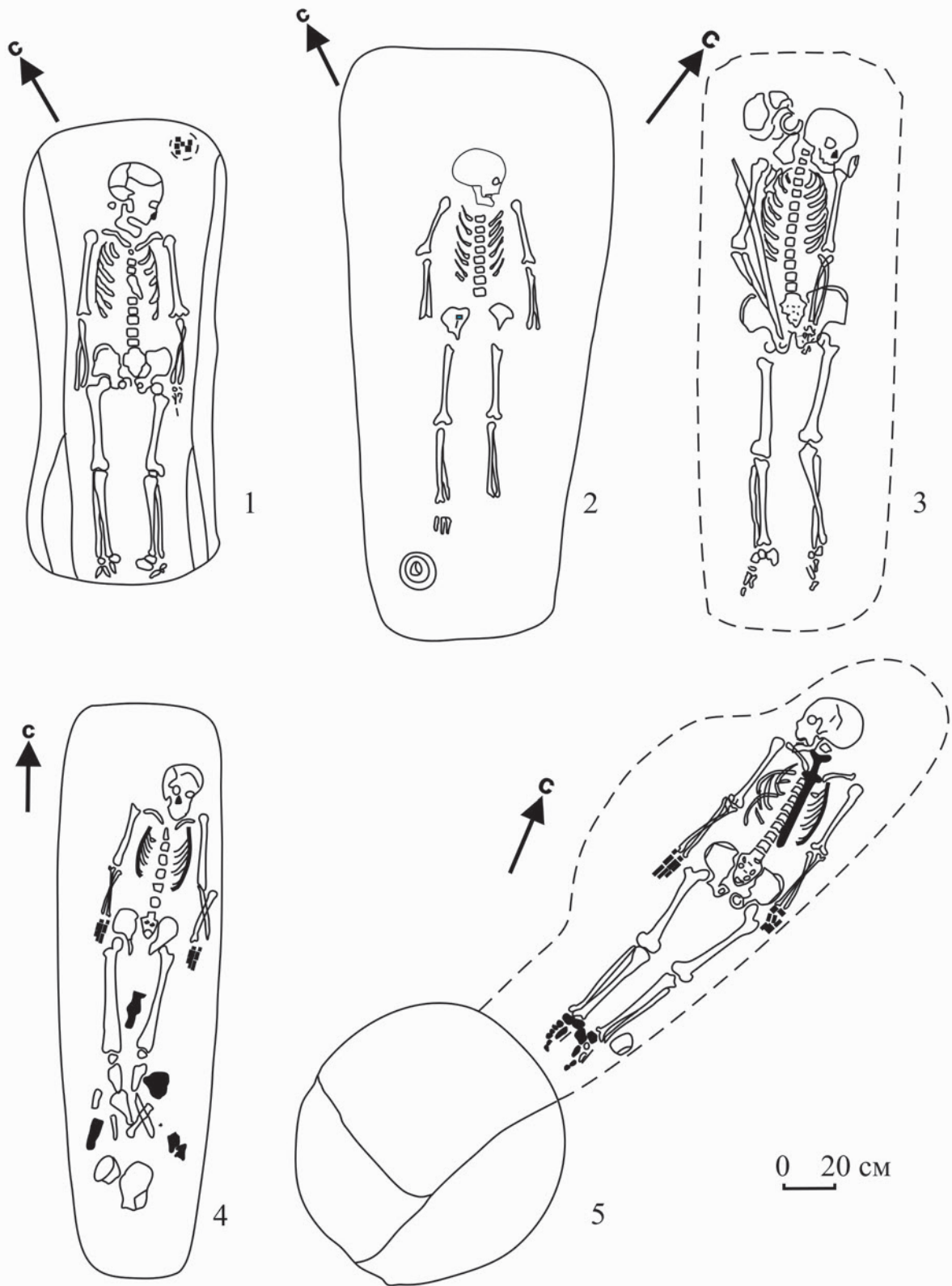

Рис. 34. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в Поднепровье (продолжение): 1 - Громовка-1/19; 2 - Громовка-2/2; 3 - Брилевка-16/3 (по: Симоненко, 1993); 4 - Соколово-1/1 (по: Костенко, 1986); 5 - Жемчужное-2/3 (по: Симоненко, 1991).

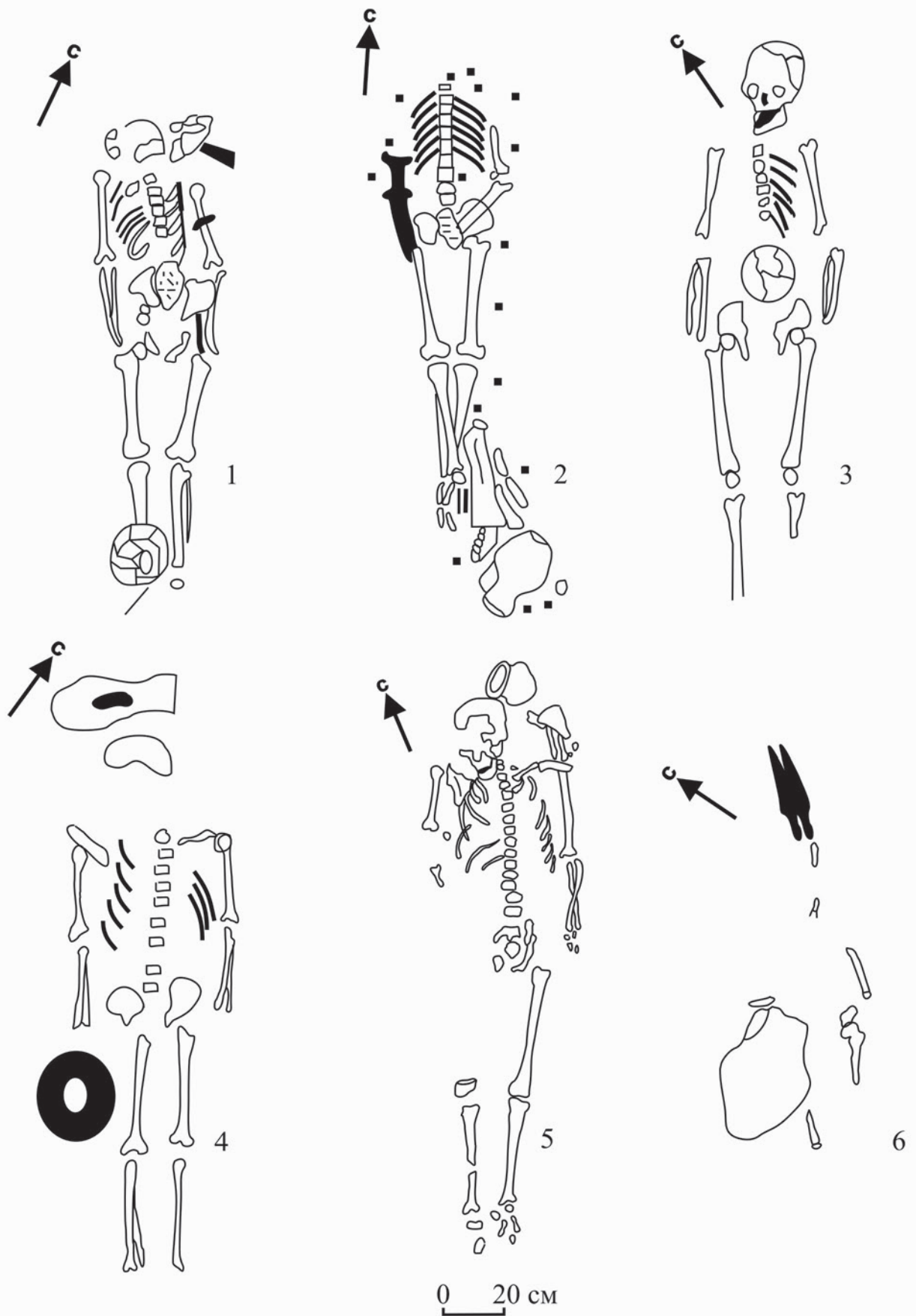

Рис. 35. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в Поднепровье (продолжение): 1 - Замочное-13/1; 2 - Преображенка-2/5 (оба по: Симоненко, 1991); 3 - Пролетарское-11/1 (по: Костенко, 1983); 4 - Львово-1/1; 5 - Черноморское-1/5; 6 - Садово-2/1 (по: Симоненко, 1993).

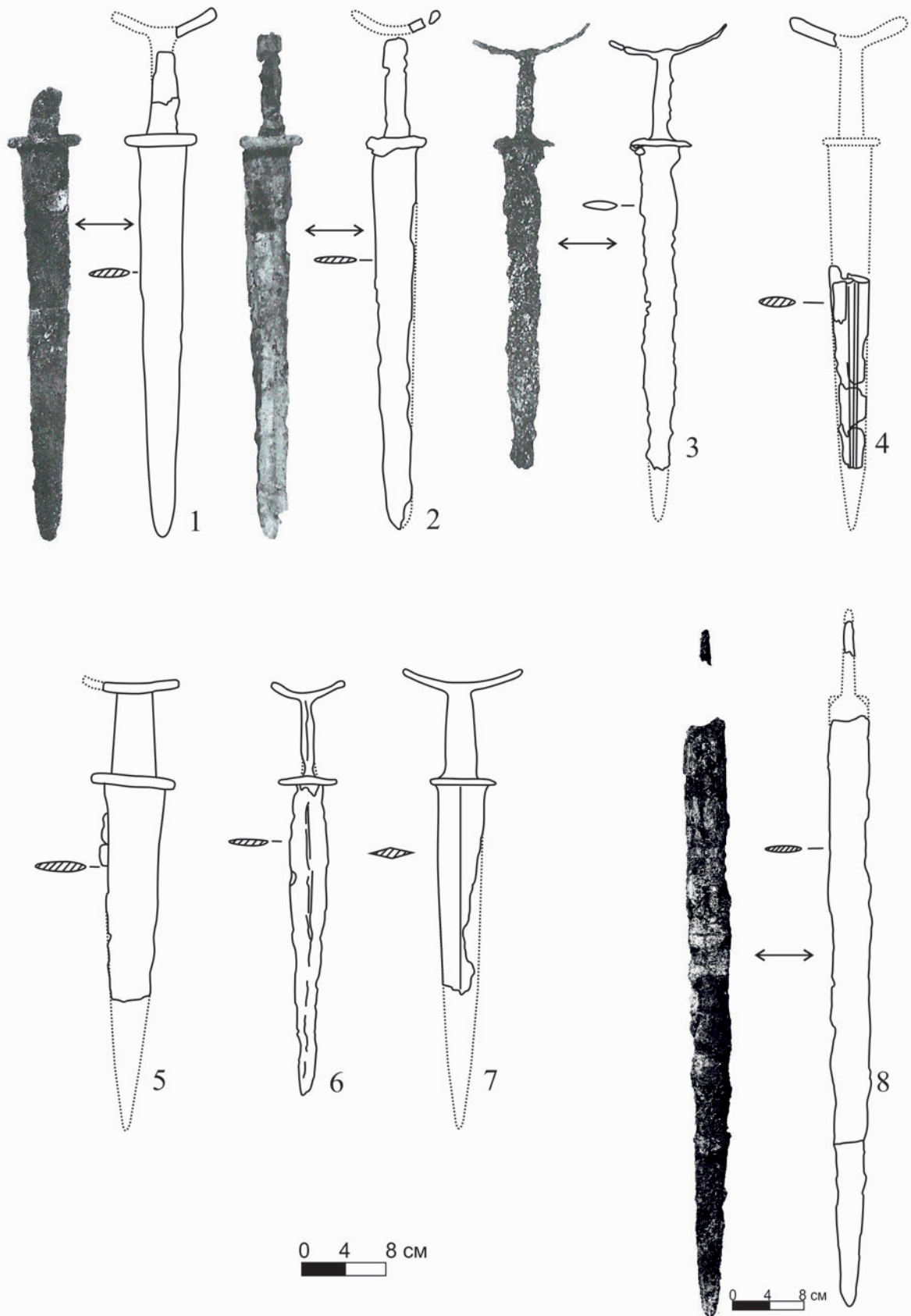
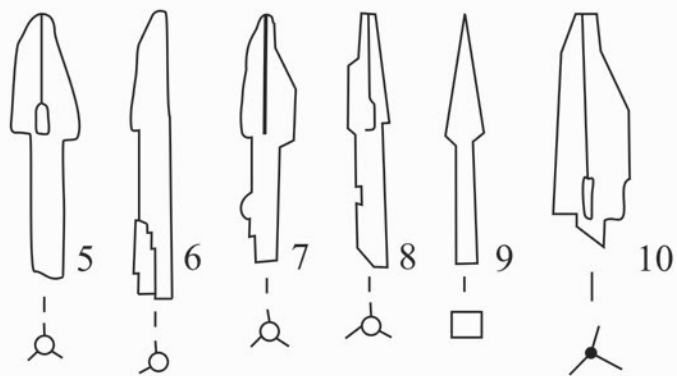

Рис. 36. Мечи и кинжалы из раннесарматских погребений с северной ориентировкой в Поднепровье: 1 - Сергеевка-4/17; 2 - Привольное-II-1/1; 3 - Жемчужное-2/3; 4 - Виноградное-31/1; 5 - Преображенка-2/5; 6 - Хорол; 7 - Большая Белозерка-1/2; 8 - Брилевка-16/1 (по: Симоненко, 2010).

0 3 6 см

0 3 см

Рис. 37. Вооружение из раннесарматских погребений с северной ориентировкой. Наконечники копий: 1, 2 - Садово-II-2/1; 3 - Балки-26/2; 4 - Сергеевка-4/17. Наконечники стрел: 5-10 - Виноградное-31/1 (по: Симоненко, 2010).

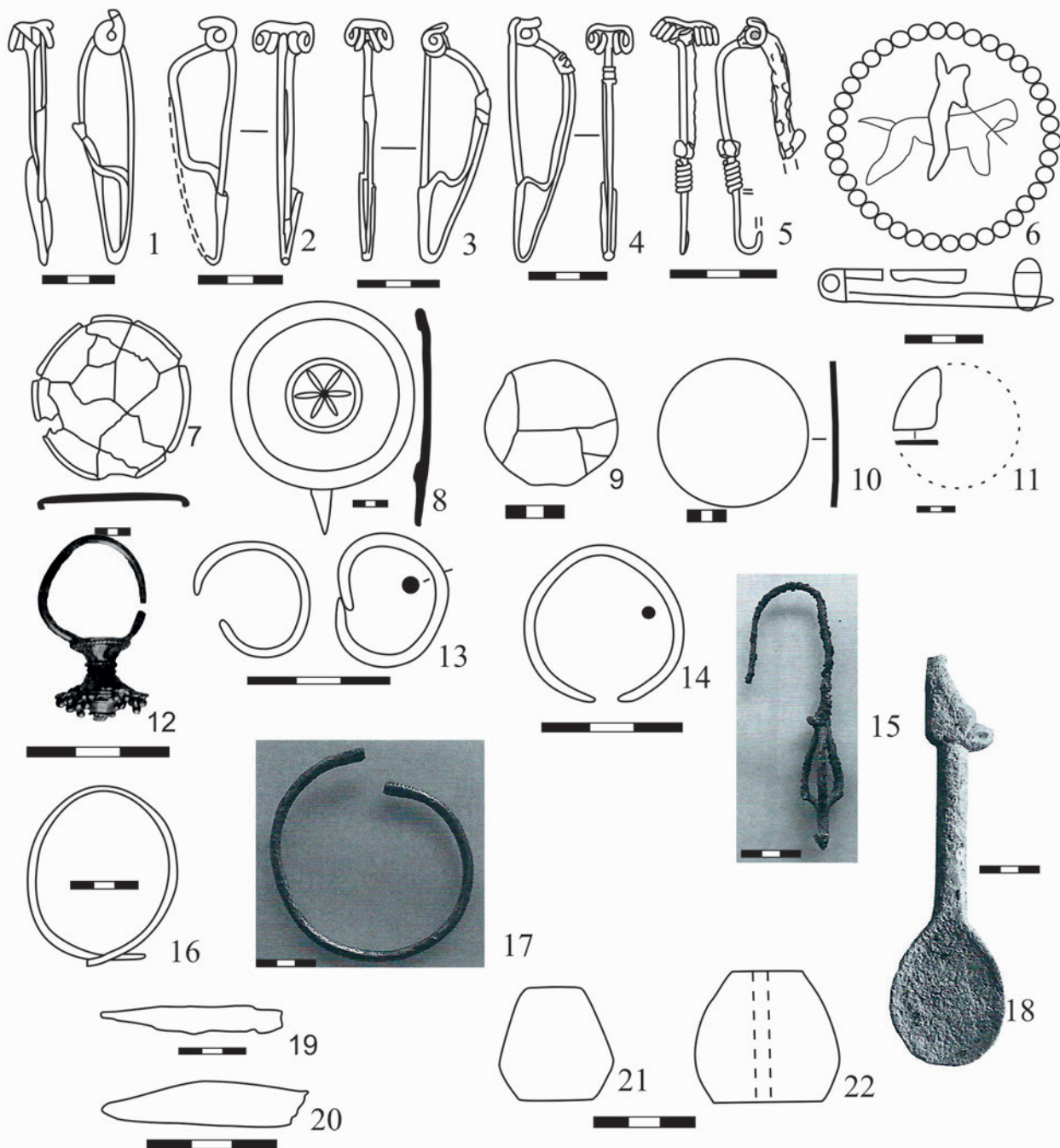

Рис. 38. Инвентарь из раннесарматских погребений с северной ориентировкой в Поднепровье. Фибулы: 1 - Бабино, п. 4; 2 - Брилевка-16/1; 3 - Васильевка-1/4; 4 - Владимировка-1/8 (по: Симоненко, 1993); 5 - Акимовка-13/5 (по: Болтрик, Кропотов, 2015); 6 - Соколово-II-1/1 (по: Костенко, 1979). Зеркала: 7 - Пролетарское-XXX-11/1 (по: Костенко, 1983); 8 - Соколово-II-1/1 (по: Костенко, 1979); 9 - Львово-1/1 (по: Симоненко, 1993); 10 - Подгородное-3/8 (по: Смирнов, 1984); 11 - Бабино, п. 4 (по: Симоненко, 1993). Серьги: 12 - Соколово-II-1/1 (оба - по: Костенко, 1979); 13 - Громовка-1/19 (по: Симоненко, 1993). Подвески: 14 - Акимовка-1/2 (по: Болтрик, Кропотов, 2015); 15 - Грушевка-5/1 (по: Золото, конь и человек, 2012). Браслеты: 16 - Бабино, п. 4 (по: Симоненко, 1993); 17 - Грушевка-5/1. Костяная ложечка: 18 - Грушевка-5/1 (по: Золото, конь и человек, 2012). Ножи: 19 - Громовка-1/19 (по: Симоненко, 1993); 20 - Соколово-II-1/1 (по: Костенко, 1979). Прясла: 21 - Соколово-II-1/1 (по: Костенко, 1979); 22 - Бабино, п. 4 (по: Симоненко, 1993).

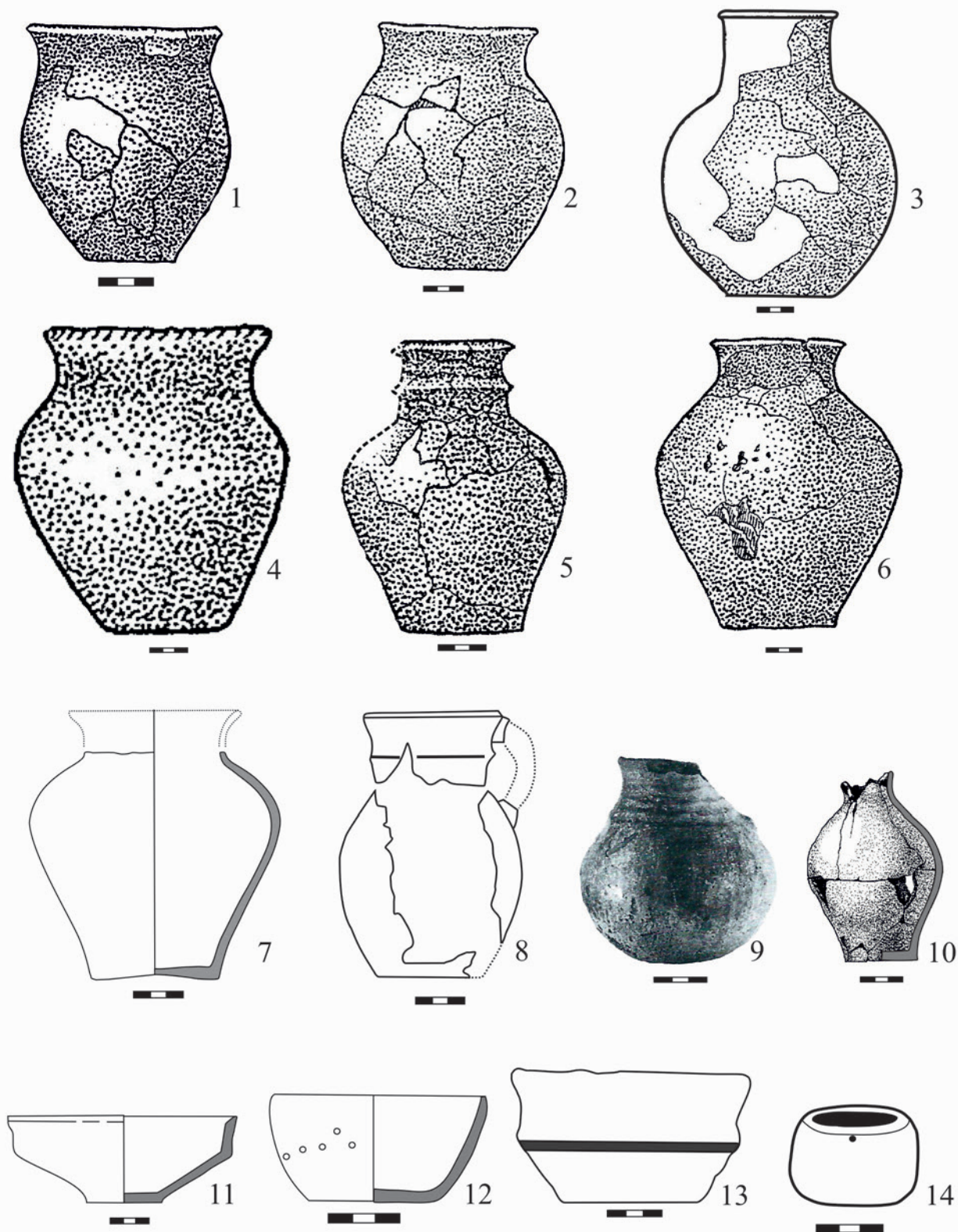

Рис. 39. Лепная посуда из раннесарматских погребений с северной ориентировкой в Поднепровье: 1 - Сергеевка-4/17; 2 - Громовка - 2/2; 3 - Брилевка-16/1; 4 - Черноморское-1/5; 5, 6 - Львово - 6/1 (по: Симоненко, 1993); 7 - Акимовка - 13/5 (по: Болтрик, Кропотов, 2015); 8 - Замочное-13/1; 9 - Грушевка-5/1 (оба по: Золото, конь и человек, 2012); 10 - Хорол; 11 - Львово - 1/2; 12 - Жемчужное-2/3 (все по: Симоненко, 1991); 13, 14 - Соколово-II-1/1 (оба по: Костенко, 1979); .

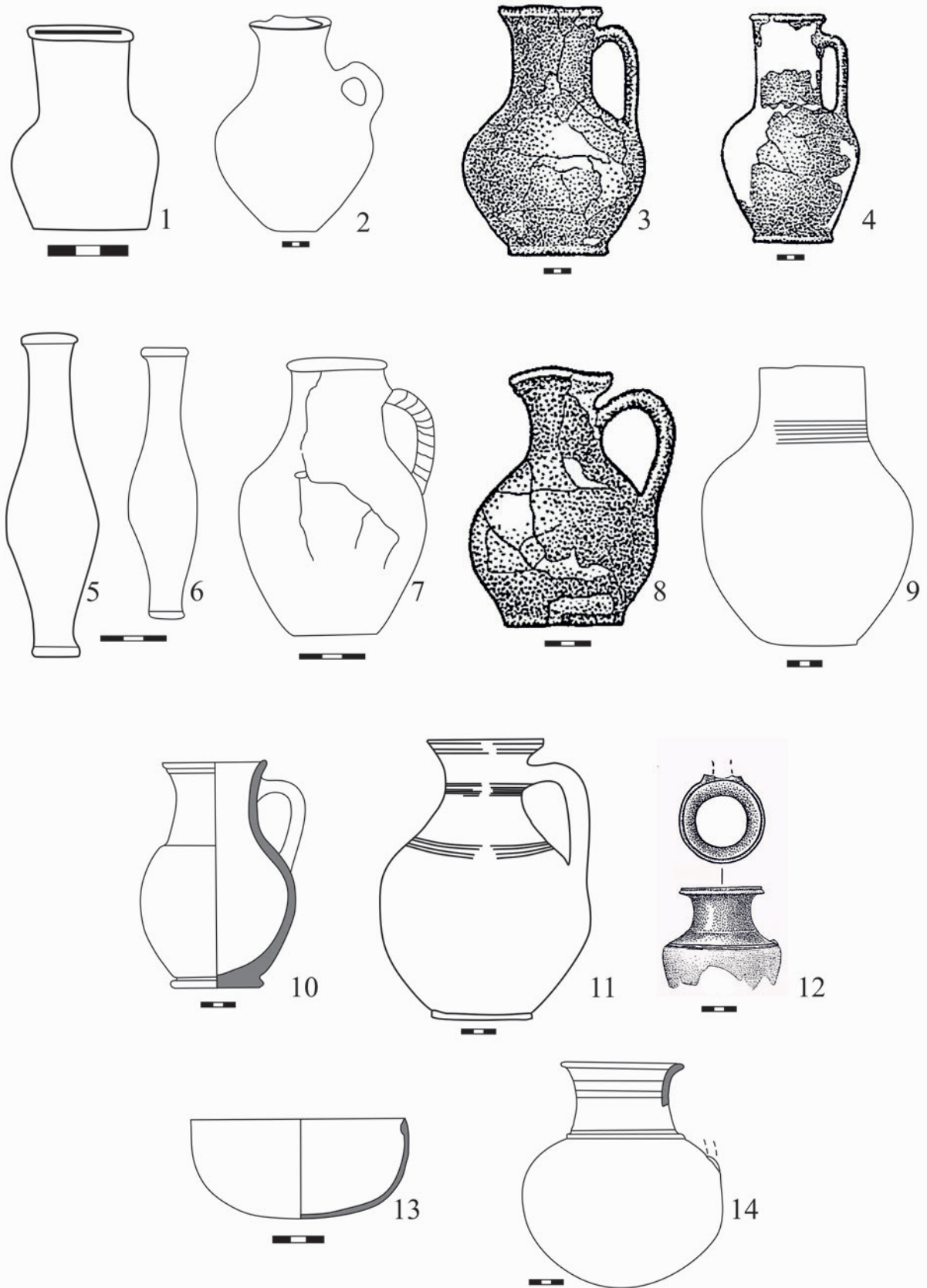

Рис. 40. Гончарная посуда из раннесарматских погребений с северной ориентировкой в Поднепровье (продолжение): 1 - Бабино, п. 4; 2 - Львово-6/1; 3 - Садово-II-2/1; 4 - Привольное-II-1/1 (по: Симоненко, 1993); 5-7 - Соколово-II-1/1 (по: Костенко, 1979); 8 - Громовка-2/2; 9 - Каланчак-10/1 (оба по: Симоненко, 1993); 10 - Преображенка-2/5; 11 - Виноградное-31/1 (оба по: Симоненко, 1991); 12 - Балки-26/2 (по: Симоненко, 1993); 13, 14 - Подгородное-3/8 (по: Костенко, 1983).

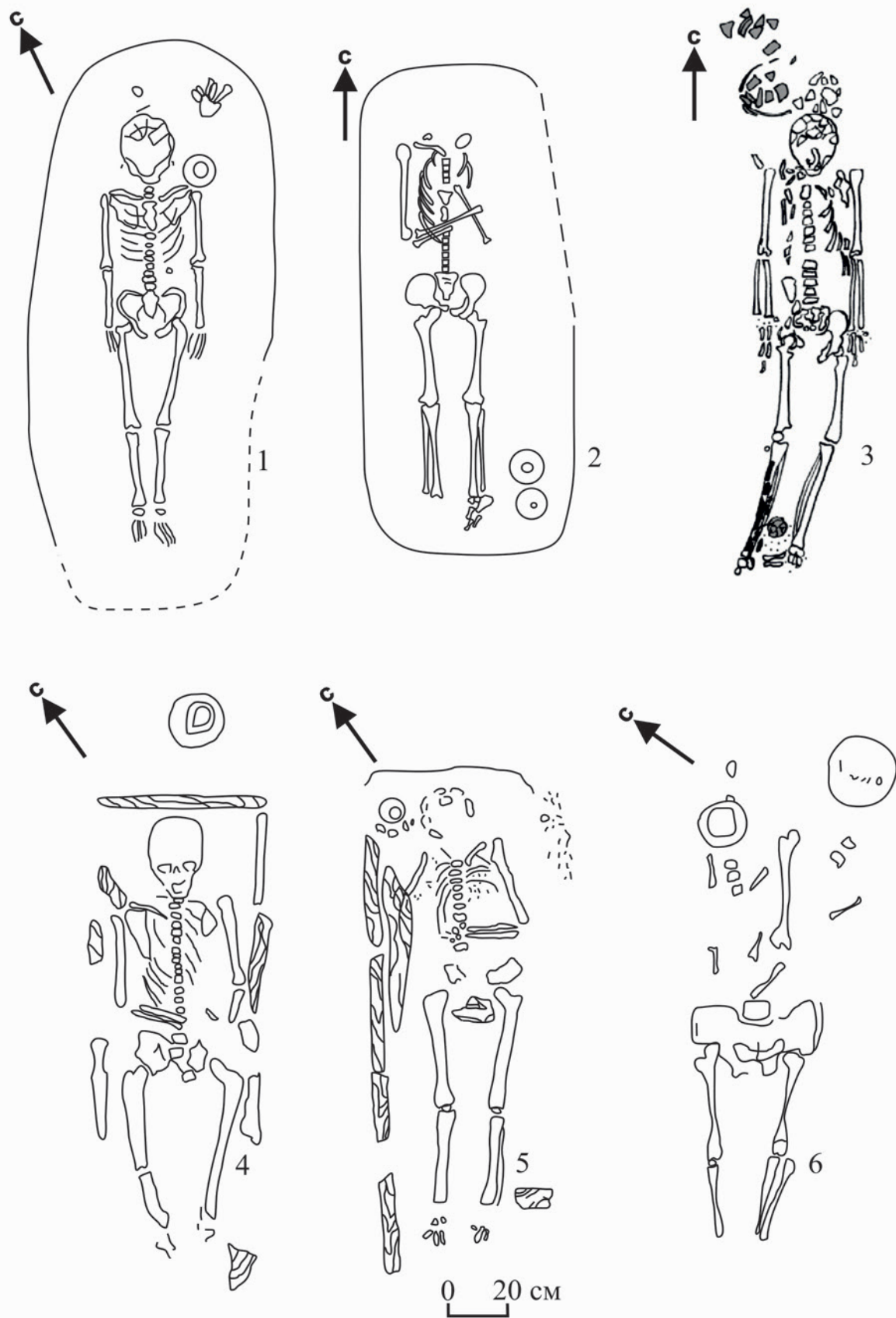

Рис. 41. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой на Крымском полуострове. 1 - Яркое Поле-1/5; 2 - Ишунь-22/2; 3 - Астанино-23/1; 4 - Чкалово-1/1; 5 - Чкалово-1/2; 6 - Источное-1/2 (все по: Кропотов, 2016).

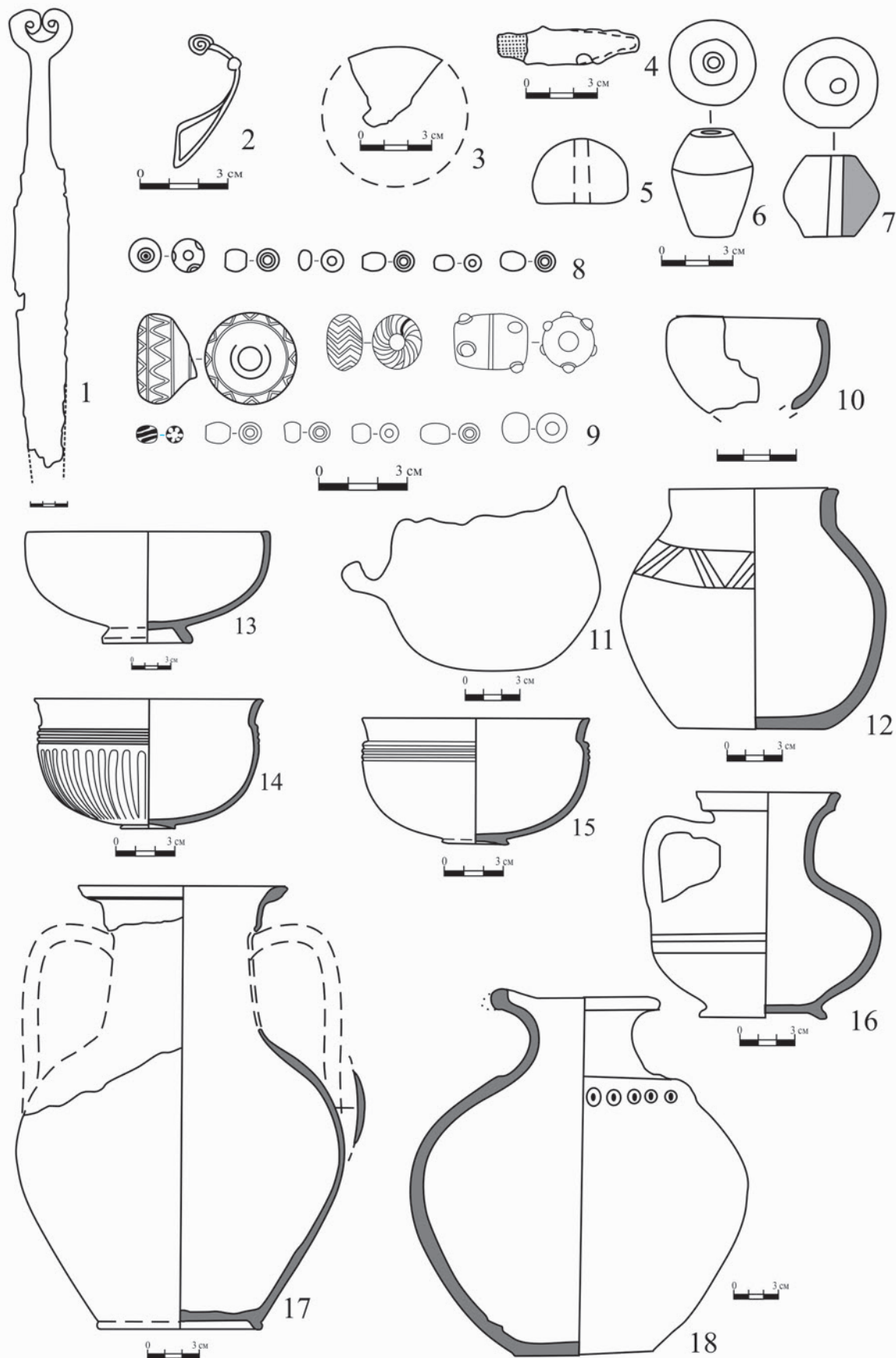

Рис. 42. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой на Крымском полуострове. Инвентарь. 1, 10, 16 - Чкалово-1/2 (по: Симоненко, 2010); 2-4 - Ишунь-22/2; 5, 11 - Источное-1/2; 6, 12 - Яркое Поле-1/5; 7-8, 14, 17 - Астанино-23/1; 9, 13, 15 - Астанино-3/1; 18 - Чкалово-1/1 (все по: Кропотов, 2016).

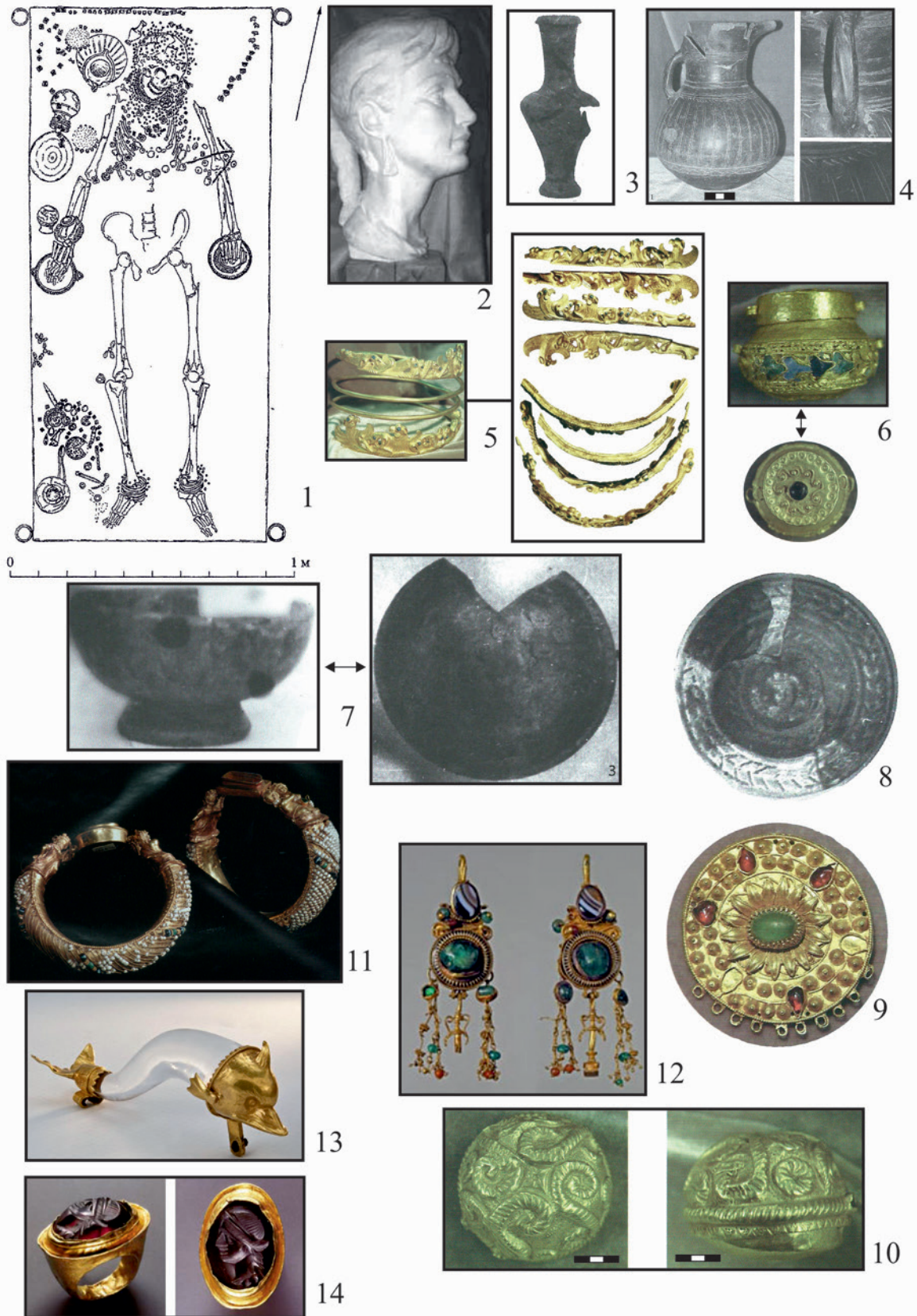

Рис. 43. Погребение сарматской «царицы» из Ногайчинского кургана: 1 - план; 2 - реконструкция портрета погребенной (по: С. Лето, 2014); 3 - унгентарий; 4 - кувшин; 5 - золотая гривна; 6 - золотой флакон-подвеска; 7 - чаша; 8 - фаянсовая тарелка; 9 - брошь; 10 - золотая пиксида (все по: Зайцев, Мордвинцева, 2007); 11 - золотые браслеты; 12 - серьги; 13 - фибула-брошь (все по: <http://hersones.eu/>); 14 - золотой перстень со стеклянной геммой (по: Симоненко, 2007).

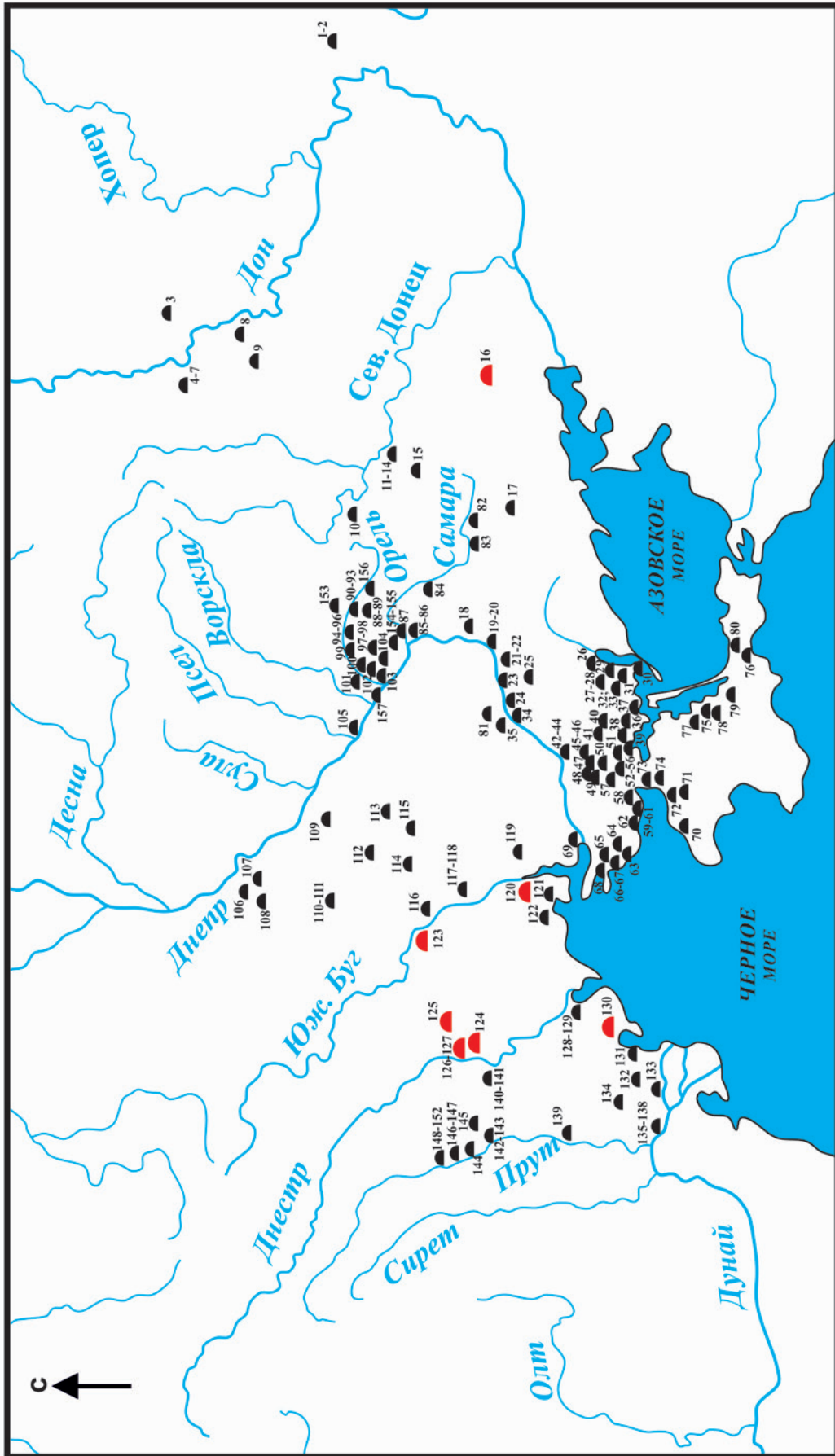

Рис. 44. Карта впускных сарматских погребений I - первой половины II в. н. э. с ориентировкой умершего в северный полуокруг. Красным цветом выделены погребения знати.

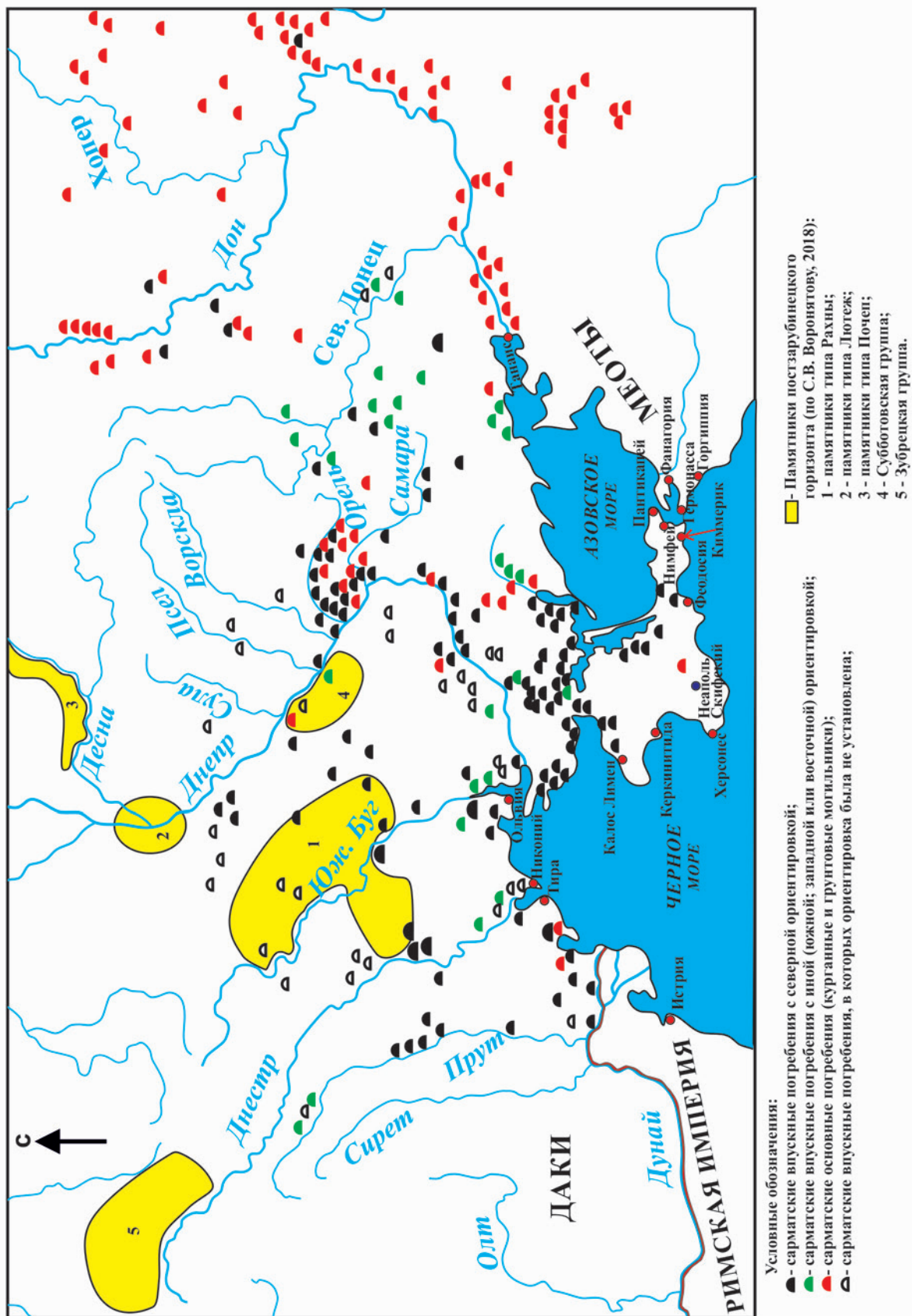

Рис. 45. Этнокультурная ситуация в Северном Причерноморье в I - первой половине II вв. н. э. При составлении карты использованы материалы: Симоненко, 1993; Щукин, 1994; Сергацков, 2000; Симоненко, 2006; Медведев, 2008; Берлизов, 2011; Берестнев, 2017; Воронятов, 2018; Скрипкин, 2018.

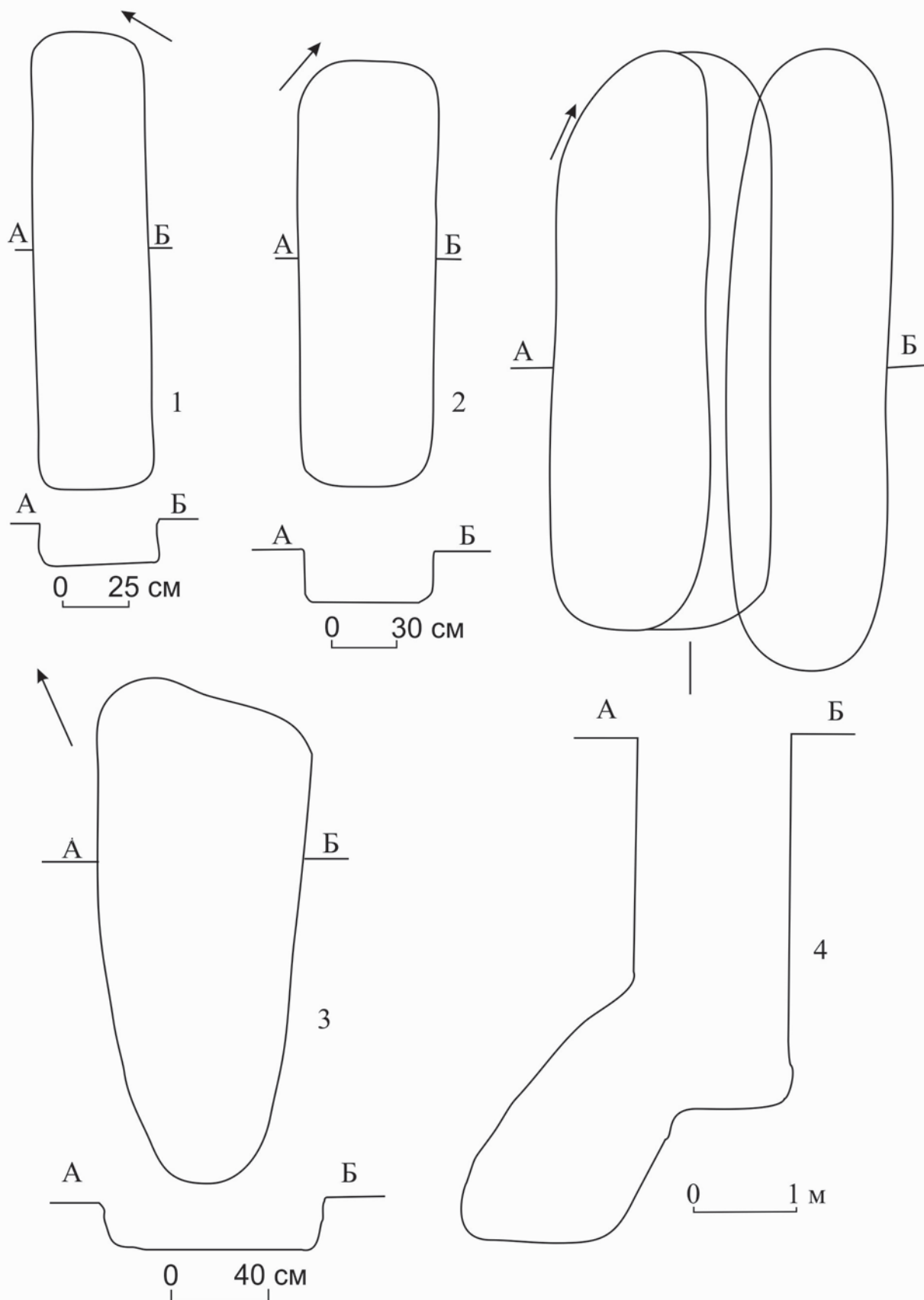

Рис. 46. Формы могильных ям среднесарматских впускных погребений с северной ориентировкой в Северном Причерноморье: 1 - Лычково-III-1/1; 2 - Спасское-XI-3/7; 3 - Лычково-II-2/3; 4 - Лычково-XXVIII-1/10 (все по: Костенко, 1983).

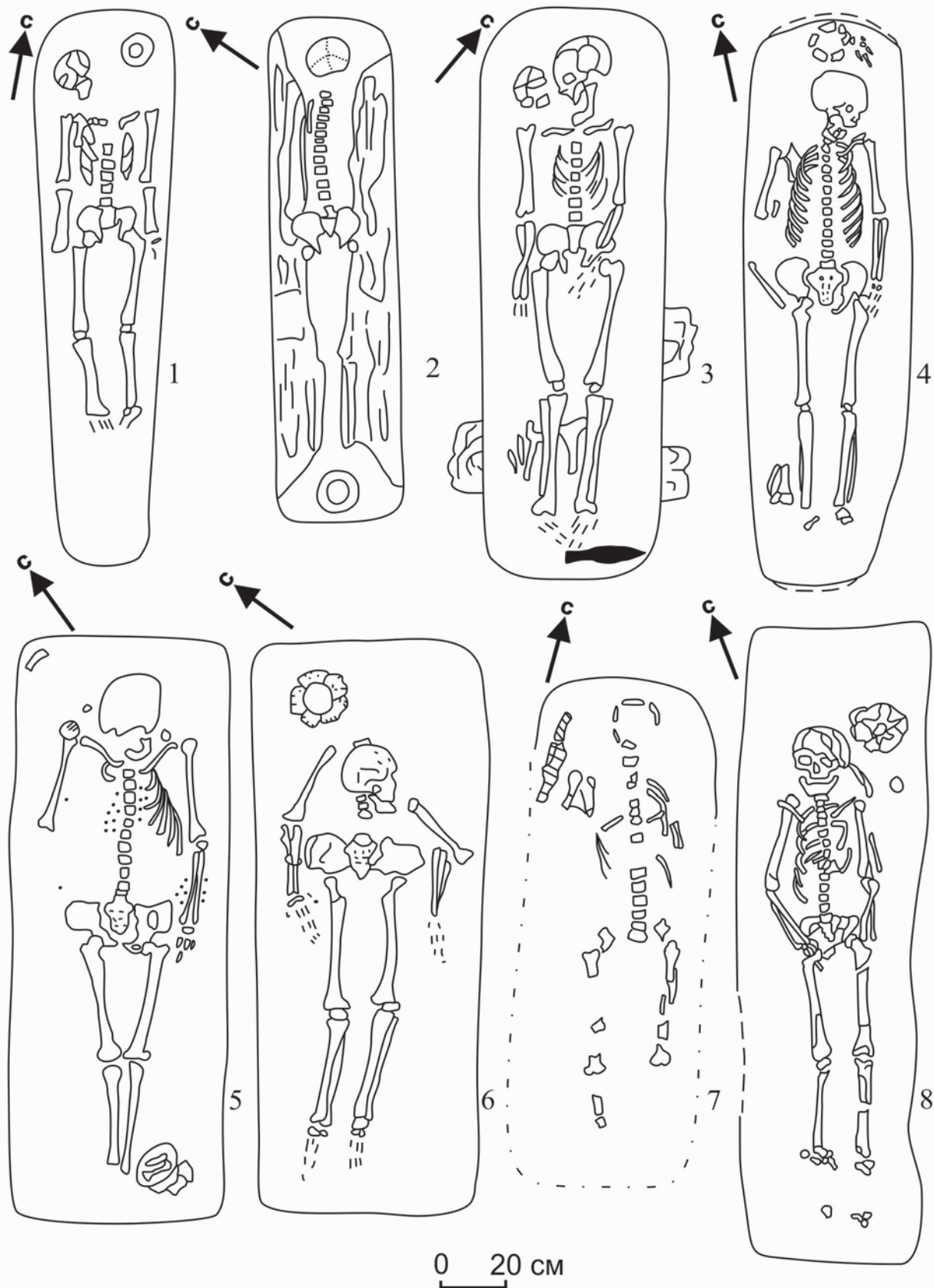

Рис. 47. Сарматские впускные погребения с северной ориентировкой I - первой половины II в. н. э.:

1 - Булаховка-2/4; 2 - Лычково-III-1/1; 3 - Спасское - XI-3/7 (все по: Костенко, 1983); 4 - Волчанск-5/16; 5 - Новогригорьевка-1/3; 6 - Скадовск-1/11; 7 - Каирка-1/3; 8 - Новое-3/3 (все по: Симоненко, 1993).

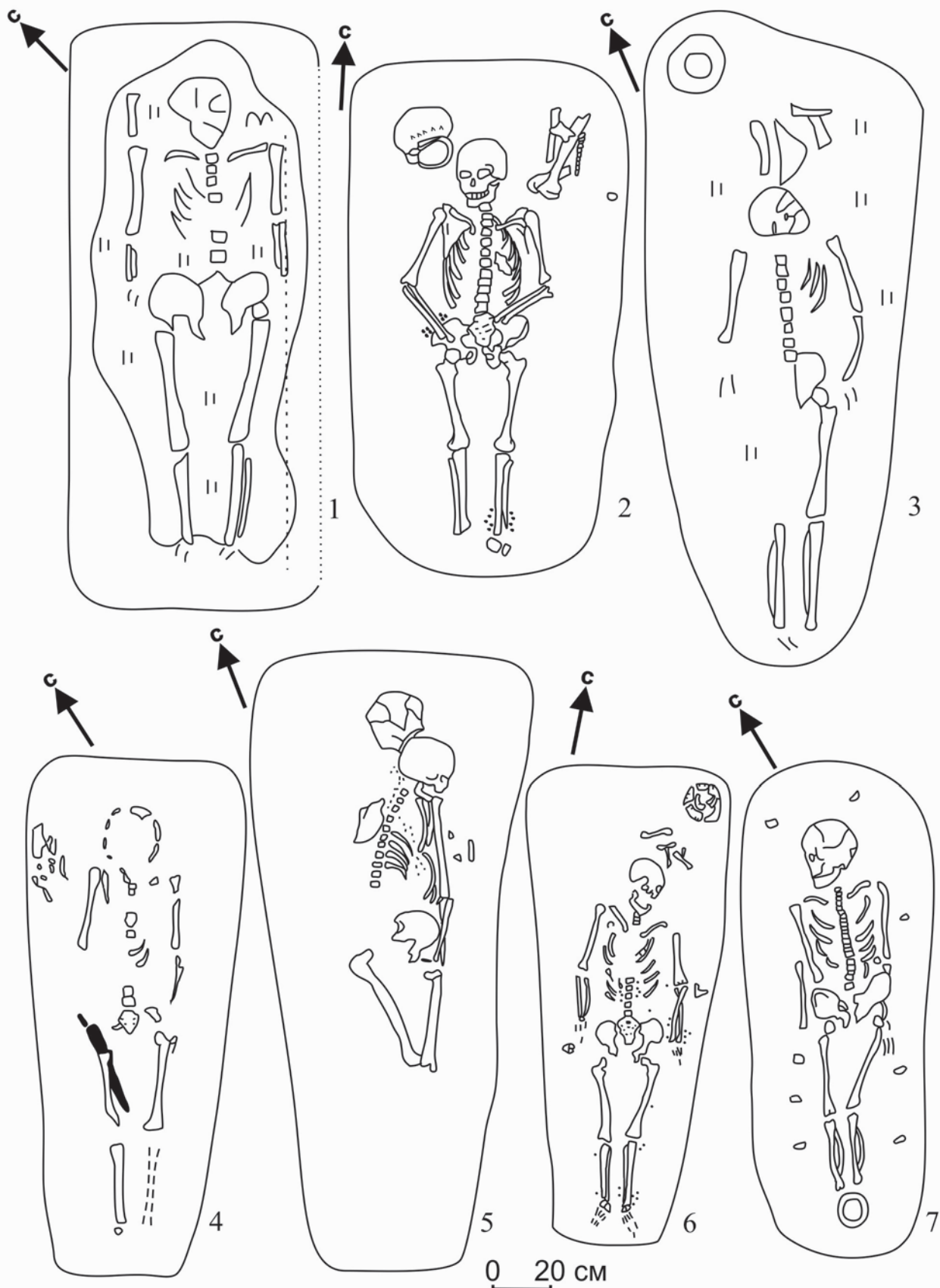

Рис. 48. Сарматские впускные погребения с северной ориентировкой I - первой половины II в. н. э. (продолжение):

1 - Мусиенково-XX-3/4 (по: Костенко, 1986); 2 - Подовое-6/1 (по: Симоненко, 1993); 3 - Лычково-II-2/3 (по: Костенко, 1986); 4 - Павловка-1/1; 5 - Волчанск-7/1; 6 - Каирка-1/18 (все по: Симоненко, 1983); 7 - Верхний Карабут, п. 1 (по: Погорелов, 1984)

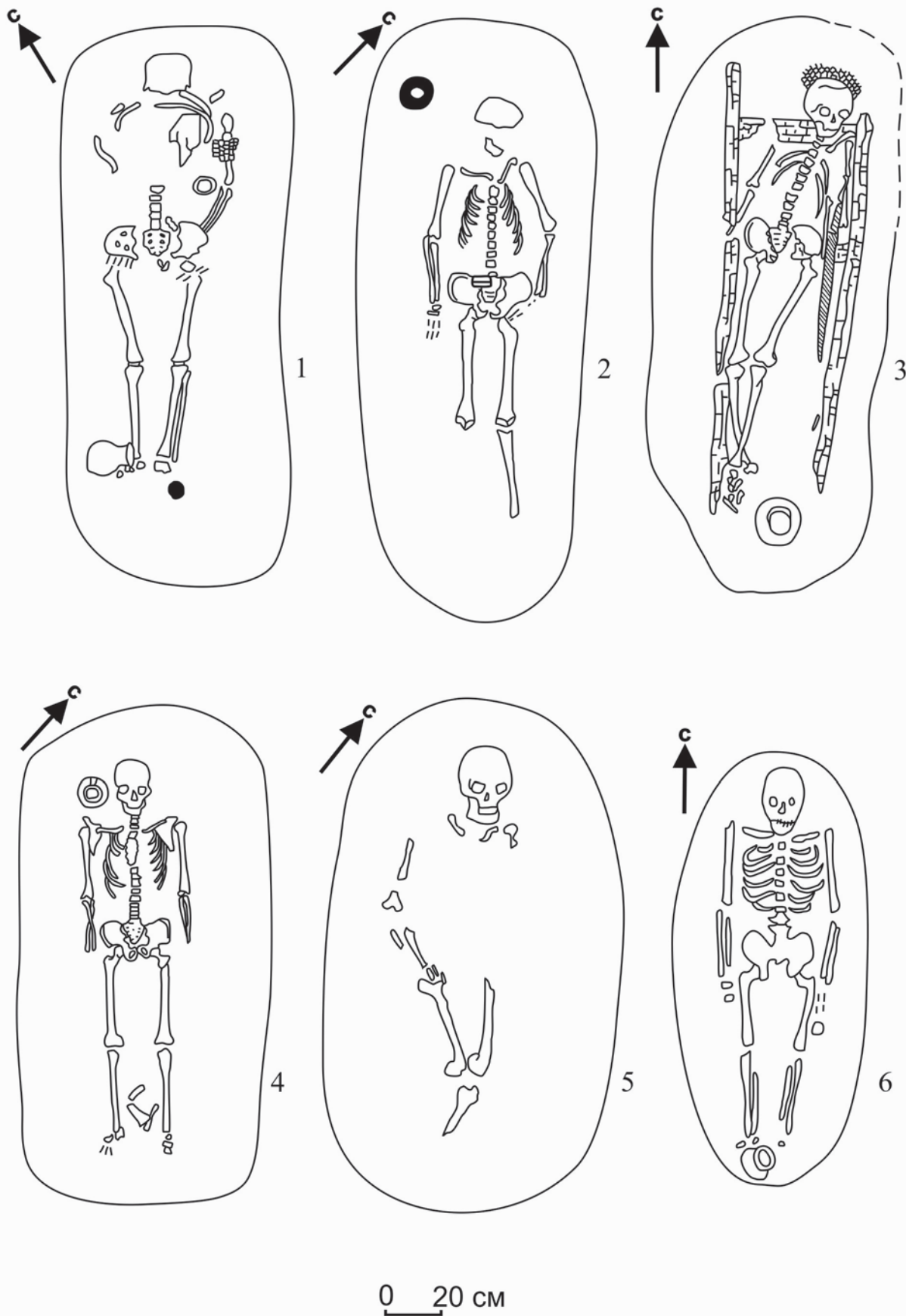

Рис. 49. Сарматские впускные погребения с северной ориентировкой I - первой половины II в. н. э. (продолжение):
 1 - Архангельская Слобода-4/8; 2 - Балки-1/4; 3 - Водославка-8/3; 4 - Каирка-1/2; 5 - Метрополь-1/8(все по: Симоненко, 1993); 6 - Сасовка-3/2 (по: Синюк, 2015).

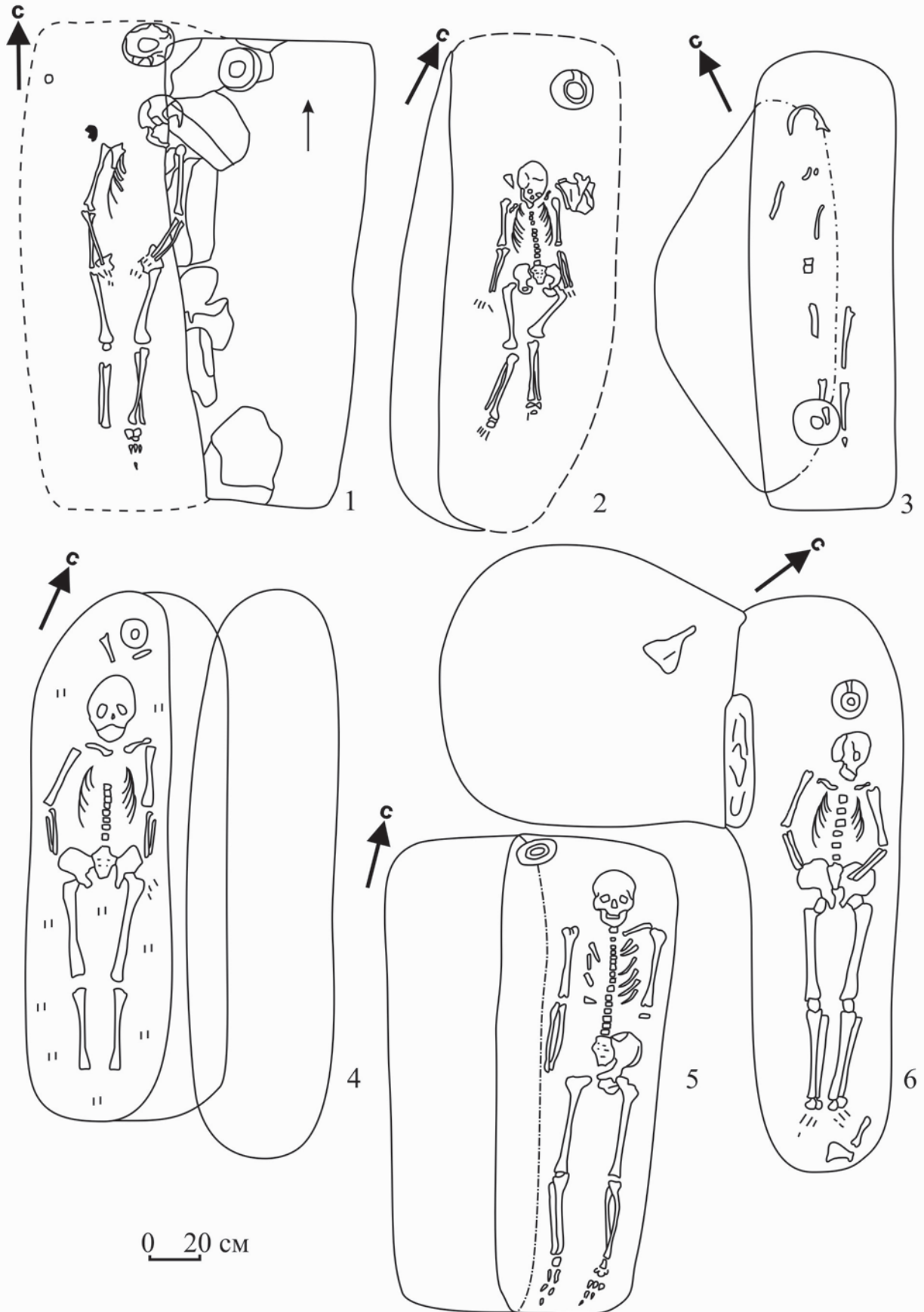

Рис. 50. Сарматские впускные погребения с северной ориентировкой I - первой половины II в. н. э. (продолжение):
 1 - Чапаевка-4/2 (по: Симоненко, 2004); 2 - Балтазаровка-3/2; 3 - Громовка-1/3; 4 - Орловка-1/1 (все по: Симоненко, 1993); 5 - Лычково-XXVIII-1/10; 6 - Маевка-XII-2/8 (оба по: Костенко, 1986).

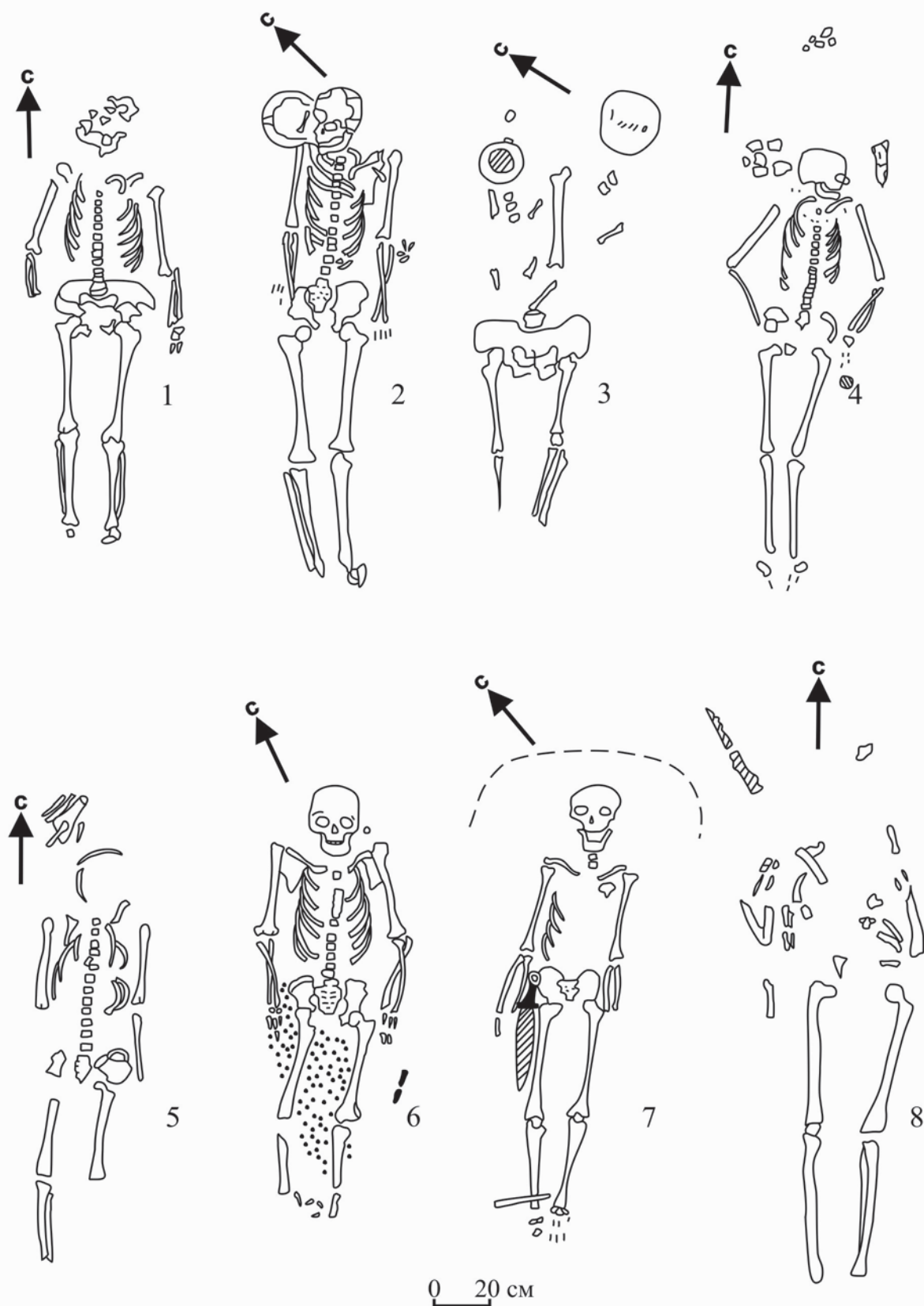

Рис. 51. Сарматские впускные погребения с северной ориентировкой I - первой половины II в. н. э. (продолжение):
 1 - Великая Знаменка-7/1; 2 - Вольная Дружина-5/9; 3 - Источное-1/2; 4 - Красное-6/10; 5 - Красный Перекоп-1/1; 6 - Новогригорьевка-1/17; 7 - Новокаменка-3/3; 8 - Осокоровка-4/1 (все по: Симоненко, 1993).

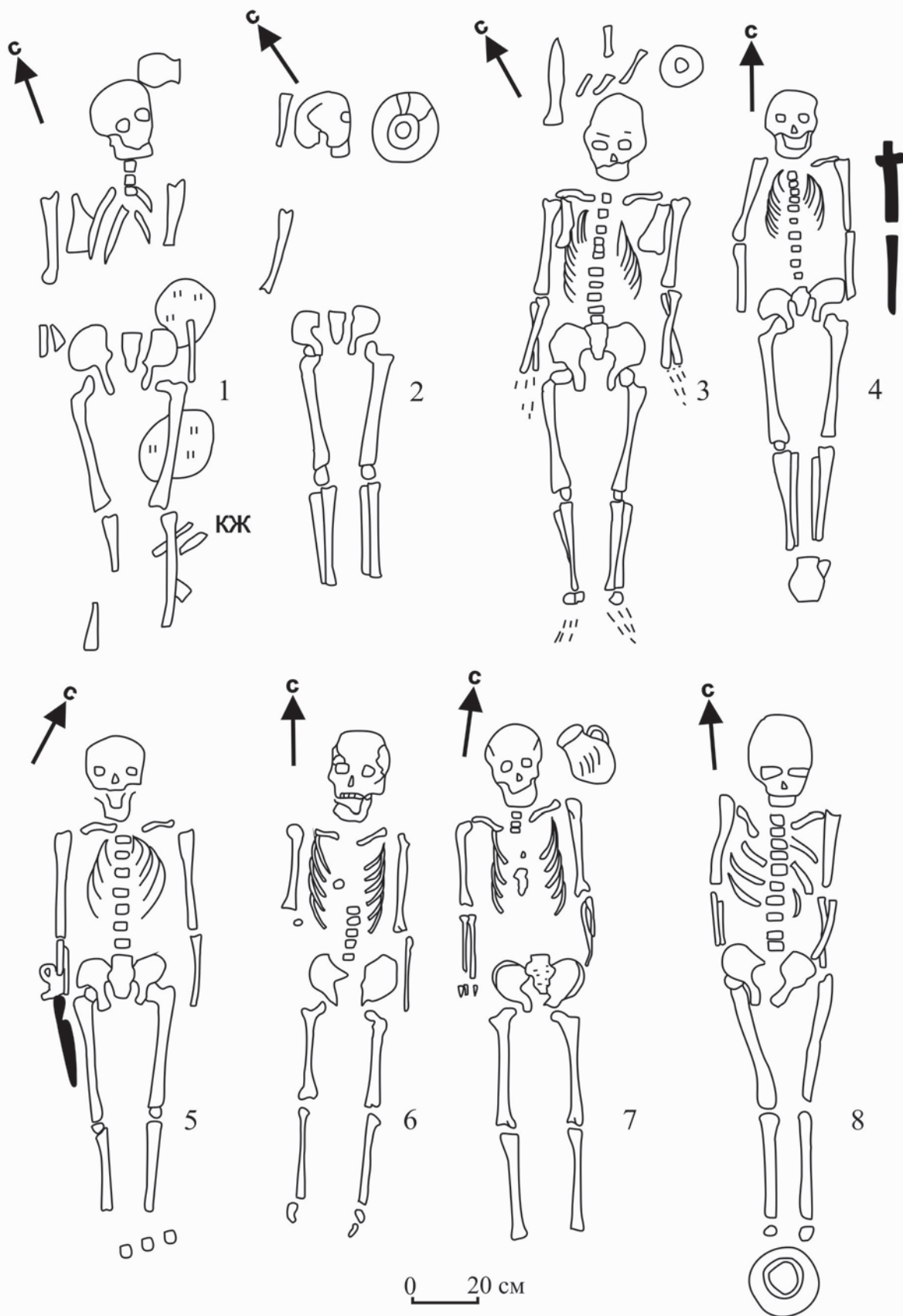

Рис. 52. Сарматские впускные погребения с северной ориентировкой I - первой половины II в. н. э. (продолжение):
 1 - Лычково-II-2/3; 2 - Лычково-III-5/2; 3 - Маевка-XII-2/8; 4 - Славянск-28/2;
 5 - Славянск-28/5 (все по: Костенко, 1986); 6 - Скадовск-7/1; 7 - Скадовск-7/2
 (оба по: Симоненко, 1993); 8 - Николаевка-3/1 (по: Марина, Ромашко 1999).

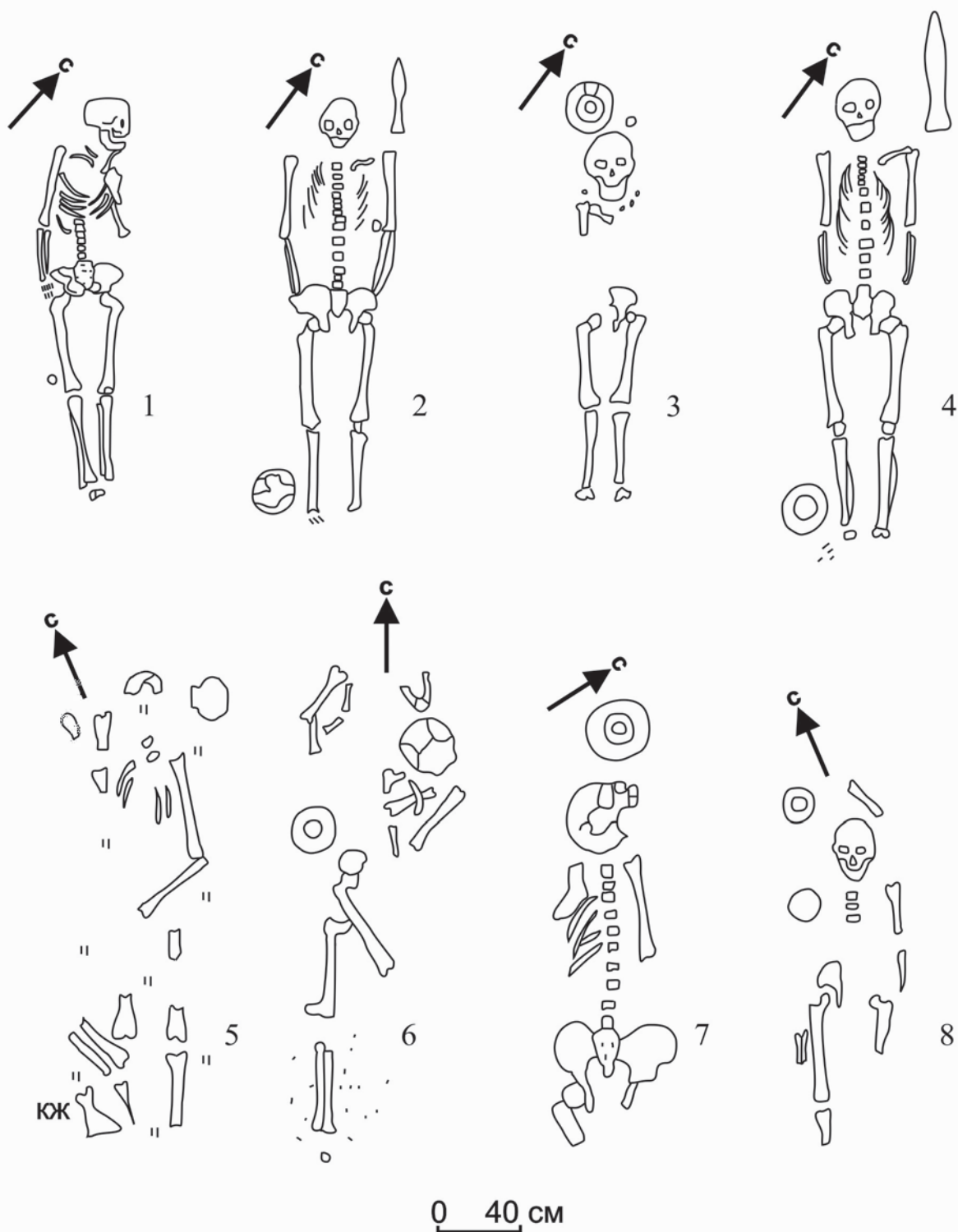

Рис. 53. Сарматские впускные погребения с северной ориентировкой I - первой половины II в. н. э. (продолжение):

1 - Авиловский-II-19/1 (по: Сергацков, 2000); 2 - Зачепиловка-I-3/5 (по: Костенко, 1983); 3 - Гупаловка-XIII-3/3; 4 - Заплавка-XXXI-3/5; 5 - Колпаковка-I-5/8; 6 - Колпаковка-II-1/1; 7 - Колпаковка-III-4/3; 8 - Колпаковка-XXVI-2/3 (все по: Костенко, 1986).

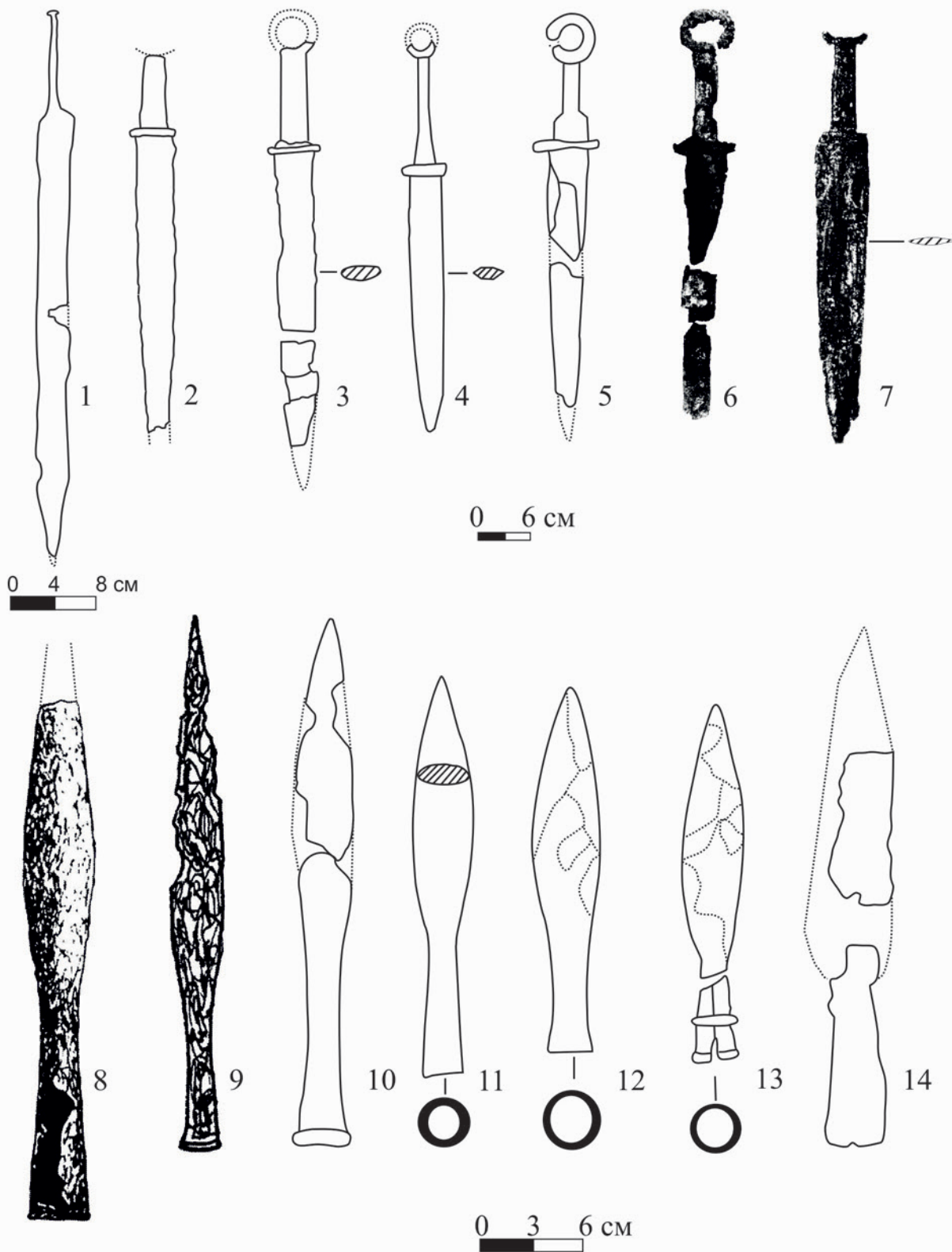

Рис. 54. Вооружение из среднесарматских впускных погребений с северной ориентировкой. Мечи и кинжалы: 1 - Водославка; 2 - Новокаменка-3/4 (оба по: Симоненко, 1993); 3 - Славянск-28/2; 4 - Славянск-28/5; 5 - Славянск-28/6 (все по: Костенко, 1986), 6 - Актово-7/10; 7 - Черноморское-1/7. Наконечники копий: 8 - Лычково-III-1/1, 9 - Заплавка-III-1/5 (все по: Симоненко, 2010); 10 - Зачепиловка-3/15; 11 - Славянск-28/2; 12 - Маевка-XII-2/8; 13 - Спасское-XI-3/7 (все по: Костенко, 1986); 14 - Осокоровка-4/1 (по: Симоненко, 1993).

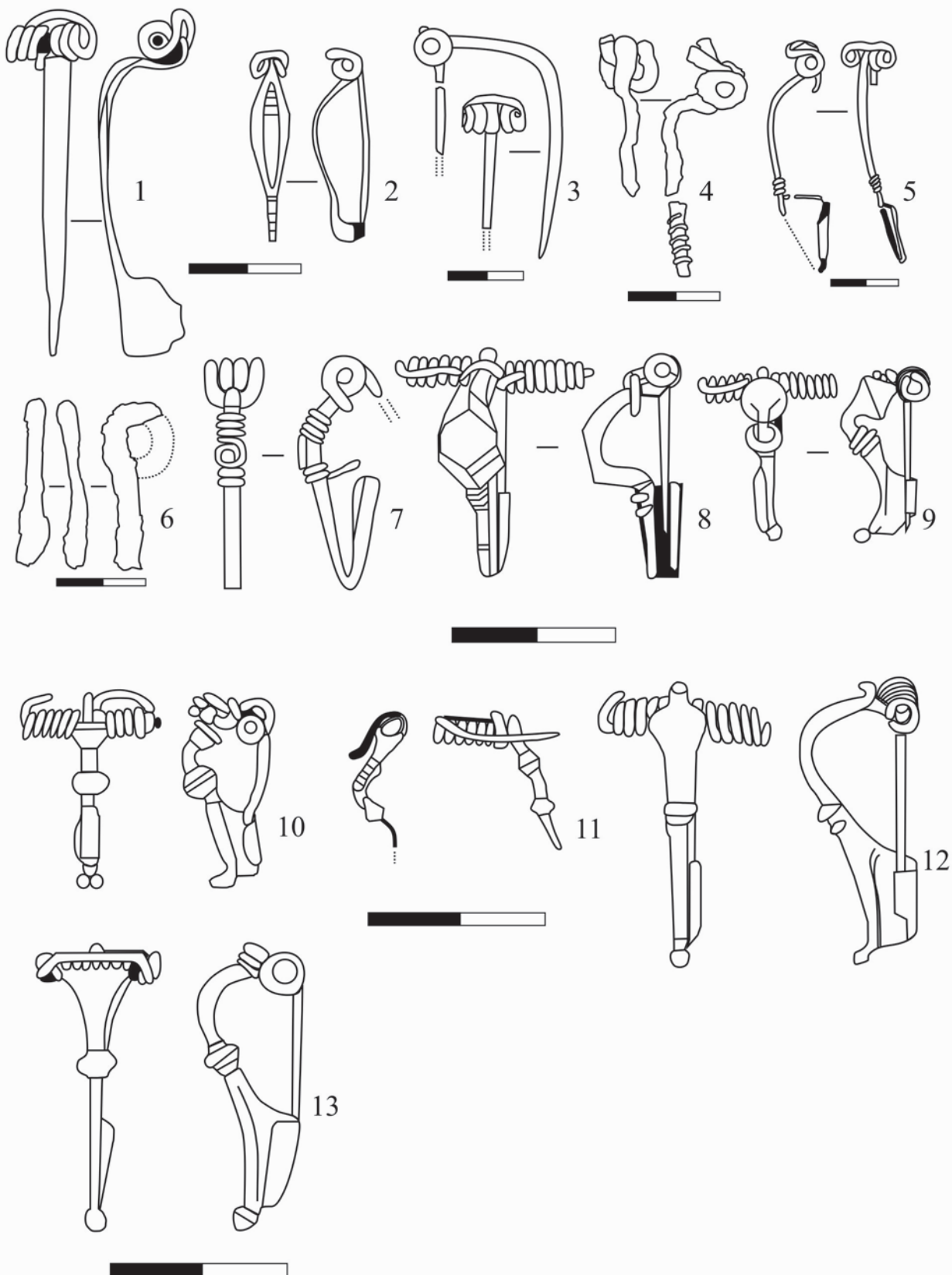

Рис. 55. Фибулы из среднесарматских впускных погребений с северной ориентировкой: 1 - Олефировка-1/9; 2 - Подовое-6/1 (оба по: Кропотов, 2010); 3 - Балтазаровка-3/2; 4 - Водославка-8/3; 5 - Вольная Дружина-5/9; 6 - Широкая Балка-3/1; 7 - Владимировка-7/1 (все по: Симоненко, 1993); 8, 9 - Пороги-2/1; 10 - Семеновка-10/1; 11 - Чугуно-Крепинка-2/1; 12 - Пороги-2/2; 13 - Гордиевка-29/2 (все по: Симоненко, 2004).

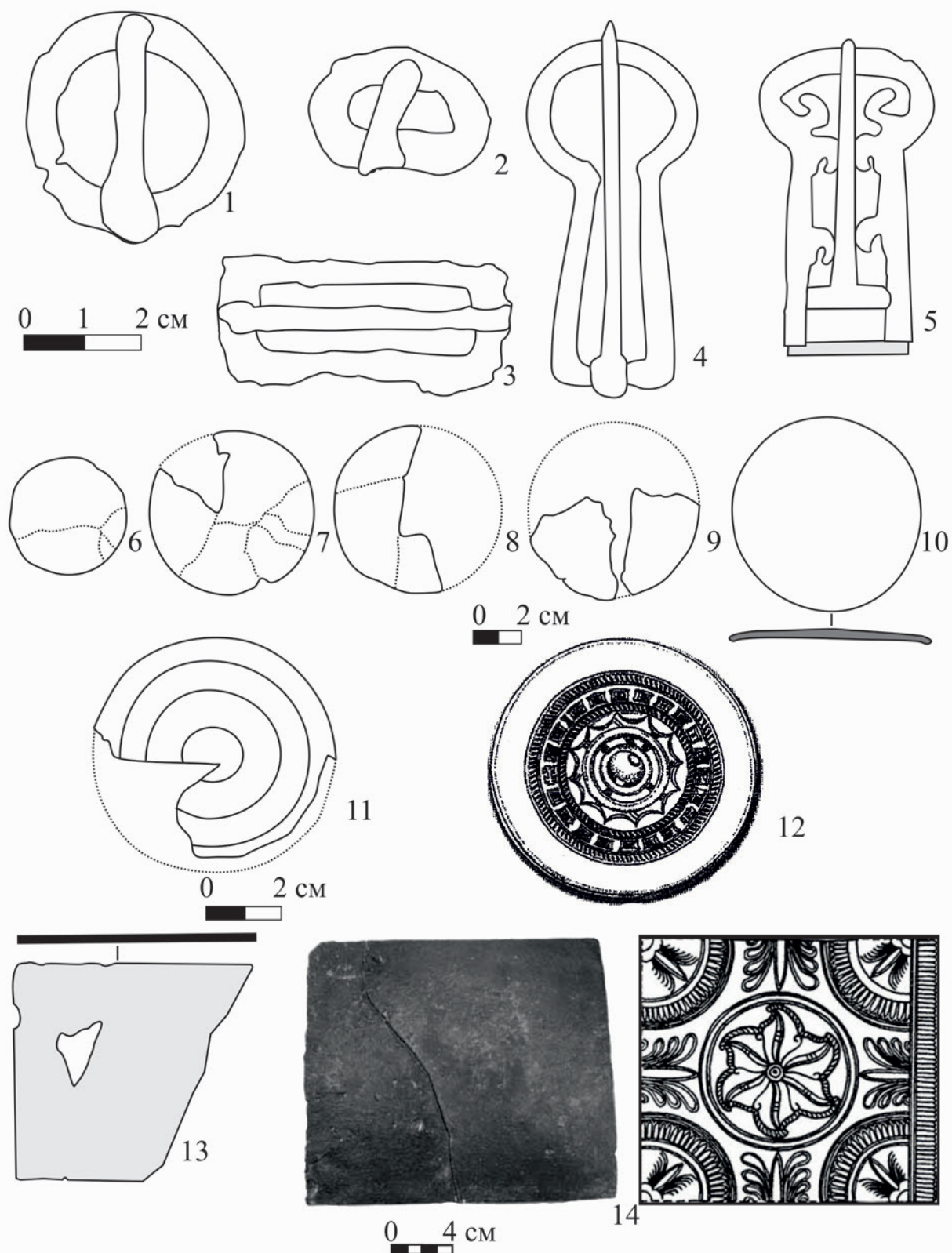

Рис. 56. Инвентарь из среднесарматских впускных погребений с северной ориентировкой. Пряжки: 1 - Новое-3/3; 2 - Скадовск-1/11; 3 - Балки-1/4 (все по: Симоненко, 1993); 4 - Актово-7/2; 5 - Весняное-1/1 (обе по: Симоненко, 2013). Зеркала: 6 - Архангельская Слобода-4/8; 7 - Новогригорьевка-1/9; 8 - Скадовск-7/1 (все по: Симоненко, 1993); 9 - Славянск-28/4 (по: Костенко, 1986); 10 - Николаевка-3/1 (по: Марина, Ромашко, 1999); 11 - Афанасьевка, к. 3; 12 - Чугуно-Крепинка-2/1; 13 - Гордиевка-29/2; 14 - Михайловка-3/3 (все по: Симоненко, 2013).

Рис. 57. Украшения из среднесарматских впускных погребений с северной ориентировкой: Серьги: 1 - Райгород и Писаревка; 2 - Гордиевка-29/2; 3 - Пороги-2/2 (все по : <http://vinnytsia-museum.in.ua/gallery/sarmatians?page=2>). Ожерелья: 4 - Михайловка-3/3; 5 - Чугуно-Крепинка-2/1. Подвеска: 6 - Липовец. Маски: 7 - Чугуно-Крепинка-2/1; Колокольчики: 8 - Гордиевка-29/2; 9 - Липовец (все по: Симоненко, 2013).

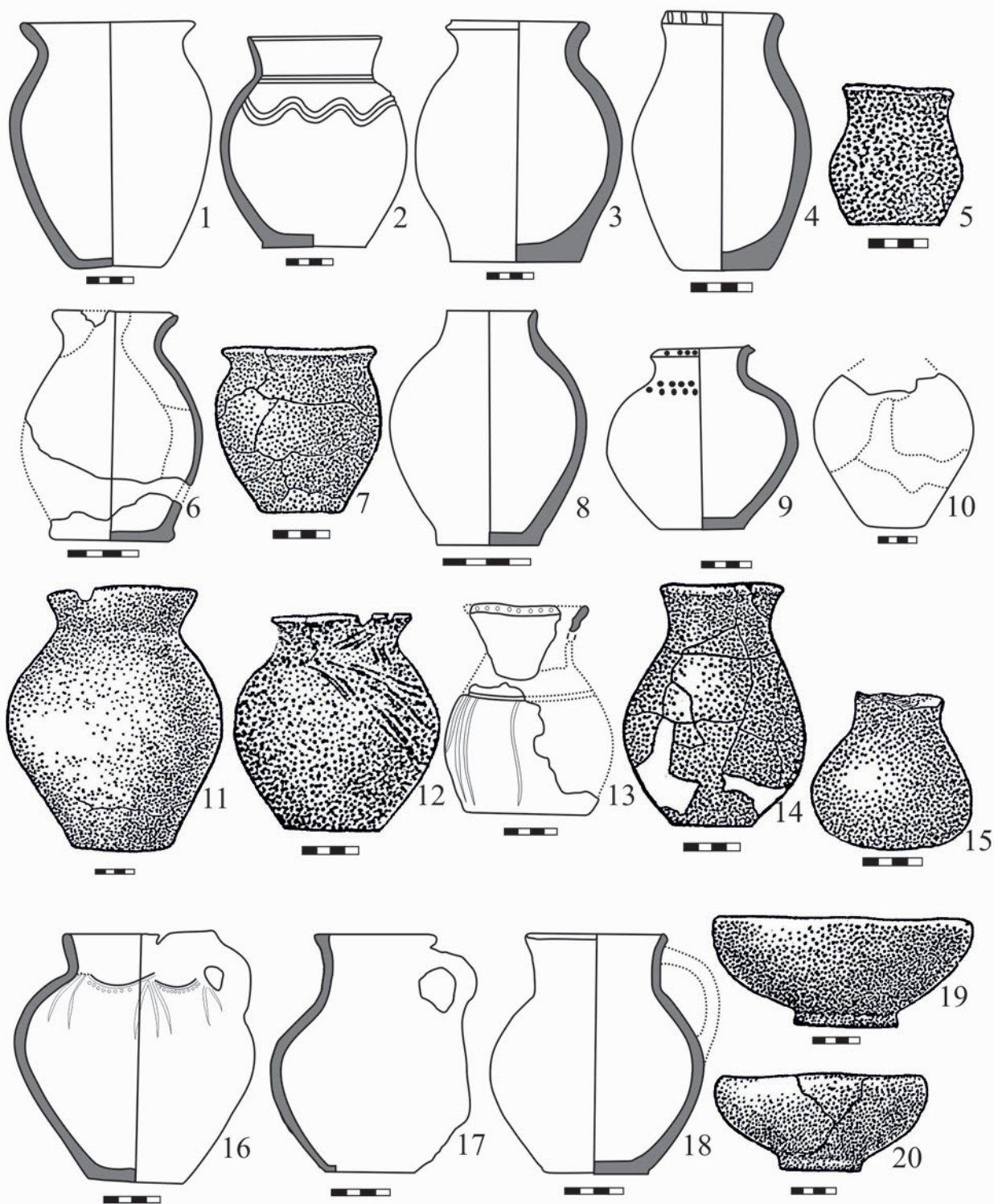

Рис. 58. Лепная посуда из среднесарматских впускных погребений с северной ориентировкой: 1 - Верхний Карабут, п. 1; 2 - Сасовка-3/2 (оба по: Медведев, 2008); 3 - Колпаковка-III-4/3; 4 - Маевка-XII-2/8 (оба по: Костенко, 1983); 5 - Великая Знаменка-7/1; 6 - Археологическая Слобода - 4/1; 7 - Волчанск-7/1 (оба по: Симоненко, 1993); 8 - Плавни-11/6 (по: Гудкова, Фокеев, 1984); 9 - Красное-6/10; 10 - Скадовск-1/11; 11 - Водославка-8/3; 12 - Садово-2/1; 13 - Балтазаровка-3/2; 14 - Волчанск-5/16; 15 - Орловка-1/1; 16 - Черноморское-1/7; 17 - Балтазаровка-3/2; 18 - Красный Перекоп-1/1; 19 - Громовка-1/3; 20 - Новогригорьевка-1/9 (все по: Симоненко, 1993).

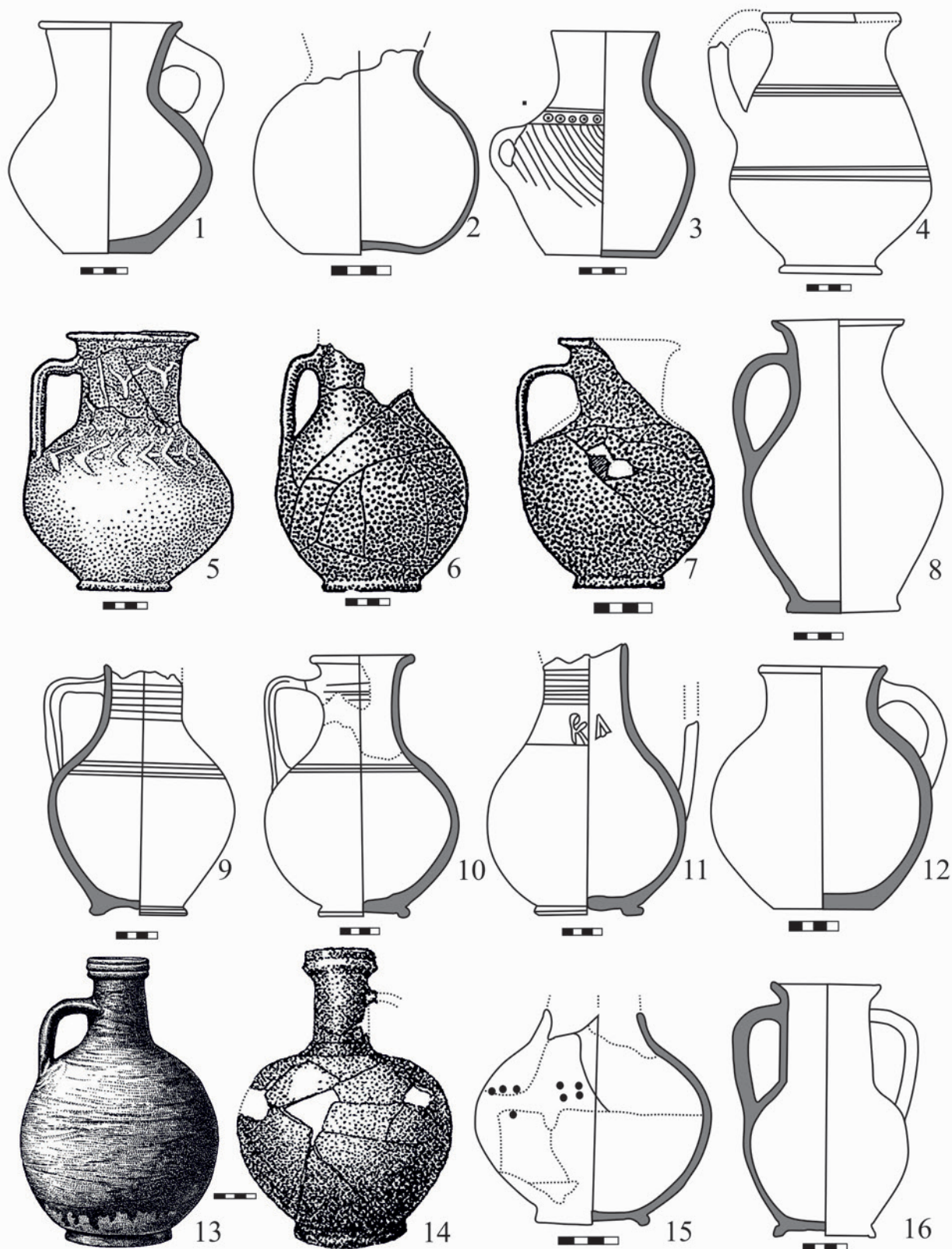

Рис. 59. Гончарная посуда из среднесарматских впускных погребений с северной ориентировкой: 1 - Гупаловка-ХІІІ-3/3 (по: Костенко, 1983); 2 - Балки-1/4; 3 - Скадовск-7/2; 4 - Вольная Дружина-5/9; 5 - Подовое-6/1; 6 - Новое-3/3; 7 - Великая Знаменка-7/1; 8 - Каирка-1/2 (все по: Симоненко, 1993); 9 - Славянск-28/2; 10 - Славянск-28/6; 11 - Лычково-ІІІ-5/2; 12 - Прядовка-VІІ-4/5 (по: Костенко, 1983); 13 - Пороги-2/2 (по: Симоненко, Лобай, 1991); 14 - Чугуно-Крепинка-2/1 (по: Симоненко, 2004); 15 - Семеновка-1/5 (по: Симоненко, 1993); 16 - Осокоровка-4/1 (по: Симоненко, 1991).

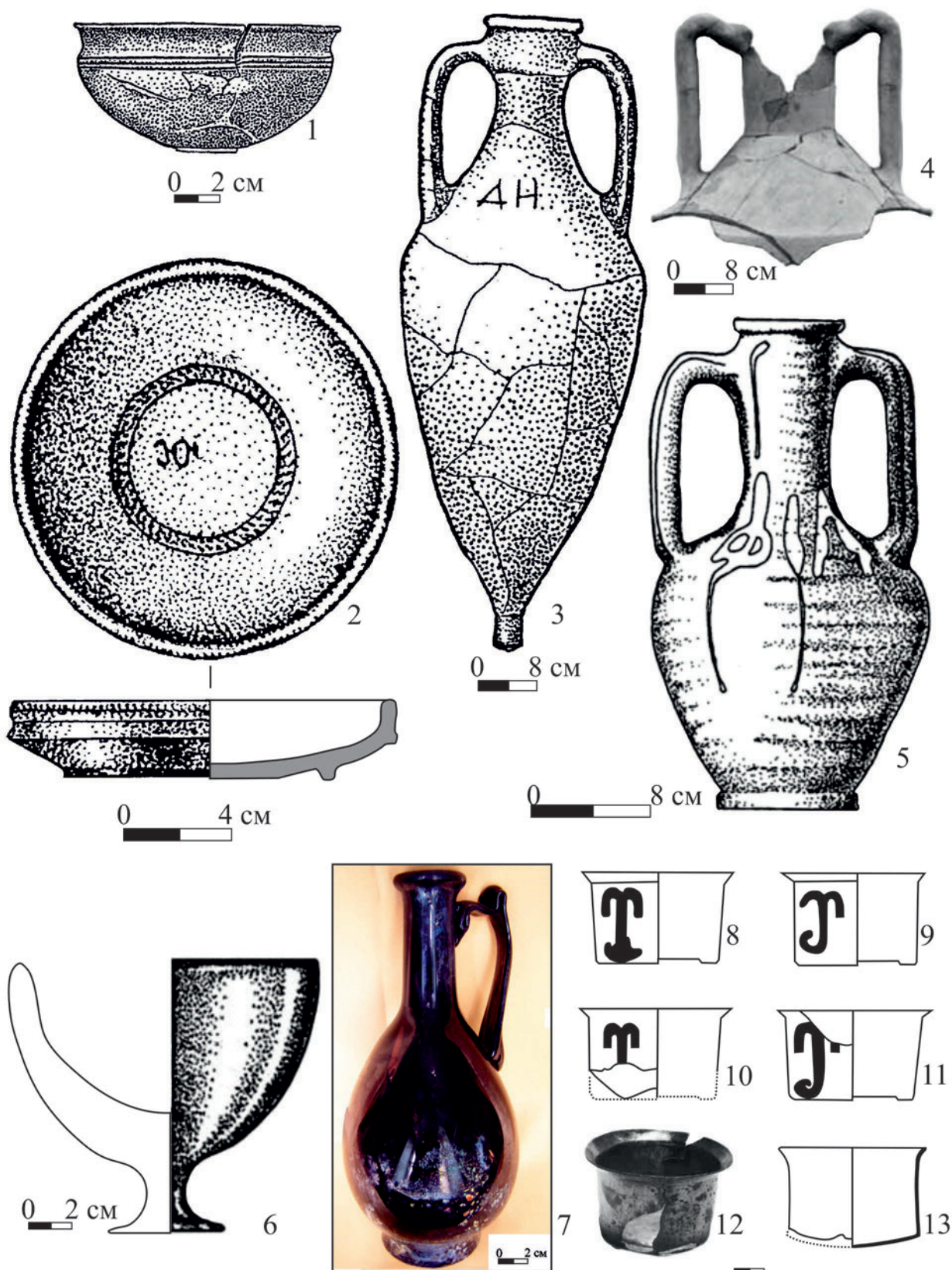

Рис. 60. Посуда из среднесарматских впускных погребений с северной ориентировкой. Керамика: 1 - Новогригорьевка-1/9 (по: Симоненко, 1993); 2 - Баштечки-19/5; 3, 4 - Скадовск-2/11; 5 - Каменка-29/7; Стекло: 6, 7 - Михайловка-3/3; Серебро: 8-12 - Чугуно-Крепинка-2/1; 13 - Актово-1/10 (все по: Симоненко, 2011).

Рис. 61. Металлическая посуда из среднесарматских впускных погребений с северной ориентировкой: 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9 - Чугуно-Крепинка-2/1; 4, 7 - Павловка-1/1; 10 - Баштетки-19/5 (все по: Симоненко, 2011).

Рис. 62. Комплекс погребения у с. Пороги (2/1): 1 - погребение 1; 2 - все золотые и серебряные изделия из порожских погребений; 3 - серебряный кубок; 4 - реконструкция ножен; 5 - наконечники стрел (все по: Симоненко, Лобай, 1991; Золото, конь и человек, 2012).

1

2

3

Рис. 63. Комплекс погребения у с. Пороги (2/1): 1 - браслет; 2 - гривна; 3 - меч в ножнах с золотыми обкладками; 4 - амфоры (все по: Симоненко, Лобай, 1991; Симоненко, 2010; Симоненко, 2011; Золото, конь и человек, 2012; сайт: <http://vinnytsia-museum.in.ua/gallery/sarmatians>).

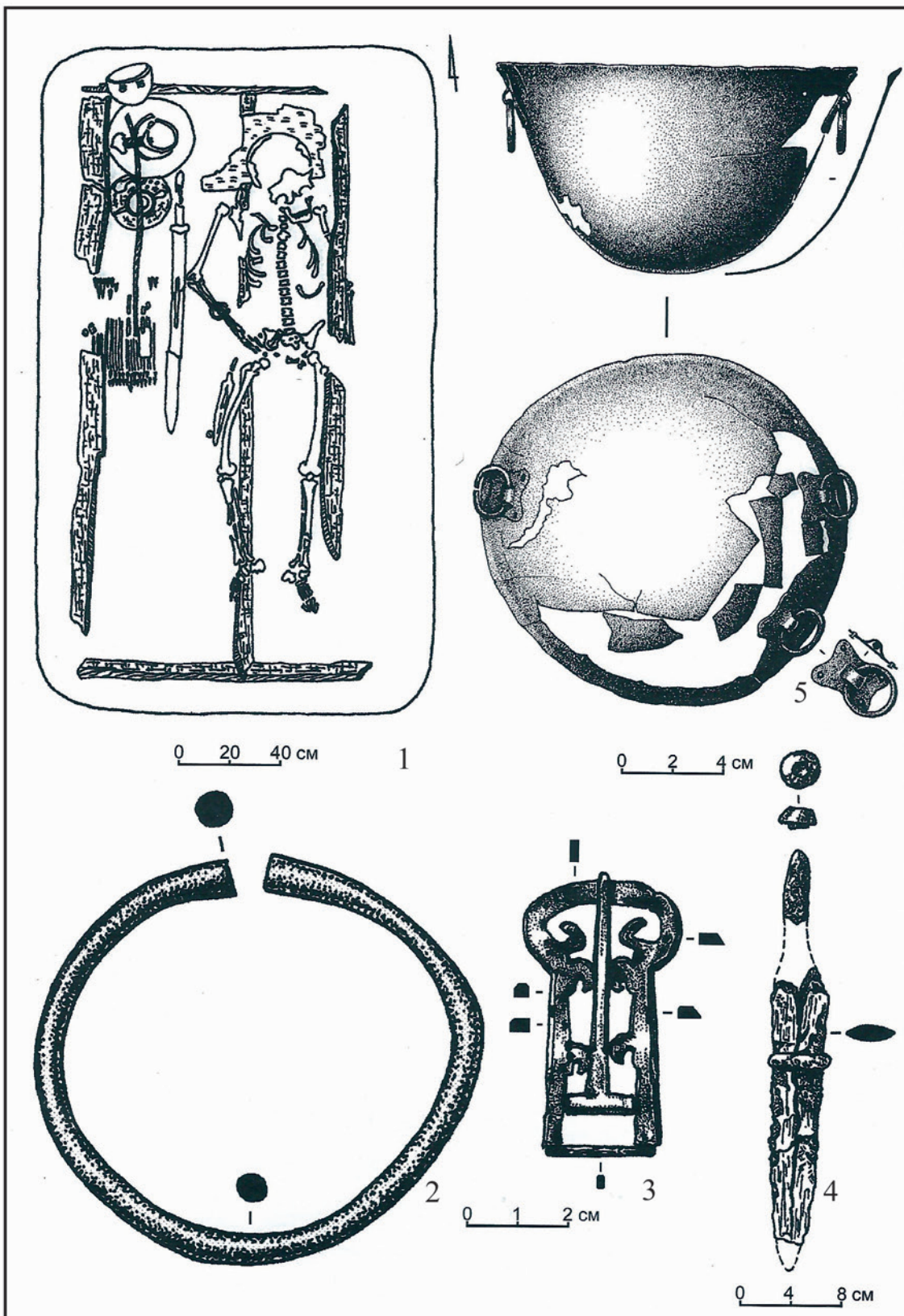

Рис. 64. Комплекс погребения у с. Весняное: 1 - план могилы; 2 - золотой браслет; 3 - серебряная пряжка с золотой плакировкой; 4 - железный кинжал; 5 - серебряная чаша-фалар (все по: Золото, конь и человек, 2012).

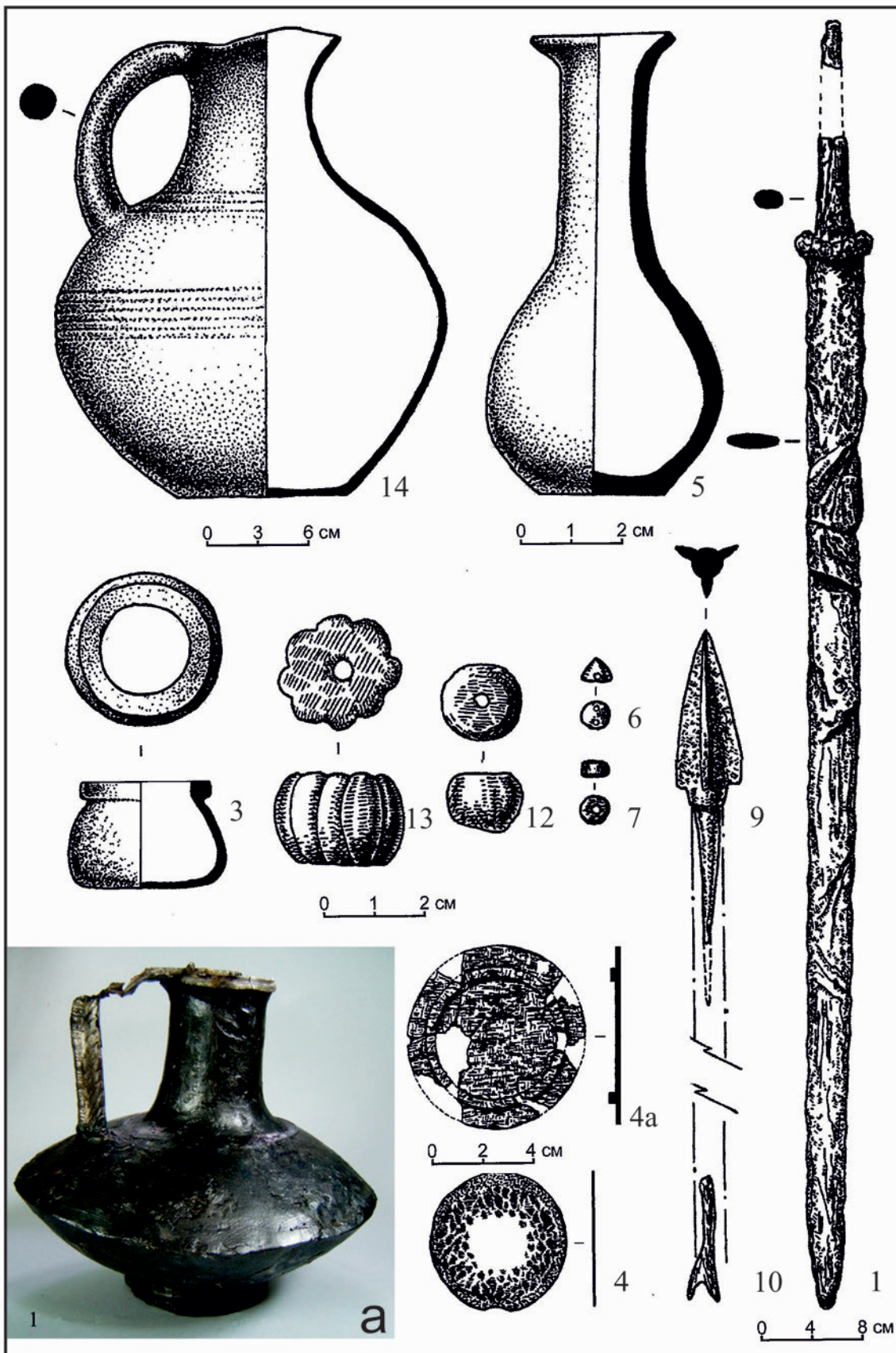

Рис. 65. Комплекс погребения у с. Весняное. Прорисовки: 1 - железный меч; 3 - серебряная пиксида; 4 - бронзовое зеркало; 4а - деревянный футляр зеркала; 5 - керамический бальзамарий; 6, 7 - бронзовые бляшки; 9 - железный наконечник стрелы; 10 - деревянное яблочко для тетивы; 12, 13 - бусины; 14 - серолощенный кувшин (все по: Золото, конь и человек, 2012). Фото: а - лагинос (по: Симоненко, 2014).

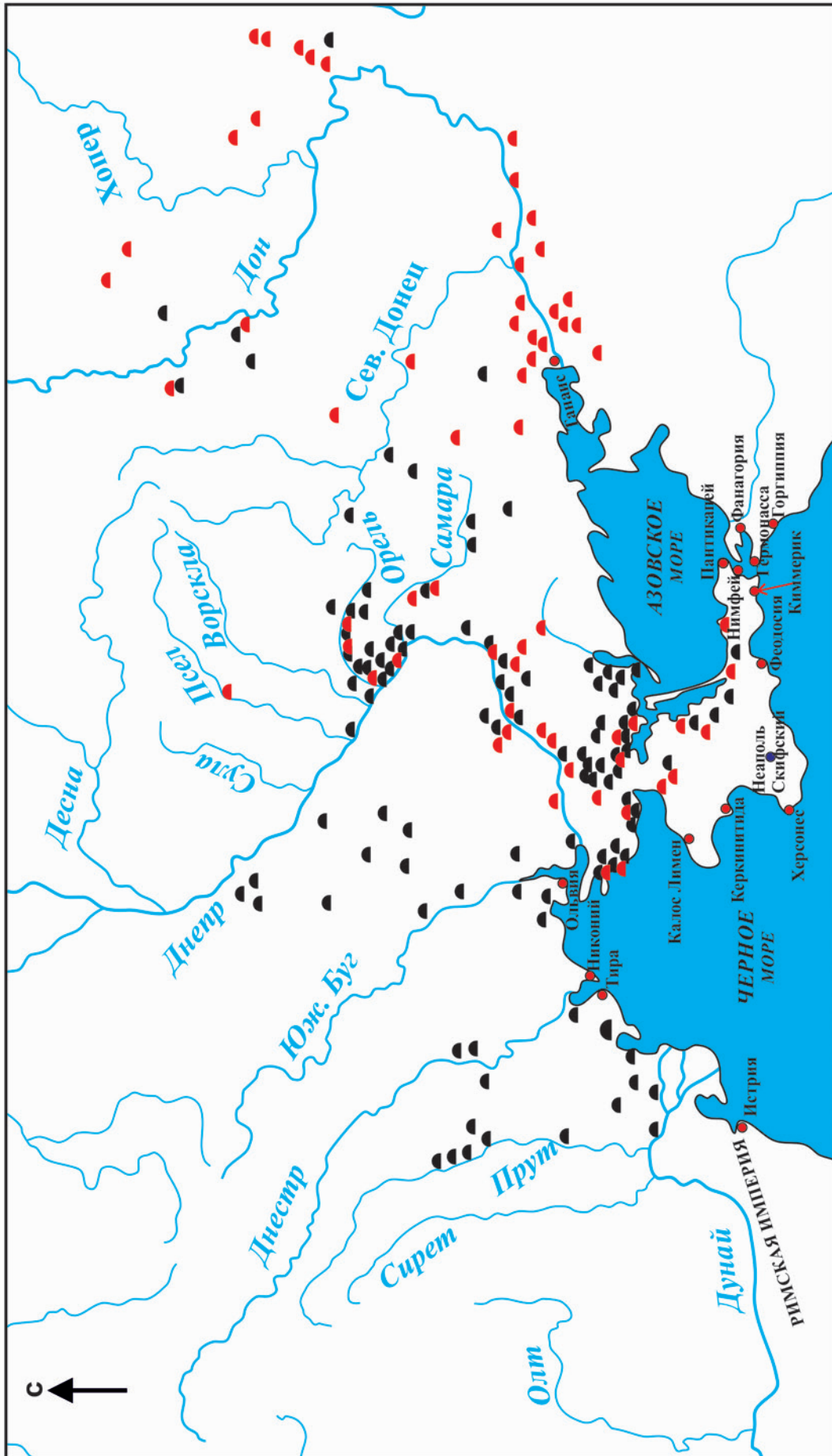

Рис. 66. Погребения роксолан II в. до н. э. - первой половины II в. н. э. в Северном Причерноморье.

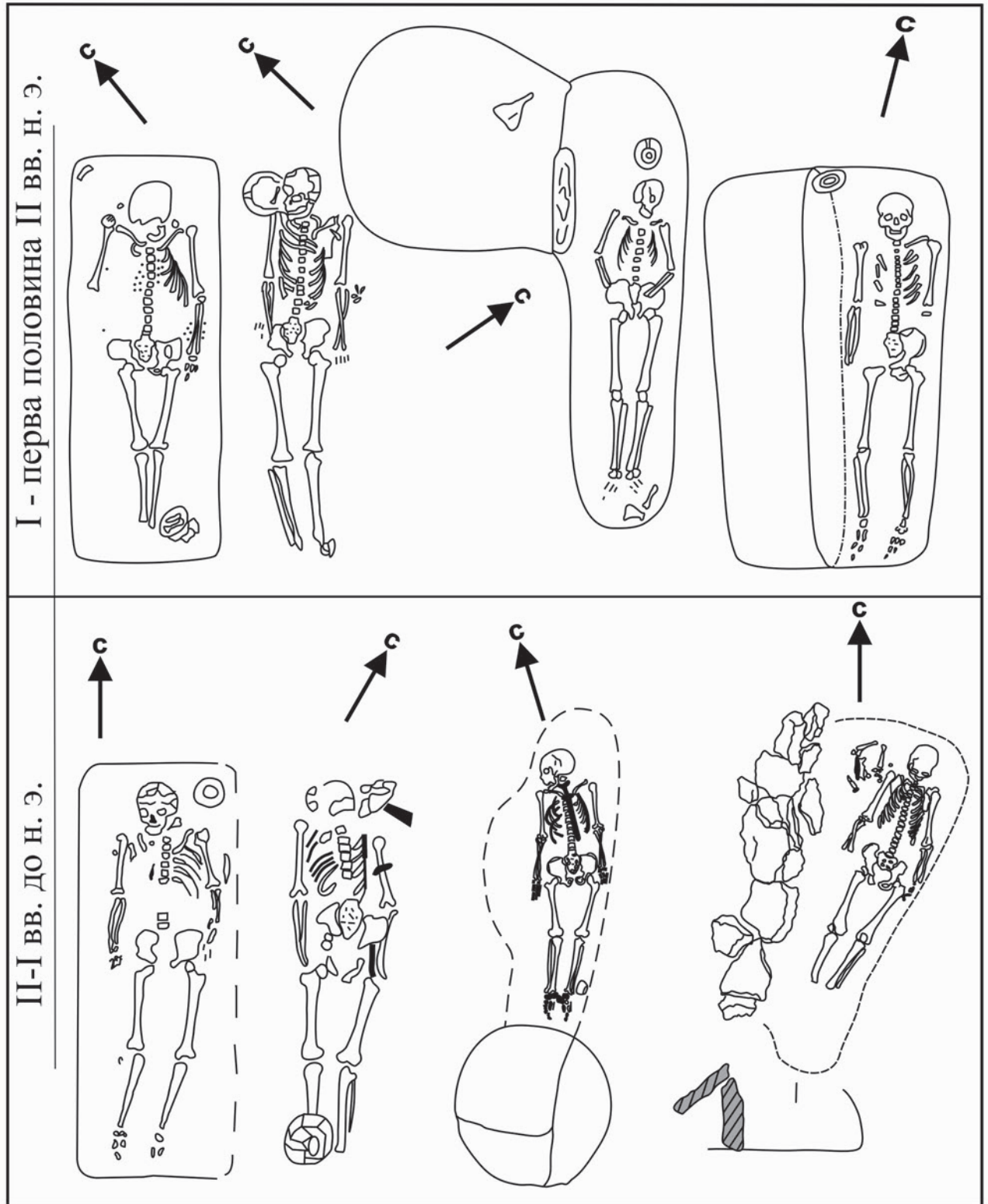

Рис. 67. Погребальный обряд роксолан во II в. до н. э. - перв. пол. II в. н. э.

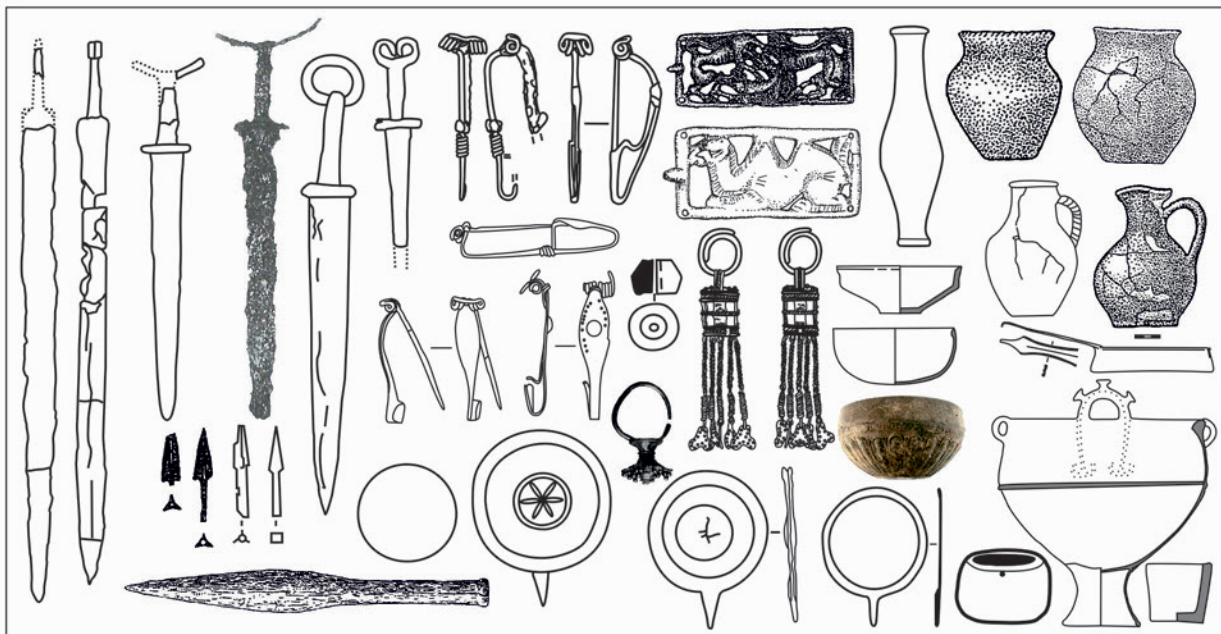
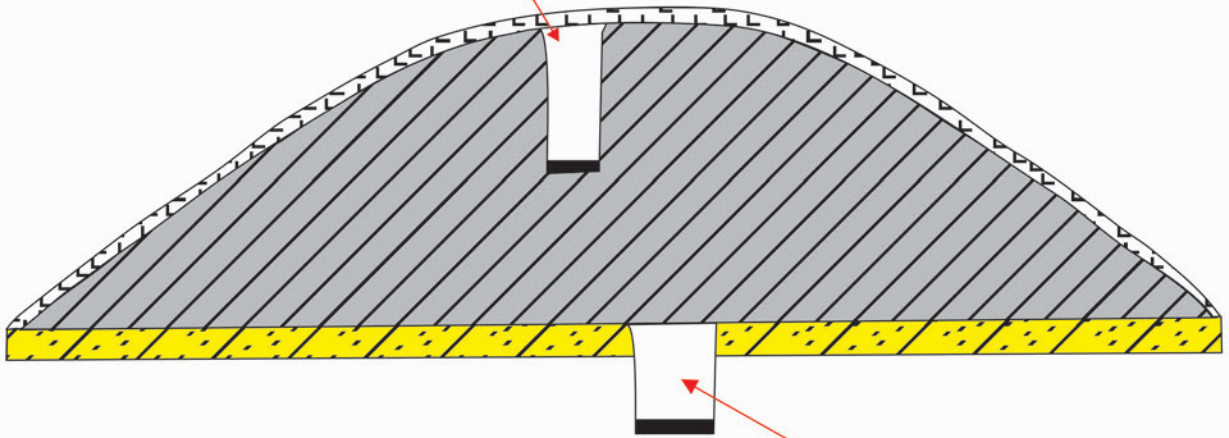

Рис. 68. Сопутствующий инвентарь из погребений роксолан II - I вв. до н. э.

Рис. 69. Сопутствующий инвентарь из погребений роксолан I - перв. пол. II вв. н. э.

Сарматское впускное погребение

Основное погребение эпохи бронзы

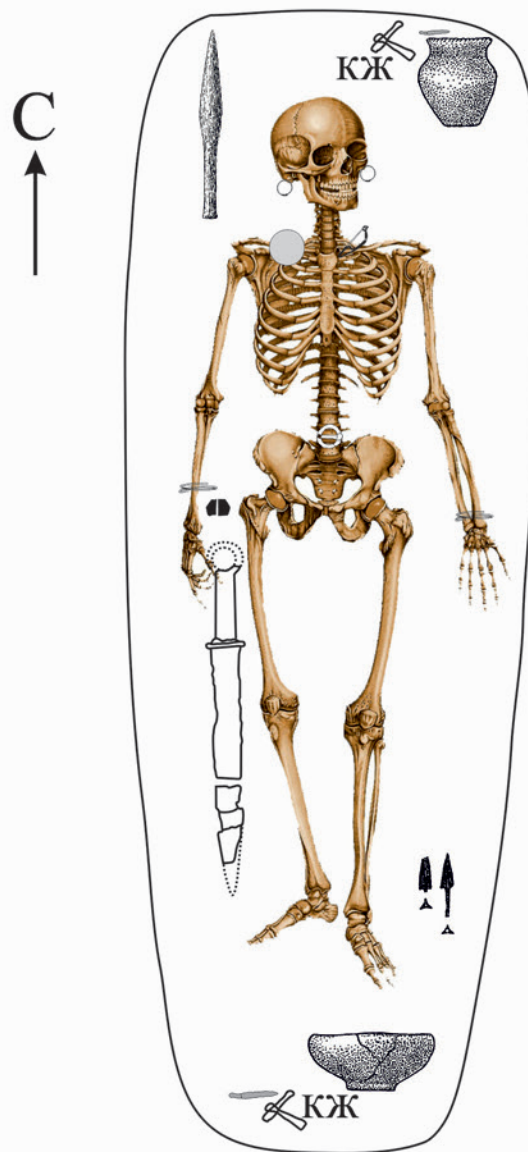

Рис. 70. Схема основных признаков погребального обряда роксолан во II в. до н. э. - первой половине II в. н. э. с указанием местонахождения основных категорий инвентаря.